



Аня Сокол

Воровка чар.
Нечисть, нежить, нелюдь

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Если тебя объявили преступницей, самое время бежать. Особенно когда знаешь, что правосудие не очень-то и право. Сбежать, найти самый глухой угол и спрятаться.

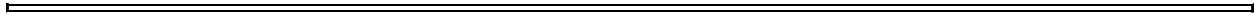
Разве я виновата, что в этом дремучем селе кто-то вызвал демона?

Разве могла знать, что за околицей рассадник нежити?

Разве могла предположить, что чернокнижник, которым пугают маленьких детей, решит поцеловать меня, а затем убить? Надеюсь, не потому, что плохо целуюсь.

- [Аня Сокол](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)



Аня Сокол
НЕЧИСТЬ, НЕЖИТЬ, НЕЛЮДЬ



Глава 1

БЕГЛЕЦЫ

Однажды я «украла» силу мага. И меня казнили...

Нет, это совсем неправильное начало истории.

Правильнее начать так: «Жила-была Айка Озерная, была она бела как снег и помыслами чиста...»

Опять мимо, особенно с чистотой помыслов.

Тогда лучше так: «Много чудищ невиданных ходит по дорогам тарийским: чаровники, что убивают, не глядя на возраст и заслуги перед отечеством; водянки,^[1] что шепчут непонятные слова над зеркальной гладью рек; вирийские чернокнижники, что поедают маленьких детей на завтрак, а возможно, на обед и на ужин; а уж о безыскусной нечисти и нежити я вообще молчу, пока голову не откусили...»

Нет, так слишком длинно. Как же начать? Расскажу как есть.

Эта история началась в день моей казни, одним теплым осенним вечером, когда добропорядочные граждане Велижа поднимали кружки хмельного эля, желая всяческих бед воровке чар, что еще недавно, нарядившись в рубище по случаю торжественного события, стояла на эшафоте. Магический город гудел от пьяных песен, смакуя свершившуюся казнь.

Но по капризу богов воровка чар не умерла. Я выжила, что очень не понравилось магам-палачам. Они привыкли делать свою работу на совесть.

Дождаться, пока чаровники придумают новую кару, было не с руки, и я сбежала в компании... так и хочется сказать: народных героев, безвинно томившихся в остроге. Но нет, скорее, в компании закоренелых преступников. Я сбежала с тем самым «обкраденным» мною учеником мага, со страшным чернокнижником и с деревенским стрелком, который хоть и обзавелся арбалетом, но так и не научился стрелять.

Сбежала через северо-восточные ворота, очень боясь, что наши планы раскрыли и тяжелые, укрепленные магическими заклинаниями створки захлопнутся перед самым носом, но...

Из ворот нас выпустили. Хмельные стражники даже не поинтересовались, кто мы и куда нас демоны понесли.

Город давно скрылся за холмами, а мы все не снижали темпа, летели сквозь рощи, заросли кустарников, петляли между оврагами — до самого

вечера, пока лошади не захрипели, мышцы едва не сводило судорогой, а пальцы, сжимавшие поводья, отказывались шевелиться; пока чернокнижник Вит, задающий направление, не указал рукой на опушку леса.

Собирались в спешке, никто не подумал о припасах, только о железе и лошадях. От предыдущего путешествия в сумках осталось немного крупы и кореньев. Хорошо хоть торбу с травами и настойками забрали вместе с железками. Я лишилась запасной одежды и денег, Вит был полностью безоружен. Хотя с этим наверняка можно поспорить, чернокнижники любят преподносить сюрпризы.

Мы ели в тишине, загребая из котелка кашу, сваренную из остатков крупы, и никто не решался заговорить первым. Наверное, потому, что с этого момента никто из умных старших уже не мог указать путь. Сейчас все придется решать нам. Самим! И отвечать — тоже. Сначала за меня решала бабушка, потом маги, потом суд и палачи. А теперь предстояло научиться делать это самой.

Стоило ли преодолевать столько препятствий на пути в Велиж, чтобы покидать его вот так — бежать, поскольку тебя считают едва ли не большей преступницей, чем раньше?

— Куда едем дальше? — первым не выдержал Рион, тот самый «невиннообкраденный» ученик мага, из-за которого мне пришлось стоять на эшафоте.

— Разве не в княжество чернокнижников? — удивился стрелок Михей, выскребая котелок. — Раз говорят, что там точно не найдут...

— Я бы поостерегся слепо верить чужим словам. — Чернокнижник посмотрел на огонь и попросил: — Рион, дай карту.

Парень скривился, но огрызаться не стал, быстро расстелил на земле исчерканный лоскут кожи.

— Вот здесь граница ближе всего, — указал ложкой Михей.

— Она везде близко, — отмахнулся чернокнижник. — Айку начнут искать и, когда выяснится, что я бежал с вами, дальнейший путь просчитают без труда. На границе нас будут ждать.

— Давайте сначала решим, сколько нас? И кто именно с кем едет? — проговорила я. — У Айки, может быть, есть свое мнение.

— Слушаю тебя, — серьезно сказал Вит.

— Неподалеку от Солодков как-то ловили Перка-душегуба, — задумчиво начала я. — Не помню, скольких мужик порешил, но мотало его от Верхних Холмов до Малого Поймища.

— Поймали? — с интересом спросил Михей.

— Собаками затравили.

— К чему ты все это рассказываешь? — поинтересовался Рион.

— К тому, — ответил вместо меня вириец-чернокнижник, — что нас, скорее всего, поймают.

— И что, можно никуда не ходить? — разозлился ученик мага.

— Я сказал — «скорее всего», а не «обязательно», — поправил его Вит. — Все будет зависеть от того, насколько им нужна Айка.

— Это если верить внезапно восплававшему чувством вины и решившему помочь ей с побегом чаровнику, — кивнул Рион и спросил: — А мы верим?

— Не знаю, но проверять как-то не тянет. — Я поежилась и добавила: — Давайте представим, что верим. Так вот, когда...

— Если... — перебил Вит.

— Если нас поймают, то вам, — я посмотрела сначала на ученика мага, потом на деревенского рыбака Михея, — не удастся убедить чаровников, что просто мимо проходили.

— С каких это пор ты думаешь о ком-то, кроме себя? — хмыкнул Рион. — Или тебя так перекроило после эшафота?

— Я думаю о себе. Одной уйти куда проще, чем в компании с недомагом, недострелком и недо...

Вит поднял брови, и я не стала договаривать.

— Хорошая она у вас, — улыбнулся вириец, но тут же стал серьезным и добавил: — Она права. Я-то в любом случае для тарийцев ярмарочный уродец, причем опасный, потомок дасу,^[2] а у вас еще есть шанс остаться людьми.

— Правильно говоришь, — кивнул Михей и вопреки всему добавил: — Поэтому я еду с Айкой.

— Зачем? — Я отложила ложку, которую вертела в руках.

— Что? — не понял стрелок.

— Зачем ты едешь с Айкой? То есть со мной?

— А чего мне дома делать? Смех за собственной спиной слушать? Рыбу ловить? Так батя вместе с лодкой утоп. И сетями. Да ну, — он махнул рукой. — И...

— И замуж за тебя никто не пойдет, — закончил Рион. — Все это мы уже слышали. Вот сгинешь, так сразу невестами обзаведешься на том свете.

— А сам? — посмотрел на него Вит. — Не хочешь отправиться на поиски учителя?

— Я тоже с вами. — Рион не отвел взгляда. — Прослежу, чтобы ты

Айку своим чернокнижникам не сдал. На опыты.

— Так, — мужчина хохотнул, — обоих сдам, еще и орден получу от верховного некроманта.

— Ну хоть кому-то прибыльок. — Я потянулась. — Итак, куда едем?

— Предлагаю направиться вот сюда. — Вириец склонился над картой и коснулся пальцем ничем не примечательного места.

— Север Тарии необитаем, граничит с Озерным краем. Кто в здравом уме туда сунется? — возмутился Рион.

— Вот именно, — кивнула я. — Никто. Они же не знают, что у нас об уме и речи нет, а уж о здравом — тем более.

— Думаю, на деле сведения о пустынности этих мест сильно преувеличены. Готов поклясться — деревушек и хуторов там не меньше, чем на юге. Люди живут везде. — Чернокнижник оглядел нашу компанию.

Его лицо, освещаемое бликами костра, вдруг показалось мне слишком грубым. Нос, скулы, запавшие глаза, бледная кожа и грязные волосы. Говорят, так выглядят дасу, когда принимают человеческое обличье. Ну и еще у них огонь выходит из глаз, из ушей, изо рта.

— Мне все равно, — сказал Михей, — на север так на север.

— Я согласна.

Мы посмотрели на Риона.

— Давай, чаровник, — поддел Вит. — Айкину родню навестим. Когда еще представится случай.

— Там не может быть хуже, чем в Вирийском княжестве, — согласился наконец чаровник. — На север.

Следующим утром мы двинулись в северном направлении. Проезжих дорог избегали, пробирались узкими стежками и перелесками. Кроме Облачка и деревенского мерина у нас были две длинногривые тонконогие лошадки рыжеватой масти. Интересно, на сколько динов^[3] мы разорили магов? Надеюсь, на много.

Поля, холмы, редколесье сменяли друг друга. Этот край впрямь не пользовался в народе любовью, селения встречались лишь изредка, но мы старались объезжать их по широкой дуге. Иногда вслед лаяли собаки, иногда выли волки. И то и другое настораживало, но погони, если таковая и была, мы пока не замечали.

Михею с третьей попытки удалось подстрелить зайца. Кто больше удивился этому, мы, стрелок или покойный косой, сказать трудно.

К полудню третьего дня задававший направление Вит натянул поводья, заставив лошадь перейти с рыси на неторопливую иноходь, а потом и вовсе остановился. Облачко тихонько заржала.

— Дымом пахнет, — проговорил черно книжник. — Впереди селение. Возможно, мы слишком долго убегали, оглядываясь через каждый вар, [4] а может, дело в том, что нас никто не торопился догонять, но Михей неожиданно прогудел:

— Я бы припасов купил. Хотя бы соли. Мы ведь уже далеко от Велижа?

— А я бы дорогу спросил, — согласился Рион. — Заведет нас черно книжник к дасу в пасть, потом не выберемся.

— Вы и так не выберетесь. — Вит взгляделся в зеленые кроны.

— Почему нет дороги? — спросила я, отводя норовившую задеть лицо ветку. — Село есть, а дороги к нему нет?

Ответили мне стрелой. Она вылетела из переплетения ветвей и воткнулась в землю в пальце от копыта Облачка. Лошадь затрясла головой, совершенно не радуясь такому подарку.

Вит в мгновение ока спешил, щелкнула тетива заряжаемого стрелком арбалета, Рион вполголоса выругался. Я слезла с Облачка и погладила кобылу по морде, стараясь успокоить. Вторая стрела попала в кусты правее и, жизнерадостно прошуршав среди листвы, упала на усыпанную листьями землю. Вириец поднял ее. Грубо сработанное древко, кривоватое, явная самоделка — наконечник, и тот слетел.

Осваивать военное искусство тут начали явно недавно. С чего бы? Места вроде тихие.

Рион раздвинул ветки, выглянул на просеку. Село больше походило на военный пост или гарнизон. Дома были обнесены сплошным частоколом, из-за которого виднелись только крыши. Судя по не успевшему потемнеть дереву, укрепление вокруг селения возвели совсем недавно.

Вит был прав. Пахло дымом, где-то печально мычала корова.

— Ну, чего стоишь? — буркнул Рион, глядя на вирийца. Парню, как и кобыле, очень не понравилась воткнувшаяся в землю стрела. — Давай покажи, в чем сила черно книжников?

— Чего изволите? — Вит сделал вид, что закатывает рукава заимствованной у Тамита рубахи. — Спалить всех к дасу? Или вывернуть наизнанку?

— Тьфу, — сплюнул ученик мага.

— Конечно, ты — «тьфу», а я пачкаться должен. Сам и покажи удаль чаровническую, тогда живо ворота откроют. Или думаешь, я не знаю, что ты по горло полон силы? — Мужчина посмотрел на парня, который инстинктивно схватился за кристалл на шее. — Теперь это всего лишь побрякушка, ты уже перелил все в резерв. Правильно сделал, только не

строй из себя беспомощного, а то я, того гляди, поверю.

Еще одна стрела, прервав спор, попыталась воткнуться в ствол дерева между мужчинами, но стрелок не рассчитал, и она упала, оставив наконечник в коре.

— Кто такие? Чего надо? — закричали из-за ограждения.

— Путешествуем. Сами из Гардрика. Просим пристанища, — закричал в ответ Вит, разглядывая частокол.

Михей тоже пытался разглядеть стрелявших, только поверх прицела арбалета. Но понять, кто с нами говорит, с такого расстояния было невозможно.

— Путье-шест-ву-ете? — по слогам проговорил гостеприимный хозяин. — Вот и шествуйте себе дальше. Тепло, чай, не околете. Разъездились всякие, житья не стало. — Голос с легкой хрипотцой принадлежал мужчине, наверное, уже немолодому, но, несмотря на резкие слова, в нем слышался страх.

— Они чем-то напуганы, — словно прочитал мои мысли вириец и снова прокричал: — До ближайшего села далеко?

Ответили не сразу, видимо, совещались, как далеко и надолго нас послать. Чего они так боятся? Нас всего четверо, не штурмом же будем их брать?

— Восточнее на озере заброшенный скит. Вроде живет в нем кто-то.

— Далекo?

— Полдня верхом до прокля... — начал другой голос, помоложе.

Но его прервали:

— Пошли прочь! Иначе собак спустим! — словно подтверждая слова хозяина, где-то вдалеке твякнула шавка. Судя по всему, мелкая, такой только цыпляют гонять. Ей грустно ответила мычанием корова.

— Уходим, — скомандовал вириец.

— Мне послышалось или они говорили что-то о проклятии? — обеспокоенно спросил Михей, беря под уздцы мерина.

— Не имеет значения. — Чернокнижник повел свою кобылу мимо села, поглядывая на частокол. Дороги по-прежнему не было, лишь просека в лесу. — Мы не идем ни в какой скит.

— Но зачем же ты тогда спрашивал? — не понял Рион.

— Затем. Мало ли кто после нас сюда забредет? Деревенские — народ говорливый, — ответил чернокнижник.

— Про этих я бы такого не сказал, — загрустил стрелок.

Вириец забирал все дальше на север. Просека сузилась, нам то и дело приходилось спешиваться и проводить лошадей между стволами. Солнце

терялось в листве, еще минуту назад оно висело над правым плечом чернокнижника, а сейчас уже было за спиной. Долгое молчание тяготило, стук копыт раздражал, болезненно отдаваясь в висках. Вириец чертыхнулся и вдруг развернулся направо, резко изменив направление.

— Мы заблудились? — спросил Рион таким тоном, что сразу стало ясно: ничего другого от отродья дасу он не ожидал.

— Нет. — Вит остановился и выругался. — Нас заблудили.

— Что? — не понял Михей.

А я продолжала смотреть на золотистый диск, снова неведомым образом переместившийся нам за спины, хотя меньше минуты назад вирийец оставил его по правую руку.

Что его беспокоило? Все вроде неплохо, никаких темных ям, бурелома или таинственных зловещих знаков, какие видят герои баллад на каждом замшелом пне. Ручейки, кусты, деревья.

Может, именно это? Картинка — яркая, правильная, почти лубочная. Там, где живут люди, так не бывает. Где скошенная трава, сломанные ветки и поваленные стволы? Где следы волокуши, на которую складывали хворост? Где срубленные деревья?

— Кто знает, что такое «единый путь»? — спросил чернокнижник. Плечи его поникли, и он спокойно пошел вперед, не выбирая направления.

— Это заклинание, — с видом знатока ответил Рион. — Его накладывают, когда хотят, чтобы путники не сбились с пути. Очень сложное и затратное по силе. Проще встретить и проводить.

— Для кого-то не проще. — Вит обернулся и тоже посмотрел на солнце.

— Мы на «едином пути»? — спросила я, уже зная ответ.

— Да.

— Но кому это понадобилось в такой глуши? — фыркнул Рион. — А ты не преувеличиваешь?

— Я два раза менял направление и два раза возвращался, мы все время идем на восток, куда бы ни сворачивали.

— Леший водит, — выдвинул новую версию Михей и поводит пальцами в воздухе, делая отвращающий знак.

— Скоро узнаем, что за леший, — пообещал чернокнижник таким голосом, что я бы на месте лешего поостереглась выходить и знакомиться.

Заброшенную постройку из серого камня мы увидели издалека и несколько минут стояли, бестолково пялясь, словно сбившаяся в кучу стая полевых мышей, у которых не хватает духа пробежаться до амбара и обратно.

— Будь готов, — загадочно сказал Вит чаровнику.

— Ты ожидаешь нападения? — забеспокоился Рион.

— Нет. Я ожидаю, что вот-вот появится тот самый заброшенный скит, который нам сватали местные воители. Если повезет, не совсем развалившийся дом, самое большее — с живущим там бродягой. Возможно, он не может выбраться как раз из-за заклинания «единого пути».

— А его можно обойти? Этот «единый путь»? — уточнила я.

— Можно, — обнадежил Вит, — только надо жертву принести.

— Какую... — начал Рион, но чернокнижник поднял ладонь, призывая парня к молчанию, и тот шепотом закончил: — Жертву? Я не умею приносить жертвы.

— Это ваша общая беда. Лошадей привяжите. Идем по двое, Рион со мной, Айка с Михеем. При необходимости — защищайтесь всем, чем можете. Только друг друга не угробьте, — дал указания Вит.

И мы вышли из тени деревьев.

Глава 2

СЛУЖИТЕЛЬ КАПИЩА

Скит казался заброшенным, от большинства построек остались замшелые, раскрошившиеся от времени камни, поросшие травой, деревьями и кустами. Старые дома со сгнившими крышами и темными провалами вместо дверей и окон. Большой скит, около десятка дворов, ранее окруженных стеной, сейчас местами обвалившейся и поросшей мхом. Покинутые, забытые развалины, оставленные жестокому суду времени. Безмолвие и полумрак. И никаких следов недавнего присутствия людей.

— Рион, Михей, надо обойти скит и удостовериться, что мы одни, — скомандовал Вит. Его голос в тишине показался пронзительным и громким. Заряжавший арбалет Михей утвердительно кивнул. — Вы справа, мы с Айкой слева.

— Почему это ты с Айк... — начал чаровник и умолк, когда его слова отскочили от стен и затерялись в развалинах.

— В каждой паре по чаровнику, да и стрелок более полезен в схватке, чем девчонка, — прошептал вириец и взмахнул рукой, начиная обход.

Я не протестовала: чем меньше от тебя ждут, тем проще.

Ступая следом за чернокнижником, я то и дело ловила на себе встревоженный взгляд Риона. Они с Михеем, обходя скит с другой стороны, то появлялись, то исчезали за развалившимися строениями. Иногда из-под ног скатывался камешек, и все вздрагивали. Но кто бы ни прятался в старом заброшенном скиту, кто бы ни наложил на округу заклинание «единого пути», он оказался не особенно гостеприимным хозяином и не спешил показываться на глаза.

В полном молчании мы обошли заброшенное селение. С противоположной стороны тоже когда-то стояла стена. Там она сохранилась гораздо лучше. Круглые валуны прижимались друг к другу, образуя узкую арку.

Подошедший с противоположной стороны Рион вытянул шею, желая заглянуть за стену, и неохотно спросил:

— Туда тоже пойдем?

— Конечно, — обрадовал его Вит.

Пресекая не успевший начаться спор, стрелок перехватил арбалет и

первым нырнул в проем. Следом Вит, потом раздраженно дернувший головой чаровник. Я миновала старую арку последней.

Конечно, мы ожидали какой-нибудь гадости: заклятие и старые развалины — идеальное сочетание для всяких неприятных сюрпризов. Каждая минута тишины заставляла нас еще больше нервничать и тревожно озираться по сторонам.

Раньше здесь был сад. Наверное, красивый, с мраморными скамейками. Я посмотрела на позеленевшие от времени остатки скульптуры, в которых угадывались чьи-то ноги, не очень аккуратно отделенные от тела. Когда-то здесь стояли статуи.

Яблони одичали. Их ветви раздались в стороны. Розы с годами превратились в колючие кусты, похожие на шиповник. Я присела, разгребла траву, вырвала с корнем несколько пучков. Так и есть, под тонким слоем земли, травы и старой листвы обнаружилась мощеная дорожка.

— Айка, сюда, — позвал стрелок, и я подняла голову.

Михей стоял в сотне шагов от меня и указывал на нагромождение камней слишком правильной круглой формы.

— Мне чудится или это... — спросил он, когда я подошла ближе.

Обычные обломки, их тут всюду полно. Вот только раскиданы немного странно, по кругу. Словно здесь когда-то лежало большое блюдо, а проходивший мимо великан наступил на него, оставив после себя россыпь осколков. А еще цвет — кремевый с золотистыми прожилками мрамор, смутно знакомый не только мне, но и стрелку. Неужели это...

— Источник силы? — прошептала я.

— Он самый, — подошел к развалинам Вит.

Михей присел и провел рукой по осколкам камней.

— В Тарии был еще один Источник? — не поверил Рион. — Не может быть! Мы бы знали. — Чаровник смотрел на остов каменной чаши с ужасом и недоверием.

— Кто это мы? — усмехнулся вириец. — Чаровники? А ты уверен, что они этого не знают?

— Теплый, — удивился Михей, убрав руку с камня.

— Здесь еще осталась энергия, мало, но... — Чернокнижник подобрал крупный осколок и вдруг протянул стрелку. — Теплый, говоришь? А этот?

— Положи на место! — раздался шипящий голос.

От неожиданности я подпрыгнула. Щелкнула тетива, болт ушел в кусты, стрелок в очередной раз промахнулся. На ладонях Вита вспыхнули языки агатового пламени. Один Рион остался безучастным, он продолжал

смотреть на разрушенную чашу и даже голову не повернул.

Из-за старого дерева, на котором давно уже высохла половина ветвей, вышел невысокий кряжистый мужчина в крестьянской одежде. Странный мужчина. Я бы назвала его молодым стариком, если бы меня кто-то спрашивал. Его лицо, почти без морщин, казалось едва ли не детским, а волосы незнакомца были полностью седые. Он поднял руки, показывая, что не вооружен.

— Не думаю, что разумно что-либо уносить отсюда. Даже камни, — сказал мужчина. — Я отшельник по воле Эола^[5] и не причиню вам зла.

Михей опустил арбалет. Вит был не столь легковверен, черное пламя продолжало танцевать на его ладонях. Рион рассматривал светлые камни с таким видом, словно узрел пришествие Эола и его ближайших сподвижников.

— Что ты здесь делаешь? — напрямую спросил чернокнижник.

— Живу. И приглашаю вас разделить со мной кров и ужин. Близится ночь.

— Мы согласны, — ответил за всех Рион. Он не прикоснулся ни к оружию, ни к магии. — Давайте уйдем. Не хочу здесь находиться. — И, обращаясь к вирийцу, добавил: — Остынь, убить его всегда успеем.

Обитал молодой старик в лачуге из грубо сколоченных досок, построенной не иначе как им самим примерно в варе от скита. Честно говоря, строитель из богомола оказался так себе, жилище больше походило на сарай, в котором постеснялись бы жить даже козы.

— Смирт^[6] я здешний, Теиром кличут, — проговорил отшельник, присаживаясь на чурбак, заменявший ему стул. — Вот уж не думал магов здесь увидеть. — Служитель повесил над огнем котелок и стал раздувать угли. — Ваше племя к нам калачом не заманишь. Откуда такие смелые будете?

Я огляделась и, не найдя второго чурбака, села прямо на земляной пол. Одна комната, очаг, тряпье у дыры в стене... о, простите, постель у окна, храмовое изображение Эола в углу, воняющие жиром свечи. С потолка свисали вязанки трав и плетенки лука и чеснока, они были настолько старыми, что не проросли только по причине своей давнишней бесславной гибели.

В отличие от своего грязного нищего жилища, сам служитель выглядел хоть и бедняком, но бедняком опрятным. Одежда старенькая, но все прорехи аккуратно заштопаны, крепкие боты на ногах, волосы седые, но чистые.

Но... что-то было не так. Какая-то деталь на миг выбилась из общей картины. Я внимательно оглядела лачугу. Грязно, уныло, никаких излишеств.

Мужчина не обращал внимания на криво сложенный очаг, мало чем отличавшийся от ямы в земле, он не видел грязи на ворохе тряпок, заменявших ему постель, ему не мешали щели в стенах и протекающая крыша.

— Из Гардрика. Ездим, опыта набираемся. Я Торн, — ответил Вит и, прежде чем кто-либо успел возразить, представил остальных: — Орин, — кивок на Риона, — Мирон и Ася.

— Хорошее дело — опыт, — одобрил смирт и стал сыпать в кипяток крупу.

— Так ведь... ведь... — Рион мотнул головой. — Раньше тут был Фонтан силы?

— Наверняка, — пожал плечами Теир.

— Что произошло? Кто его разрушил? Зачем?

— О, Эол, откуда я знаю? Пять веков минуло! — рассмеялся смирт.

— А о том, что место это считается проклятым, знаете? — вкрадчиво поинтересовался Вит, разглядывая жилище отшельника с не меньшим любопытством, чем я.

Михея, переименованного в Мирона, больше интересовало содержимое котелка, к которому парень с удовольствием принохивался.

— А вы оглянитесь вокруг, — взмахнул ложкой молодой старик. — Рухнувшие дома, дикие звери, туман по утрам... Места объявляли гиблыми и за меньшее. — Он указал на угол, там на круглом камне теснились глиняные плошки. — Давайте миски.

— Сел в округе много? — спросил Вит, передавая посуду.

— Одно, дворов на пятьдесят, а хуторов да заимок без счета. — Из самой верхней плошки смирт невозмутимо вытряхнул паука и стал накладывать кашу. — Я как раз поутру в Волотки собирался, телегу обещали прислать. Помер у них кто-то, отпеть надобно. — Увидев, что вириец нахмурился, мужчина предложил: — Торн, хотите — со мной поезжайте, а нет, здесь оставайтесь, за хозяйством присмотрите.

— А как же «един...» — начала я, но, поймав взгляд Вита, замолчала. Смирт не упоминал о заклинании, не давшем нам свернуть с пути, и вириец, видимо, не хотел, чтобы я об этом спрашивала.

— Мы подумаем, — сдержанно ответил чернокнижник.

Старик пожал плечами и передал Михею тарелку с кашей.

Ночевали в лачуге. Хоть и пришлось устроиться прямо на полу, а в

качестве одеял использовать плащи, никто не изъявил желания продолжить путь на ночь глядя.

— Раньше-то здесь лепота была, — рассказывал отшельник внимательно слушавшему Виту. — Пока скит не разорили.

Я слушала отшельника вполуха, сквозь подступающий сон. Вот бы и правда завтра телега пришла, тогда часть пути можно проваляться, глядя в синее небо, а не трястись верхом. Тут я снова вспомнила о заклинании и... И ничего. Смирт о нем не знал или не хотел говорить. Хотя, возможно, он знал, как выйти из-под власти чужих чар.

Последнее, что запомнила, засыпая — как лежащий неподалеку стрелок вертел в руках осколок светлого мрамора. Все-таки взял на память.

— Пожалуйста... Во имя Эола прошу, — проскулил кто-то, вырывая из яркого беспокойного сна, в котором я бесконечно пробиралась сквозь лесные заросли. Сев, протерла глаза, стараясь что-то рассмотреть в окружающей тьме.

— Ви... Торн, — не сразу вспомнила я новое имя вирийца, — что случилось?

Никто не ответил. Я поднялась. Сквозь черную пелену проступали очертания предметов, неровные стены, погасший очаг.

— Во имя Эола, во имя Эола, во имя Эола... — исступленно бормотал чей-то голос.

Я повернулась. Глаза уже привыкли к темноте, но увиденное едва не заставило меня зажмуриться. Совсем как в детстве, когда долго смотришь на солнце, а потом пытаешься избавиться от цветных пятен в глазах.

На ворохе тряпья стоял коленопреклоненный смирт и монотонно повторял одну и ту же фразу. Но, видимо, бог сегодня был глух к взываниям своего служителя. Отшельник отвесил земной поклон, и я увидела сидевшего у стены напротив Вита. Вириец с не меньшим интересом наблюдал за ночной молитвой.

— Давно он так развлекается? — шепотом спросила я.

— Не очень, — едва слышно ответил мужчина. — Но дело не в нем. Прислушайся! — Вит одним молниеносным движением поймал в очередной раз приложившегося лбом к земле Теира и зажал тому рот, заставив отшельника замереть в странной позе.

Тишина. Завернувшись в плащ, посапывал у очага Михей. Шумно дышал, выглядывая в одну из щелей, Рион. Сжатые кулаки парня белели в темноте, словно он готовился к рукопашной. Или злился. Или боялся...

Подул, загудев досками, ветер, зашелестела листва, и на грани

слышимости я уловила тоненький издевательский смех. Так смеется ребенок, таская кошку за хвост. Злой и уверенный в своей безнаказанности ребенок. Жестоко, с ноткой превосходства. Представить бродящее ночью по заброшенному скиту веселое дитяtko упорно не получалось, а потому...

— Игоша?^[7] — предположила я.

До этого видеть то, во что превращались души убитых детей, мне не доводилось. Как-то не так я планировала восполнить пробелы в данном бабкой образовании.

Смех сменился резким отрывистым тьяканьем и визгом, от которого зачесались пятки.

— Скорей всего, — кивнул Вит. — А где уродец, там и другие притворы,^[8] и кардуши,^[9] и злыдни,^[10] и еще боги знают кто.

— Лошадей задерут, — простонал чаровник и, словно в ответ, послышалось тонкое конское ржание.

— Лошади на заднем дворе, так что первыми задерут нас, — успокоил его чернокнижник, — а потом задерут и их. Мясо есть мясо.

— Если затаимся, может, им и лошадей хватит? — только что сокрушавшийся о судьбе животных Рион посмотрел на Теира. — Насытятся и уйдут.

Отшельник дернулся, вытаращил глаза и сделал попытку вывернуться из захвата чернокнижника.

— Завоешь — шею сверну, — шепнул тот и отпустил смирта.

— Не уйдут. Там капище. Нечистое святилище! Он унес его часть! — Отшельник ткнул пальцем в спящего стрелка.

Я едва не выругалась вслух. Капище — это не просто плохо, это почти верная смерть.

— Теперь, как собаки, по следу пойдут... все равно найдут... Придут... убьют... найдут... найдут... — Смирт снова впал в оцепенение и начал повторяться.

— Выкиньте эту гадость, и дело с концом, — предложил чаровник.

— Можно, но нам это не поможет, — разочаровала я парня.

— Ты-то откуда знаешь?

Бормотание отшельника снова свелось к упоминанию Эола и земным поклонам в сторону вирийца. Я подняла глаза: прямо над чернокнижником висела картинка с божественным ликом. Эол на ней выглядел хмурым и недовольным, а может, просто показалось в полумраке.

— Знаю, — не стала вдаваться в подробности. — Эти твари, как

гончие, для них главное — запах. Всех, кто касался камня, убьют. Ну и остальных за компанию. Так что выбрасывать камень надо вместе со стрелком.

— И со мной, я его тоже трогал. — Вит поморщился.

Рион обернулся, по его лицу я поняла, что избавиться от чернокнижника он не прочь, а вот Михея жалко.

— Понятно, почему скит считают проклятым. Эй, блаженный, — позвал Рион. — Чего сразу-то не рассказал? По-человечески? Мы бы поверили...

— Потому и не сказал. — Вириец посмотрел на бьющего поклоны отшельника, — что поверили бы и на ночь здесь не остались. Чтобы сойти с «единого пути», нужна кровь, а еще лучше жертва, и уж совсем хорошо, если человеческая. А выбор у нас не так велик.

— Но мы бы никогда не тронули святого человека, — поразился ученик мага.

— Говори за себя, — прошептал Вит.

— Других способов нет? — спросила я.

— Есть. — Вириец встал, обошел коленопреклоненного смирта и аккуратно выглянул в окно. — Вернуть осколок на место до того, как нечисть обнаружит недостачу во вверенных ей развалинах. Запах им, конечно, все равно не понравится, но... если сытые — по следу не пойдут. Одна трудность. Сад сейчас кишит разными тварями, и так просто нам туда не пробраться, особенно если хотим жить долго и счастливо.

— А если бы... — Рион отвернулся от щели в стене, — если бы... — Я скривилась, понимая, до чего додумался ученик Дамира. — Говорят, народ вордов^[11] не оставляет следов. Совсем.

— Правда? — с живейшим интересом переспросила я. — Почему, как только что-то надо, я — ворд? А как пакость на другом конце села — так ведьма?

— Айка, ну зачем так? — покачал головой парень, забыв, что чернокнижник нас переименовал, да, наверное, это уже не имело значения, если только кто-то выживет и не поленится выбить имена на могильном камне. — Ты не оставляешь следов — это может стать выходом для всех. Отнесешь камень и...

— И стану первым блюдом, а за вторым нежить идти поленится, так?

— Тьфу, — сплюнул Рион и снова стал вглядываться в темноту сквозь дыру в стене.

— Айка, — позвал чернокнижник. — А если я скажу, что твоя «бесследность» может стать спасением? Для тебя.

— Скажи. — Я села на свой плащ, раздумывая, разбудить Михея сейчас, чтобы вместе с нами мучился, или проявить доброту. Эол учит великодушию, особенно на пороге вечности. Наверное, поэтому пнуть стрелка захотелось еще сильнее.

К тихому смеху в саду добавилось низкое рычание.

— Злыдни пожаловали. Веселье только начинается, — грустно прокомментировал Рион.

— Ты помнишь, откуда Михей взял камень? — спросил вириец.

Я кивнула, глядя, как только что упомянутый парень неловко завоzilся на своем плаще и приоткрыл глаза.

— И помнишь, как близко от разрушенного Фонтана стена?

Стрелок несколько раз моргнул и резко сел.

— Помню. — Я подняла взгляд на Вита.

— Ты можешь попробовать уйти. Если не сожрут сразу... — Вит многозначительно замолчал. — Если не смогут взять след...

— Слишком много «если». — Я свернула плащ.

— Что происходит? — растерянно буркнул стрелок.

— Сколько у нас времени? — спросила, натягивая куртку.

— Кто знает. — Вит пожал плечами. — Лучше считать, что его совсем нет.

Рион стал вполголоса рассказывать Михею о том, в каком месте нас угораздило заночевать и чем придется расплатиться за взятый на память камушек. Смирт продолжал молиться, его завывания были созвучны визгливому лаю и рычанию нежити.

— Может, дверь подпереть? — предложил спустя минуту Михей.

— Не-а, — не поддержала идею. — Во-первых, — я указала на подгнившие доски, — это не дверь. А во-вторых, помнишь, что говорят о притворах?

— От притворы нет затвора, — ответил Рион. — Там не только нечисть, там еще и нежить. Игоша, например, не имеет тела, он и сквозь стены пройдет.

— Так, что ты решила? — Вит едва заметно усмехнулся. Раны на его лице почти зажили. — Попробуешь спастись? И попутно спасти нас? Или ждем дорогих гостей?

— Давай осколок. — Я посмотрела на Михея.

Стрелок замотал головой.

— Сам пойду. Раз из-за меня все случилось.

— Я тоже хорош. — Чернокнижник сел у окна. — Капище не признал.

— Давайте вы потом покаетесь и сравните, у кого вина больше, —

попросила я, прислушиваясь к ночным звукам. Кажется, визгливый лай приблизился. — А то, боюсь, восторг от собственной смелости быстро пройдет, я передумаю, забьюсь вон в тот угол и начну выть вместе с нечистью и нашим гостеприимным отшельником.

— Сам пойду, — упрямо повторил стрелок.

— Толку от твоей самостоятельности, — нервно рассмеялся Рион. — Твои следы для них, как красная ковровая дорожка.

— Камень, — попросила я, чувствуя, как слабеют колени.

Называла идиотом Риона, а сама... Правда, у моего поступка было другое название. Подлость. Или даже не так. Трусливая подлость.

Стрелок нехотя отдал мне камень. Тяжелый осколок с иззубренным камнем, самый обычный, если не считать цвета и холода, шедшего от поверхности. А ведь Михей сказал, что он теплый?

Я спрятала камень за пазуху, проверила, легко ли выходит из ножен клинок. Проверила, скорее чтобы потянуть время, вряд ли эта железка спасет меня, даже если успею пару раз взмахнуть.

— Айка, — позвал Рион, когда я распахнула дверь, и пожелал: — Удачи.

Не могу описать, насколько мне полегчало от этого напутствия. Михей бубнил что-то невнятное и очень похожее на извинения.

Я вышла, ощущая спиной их взгляды. Дверь снова открылась, и еще до того как чужие руки легли на плечи, я знала, кто вышел вслед за мной в серую ночь.

— Дойди до стены, перебрось камень и беги в лес, — тихо проговорил Вит, склонившись к самому уху.

Я выдохнула. Наверное, слишком шумно, потому что именно это я и собиралась сделать.

— Нечисть все равно пойдет по следу Михея. Он касался их святилища, он забрал его часть, пусть они не умеют считать, но они...

— Чувствуют, — закончила я.

— До хижины нечисть дойдет в любом случае, а как только унюхает людей...

— А как же ты? — вырвалось у меня, хотя нужно было спросить «как же вы?». Нужно. Но я спросила другое.

— А я положу всех, кого смогу, и Рион мне в этом поможет. У Михея есть арбалет. Шанс выжить остается, и... — Его руки сжали мои плечи чуть крепче. — Этот шанс не зависит от того, будешь ты с нами или нет.

Я хотела повернуться, хотела посмотреть ему в глаза, даже если зрачки снова стали вертикальными, но вириец не дал, встал почти вплотную ко

мне. Его шепот сливался с ночными шорохами, с отдаленным рычанием и смехом.

— Доживешь до утра, возвращайся в хижину, твари уйдут с восходом. Чтобы сойти с «единого пути», нужны кровь и смерть. И того, и другого здесь будет вдоволь, потопчись как следует, вымажи подошвы так, чтобы в обуви хлюпало, и иди на восток. Поняла? — Я не ответила, и он повысил голос: — Поняла?

— Я поняла, что дурная слава черно книжников сильно преувеличена.

— Люди должны нас бояться, иначе на шею сядут, — тихо рассмеялся Вит. — На самом деле, если бы был хоть малейший шанс, я бы тоже ушел. Не упusti свой, — шепнул мужчина вместо прощания и отступил.

Скрипнула закрывающаяся дверь, и я осталась наедине с ночью и криками.

Лунный свет заливал округу. Развалины скита проступали сквозь силуэты деревьев причудливыми черными мазками. Звуки разносились далеко — смех, бульканье, рычание. Первый шаг дался мне с огромным трудом — ноги словно одеревенели. Второй шаг дался легче, хотя нерешительность сменилась страхом.

Я медленно двигалась вдоль развалин скита. Остовы домов выглядели зловеще, сейчас все, даже небо, казалось исполнено злого умысла. Из каждого проема, из каждого темного провала за мной словно наблюдали чужие недобрые глаза.

Вопреки ожиданиям у арочного прохода никто меня не поджидал ни чтобы откусить голову, ни чтобы оторвать ногу и приготовить холодец. Никто — ни живой, ни мертвый. Путь был открыт. Но войти туда меня не заставила бы никакая сила. Идти в гости к кровожадным созданиям через парадное — скорейший путь успеть к трапезе, причем в качестве главного блюда.

Я пошла вдоль старого каменного забора. Через сотню шагов обнаружилась расширяющаяся кверху трещина. Когда-то давно часть стены обвалилась, и теперь в неровный проем задувал ветер, шевеля листьями чахлых кустов.

Трещина была не очень широкой, но протиснуться тощей девчонке вроде меня вполне можно. Только надо ли? Проще размахнуться и зашвырнуть осколок подальше в кусты. Он упадет и, может быть, стукнется обо что-то, а может быть, бесшумно зароется в листву.

— Что ты творишь? — прошептала я, осторожно ставя ногу на потрескавшийся камень. — Жить надоело?

На той стороне рос колючий кустарник. Нога соскользнула с камня,

кто-то или что-то визгливо захохотало. От этого смеха кровь застыла в жилах. Ветки качнулись, цепляясь шипами за одежду. На миг в небе показалась круглая, как головка сыра, луна.

Играть в прятки с нечистой смерти подобно, а с нежитью еще и бессмысленно. От притворы нет затвора. Очень многие перед смертью убедились в этом. Если нечисть захочет, найдет человека и за высокими стенами, и за железными засовами, и на дне морском, и под землей. Хитростью, силой или магией, но доберется до добычи. Если захочет. Главное, чтобы не захотела. Тут либо ты, либо тебя, единственный способ остановить — убить. Чаровники именно так и поступают. Но всех не убьешь. Нечисть, нежить, нелюдь...

Эол, что я здесь делаю? Пытаюсь обмануть судьбу?

Но тем не менее именно этим я и собиралась заняться. Кто бы мне сказал — почему? Я и сама не могла этого объяснить. Не могла понять, почему украдкой выглядываю из зарослей, вместо того чтобы замахнуться и швырнуть камень подальше?

Что с тобой, Айка? Ты всегда думала только о себе. И считала это правильным.

Эол, я до сих пор так считаю. Тогда — почему? Шансов же почти нет. Но это маленькое «почти» держало крепче любых кандалов, не давая развернуться и уйти.

Ну разве кому-то будет лучше, если я умру вместе с парнями? Нет.

Но все-таки шанс был. Вернуть камень на место, и, если обитатели капища не голодны и не злы, они останутся внутри. То есть я надеялась на самую распространенную человеческую черту. На лень.

«Хватит мямлить, Айка! — скомандовала себе. — Решайся или уходи! Третьего не дано!»

Эол, как же страшно! Почему никто не говорил, что поступать правильно так трудно? Что со мной? Я заразилась «правильностью» от Риона? Или «неправильностью» от Вита? А может, «слабоумием» от стрелка?

Я выглянула из кустов. Раздался отрывистый лай, звук затерялся в темноте. Белевший впереди остов статуи показался вполне надежным укрытием. Бросилась бежать, молясь лишь о том, чтобы кусты трещали не очень громко.

Да, я не оставляю следов, трава поднимается, пыль сразу ложится обратно, запах развеивается, а сломанные ветки... Сломанные ветки так и остаются сломанными, но еще ни разу никто не разглядел в них следов, видимо, я как-то не так их ломаю, не тем местом.

Я нырнула за старый камень и прислушалась. Кто-то рычал, кто-то плакал, пока ничего нового. Сменила беловатый каменный остов на ствол векового дерева, потом на куцые кусты, едва не упала в вырытую гигантскими лапами яму. И снова услышала, как где-то смеется мертвый ребенок. Вечно мертвый и вечно веселый. Рухнула в высокую траву около сломанной скамейки и замерла.

С правой стороны раздались шуршание и шаги. Нет, не шаги, а всего лишь обман, плод воображения. Я знала, что Игоша близко, а остальное дорисовал страх. Рука сжалась на рукояти оружия и тут же разжалась. Это бесполезно, железо не поможет против того, кто и так мертв.

Время растянулось, словно патока, липкая и нескончаемая. Каждый вдох занимал вечность, а выдох — две. Если уродец меня заметил, если почувствовал... Нежить убивает быстро, в отличие от нечисти. Мертвые не играют с едой, они выпивают жертву всю — сразу и без остатка. У них нет своей жизни, и они жаждут чужой.

Ветер снова зашуршал в траве, следующий приступ смеха Игоши прозвучал уже вдали. Сердце билось как сумасшедшее, странно, что никто, кроме меня, не слышал. Я подняла голову. Сдвинуться с места оказалось очень трудно, почти невозможно.

А ведь еще не поздно вернуться. Пока не поздно!

Я заставила себя встать, заставила сделать первый шаг и еще дюжину следующих. Где же развалины Фонтана? В темноте все виделось совсем иным, нежели при свете дня.

Раздалось рычание, поначалу едва слышное, оно усилилось и перешло в громкий рокот, скрипучий и неприятный, будто пустую бочку покатали по мостовой. В ее чреве выл ветер, а о бока стучали камни. Захрустели ветки, я нырнула в ближайшие кусты, густотой так себе и совсем невысокие, но выбора не было. Меня тут же накрыла тень выше человеческого роста. Оглушительный рык почти заставил сердце остановиться, а потом пуститься вскачь.

Я видела очертания звериного тела сквозь кусты, видела блестящую черную кожу.

Базыга казалась обманчиво неповоротливой. Здоровая нечисть, похожая на чешуйчатого крота. День пережидает, зарываясь в землю. Слепая, но нюх у нее исключительный. Всеядная, говорят, способна переварить рыцаря вместе с доспехами и лошадьё, но никто, проверив это на собственной шкуре, не смог потом поделитьсь достоверными воспоминаниями.

Зачем я все это затеяла? Ведь знала, что геройство еще никого до добра

не доводило. Знала, и все равно полезла, видно, и вправду заразилась геройством от парней.

Нужно слиться с качающимися ветками. Не шевелиться и даже не дышать.

Сквозь редкую листву я видела мерно вздымающийся чешуйчатый бок.

«Уходи», — мысленно взмолилась, когда мышцы заболели от напряжения.

Базыга зарычала, и ей — о чудо! — ответили. Неловко развернувшись и задев ветви моего убежища, нечисть поползла прочь. Я медленно выпрямилась. Тело ломило от усталости. Оказалось, что постоять несколько минут неподвижно — гораздо труднее, чем пробежать тысячу вар.

Впереди росло корявое дерево, у самого основания ствол раздваивался, дальше виднелись три ряда жиденьких кустов, а за ними... Белеющие на земле осколки старого Источника.

Дошла! Полдела сделано.

Я перебежала к дереву, ухватившись за корявую ветку, залезла на соединяющиеся стволы и прижалась щекой к сухой коре. На лицо лег тусклый отблеск, лег и пропал. Да, ночью все было совсем не таким, как днем.

Обломки каменной чаши мягко пульсировали багровым светом, словно расколотое на тысячу кусков сердце. Над светом ядовитым сгустком висела тьма, как грозное облако, внутри которого то и дело вспыхивали алые молнии.

Вокруг расколотой чаши бродили тени. Живые и мертвые. Я почувствовала, что не могу вдохнуть, так сильно что-то сжалось внутри. Никогда не видела и не знала, что увижу это. Многие счастливо проживают жизнь, не сталкиваясь ни с одной из таких тварей, а может, как раз именно поэтому.

За спиной раздался отрывистый лай, и я едва не завопила от страха. Вздрогнула, но заставила себя сохранять неподвижность и по-прежнему прижиматься к стволу дерева.

Меня здесь нет. Никого нет. Только звери, только мертвые души, только...

Они рычали, хрипели, выли. Базыга наткнулась на двуххвостого волка, тот рыкнул и тут же отвернулся. Создания, смысл жизни которых — пускать кровь живых существ, вели себя на капище удивительно миролюбиво. Горбатый шакал, чья слюна парализует человека, оставляя в

сознании и до последнего вынуждая чувствовать, как зверь выгрызает бьющееся сердце, равнодушно отвернулся от беловатой пелены, которая то распадалась, то собиралась в сгорбленный силуэт.

Некоторые твари подходили к парящей над обломками тьме и пили ее, как воду, заставляя сгусток терять однородность и расплываться в стороны рваными лентами. Далеко расплываться, это походило на разбегающиеся из темного летающего озера ручейки.

О том, чтобы сунуться туда, не могло быть и речи. Вряд ли твари сделают вид, что не видят человека, разгуливающего по капищу. Придется швырять обломок отсюда. И надеяться, что на это не обратят внимания.

Эол, такое даже звучало бредово! Впрочем, вся затея изначально была глупостью, но уже поздно плакать.

Я полезла в карман и... замерла. Пальцы коснулись ткани, и только ткани. Карман был пуст. Страх холодными пальцами обхватил затылок. Тонкая нить, что удерживала меня на грани самообладания, натянулась.

Стоп! Стоп! Никакой паники! Я заставила себя проверить еще раз. Снова ничего, лишь ткань, крошки и несколько потрепанных нитей. Я начала проверять одежду скорее от отчаяния, так как точно помнила, куда положила обломок. Ничего! Снова проверила карман и попала пальцем в прореху.

Черт! Черт! Черт! Потеряла осколок, просто взяла и потеряла!

Теперь нужно уходить отсюда — из парка, из скита, как можно быстрее.

Я медленно опустила ногу, не спуская глаз с капища, отпустила ветку. Очередная ошибка, не первая и не последняя. Надо смотреть, куда ставишь ноги. Особенно на нечистом капище.

Пока я любовалась на нечисть, ручеек тьмы, пройдя сквозь растительность, изогнулся и окружил древесный ствол. Сапог прошел сквозь тьму и мягко коснулся земли.

А меня в этот момент охватил ужас. Эол, сколько раз я пугалась, и каждый раз думала, что сильнее этого страха уже ничего быть не может. Может. Оказалось, что существует такая тьма, такой беспричинный, мгновенно пронизывающий ужас, от которого хочется завывать волком.

Источник силы в Велиже бил жизнью, он был наполнен тысячью бьющихся сердец, людскими желаниями и мечтами. Источник в старом скиту наполнял смерть.

Черное марево боли и гибели. Тут умирали люди. Мгновенно или мучительно медленно рвались нити их судеб, исчезали желания и помыслы, растворяясь в ужасной темноте. Мгла коснулась ноги, разлилась по венам

густым ядом.

Тошнота подступила к горлу. Колени ослабели, и я, как куль с мукой, рухнула в траву. Сапог вырвался из висящей над землей тьмы. Выжегший кровь яд оставил в душе пустоту. Эол, как тошно, как страшно! Как ты мог допустить существование этого ужасного мира! Не могу даже смотреть на него. Не хочу. И не буду. Пусть катится в Дасу. И парни пусть катятся. И я тоже. Нет никакой разницы, где и когда умирать, а потому...

Я перевернулась на живот, заставив одеревеневшие конечности шевелиться, и поползла. Меня не волновала тишина, не волновали потерянный камень и рассвет. Все, чего я хотела, это оказаться подальше отсюда. Отравленное тело стало тяжелым и неповоротливым. Я вцепилась руками в траву, подтянулась, уронила голову на землю и несколько минут лежала неподвижно, а потом подняла руки и повторила все сначала.

В какой-то момент под руку подвернулся камень и до крови расцарапал ладонь. Кусок золотистого мрамора треугольной формы с неровной иззубренной стороной. Тот самый, который я умудрилась потерять. Удивление вышло вялым. Мне и в самом деле стало все равно.

Осколок мерцал тем же красноватым светом, что и остальные камни. Вот как они узнают о пропаже? Все развалины до последнего кусочка связаны магией. Хотя этот камешек вроде отличался. Иззубренный край отливал серебром. Не то чтобы сейчас это имело значение, я отметила разницу походя и тут же забыла про нее. В ушах шумело, руки и ноги слушались все хуже. Кто-то зарычал над ухом, скорее удивленно, чем угрожающе.

Подняла тяжелую голову, встретила взглядом с нечеловеческими, светящимися янтарем глазами. Звериные вертикальные зрачки сузились.

На расстоянии шага стояла злыдня и, кажется, была удивлена не меньше меня. Тощий хвост раздраженно стеганул по земле. Никогда не видела нечисть так близко. И вполне обошлась бы без этого.

Черная шкура отливала серебром. Я могла поднять руку и...

Зверь едва слышно зарычал.

...могла дотронуться до черной треугольной морды. Поднять руку и тут же лишиться пальцев? По-моему, не лучшая мысль перед смертью.

Злыдня продолжала смотреть на меня с аппетитом, но с места не сдвинулась. Были бы силы, я драпанула бы так, что только пятки сверкали бы. Останавливала мысль, что нечисть быстрее, а к веселой игре в догонялки наверняка присоединятся все остальные.

Зверь шумно фыркнул, лицо обдало горячим дыханием. Пахло из пасти злыдни скверно, совсем как у сына кузнеца, пытавшегося пригласить

меня на сеновал.

Тварь наклонилась и с интересом обнюхала мои волосы. Квадратные ушки постоянно шевелились, поворачивались в разные стороны. Она напоминала кошку, очень большую и тощую, состоящую из одних костей.

Я зажмурилась, готовясь лишиться половины головы и заорать, если останется чем, а главное, все-таки вскочить и побежать. Плевать, что это заранее обречено на провал. Я просто больше не могла оставаться на месте.

Тварь мотнула башкой и вдруг боднула меня лбом в щеку. Я распахнула глаза, зверь махнул хвостом и боднул еще раз, едва не опрокинув на землю.

Знаете, что мне напомнило это нарочитое «бодание»? Так парни у нас в Солодках в шутку пихали друг друга кулаками или хлопали по спине, мол, чего ты, не тревожь попусту душу, лапоть сплетется и из сырой бересты...

Ну и кто из нас сошел с ума? Я или злыдня?

Настал мой черед мотать головой. Тварь одобрительно рыкнула. Мы обе стояли на четырех конечностях и по очереди трясли головами. Наверное, был в этом какой-то тайный смысл, но пока я не поняла.

Одно хорошо, встреча с нечистью отвлекла от страшных видений, и я снова смогла думать, хоть и не поручусь за разумность этих мыслей.

Если злыдня не собиралась меня есть прямо сейчас... Я покосилась на тварь, та с готовностью раззявила полную острых зубов пасть. Допустим, она не собиралась меня есть, тогда еще не все потеряно. Осколок надо вернуть, и у нас появится шанс уйти. У меня появится шанс.

Я качнулась и рывком села. Тьма внутри всколыхнулась, перед глазами промелькнули тошнотворные картинки. Смерть, такая разная и такая одинаковая. Она снова заслонила все...

Тварь угрожающе зашипела. Шерсть на загривке встала дыбом. Злыдня снова приблизилась и вдруг лизнула меня в щеку шершавым кошачьим языком. Один раз, второй, почти царапая кожу, почти причиняя боль... Такую приятную боль. Она лизала мне щеку, и с каждым движением ее языка смерть отступала. Тьма уменьшалась, словно я была сосудом, а зверь лакал из меня тьму, как молоко из блюдца. Глоток за глотком, как лакомство.

Минута, и я снова смогла дышать. Всего минута, и картины смертей померкли. Я посмотрела в горящие глаза напротив. Черная морда так и лучилась самодовольством, словно только что отведала отборных сливок, а меня так и тянуло потрепать ее за ушами, словно самую обычную домашнюю кису. Слава Эолу, не успела.

Что там поют менестрели об истинных парах, способных делиться силой? Кажется, я только что нашла свою.

Злыдня выгнулась и издала пронзительный вой. Ей со всех сторон многоголосо ответили. Мелькнула массивная тень базыги, заскрежетала каркуша, снова залился веселым смехом Игоша, сама тьма шевельнулась, отвечая на призывный крик нечисти. Кто-то прошел за спиной, я почувствовала его мимолетное движение как порыв холодного воздуха. Прошел и... ничего не сделал — сломав ветки кустов, скрылся в окружающей Источник тьме. Корявая ерка, так похожая на высохший и искривленный временем древесный ствол, игриво коснулась плеча руками-ветками. Я не смогла сдержать дрожь. Ерка — это то, во что после смерти превращаются невинные девушки, наложившие на себя руки, те, кому отказано в погребении по законам Эола. Скитающиеся высохшие души. Нежить. И эта нежить, откликнувшаяся на призыв злыдни, совсем не собиралась перекусывать случайно забредшим к столу человеком. А человеком ли?

Злыдня оборвала вой и еще раз лизнула меня в щеку. Отливающий в свете луны серебром бок коснулся плеча. Ее шкура была горячей и жесткой, словно вымоченное в соде покрывало, которое забыли прополоскать. Я чуть повернула руку и тыльной стороной кисти провела по боку твари. Та вроде бы совсем не возражала. Она вела себя так, словно не было ничего необычного в том, что человек среди ночи сидит на нечистом капище и позволяет вылизывать себе лицо. Она вела себя так, словно знала меня, словно...

Я вздрогнула. Злыдня отстранилась и заглянула в лицо казавшимися невозможно яркими глазами. Светлыми глазами. А что, если, называя меня «водянкой», люди были чересчур добры? Что, если я вовсе не представительница вордов, пусть и опасная, но все же принадлежащая к людскому роду девчонка, что, если я... нечисть?

Злыдня одобрительно тряхнула головой, задев кончиком хвоста ногу в сапоге.

Ведь не зря богинки приняли меня за свою, не зря звали с собой.

Игоша продолжал смеяться. Луна нырнула за облако, оставив меня в полной темноте.

«Может, потом погорюешь? — раздался в голове бабушкин голос. — Оплачешь нелегкую долю нечисти подальше от этой самой нечисти?»

Я хмыкнула, потому что, будь бабушка здесь, именно так и сказала бы. И, возможно, подкрепила бы воспитательный эффект подзатыльником. Действительно, какой смысл плакать о том, чего нельзя изменить?

Никакого, а вот кое-что другое — еще можно.

Я сжала в руке осколок, иззубренный, мягко светящийся край врезался в ладонь. Кое-что еще можно. Вернуть нечисти то, что взяли. Тогда, возможно, нам дадут уйти. Мне дадут.

Я привстала, замахнулась и непослушной онемевшей рукой швырнула осколок во тьму, запоздало представив, что будет, если камешек не долетит до развалин Фонтана. Но камешек долетел... Ох как долетел!

Вспыхнуло так, что осветило и заросли, и разрушенный Фонтан, и очумевшую от светопреставления базу. Наступила тишина. Ватная, ненастоящая, выжидательная, от которой у тварей шерсть на загревке встала дыбом. А потом грохнуло так, словно сам Эол взял в руки молот и ударил по земле. Воздушной волной меня опрокинуло на спину. Злыдня рыкнула и прыгнула в кусты, оборвал смех Игоша, ломая ветки, стала удаляться база. Все собравшиеся здесь этой ночью мертвые и нечистые твари стали не просто расползаться с капища, они почти бежали. Уносили ноги, руки, ветки и челюсти со священного для них места.

В животе заурчало от голода. Или от страха. Не знаю.

Подняться удалось только с третьей попытки, мышцы слушались с трудом, словно я три часа кряду перебирала горох, голова кружилась. Я поковыляла к раздваивающемуся дереву, подняла голову и, не сдержавшись, ойкнула, словно наступившая на подол сарафана косолапая Ксанка.

Выглянувшая из-за облаков луна показала капище во всей его неприглядности. Источник разнесло на мелкие крошки, словно разрушений, произошедших много лет назад, было недостаточно. Среди каменной россыпи лежали тела. Немного, но они были. Это те, кто слишком близко подошел к каменной чаше. Одна злыдня, непонятное — состоящее из одних волос — существо и истлевающий древесный ствол — все, что осталось от ерки... Может, зацепило кого-то еще, но, чтобы разглядеть, надо было подойти ближе, а у меня такого желания не появилось.

— Айка, — раздался голос за спиной. Я обернулась. От стены ко мне приближался Вит, за ним бледный Михей с заряженным арбалетом. — Ради всех святых Тарии, скажи, что ты сделала?

— Не... не знаю, — прошептала я. — Просто бросила осколок, а когда он упал... — Я беспомощно развела руками и поежилась, оглядываясь.

— Может, вернемся? — Стрелок нервно поводил арбалетом из стороны в сторону. — Как скоро уродцы возвратятся?

— Очень нескоро. — Вит обогнул сросшееся дерево, осмотрел капище

и выразительно присвистнул. — После такого выплеска силы они еще пару дней, вернее, ночей будут в себя приходить. Да что там нечисть! — Он махнул рукой. — Всем досталось. — Стрелок снова поежился. — Всем, так или иначе причастным к магии: людям, нелюдям и даже, — он поддел носком сапога ветку, — заклинаниям. Например, «единому пути», будь он неладен.

— И что нам теперь, не обязательно резать того смирта или еще кого-то и марать руки и сапоги кровью? — тихо спросила я, но Михей все равно услышал, открыл рот, но ничего не сказал. Иногда он умеет быть умным, а иногда нет. Впрочем, так можно сказать о каждом из нас.

— Нет. — Вит прислушался к чему-то и подтвердил: — Можем уйти в любой момент, выплеск силы уничтожил заклинание. И не только его. У меня подчистую снесло ограничитель, который поставили криворукие тарийские чаровники. Теперь, слава Рэгу,^[12] восстановлюсь полностью.

— Ну хоть кому-то польза. — Я, покачиваясь, отошла от ствола, чернокнижник тут же протянул мне руку, не давая упасть. — Может, и вправду уйдем? Мне здесь не по себе.

«Как и всей остальной нечисти, — мысленно добавила я, — как и всем тем, кто удирал отсюда без оглядки».

— Согласен. — Михей развернулся и махнул арбалетом на тьму, то ли подгоняя, то ли указывая направление. — Да и Рион ждет.

Вит помогал мне идти, поддерживая под локоть, и даже один раз поймал, когда, запутавшись в собственных ногах, я твердо решила прилечь на усыпанную листьями землю. Чернокнижник обхватил меня за талию, позволив уютно устроиться на своей широкой груди. Надо же, и как я раньше не понимала, что привлекательного находили в этом девицы! А вот сейчас оценила. Широкая грудь — это практично, будь рядом кто-то вроде Риона, я бы нас обоих опрокинула, а так ничего, можно даже расслабиться, закрыть глаза и слушать, как где-то сзади топают стрелок, как ветер затихает в листве, как...

— Айка, — позвал Вит и вдруг спросил: — Почему ты не удрала?

Я напряглась. И он это почувствовал, провел рукой по спине, вроде бы успокаивая... Вроде бы, потому что спокойнее не становилось, а сердце, наоборот, колотилось так, что, будь здесь злыдня — точно услышала бы.

Почему? Я замотала головой, пытаясь отогнать далекое и почти забытое воспоминание и одновременно показать вирийцу, что ответа он может не ждать.

Под ногами Михея шуршала трава.

Почему? Да потому, что я до сих пор иногда видела ее во сне.

Заплаканную или улыбающуюся Майку, свою единственную подругу, что возвращалась ко мне в мире снов, как бы напоминая: за тобой долг, Айка!

Глава 3

ДОЛГ

Девчушка бежала через утренний лес. Ветки и репей цеплялись за одежду, путались в волосах, ноги промокли от росы. Но это ее не печалило. Звонкий чистый смех летел над верхушками деревьев.

Она остановилась на поросшей клевером поляне, украшенной розовыми соцветиями, так похожими на маленькие клубки ниток. Трудно сказать, чем эта поляна отличалась от десятка таких же, через которые девочка пробежала, даже не оглянувшись, но эта отличалась. Может, поваленным деревом? А может, раскидистым, усеянным черными ягодами, кустом с резными листьями?

Малышка остановилась и нахмурилась. Того, кого она ожидала увидеть, еще не было. Грусть, как облачко, на мгновение заслонившее солнце, развеялась. Надо просто подождать.

Девчушка влезла на поваленное дерево и достала из-за пазухи два яблока. Одно, подумав, убрала обратно, а во второе вонзила зубки и принялась болтать тощими ногами.

На вид девочке было лет шесть. Худенькая, с большими светлыми глазами и белесыми волосами, заплетенными в уже успевшую растрепаться косицу.

Бабушка уехала еще затемно. Иногда она так делала, оставляла внучку одну на день или даже на ночь. В первый раз было страшно, казалось, во всех углах избы копошатся мыши или еще кто-то похуже. Но потом девчушка привыкла. Она уже большая и справится. А бабушкина отлучка ей даже на руку: можно поиграть с подружкой, не придумывая никаких отговорок. Раньше девочка играла одна. Всегда. Другим детям запрещали водиться с ней. Взрослые говорили, что она неправильная.

Девочка хихикнула. Какое смешное слово — неправильная. А вот Майка так не считает.

Они познакомились случайно. Девочка собирала травы для бабушки, а Майку послали за грибами. Встретились возле старого оврага, зашли немного дальше, чем разрешали взрослые. У Майки тоже не было друзей. Ее семья жила на заимке ниже по реке, а в деревню каждый день ради игр не набегаетесь. А еще у Майки было пятеро младших братьев, за которыми, по словам подружки, нужен глаз да глаз.

У того оврага встретились две одинокие души. Встретились и подружились. С тех самых пор, когда удавалось оторваться от домашних дел, девчужки играли в лесу, не заходя, впрочем, слишком далеко — и та, и другая знали, как опасна чаща.

Сегодняшний день обещал стать особенным. Семейство Майки отправилось на ярмарку в Алафу. Девочка смогла убедить родителей оставить ее дома, якобы помогать старой тетке. На деле же старушка со всем справлялась сама и отпускала племянницу гулять.

Сегодня Майка обещала показать что-то особенное. Обещала, обещала, обещала! Девочка продолжала раскачиваться на высохшем стволе, с нетерпением ожидая подругу.

Майка пришла. Не успела первая девочка доесть яблоко, как из-за деревьев вышла другая — постарше, повыше и пошире в кости, с длинной черной косой и синими глазами.

В отличие от первой, одетой в рубаху и штаны, на старшей был сарафан, на голове платок, а в руках холщевая котомка.

— Айка, слезай, — с напускной строгостью сказала старшая. — Не ровен час, свалишься.

Айка легко спрыгнула на землю, рассмеялась, подбежала к подруге и, подергав за мешок, спросила:

— Чего там?

Аккуратно высвободив котомку, Майка поправила платок.

— Хлеб, сыр, лук, орехи. Мы же на целый день уходим. А ты, я вижу, об обеде не подумала.

Младшая озорно хихикнула.

— А вот и подумала, — с торжествующим видом достала из-за пазухи второе яблоко и протянула подруге.

Майка вздохнула, но присоединила дар к своим припасам. Взявшись за руки, девочки пошли в лес. Через несколько минут кроны деревьев вздрогнули, в небо устремилась стайка пичуг, напуганная громким смехом. Похоже, младшей все же удалось расшевелить подругу.

— Старое поймище, — сказала Майка, когда девочки вышли к ручью. — Так его называют. Осталось недалеко.

Через полвара ручей изогнулся, расширился и сильно обмелел. Младшая замерла и ахнула. Старшая довольно улыбнулась. Не зря она привела подругу сюда. Этот выдох и расширенные от изумления глаза Айки того стоили.

На месте убывшей воды росли кристаллы. Разной формы и размера, группами и поодиночке. Солнце отражалось в их гладкой поверхности,

щедро даря округе бесчисленное количество цветных искр. Ничего красивее девочкам видеть не доводилось.

— Наше волшебное королевство! — Старшая, довольная произведенным эффектом, весело рассмеялась.

Айка запомнила этот день навсегда, столько всего в нем было, столько радости и смеха! В тот момент она ощущала себя абсолютно счастливой.

До вечера девочки играли в свои, одним им понятные игры, воображая себя то прекрасными принцессами, то лесными нимфами, то могучими чаровницами. Их веселые голоса разносились далеко вокруг, вторя ласковому журчанию ручья.

Напоследок каждая отломилась себе по кристаллу — в качестве талисмана. Не удержавшись, младшая лизнула свой и скривилась.

— Фу, соль, — потом задумчиво добавила: — А к нам соль из Алафы возят.

Старшая пожала плечами, дела взрослых ее не очень интересовали.

Обратный путь занял больше времени, слишком уставшими и довольными были девочки. На поляне с поваленным стволом они попрощались, договорились встретиться через четыре дня и снова пойти к ручью.

Старшая уже скатала пустую котомку и стала убирать ее за пазуху, когда обнаружила пропажу.

— Мой кристалл! — запричитала Майка, лихорадочно осматривая одежду. — Его нет! Я потеряла.

С выступившими на глазах слезами девочка бросилась обшаривать кусты и землю. Младшая растерянно семенила следом. Они прошли, наверное, треть пути и остановились у кучи валежника, когда стало ясно, что пропажу не вернуть. Поймище далеко, сходить за новым кристаллом до темноты девочки уже не успевали. Старшая разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Майка, ну что ты! Ну не плачь!

— Тебе легко говорить, — сквозь всхлипывания ответила девочка. — Твой волшебный кристалл на месте.

Айка достала прозрачный камешек, и тот заиграл на солнце. Все правильно, она свой не потеряла. А вдруг из-за этого Майка не захочет с ней больше дружить? Ведь друзья все делают вместе — играют, гуляют, находят и теряют. Мгновение поколебавшись, младшая протянула кристалл подруге:

— Возьми.

Майка все еще всхлипывала, но голубые глаза уже загорелись

надеждой.

— Ты отдашь его мне? Тебе не жалко?

— Жалко, — призналась младшая. — Но я из-за него не буду плакать.

А ты плачешь. Значит, тебе нужнее.

Слезы исчезли, и старшая, робко улыбаясь, осторожно взяла подарок.

— Тогда за мной долг, Айка, — совсем по-взрослому пообещала Майя. — В следующий раз мы найдем тебе новый, самый красивый на свете. — Подруга улыбалась, еще не зная, что у них не будет следующего раза. Ничего не будет. И Айка навсегда запомнит ее такой: все еще заплаканной, но уже улыбающейся.

В этот день девочки успели прийти домой вовремя, никто из взрослых ничего не узнал.

А еще через четыре дня младшая напрасно весь день ждала подругу на поляне возле поваленного ствола. Сначала девочка не беспокоилась. У взрослых всегда найдутся причины не отпустить ребенка играть. Но время шло, а подруги все не было.

Айка пришла на поляну на следующий день, и на следующий. Как только выдавалось свободное время, она бежала на заветную полянку в надежде увидеть Майку.

Раньше подруга никогда не пропадала надолго. Младшая даже хотела сходить к ручью, но, к счастью, остановила себя. Это их место, и пойти туда они должны вместе.

А потом по деревне поползли слухи, один страшнее другого. Нечисть напала на Белохорову заимку. Ночью, когда никто не ждал. Выживших не осталось. Выпотрошили всех, от новорожденного младенца до старенькой тетушки.

И Айка, вытирая соленые слезы грязным рукавом, поняла, что подруга больше не придет. Никогда.

Через несколько лет бабушка, обучая внучку, рассказала ей, что у каждого вида нечисти есть свое священное место для сбора — капище. А в качестве примера привела ту старую историю. Она предположила, что кто-то случайно или намеренно унес что-то с ящерова капища на старом поймище. А ящерлики^[13] выследили вора и разорили заимку.

Вот тогда девочка поняла, почему соль привозят из другого селения и что значил кристалл, подаренный подруге. А еще — на ком из них на самом-то деле долг.

— Айка, Айка, проснись, — меня трясли за плечо.

Ну что такое! Едва глаза закрыла.

— Ты плачешь, — сказал Вит. — Плачешь и зовешь какую-то Майку.

Я села и потеряла лицо — щеки были мокрыми от слез. Повозка покачивалась, запряженный жеребец фыркнул и махнул хвостом, недовольно косясь на парней. Облачко послушно шла рядом с меринком Михея, зато лошадка Вита то и дело всхрапывала. Возница, седовласый крестьянин, отвернулся от уходящей в утренний туман дороги и бросил на нас обеспокоенный взгляд. Думаю, он и сам был не рад, что поддался порыву и согласился подвести трех едва не падающих из седел мужчин и почти лежащую на шее кобылы девку средней помятости.

Проклятый скит мы покинули сразу же, не дожидаясь утра. Оседлали лошадей, вытащили из лачуги Риона и забыли все еще пребывающего в религиозном экстазе Теира. Тот нисколько не возражал. Мало того, не возражал никто из парней, ни в ком внезапно не проснулось человеколюбие. К добру ли, к худу, но слугитель капища остался в скиту.

— Ты не спал? — спросила я вирийца, вытирая лицо грязным рукавом.

Рион лежал с закрытыми глазами на краю повозки и лениво перекачивал во рту соломинку. Михей, сгорбившись, сидел рядом с возницей, по-прежнему сжимая в руках арбалет.

— Нет, — кратко ответил чернокнижник. — Не до того было.

— А до чего?

Михей спросил мужика об урожае, и тот с готовностью пустился в объяснения, изредка причмокивая и легонько понукая массивного тяжеловоза вожжами.

Вит отвернулся и стал задумчиво смотреть на дорогу.

— До того, что произошло на капище, — ответила я за него. — Все еще гадаешь, почему я не сбежала?

— Нет, гадаю, что ты такое сотворила, если нечистое капище вдруг омыл свет?

Соломинка во рту Риона замерла.

— Я просто кинула камень, как ты велел.

— И все? — Вириец повернулся и посмотрел мне в глаза.

Почему-то врать ему не хотелось, но и рассказать о том, как дружелюбно злыдня заглядывала мне в лицо, я не могла. Не сейчас, возможно, потом, когда сама пойму, чего стоит ждать от жизни.

— Не все, — нехотя призналась я. — Еще была тьма, она светилась, и все эти развалины светились, и даже осколок...

— Отстань ты от нее. — Рион выплюнул соломинку и сел. — Сомневаюсь, что это она очистила капище.

— Тогда кто? — раздраженно спросил чернокнижник. — Ни ты, ни я

этого не делали. Я не знаю, как вас учат в Тарии, а у нас в Вирите твердо вбивают в голову, что вопросы без ответа — самый верный путь к Рэгу на тот свет. А я еще не готов к такой встрече.

— Нас учат исключать лишнее. — К удивлению чаровник не полез на рожон, а спокойно продолжил: — Нас там было пятеро. Я этого не делал, ты тоже, — Вит кивнул, — у того блаженного ни сил, ни способностей, но, даже если мы проглядели в нем великого колдуна, — чернокнижник хмыкнул, — он все время был с нами, так что это точно не он. Можно предположить, что это Айка...

— Можно, — согласился Вит.

— Можно-то можно, но вряд ли это она. — Парень виновато шмыгнул носом. — Несмотря на все ее странности и магию, которую никто никогда не видел и которая вроде бы исчезла навсегда вместе с резервом... Это не она.

Телегу тряхнуло на кочке, и я едва не прикусила себе язык. Так и тянуло выругаться.

— Поясни, — потребовал чернокнижник.

Рыжеватая лошадка Риона вдруг вытянула шею и заржала. Запряженный в телегу тяжеловоз недоуменно покосился на нее.

— Ты наверняка сталкивался раньше с капищами, — сказал Рион и признался: — А я только читал, но хорошо запомнил, что нужно для того, чтобы очистить проклятое место. Помимо сил и умения магу нужны...

— Чистые помыслы, — тут же ответил Вит, с сомнением глядя на меня. Еще бы — я бы и сама на себя с сомнением посмотрела. — Чтобы смыть грязь, нужен маг, чистый мыслями, силой и совестью.

— Вот-вот, а это — точно не Айка. — Чаровник снова виновато глянул на меня.

Надо сказать, прозвучало обидно, хоть и правдиво, словно кто-то заставил посмотреть на себя со стороны. А ведь картинка-то выходила неприглядная!

— Хорошо, — согласился чернокнижник. — Не ты, не я, не смирт, не Айка, тогда остается...

Мы посмотрели на разговаривающего с женщиной стрелка. Рион тряхнул головой, словно не понимая, откуда в ней взялась мысль о Михее. О нашем Михее с арбалетом, который очень мечтал стать магом, но по капризу Эола им не являлся.

Возница обернулся и громко спросил:

— Господа хорошие, вы со мной до Волотков? Али уже оклемались и своим ходом сподобитесь?

— А Волотки — это?.. — нахмурился Вит.

— Волотки — это Волотки, — исчерпывающе ответил мужчина.

— Казум говорит, у них магам завсегда рады, — бесхитростно заявил стрелок, и возница с готовностью закивал, стало быть, «чистый помыслами» парень сдал нас давно.

— Завсегда, — подтвердил Казум. — Сам я за старшего, а еще я и мельник до кучи, так что можете у меня остановиться. А можете и у Пелагеи вдовой, кровати найдем, тарелку каши тоже...

— Каши? — поинтересовался Вит. — А ты не боишься тащить к себе в дом незнамо кого? Мало ли как мы назвались, а на деле, может, тати какие, идущие непонятно куда и откуда. Или притворы. Шкуру снимем да и сдадим за три череня на рынке?

— С самих едва не сняли, а туда же, грозятся, — попенял чернокнижнику совсем не испугавшийся мельник. — Знамо дело, с черного капища бежите. Сладили с нечистью-то?

Рион выплюнул травинку и повернулся к вознице, Вит продолжал хмуриться, Михей провел по лежащему на коленях арбалету...

— Нет, — ответила за всех я. — Не сладили, а откуда вы...

— Знаю? Так дорога там одна, и по ней давненько живые не хаживали.

— Заклинание «единого пути», — выплюнул сквозь зубы чернокнижник.

— Не сладили... — несколько не огорченный Казум кивнул. — Но раз ноги унесли, значит, не последние чаровники среди вас имеются, я так и сказал Михею. — Стрелок снова погладил приклад. — А чаровникам мы завсегда рады, — повторил возница. — И каши не жалко.

— Тогда пусть будут Волотки, — согласился чернокнижник и тут же спросил: — И часто у вас маги по лесным тропам пробегают?

— Вы на моей памяти вторые, — возница отвернулся к дороге. — Тела находят, но тоже редко, чаще тряпье да оружие.

— А первые давно были? — спросила я, только магов нам здесь и не хватало! Спрятались, называется.

— У-у-у, вспомнила, девонька. Давненько, дюжина годков точно минула, а может, и больше.

— Что, и они с капищем не сладили? — насмешливо поинтересовался Рион.

— Куда там. Сам еле выжил. Один он был, чаровник, подранком подобрали да в дом к Орьке-прачке на постой определили, травницы у нас тогда не было. Ходила баба за ним как за родным сыном, а он, как оклемался, оплатил ей за доброту. — Казум покачал головой. — Видно,

совсем гнилой чаровник был.

— Чем отплатил? Неужели куриную хворь не изжил или мышшиное поголовье не извел? — На этот раз насмешничал чернокнижник, но мельник только головой покачал.

— Хуже, у Орьки-то дочка была на выданье, Аська-хитруха, вот он и того... ее, значится, оприходовал. — Мельник задумался и добавил: — Оно бы и на здоровье, мы новой крови завсегда рады, да только девка-то с ним и сбегла. Проснулась баба Орька поутру: ни дочки, ни мага, ни кувшина с медяками, на корову скопленными. Так тужила, так печалилась, что, не прошло и полгода, померла, хотя бабы болтали... — Возница замолчал.

— Что? — с любопытством спросил Михей.

— Что девка-то не простая была, печатью Эола отмеченная.^[14] Говорили, что с колдованцем своим мать извела, мол, оставила в доме сглаз али порчу, вот прачка и того...

— Занимательная история. Я бы после этого поостерегся подранков на лесных дорогах подбирать, — заметил Вит. — Вы куда ехали-то?

— Теир не к вам поутру собирался? Говорил, телегу пришлют, отпевать кого-то надобно, — вспомнил Рион. — Вы и есть та самая телега?

— Агась, — подтвердил мужчина.

— Так почему его не забрали? — прищурился вириец. — У вас же там покойник дожидается?

— Вот пусть и дожидается, ему не к спеху. В Волотках живым маги нужнее. — Видимо вспомнив про живых, возница повеселел и снова стал понукать конягу. Тот пошел куда бодрее, словно разделяя радость хозяина от того, что странные, встреченные на лесной тропинке то ли чаровники, то ли тати, решили завалиться к нему домой и съесть всю кашу. — В Волотках-то тоже не все ладно, господа чаровники, вы хоть одним глазом гляньте, а мы заплатим, даже не сумневайтесь.

— Расскажите о капище, — прервал мельника Рион.

— А чего о нем сказывать? — удивился Казум. — Оно далеко, мы с Волотков туды не лазим. А о погани не рассказывать надо, а давить.

— Чего ж не давите? — выпрямился чернокнижник.

— Дык не по чину нам чудища-то всякие, а как задерет какой страхолюд пастуха, дите осиротит, бабы вой на все Волотки поднимут... — Веселье сменилось грустью. — Мы уж и в Велиж писали, и в Вышград. Гонца отправляли, даже верховному смирту челобитную подавали.

— И как? Дошла челобитная? — Рион повалился обратно на сено, словно разговор стал ему неинтересен.

— Только она и дошла, — признался мельник. — Теира прислали, уж

как я радовался, как на Эола уповал! Говорил, враз смирт от погани нас избавит. А вышло что?

— Что? — с интересом спросил Михей, отвлекаясь от арбалета.

— А то, — сплюнул возница. — Теир живет там, твари как шатались, так и шатаются, словно стол у них туточки накрытый, а молитвы аппетиту прибавляют. Эх...

Облачко тоже, словно сочувствуя, вздохнула.

— Значит, в Волотках знают о капище? — спросил чернокнижник, по примеру Риона заваливаясь на сено.

— А как не знать, чай, не слепые.

— Вы удивитесь, если узнаете, как часто люди теряют зрение, слух и разум, когда что-то пугает их до судорог. — Вит закрыл глаза.

Возница продолжал говорить, но уже не так громко, больше для себя и снова повернувшегося к дороге Михея.

— Странное капище, — проговорил, не открывая глаз, чернокнижник.

— Можно подумать, ты много их видел, — поддел вирийца Рион.

— Да поболее твоего, ученик. А странное оно тем, что...

— Их там было много, — сказала я, упав на телегу между парнями и, по примеру чаровника, взяв в рот соломинку.

— Айка, — попенял Рион, — на капище нечисти всегда много.

— Даже монна^[15] поняла, а ты — нет, — шевельнулся Вит. — Мне страшно за будущее Тарии.

— За себя бойся, кудесник. За свой болтливый язык.

— Бабка говорила, у каждой нечисти свое капище, — прервала я начинающуюся перепалку. — У ящерликов, у базыг, у злыдней. У всех свои святыни, а здесь... — Я поерзала, устраиваясь поудобнее. — Кого только не было. Словно на бал в королевский дворец явились хлебопашцы и стали в лаптях котильон отплясывать.

— Каждой нечисти свое, — подтвердил Вит. — Хотя хлебопашцы во дворце — это не так страшно.

— Случалось пахать в поле? — поинтересовался Рион.

— Нет, случалось бывать во дворцах.

Волотки встретили нас ливнем и колокольным звоном. Дождь начал накрапывать еще на подходе, а стоило телеге миновать околицу, зарядил по полной. Я натянула куртку. Вит, чертыхаясь, укрылся плащом, Михей поежился и, осенив себя знаком Эола, проводил взглядом часовню, на которой бил колокол.

Вопреки уверениям Казум привез нас отнюдь не к мельнице. Повозка

остановилась у приземистого сруба, который видал на своем веку не одно поколение владельцев. Бревна быстро темнели от влаги, усыпанные ягодами кусты в такт дождю качали поникшими листьями, дверь на просевшем крыльце не закрывалась.

— К Пелагее вас определяю, — попытался перекричать шум дождя Казум и указал на сарай: — Коней там оставьте.

Михей кивнул и принялся отвязывать лошадей. Рион начал помогать, мы с Витом последовали за возницей в дом, где вопреки ожиданиям и явно нуждающейся в починке двери приятно пахло картошкой и хлебом.

— Теир? — В сени выскочила худенькая невысокая женщина с полотенцем в руках. — Теи... А я подумала... — Она испуганно посмотрела на меня, да так и не договорила, осталась стоять с раскрытым ртом. Я даже ухватилась за капельку маскировочного амулета, испугавшись, что потеряла его во время чехарды на капище, но нет, камень привычно холодил ладонь. Хозяйка перевела непонимающий взгляд с меня на вирийца, с него на Казума.

— Вот, Гея, встречай гостей. Чаровники, почитай, из самого Велижа.

— Да? — с сомнением переспросила хозяйка и, словно спохватившись, всплеснула руками. — Конечно, проходите к огню. — Она развернулась и, торопливо вытирая красные натруженные ладони, скрылась в комнате.

— Вы не думайте, Пелагея — хорошая хозяйка, — пробурчал под нос мельник.

— Только ждала она явно не нас. — Чернокнижник встряхнулся, словно мокрый пес. — А одного знакомого мне служителя.

— А разве смиртам не положено хранить целомудрие? — громко спросил вошедший в дом Рион. Вода текла с темных волос, следом громко топал стрелок.

— Не дается Теиру целомудрие, — крикнул Казум, впрочем, без особого осуждения, и последовал за хозяйкой.

— Как и молоток? — Михей задумчиво покачал скрипучую дверь. Порог заливала дождевая вода.

— Не торопился бы ты с ремонтом. — Я стащила мокрую куртку. — Неизвестно еще, зачем нас сюда привезли и чего хотят.

— Да брось, — ухмыльнулся Рион. — У селян известные беды: либо скисшее молоко, либо мыши в подполе, в самом запущенном случае — лиса в курятнике.

— Вынужден согласиться с неучем, — кивнул Вит и тут же спросил: — Что тебе не нравится?

А я едва подавила желание сказать: «Все». После капища я почувствовала себя странно. Настороженно, словно дикая кошка, учуявшая запах степного тура, который имеет привычку разорять птичьи гнезда. Гнезд было не жалко, злило присутствие чужака, которого я никак не могла рассмотреть сквозь заросли камыша. Злила неизвестность.

— Не знаю, — ответила, направляясь в комнату, где слышался тихий голос Пелагеи. — Например, то, что крысой в подполе может оказаться базага, учитывая, что до капища меньше дня пути.

Парни ничего не ответили. Михай наконец-то оставил в покое перекошенную дверь.

Дождь лил до середины ночи, и напуганные его силой базаги, селяне и лисы не высывали на улицу носа до следующего утра, дав нам время выспаться. Рион и Вит успели пару раз поругаться, а Михай почистить и отладить арбалет.

Глава 4

ВОЛОТКИ

Строили Волотки рядами, дом за домом, участок за участком, как граблями по земле провели — более десятка прямых улиц соединялись между собой маленькими проулками. Село дворов на пятьдесят, не больше, имелась в нем и часовня. Лес подступал к оградкам крайних домов почти вплотную, высокие деревья смыкались кронами над дорогой и лишь немного расступались, подходя к пашням. Это то, что принято называть глухим эоловым углом.

Вряд ли сюда часто забредали торговцы или сборщики налогов, здесь не выступали уличные артисты и не устраивали ярмарки. Наверное, тут ничего не изменилось за последнюю сотню лет. Но Волотки были еще живы, мы смогли убедиться в этом прямо за завтраком.

Лаяли собаки, слышался стук топора — сосед Пелагеи колот дрова. Какая-то женщина кому-то что-то высказывала, и этот кто-то вяло отнекивался в ответ. Где-то заплакал ребенок, потом успокоился. Послышались веселый смех и разухабистая пьяная песнь раннего гуляки.

Простые и привычные звуки. Словно и не уезжала никуда.

— Вы уж не побрезгуйте, — бормотала местная травница, молодая девушка, представившаяся Майаной, и торопливо выкладывала на стол кабачки, репу, банку с огурцами. — Я ж от чистого сердца. — Она опустила глаза и, торопливо скомкав полотняную суму, выскочила из светелки.

Тут же появилась Пелагея с полным чугуном картошки, проводив взглядом травницу, уверенно проговорила:

— Хорошая девушка, — и посмотрела на меня.

— Да мы не сомневаемся, — кивнула я, и женщина отчего-то смутилась, видимо, меня к этой категории причислить было трудно: таскалась с тремя парнями по лесам. Хотя спали мы в разных комнатах — я на террасе, они в спальне, что уступила им хозяйка, перебравшаяся на печку... — Вы уж не побрезгуйте, — повторила она загадочно и снова ушла.

— Кто-нибудь понял, чего она хотела? — нахмурился Рион. — Кроме того, чтобы мы съели ее продукты?

В ответ Михай крякнул и запустил черпак в котелок. Снова хлопнула входная дверь, в комнату торжественно вошли три матроны внушительного

вида с котомками и корзинками.

— Наши дары колдованцам, — поклонилась самая высокая и принялась перечислять: — Яйца, хлеб, соленья, копченья...

— С личной коптильни старосты, — вставила стоявшая справа пухленькая женщина в расшитом платке.

Из-за печки выглянула Пелагея, окинула взглядом стол, на котором почти не осталось места, и снова исчезла.

— Который здесь самый могучий чаровник? — поинтересовалась высокая, закончив выкладывать продукты.

— Он, — тут же указал на стрелка Вит.

Михей от такой чести выронил ложку, она стукнулась о тарелку, часть каши плюхнулась на скатерть.

Женщина, что стояла слева, нервно поправила седые, забранные в пучок волосы, придирчиво оглядела стрелка, как лошадь на ярмарке, и вынесла вердикт:

— Пригожий, — а потом повернулась к чернокнижнику, — но и ты ничего, не беда, что кровей ненашенских.

— А парнишка-то совсем молоденькой, — вставила та, что в платке, с жалостью глядя на Риона.

— Так, любезные, — не стал вдаваться в причины, вызвавшие жалость, чаровник. — Вы любопытствовать пришли или по делу? Продукты — дело хорошее, но...

— По делу, — прервала его самая высокая. — Вы, господа чаровники, про указ короля Ирина Первого слышали?

Рион вдруг закрыл лицо руками, худые плечи задрожали, то ли от плача, то ли от смеха.

— Нет, — ответил за всех Вит.

Я согласно кивнула, хотя что-то такое вертелось в голове, что-то скабрзное, вон и Михей старательно морщил лоб, не забывая, впрочем, накладывать картошку и присматриваться к банке с огурцами.

— Вы обязаны обеспечить постоянный прирост поголовья колдованцев в посещаемом селении, — выпалила пухленькая и посмотрела на стрелка.

Но парень продолжал невозмутимо есть.

— В каком смысле — обеспечить? — не понял Вит. Или понял, но никак не мог поверить услышанному.

— В прямом, — сдавленно ответил Рион, уши которого наливались краснотой.

— Для сей благой цели, — добавила седовласая, — мы готовы

предоставить вам своих дочерей, племянниц или любых других женщин по вашему выбору, — закончила она и снова кокетливо поправила прическу.

Михей опять выронил ложку.

— Указ издал основатель династии Тиринов. — Рион замотал головой. — И он до сих пор не отменен.

— Вы уж не побрезгуйте, — проговорила уже знакомые слова женщина в платке.

Стрелок покраснел и уткнулся в тарелку, Пелагея снова выглянула и снова исчезла.

Чернокнижник сидел неестественно прямо, видимо, пытался понять смысл выражения «обеспечить постоянный прирост поголовья» применительно к себе. Судя по выражению вирийского лица, со смыслом было туго.

Я слышала об этой давней традиции. Причем слухи походили на бабкины сказки. Рассказывали, что в древние времена чаровники ездили по деревням и старались оставить как можно больше потомства. Насколько я помню, такое уже три столетия не практиковалось. Потому что способности к магии наследовались настолько редко, что больше это походило на совпадение. Да и, как поговаривали, многие маги злоупотребляли этим правом, недовольные крестьяне слали жалобы в Велиж и даже подбрасывали «наследничков» к стенам города магов.

И вот теперь в этих забытых всеми Волотках парням предлагали увеличить... хм... магическое поголовье. Мало того, всячески готовы были послужить высокой цели, даже продуктов принесли...

— А ты, малышка, тоже чаровница, что ль? — глядя на меня, просюсюкала женщина в платке. — Худая какая и хлипкая, покачала она головой. — Но не бойсь, и тебе полезное применение найдем. А хошь, замуж выдадим? У меня сынок как раз в возрасте. Высок, как дуб, силен, как бык, и ест за троих. Чем не муж?

Я криво улыбнулась. Впервые пожалела, что на мне маскировочный кулон, а так — посмотрела бы я на этих сватов! Сынуля еще и жрет от пуза, ясное дело, от такого подарка судьбы надо избавляться, то бишь — подарить другому.

— Стрига я, тетенька, — с легкой придурью ответила ей. — За предложение спасибо. Четверых мужей уж схоронила. От пятого не откажусь.

Женщины, как по команде, подняли руки и поводили перед собой в отвращающем жесте. Но поводили с уважением. Нечисть отгоняли. Темный народ, ну с какой стати той же злыдне бояться их размахиваний руками?

За окном кто-то вскрикнул, в ответ кто-то засмеялся, кто-то попросил пропустить его к крыльцу. Похоже, у домика Пелагеи собралась большая часть населения Волотков, и наверняка все с припасами.

— Так. — Рион резко поднялся, задел стол, банка с огурцами качнулась, но не упала. — Так, — повторил он и зашагал к выходу.

Я отодвинула тарелку и пошла следом. Тетки попятились. Чаровник распахнул скрипнувшую дверь, которую с той стороны явно чем-то подперли. Чем-то оказался мужик с усами и мешком картошки, терпеливо ожидавший своей очереди, чтобы вручить нам часть заготовленных на зиму припасов. Здесь что, дом приема помощи особо голодающим чаровникам?

— Любезные, — гаркнул маг, перекрывая гомон. Народу собралось немало, женщины и дюжие дядьки, пара старушек и босоногий пацан с прутиком. — Вы по какому поводу здесь топчетесь?

Все заговорили разом. Женщины толкали друг друга локтями, один из мужиков весомо потрясал кулаками, девочка лет пяти на всякий случай заплакала, бабка беззубо пошамкала губами и огрела половником какого-то парня (надеюсь, она сюда не для того, чтобы увеличить магическое поголовье, пришла). Улыбающийся Казум стоял справа от двери и, кажется, гордился делом рук своих.

— Дело ясное, что дело темное, — пробормотал Рион и поднял руку, призывая к тишине. — У каждого своя беда, верно?

Притихшая толпа снова загомонила. Дверь за нашими спинами скрипнула, и на улицу вышли давешние матроны.

— Так вот, у господ колдованцев сегодня неприемный день. Все жалобы и предложения прошу излагать письменно и оставлять на крыльце. Ясно?

Ответом ему была тишина. Видимо, столько незнакомых слов они слышали в первый раз.

— Значит, ясно, — констатировал чаровник. — Расходитесь.

Парень скрылся в доме и с такой силой закрыл дверь, что едва не прищемил мне руку.

— Чего ты злишься? — спросила я, и дверь тут же распахнулась. К счастью, крестьяне действительно стали расходиться, пусть и с неохотой. — Кто же знал, что, вместо того чтобы заставить извести мышей в погребе, тебя попросят... — Я не удержалась и хихикнула.

— Айка, — возмутился парень и снова дернул за ручку. Непослушная дверь снова открылась.

— Другой бы на твоём месте пользовался случаем. — Я бросила взгляд за порог и начисто забыла, что еще собиралась сказать.

Две женщины, спорившие у кустов бузины, пошли прочь. За ними стояла третья, чуть сгорбившаяся, в темном платке, из-под которого выбивались рыжие пряди, худенькая, молодая и знакомая...

— Айка? — насторожился Рион, но я уже распахнула дверь и выскочила на улицу.

— Лиска! — позвала рыжую.

И она услышала. Вздрогнула, подняла голову и... бросилась бежать. На этот раз пропавшая Лиска из Хотьков не спешила расточать улыбки.

Я кинулась следом, за спиной раздался удивленный и немного испуганный крик Риона. Кумушки в платках проводили меня заинтересованными взглядами, мужик с бородой отбросил топор, который зачем-то взял на встречу с колдованцами, и, приложив ладонь ко лбу, посмотрел вслед девушке. Я бежала. Не зная, зачем и что будет, когда догоню. Если догоню. Почему это стало важным? Мало ли что она здесь делает. Может, замуж вышла за одного из местных обжор, а может, дурман-травами приторговывает.

Девушка ринулась в проулок, выскочила на соседнюю улицу, пробежала до конца и юркнула в проход между домами. Узкое пространство, с трех сторон ограниченное заборами. Я оказалась там на мгновение позже, но этого времени Лиске хватило, чтобы исчезнуть.

Дальше пути не было. Вряд ли девушка успела бы перелезть через ограду. Скрипнула низкая калитка, наполовину скрытая диким вьюнком. Закрытая, но не запертая.

Я приоткрыла дверцу и вошла в чужой сад. Ухоженная тропка вела от забора к боковой двери дома. Кстати, чуть ли не единственного двухэтажного в Волотках — под новенькой черепичной крышей.

Стоило ступить на утоптанную тропинку, как из-за угла выскочил лохматый вислоухий пес. Одного взгляда на него хватило, чтобы понять: дружбы со зверем не получится. Не знаю, что меня в этом убедило — белоснежные клыки, которые он продемонстрировал, или та стремительная бесшумность, с которой пес бросился к калитке.

Я отпрыгнула назад, калитка бесшумно захлопнулась, начавшие желтеть листья качнулись. Пес остановился и посмотрел на меня черными глазами.

— Эол, — зло проговорила я, вглядываясь в окна. Показалось или в одном действительно дрогнула занавеска?

Лиска пересекла двор и выскочила на другую улицу? Или прячется в доме? Я снова посмотрела на пса, застывшего по ту сторону забора. Но как же тогда этот молчаливый сторож?

Скрипнула дверь и на дорожку вышел детина, на вид — родной брат нашего кузнецкого сына — широкие плечи, пудовые кулаки, низкий, не отягощенный раздумьями лоб.

— Э-э-э? — красноречиво протянул мужик.

— Ташик, — раздался взволнованный женский голос, и из-за угла показалась запыхавшаяся женщина. Кажется, именно она сватала мне сыночка. Остановившись, матрона с тревогой посмотрела сначала на детину, потом на меня. — А вы, госпожа стрига, почто тут?

Пес вяло вильнул хвостом, но от забора не отошел.

— Наследство... тьфу, хозяйство осматриваю, — ответила я.

Нет, занавеска совершенно точно качнулась.

— Э-э-э, — повторно выдал детина.

— А у вашего сыночка, совершенно случайно, нет другой невесты? — Я посмотрела на окно. — Рыженькой такой?

Женщина вытаращила глаза, что можно было трактовать как угодно. Парень сморщил лоб, открыл рот и в третий раз выдал:

— Э-э-э.

Была бы на самом деле чаровницей, они бы у меня сейчас все выложили. Наверное. Ну не грозить же им карой Эола, на самом деле? Или грозить? На моем лице отразилась внутренняя борьба... Жених хрюкнул и прогудел:

— Матушка?

— Ташик, — с надрывом ответила та и не менее трагично добавила: — Госпожа чаровница...

Занавеска больше не качалась, была здесь Лиска или нет, теперь она в любом случае уже далеко. И это отчего-то тревожило.

— Не губи-и-и-и! — вдруг завыла тетка и бухнулась на колени. — А-а-а!

Пес завертелся на месте и на всякий случай зарычал. Матрона тюкнулась головой о землю и продолжила голосить, на соседнее крыльцо выскочила светловолосая молодая девушка в фартуке. На Лиску она совсем не походила. Из сарая напротив вышел мужик с вилами. Женщина стенала, охала, увлекаясь все больше и больше, получалось громче и громче.

Эол, далась мне эта Лиска? Ну догнала бы, ну призвала бы к ответу, что очень сомнительно. И что? Почему она вообще убегала? Я что, такая страшная? Девушка не раз видела меня и без амулета, первый испуг не в счет. Или как раз в этом все дело? Она меня узнала. А я ее.

Пропавшая Лиска из Хотьков. Помнится, девушка, была напрямую связана с тем, что происходило в селе Михея.

Так это она, мой камышовый кот, которого я не вижу? Что на самом деле не давало мне покоя с тех самых пор, как мы переступили порог домика Пелагеи?

Я обернулась и обнаружила мужика с вилами в непосредственной близости. Доигралась! Давно ли на тебя в последний раз с вилами ходили? По всему выходило — давно, успела запомнить.

Я оскалилась, коснулась капельки медальона.

— Чёй-то я не пойму. Это ты за Ташиком пришла, что ль? — наконец спросил доброволец с оружием.

Матрона взвыла так, что даже глухой услышал бы.

— Хм... уважаемая...

— Стрига она, Лимт, — заорала женщина. — Я-то по дурусти решила, что чаровница, а она ведьма ползучая!

Звучало так, словно я нарочно переметнулась от магов к ведьмам, только чтобы досадить местным. И почему именно ползучая?

— Брата не отдам, — изрек дядька. — Лучше заколю, — и для наглядности потряс вилами — вдруг я их сразу не разглядела.

Вопрос — «кого?» я благополучно проглотила, против обыкновения посоветовав себе подумать, а уж потом говорить. Девушка на соседнем крыльце спрятала лицо в фартук.

— Что тут происходит? — спросил, сворачивая в проулок, Рион — брови сурово нахмурены, плечи расправлены, в голосе сталь...

Именно с таким лицом малолетний карапуз вперевалячку бежит за старшим братом и изображает взрослого. В любой другой ситуации я бы засмеялась, сейчас же внезапно обрадовалась тому, что не придется удирать от разгневанных крестьян. А если и придется, то не в одиночестве.

— Я спрашиваю, что здесь происходит? — переспросил чаровник и между пальцами как бы невзначай проскочила оранжевая искра. Она произвела гораздо большее впечатление, чем любое взывание к Эолу. Боги с их карами далеко, чаровники с их пламенем куда ближе.

Вилы опустились, стенавшая баба затихла, собака вяло вильнула хвостом, разом потеряв интерес к моей персоне.

— Э-э-э, — в очередной раз выдал таинственный звук детина.

— Да вот, пытаюсь узнать, как пройти к травнице, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал весело, а не истерично.

— Узнала? — в свою очередь сделал вид, что поверил, чаровник.

Я перевела взгляд на мужика с вилами, но тот продолжал хранить молчание, баба упорно разглядывала едва подсохшую после вчерашнего дождя грязь. Над забором показалась голова Казума, вернее, он сам оперся

о частокол и уставился на меня немигающими глазами.

— Майана живет за северной околицей, возле озерца, — ответила девушка с белой косой, — там тропа широкая, не ошибетесь.

— Спасибо.

Я отвернулась от гостеприимного дома, обошла мужчину с вилами и почти поравнялась с Рионом, когда раздался голос давешней матроны, которой все еще не давало покоя сватовство:

— А еще на северной окраине у Селехи дом с красным петухом на крыше. И корова в хозяйстве имеется, наша-то Милка еще в прошлом годе копыта на холодец откинула. — Женщина тяжело вздохнула, видимо, воспоминания пробуждали в душе печаль. Рион взял меня за руку и потащил прочь. — У Селехи пятеро сыновей, — повысила голос матрона, боясь, что ее не услышат. — И все на выданье.

— И вилы в хозяйстве тоже наверняка есть, как и топор, — пробормотала я.

— Айка, — зашипел парень, — мы сюда не с крестьянами воевать приехали, а...

— А с кем? — перебила, вырывая руку и оглядываясь.

Обитатели дома остались за забором с псом и вилами. Казум уже шел вниз по улице и даже не смотрел в нашу сторону. Станный он сегодня, то улыбается от уха до уха, то, как сейчас, делает вид, что ему нет до нас никакого дела, вон, штаны успел где-то изгваздать.

— Ни с кем, — отрезал чаровник. — Воины из нас — так себе. Мы просто ищем достаточно глухой угол, чтобы переждать бурю. Это тебе в первую очередь надо, — не удержался он от упрека.

— Я помню, но Лиска...

— Далась она тебе. — Рион раздражался все больше и больше. — Вы с чернокнижником — два сапога пара. Везде враги мерещатся, даже в трактирной стряпухе.

— Она была в Хотьках, потом в Велиже на казни, теперь здесь. У этой трактирной девки непереносимый зуд в ногах. — Крестьянин с бородой, что шел нам навстречу, скомкал шляпу, поклонился чаровнику и перешел на другую сторону улицы. — Увидев меня, она очень испугалась! С чего бы это? Могла просто плюнуть вслед, как остальные.

— Она просто тебя узнала, — отмахнулся Рион и вдруг замер столбом посреди улицы. — Но как? В Хотьках и в Велиже ты была без амулета, а сейчас... — Он не договорил, остановился, всмотрелся в мое лицо, словно надеясь увидеть вторую личину, настоящую, бесцветную, что так пугала крестьян. — Как она узнала тебя?

— Об этом я у нее тоже хотела спросить.

— Дасу знает, что творится, — неопределенно буркнул парень и снова пошел вперед.

Улицы в Волотках тянулись с запада на восток. До северной околицы добирались переулками. Нас провожали поклонами, перешептываниями и любопытными взглядами.

И это тоже выводило из себя. Отчего-то нестерпимо захотелось уйти. Вот прямо сейчас выйти за околицу, миновать березовую рощу, обогнуть озерцо с мостками, в котором наверняка полощут белье, собирая пиявок и ряску. Не останавливаться у кособокой избушки, стоящей у самой воды, которую наверняка заливает по весне. Просто уйти. И никогда сюда не возвращаться. В лесу не так уж и плохо, там можно скрыться от чужих глаз...

Я передернула плечами. Опять этот странный зуд между лопатками и ощущение чужого выжидательного внимания, от которого хотелось позверинуому вздыбить шерсть на загривке и зашипеть.

— Айка, — позвал Рион, как-то неуверенно дернув меня за рукав.

— Что? — повернулась к парню.

— Ничего. — Он вдруг поднял обе руки. — Ты вроде к травнице собиралась. — Чаровник кивнул на избушку, оставшуюся по правую руку. Я ведь и в самом деле чуть не ушла в лес. — Не скажешь, зачем тебе травница?

— Травница? — переспросила я и, подойдя к двери, тихо добавила: — Самой бы вспомнить, — но все-таки подняла руку и постучала.

В доме что-то упало, звякнуло и наверняка разбилось, раздались негромкие, но душевные ругательства, и через минуту дверь распахнула растрепанная девушка в льняном платье, что давеча приносила нам кабачки.

— Ой, — сказала Майана вместо приветствия, перевела взгляд поверх моего плеча на Риона и густо покраснела. — Это... это вы?

Я оглянулась на парня и подтвердила:

— Мы. А ты ждала кого-то другого?

— Не... не знаю, — пробормотала она и посторонилась. — Проходите.

Избушка у травницы оказалась маленькой: сени да комната, служившая и кухней, и спальней, и рабочим помещением. Немного захламлено, но уютно. На полу у стола осколки глиняной чашки. Коричневая жидкость медленно впитывалась в темные доски. Пахло травами, горьковатым маслом и ягодами. Запахи словно вернули меня в детство. И желание спрятаться в лесу на миг отступило. Захотелось

вернуться домой в Солодки, к неулыбчивым крестьянам, новобрачной Ксанке и ласковым рукам бабы Симы.

— Садитесь, господа чаровники, — зажигая одну за другой свечи, суетилась хозяйка. — Я тут... я сейчас... — Она обернулась на широкую кровать, небрежно прикрытую вязаным одеялом, и покраснела еще гуще.

— Мы не увеличивать магическое поголовье пришли, — поспешила успокоить я девушку, но добилась почему-то прямо противоположного эффекта, да еще и Рион закашлялся. — Лучше скажи, ты всех в Волотках знаешь?

— Конечно. — Она замерла с лучиной в руках, беловатый дым поднимался к потолку.

— Нет ли у кого в родственницах рыжей девушки. — Я описала Лиску. — Она могла на некоторое время уезжать или, наоборот, объявиться сейчас, нежданно-негаданно свалиться родным на голову?

Майана задумалась.

— Нет, не было такого. У нас вообще рыжеволосых нет.

Причин не верить травнице не имелось, но вот беда — я была уверена, что Лиска в деревне. Значит, она скрывается. Интересно, зачем? Почти так же интересно, как и у кого?

Я немного помялась, не зная, что еще спросить.

— Это все, что ты хотела узнать? — подняв брови, поинтересовался Рион и попенял, словно маленькой: — Айка, Айка...

Это должно было разозлить меня, но не разозлило. Зато снова потянуло в лес, такой темный и такой тихий. Там под еловыми лапами всегда прохладно, и, если затаиться, охотник может пройти в шаге от тебя и ничего не заметить.

Чувство опасности накатило внезапно, только что ничего не было, а через миг...

«Бежать! — стучала в голове мысль. — Немедленно!»

— Айка, — осторожно позвал Рион.

— Надо идти, — сглотнув, проговорила я, удивляясь, как непривычно низко звучит мой голос, будто после простуды. Майана испуганно перевела взгляд с меня на Риона. — Надо, — еще уверенней повторила я и бросилась вон из избы.

— Айка, что ты... — Чаровник выскочил следом.

Вместо ответа я дернула головой и пошла, почти побежала по лесной тропе... Нет, не по ней, я побежала к лесу.

— Эол, что же это! — запричитала за спиной травница.

— Айка, — в третий раз крикнул ученик мага, нагнал и схватил меня

за руку, заставив отвернуться от спасительной тени леса.

Рион не понимал. Никто не понимал, даже я.

Не знаю, чем бы все закончилось, вряд ли чем-то хорошим. Парень перехватил мои руки и не давал вырваться. Он что-то говорил, даже кричал, травница бестолково скакала рядом. Я вырывалась и, кажется, шипела...

Они не понимали. Что-то назревало вокруг, что-то большое и недоброе раздувалось, как пузырь в мыльной воде. Оно заставляло меня скулить и торопиться. Оно заставляло меня бояться. И еще немного удивляться тому, что остальные этого не ощущают, ведь сам воздух пах предчувствием.

А потом оно лопнуло, разлетелось грязными брызгами, которых никто не видел. Разлетелось яростным, захлебывающимся криком. Так выл пес, попавший под тяжелую телегу кузнеца, выл, пока были силы, а из брюха вываливались дымящиеся внутренности. Кузнец свернул ему шею, чтобы не слышать этой смертной тоски и боли в крике животного.

А здесь, в Волотках, завыл человек.

Я остановилась. Рион вздрогнул, Майана стала озираться. Крик замолк. И больше не повторялся. Странная будоражащая тревога схлынула, как вода по весне, оставив после себя непонятное чувство узнавания. Словно все это уже было, жизнь сделала круг и вернулась к началу, повторяя события — деревня, тревога, крик... Сейчас я побегу и найду кого-нибудь мертвым.

Но первым бросился вперед Рион, за ним травница, а за ней я, все еще оглядывающаяся, все еще принимающаяся к воздуху, все еще ожидающая... чего?

Тело лежало возле ограды, за которой начинался яблоневый сад, деревья мягко шевелили листочками, отяжелевшие от плодов ветки опирались на забор, роняя к ногам мертвеца спелые плоды.

— Что это? — очумело спросил Рион, останавливаясь. — Кто это?

Вместо ответа Майана упала на колени возле неподвижной женщины. Несчастная совершенно точно была мертва, мне это стало ясно и без осмотра, но травница упорно пыталась услышать биение сердца или дыхание.

Тело лежало на боку, голова откинута, глаза закрыты, как у спящей, вывернутая рука прижата туловищем к земле. Крови не было. Совсем как тогда...

Девушка бормотала молитву Эолу, одновременно ища на поясе необходимую склянку или кулек со снадобьем. Жаль, лекарства от смерти еще не придумали.

— Она мертва, — сказала я.

Травница вздрогнула, замотала головой, снова зашептала что-то, вытирая слезы.

— Ты ее знала? — тихо спросил Рион.

— Игнара. — Голос Майаны опустился до едва различимого шепота. — Седмицу назад сломала руку, на чердак лазила, оступилась. Я ее лечила... Да примет ее Эол.

— Или Рэг, — добавил кто-то. Девушка вздрогнула, торопливо сотворила отвращающий знак.

Я обернулась. На дороге стояли Вит с Михеем, у стрелка в руках — заряженный арбалет. Но вот странность — направлено оружие было отнюдь не в сторону. Оно смотрело аккуратно на чернокнижника. Стрелок дрожащими руками перехватил арбалет и выглядел при этом напуганным.

— Что здесь произошло? — Вириец спрашивал так, словно имел на это право.

— Мы не знаем, — развел руками Рион, — мы были у травницы, а потом... — Он посмотрел на меня, но все же продолжил: — Айка сошла с ума, стала рычать, шипеть, то ли убежать хотела, то ли покусать кого-то. Я как раз схватил ее, когда закричала женщина. — Чаровник опустил голову, разглядывая мертвое лицо. — И все.

— С господином вирийским чаровником было почти то же самое, — буркнул Михей, качнул оружием, встретился взглядом с Витом и, сглотнув, добавил: — Тока он не кусался и в лес не бежал, но очень уж на зверюгу, что за черень^[16] показывали в лийском балагане, походил: рычал, аки волк, и слюна капала...

— Как же все не вовремя, — запустил пятерню в волосы Рион. — И что теперь делать? Может...

— Не может. Надо уходить, иначе нас в ее смерти обвинят. — Я огляделась, но на дороге пока никого не было. Тишина, ни одна собака не залаяла. Даже странно.

— С чего бы это? — не понял чаровник.

Я могла бы ему рассказать, «с чего», но вряд ли тот, кого ни разу не закидывали камнями, поймет того, кто неплохо научился от этих камней уворачиваться.

— Как проклял кто-то, — расстроено сказал Михей, опуская наконец оружие. — Словно шалые — все беды да несчастья цепляем.

— Какая интересная мысль, — протянул чернокнижник.

— Предлагаю обсудить ее не здесь, — сказала я.

— Поддерживаю, — кивнул Вит.

— Никто никуда не пойдет, пока вы не объясните мне, что это

было? — Рион скрестил руки на груди. — С Айкой и с тобой. Я не собираюсь поворачиваться спиной непонятно к кому.

Молчаливая Майана переводила взгляд с одного лица на другое и в конце концов снова стала смотреть на труп. Правильно, так оно безопаснее.

— А ты можешь остаться, — великодушно разрешил Риону черно книжник, кивнул мне и зашагал по улице. Даже поднятый и нацеленный в спину арбалет не заставил его обернуться. Я помедлила не дольше секунды и бросилась за Витом.

— Что это было? — первым делом спросила, поравнявшись с мужчиной. — Мне-то хоть скажи.

— Да ничего серьезного, — отмахнулся он. — Кровь отреагировала на готовящийся выплеск силы.

— Какая кровь? — спросил Рион, догоняя вирийца, Михей пыхтел рядом.

Я обернулась — травница все еще стояла на коленях рядом с телом. Меня кольнуло чувство легкого недовольства. Не дело, если ее застанут рядом с убитой. Ох не дело, она, конечно, травница, а не ведьма, но от одного до другого рукой подать.

А вообще, разве это мое дело? Не мое. Отчего же недовольство лишь усиливалось?

— Обычная темная кровь, — буднично поведал Вит. — Все мы — потомки дасу, но в ком-то она спит, а в ком-то просыпается.

— Дасу? — рявкнул Рион, и за соседним забором залаяла собака. — Ты спятил, кудесник? — Рион недовольно поморщился. — В том, что ты нелюдь, я никогда не сомневался, но Айку в это не впутывай.

— Решать не тебе и не ей. Предки за нас уже все решили, — усмехнулся Вит. — Зря ты так дергаешься. На себя в зеркало сначала посмотри и подумай, откуда у простолюдина из Пограничья такая светлая кожа? Оглянись, чаровник, и раскрой глаза пошире.

— Да как ты смеешь, отродье...

— Я хотела убежать в лес, — перебила чаровника. — И убежала бы, если бы не Рион. В воздухе словно разливался... разливалось... Я не знаю, что это было.

— Предчувствие опасности, — кивнул Вит. — Знаешь, как дикие звери бегут от лесного пожара, всегда инстинктивно выбирая правильное направление? Вот и здесь так. Что-то вроде инстинкта.

— Но раньше такого не было, — нахмурилась я. Впереди показался домик Пелагеи. — Неужели мой папочка и в самом деле маг? Вернее, демон? — Я задумалась, засомневавшись, что лучше.

— Уверена, что не было? — прищурился мужчина. — И по спине никогда не пробежали мурашки из-за предчувствия неудачи?

— Пробежали, — призналась я, стараясь отогнать воспоминания о твари в родной деревне Михея и о колодце с живым туманом. — Убежать мне хочется часто, особенно когда смотрю на тебя. Но не покусать тех, кто пытается помешать.

— А кто-то пытался? На самом деле? Наш геройский маг? Айка, кровь не обманешь, иногда ты знаешь, что бежать бесполезно, а иногда знаешь, что незачем. К примеру, если тебя настигает не огонь, а охотник. Надо просто развернуться и дать бой. Тарийские недоучки даже не поняли, что попало к ним в руки, — покачал головой вириец. — А насчет папочки — не знаю. Может, мамочка, а может, двоюродная бабка, — пожал он плечами. — Крови капля, но она есть. И она проснулась. Тебе придется с этим жить. — Вит открыл дверь в дом Пелагеи.

— Или умереть, — недовольно пробурчала я, заходя следом. Эта капля едва не превратила меня в зверя, я даже думать ни о чем не могла. Такого раньше не было!

— То, что произошло сегодня, — Вит обернулся, — просто...

— Сегодня вы оба чуть не спятили, — закончил Рион. — Исходя из твоих объяснений, нам едва не оторвали головы, а мы и не поняли этого?

— Точно, чаровник, — согласился чернокнижник. — Вот видишь, ты тоже умеешь думать, когда напряжешься.

Михей закрыл дверь и с беспокойством спросил:

— А теперь что? Седлаем лошадей?

— Ничего, — ответил Вит. — Мы ничего не знаем, ничего не делали и ничего не видели. В конце концов — это правда.

— Но как же... — не понял стрелок.

— Никак, — неожиданно согласился с вирийцем Рион. — Это не наше дело. Пока. А вот если нас попросят разобраться, то мы должны будем...

Что «мы должны будем», так и не услышали, потому что в дверь громко постучали. Где-то за окном тоскливо завывала собака, по спине побежал холодок нехорошего предчувствия.

Глава 5

ИСЧЕЗНУВШАЯ ЖЕРТВА

Стук повторился, настойчивый и нетерпеливый. Мы переглянулись, словно мыши, застигнутые котом у миски со сметаной.

— Господа колдованцы! — закричали с улицы, и мы узнали голос Казума. Михай даже неуверенно улыбнулся, а вот я радоваться не спешила. — Господа колдованцы, дело до вас есть. Спешное!

— Точно, — пробормотала я. — Спешно на костер препроводить.

— Айка, — покачал головой Рион, но без особого удивления, и громко выкрикнул: — Заходите.

Мельник не заставил себя ждать — так и непочиненная дверь скрипнула, мужчина тяжело переступил порог, миновал сени, вошел в комнату и с облегчением вывалил на стол перед Витом ворох бумажек.

— Вот, — удовлетворенно выдохнул Казум, а я заметила, что он уже успел переодеть портки, так как рыжая грязь исчезла.

— Что это? — удивленно поднял брови чаровник.

Тот же вопрос мучил и меня. Честно говоря, я ожидала чего-то более неприятного вроде топоров и факелов. А тут бумажки, лежат себе тихомирно, не кусаются. Скрученные листки, некоторые даже с ленточками, некоторые без, некоторые небрежно сложены, с рваными и истрепанными уголками, будто бумагу уже использовали, причем не один раз.

— То, что просили, — качнул головой мельник и добавил: — Надобности. Сами же велели. Чин по чину, усе сделали, написали, как было сказано. Потом еще добавим.

— Так это — не все? — сел за стол вириец.

— И откуда столько грамотеев взялось? — удивился Рион.

— Так к Ламару-писарю все подались, — сказала появившаяся вслед за мельником Пелагея.

— Точно, — подтвердил Казум. — Остальное Хирей-пасечник донесет, если у Ламара рука раньше не отвалится.

— Зато корову — точно купит, — вставила хозяйка, вытирая руки фартуком. — Ну не корову, так козу.

— «Досточтимые господари чаровники. — Чернокнижник развернул ближайший свиток, отбросил в сторону яркую алую ленточку, явно позаимствованную из чьей-то косы, и стал читать вслух, — на милость

вашу уповаю, дозволения испросить имею, дабы первой доставить до вас дочь свою для последующего... — вириец запнулся, сделал круглые глаза и закончил: — Поноса».

Рион закашлялся, Михей покраснел и сделал вид, что угол печи интересует его гораздо больше, чем бумажки на столе.

— «Девка ликом красна и кругла, славна косою, а посему вызывает охоту и приязнь. Доселе не венчана. Бела, пышна, бед... бедриста и полногруда, тем паче понести и разрешиться смогёт без труда. Вопрошаю за разрешение нужды. — И подпись: — Кагора-ткачиха».

— Кто про что, а эти все о том же, — пробормотал Рион и проводил взглядом Пелагею, которая отправилась переставлять чугушки в печке.

Следующий листок, замызганный и небрежно скомканный, Вит брал с явной опаской.

— У мужичка шишок^[17] сдох, — через минуту сказал чернокнижник. — Требуется заселить нового.

— Изгнать, — поправил его Рион.

— Нет. Подселить. Скучно человеку. Прежнего он схоронил «полюдски» и теперь страдает от одиночества.

— Как это он умудрился нежить бестелесную земле предать? — спросила я.

— Полна земля тарийская чудес невиданных, — почти пропел Рион.

— И первача, переброжённого в количествах немереных, — в тон ему заметил вириец, отбрасывая бумажку.

— Дядька Казум, — позвала я, подергав мельника за рукав, пока парни разворачивали следующий листок. — Мне слышалось или кто-то кричал? Знаете, так, словно руку дверьми прищемил? Или не руку...

Знаю, этот вопрос задавать не стоило. Не стоило вообще привлекать внимания, но... Меня все еще преследовало это странное чувство, будто кто-то смотрит в спину. Оно чуть притупилось, но не исчезло. Я даже оглянулась на красный угол, но там был только лик Эола. Бог взирал сурово и даже с укором, вряд ли ему нравилось, чем мы тут занимались.

— Да нет, — отмахнулся мельник. — Вернее, да, — тут же поправился он. — Я тоже слышал, уже, грешным делом, подумал, что у пастуха Жига жинка снова в родах, а оказалось... — он вздохнул, — Игнара-пьяница к Эолу отправилась. Допилась, вестимо.

— То есть она умерла от...

— Да не знаю я, от чего. Браги перебрала, все давно к этому шло, прошлую годовщину сошествие Эола так встретила, что пластом седмицу лежала, даже сил выть не было. Майана так и сказала: коль заливать не

перестанете, кишки вспучит. Она не перестала. — Мельник пожал плечами, а потом, словно спохватившись, добавил: — Жалко, конечно, хоть и дурна баба. Я как раз у писаря был, когда девки голосить начали, но сразу к вам поспешил, ибо нужды людские — они важнее. Там сейчас Шугар, на ледник ее свезет. Эх, все-таки придется за Теиром ехать, уже двое представились, схоронить надобно...

Я ничего не сказала. Не смогла, так как кишки свернулись узлом не только у неведомой Игнары-пьяницы. Потому что еще недавно в Хогьках тоже гибли люди и тоже от пьянства. Три ночи подряд.

Парни тем временем разворачивали одну бумажку за другой. Свитки, перетянутые цветными лентами и бечевками, содержали по большей части предложения доставить к чаровникам ту или иную дочь или племянницу в качестве матерей для будущих чаровников. Такие послания просто отбрасывали в сторону, видимо, предполагаемые отцы не горели желанием стать оными.

— Просят снять порчу с глаз... нет, сглаз. Черт его знает, как правильно.

— Тут женщина хочет заговорить мужа от пьянства.

— А другая просит срочно ввести своего в запой «на подольше». Ибо спасу от него нет. «Доколе в избе сиднем сидеть буде да жизни поучать!»

— Так устроили бы родственный обмен, — предложил Вит.

Рион хмыкнул и зачитал следующее:

— Вразумите Гишку, козла безрогого. Бодает всех. Даже курей. Накануне и вовсе с петухом подрался. Объясните неразумному, что раз рогов нема, то и биться нечем.

В дверь снова постучали. Вит поднял голову. И в его глазах я увидела отражение своего страха, своих настороженности и предчувствия. Чернокнижник сидел за столом, читал записки, спина прямая, плечи напряжены... Он ждал так же, как и я, пусть Михей уже давно опустил арбалет, а Рион пренебрежительно хмыкал над «просьбами». Мы знали — что-то близится, неслышно подступает к самому порогу и скоро заглянет на огонек...

На этот раз проситель не стал дожидаться разрешения, возможно, боялся его не получить, он ввалился в дом Пелагеи без спроса — высокий худой мужчина, пахнувший дымом и горелым маслом. За ним в комнату вбежала растерянная Майана.

— Вам чего, Шугар? — спросил мельник, скорчив недовольную мину, словно вошедший ему не нравился. Вернее, судя по брошенному на Риона заискивающему взгляду, Казуму было неловко за неопрятного и вонючего

односельчанина. Так же смотрел на чистильщика выгребных ям наш староста, когда тот явился в храм Эола пред светлые очи заезжего смирта. Староста не стыдился самого чистильщика, он стыдился того, что односельчанина в таком виде увидел тот, перед кем он не хотел ударить в грязь лицом.

— Казум, ты чего, шутковать изволил?

— Охолони, Шугар, не видишь, господа колдованцы заняты.

— Да я-то чего, — смутился вновь вошедший. — Сам же послал за покойницей, сам сказал, а потом сам же и...

— Дядька Казум, — пролепетала Майана, — Игнара пропала.

— Как пропала? — не понял мельник. Вит повернулся к травнице, Михей осенил себя знаком Эола. — Ты куда ездил-то?

— Дык куда сказал — на северную окраину, к дому Сурьки, токмо тама никого не было. Я ведь даже сунулся к ней, а дурна баба сказала, что ты сам давеча приходишь изволил и тело на телегу грузил. Оно и ладно бы, токмо зачем меня звал тогда? Работы и так по маковку...

— Майана, — перебил мельник. — Чего он несет?

— Я оставила Игнару там, где мы... — она посмотрела на меня, — ее нашли, и побежала к Тюрке-омывальщице. А надо было остаться или Сурьку попросить, — расстроилась девушка.

— Я приехал, а там никого, значит. Вот, думаю, неужели Казум-старшой пошутил над Шугаром, и не помирала Игнара-то. Мало ли, сомлела, а потом оклемалася да до дому пошла, не в первый раз ведь...

— Нет ее дома, — вставила травница. — Да и не могла она никуда уйти, мертвая же была. — Взгляд девушки остановился на мне.

Я промолчала, не спеша ни соглашаться, ни спорить с травницей. Михей повторно осенил себя знаком Эола.

— Да-да, — с готовностью подтвердил Шугар, — даже Сурька на крыльце голосила, что ты сам, значит, покойницу забрал, и неча мне тут шастать...

— Да не забирал я ничего, я тут с господами колдованцами был. — Казум заморгал и тоже осенил себя знаком Эола. — Ты с утра уже опохмелился, что ль, Шугар?

Шугар отвел взгляд.

— Ну что за сказки? — попенял им Рион, поднимаясь.

Травница в сильнейшем волнении повторила жест мельника, а за ней и заглянувшая в комнату Пелагея.

— Кому сказки, а кому и... — Казум не договорил, а Рион уже поднялся с места, я даже не стала спрашивать, что он намерен сделать. И

так понятно, влезть по уши в новую историю. А меня, как назло, снова потянуло в лес...

Тяжелый взгляд ожег затылок, заставил переступить с ноги на ногу. Я едва удержалась, чтобы не повернуться и не показать Виту язык или не швырнуть в него чем-то. Глупая девчоночья выходка сейчас казалась донельзя уместной. Только вириец умел так колоть и ласкать глазами одновременно. Что на него нашло? А на меня? Давно ли я стала ощущать его взгляды спиной?

— Значит, так... — начал Рион.

Но я перебила:

— Дядька Казум, вы сказали, что раньше умер кто-то еще. Вы ведь приехали в скит за Теиром, чтобы соборовать умершего?

— Да, — кивнул мельник. — Паркуса-лудильщика.

— Как он погиб? — спросил Рион, судя по напряженной позе, до парня наконец дошло, почему у меня такие плохие предчувствия. Даже Михей нахмурился и стал что-то высчитывать, загибая пальцы. Чем Эол не шутит, вдруг они тоже внезапно полюбят лес?

— Погиб? — удивился мельник. — Нет, он просто умер. Старый был. Пришел его черед отправиться к Эолу.

— Дома почил?

— Нет. За старой кузней поутру нашли. Госпожа стрига, а зачем вам Паркус?

— Просто, — не дал мне ответить чернокнижник, — хотим знать, кому мы обязаны тем, что встретили вас на лесной дороге.

— Все во власти Эола, — покачал головой Шугар. — Поди, опять от кузнеца по утреннему холодку возвращался, когда навь^[18] встретил.

— Только нави нам здесь и не хватало, — проговорил Рион. От прежнего веселья не осталось и следа.

Глупыми парни не были, даже Михей. Пусть стрелок иногда казался немного наивным и простоватым, а Рион излишне правильным, как может быть правильной проповедь смирта, но не глупыми. Вит, который многого не знал, чувствовал куда больше всех нас, вместе взятых. Чувствовал, что время истончается, тает, словно воск на зажженной свече, и все же сидел здесь и перебирал бумажки. Опасность, разливающаяся в воздухе, и нарочитое спокойствие и веселье вирийца...

— Давайте посмотрим на вашего лудильщика, — встал чернокнижник. — От греха подальше, а то вдруг окажется, что он тоже погулять вышел.

Пелагея охнула и спряталась за печку.

— Интересно, — пробормотал Рион, следуя за вирийцем, и тихо, так, чтобы слышали только мы с чернокнижником, спросил: — Происходит что-то необычное?

— Думаешь? — иронично спросил Вит, когда Шугар, что-то бормоча и прося прощения, посторонился, выпуская его из дома.

— Ага, — кивнул чаровник, — вас с Айкой словно подменили после капища, рветесь людям помогать. Уж не вселились ли в вас дасу?

— Может, святой водой окропить? — предложил стрелок, пристраивая арбалет на плечо.

— Окропи, кто же тебе мешает. Кстати, о святой воде. — Вит посмотрел на купол часовни, о чем-то усиленно размышляя.

Я обернулась и глянула на дом: на крыльцо вышли Пелагея, Шугар, Майана. Казум шел с нами, указывая дорогу. Дверь покачивалась на ветру, и почему-то у меня возникло впечатление, что чинить ее уже поздно.

У нас в Солодках жила Гурьяна-вдова, ее еще плакальщицей прозвали, а за глаза так и вовсе бедой. Она всегда и во всем видела лишь плохое. Ветер с севера — выморозит посевы, с юга — к засухе, вообще нет ветра — однозначно грядет мор и пора сколачивать гробы. Хорошо, что уехала в прошлом году, а то, рано или поздно, ей пустили бы красного петуха в избу. К чему я ее вспомнила? К тому, что сегодня сама себе очень напоминала Гурьяну.

Успокойся, Айка. Покойники не ходят. Я покосилась на чернокнижника... Наверное. Ну уж, во всяком случае, не в этом Эолом забытом селении. Не ходят и не исчезают, если их не заставят, конечно.

— Сбегать? — предложил вирийцу Михей, кивнув на часовню.

— Сомневаюсь, что она там есть, — проговорил Вит и, повысив голос, спросил у Казума: — У вас нет своего смирта?

— Так Теир и есть наш смирт, — удивился мельник. — Благословенный человек, — он осенил себя знаком Эола. — Не побоялся, взялся покаяться на проклятом капище нести, дабы изгнать погань с земли тарийской, даже обет дал, что останется там до тех пор, пока... — Мельник вздохнул и снова пошел вперед. — Вот и приходится за ним туда-сюда ездить, когда кто-нибудь сподобится помереть или родиться.

— Что, так и катаетесь до самого скита? И нечисти не боитесь? — Вит пошел следом.

— Спаси Эол, — снова поднял руку в защитном жесте Казум. — На просеке жду. Нет туда никому хода, коли жить охота.

И в этот момент я поняла — словно увидела уши степного кота, показавшиеся над камышами. Поняла, отчего оборачивалась на образ Эола

в углу...

— Поэтому вы так и удивились, увидев нас? — спросила я.

— Сразу смекнул, что вы непросты, — похвалился Казум, сворачивая к восточной окраине села.

Два крайних дома стояли очень близко. Почерневшие, старенькие, они наклонились друг к другу крышами, словно заговорщики. Михей вдруг споткнулся и грохнулся в пыль. Щелкнула спущенная тетива, и болт, сердитой осой прожужжав мимо головы мельника, с сухим треском вошел в одну из досок чердачного окна правого домика. Ставня гулко хлопнула по стене.

Мельник крикнул, тряхнул головой, открыл рот, потоптался у дома, но выругаться не решился, хотя в такой ситуации, как говорят, сам Эол велел.

— Может... ну... это... того... оно... поосторожнее бы, — начал мельник, — если вы из-за того, что Шугар тама наговорил, осерчали, так брехня это все. Не увозил я Игнару, да и зачем мне покойница? Вот, хоть Эолом побожусь! — Казум начал сотворять охранные знаки.

Михей тем временем поднялся и стал задумчиво рассматривать арбалет.

— Чей дом? — нахмурившись, спросил Вит.

— Изба Орьки-прачки. Та померла давно, вот мы в ее старой избе ледник и устроили. Я же сказывал про Орьку и дочку ее непутевую? — спросил мельник, косясь на арбалет. — Тут подземный ручей близко, подмыл избу-то да соседнюю тоже, зато в погребе всегда холодно. — Мужчина распахнул дверь и вошел в дом.

— Не заряжал бы ты игрушку, — попенял Рион стрелку, но тот упрямо вставил болт в ложе.

— Как думаешь, смирт жертвы приносил и с нечистью поладил или ваш Эол дал своему слуге особое разрешение покидать зачарованные места независимо от степени вложенной в заклинания магии? — иронично спросил меня Вит.

Наконец-то я поняла, что не давало покоя с того момента, как мы, слушая болтовню Казума, вошли в дом Пелагеи. Дом, где жил смирт, когда возвращался в Волотки... Ключевое слово «возвращался». Теир мог сходить с заклинания «единого пути», мог уходить к капищу и возвращаться.

— Пойдите, — выкрикнул догнавший нас в дверях Рион. — Вы хотите сказать, что смирт...

Не договорив, чаровник нахмурился.

— Смотри-ка, парень растет не по дням, а по часам, — хмыкнул

чернокнижник и уже для меня серьезно добавил: — Спина чешется. Чешется так, что хочется развернуться и зарычать.

Вместо того чтобы успокоить, его слова напугали меня еще больше. Слишком лично прозвучало признание, слишком интимно, словно только я одна могла понять смысл этих слов.

Рычать пока не хотелось, и я очень надеялась, что никогда больше не захочется. Лучше уж на самом деле убежать в лес. И там обосноваться, свить гнездо на дереве или выкопать землянку, а еще требовать со случайных путников дань грибами, ягодами и берестой... Эол, опять чушь из детских сказок лезет в голову!

Тело лудильщика лежало там, где его оставили, и вроде бы никуда не торопилось убежать. По моему мнению, стоило прикопать его еще пару дней назад. Ледник ледником, а запашок в подвале, где некогда хранили припасы, стоял знатный.

Не знаю, что хотел увидеть Вит. Мне тело пожилого мужчины, лежащее на лавке, не показалось особо интересным. Все части на месте. Седые растрепанные волосы, синюшная кожа и глаза, которые никак не хотели закрываться...

Я отвернулась, когда чернокнижник открыл покойнику рот и с живейшим любопытством заглянул туда. Рион с восторгом присоединился, правда, заинтересовался отнюдь не внутренним устройством, а, скорее, внешним, и стал водить руками над телом. Стрелок снова начал разглядывать арбалет, и Казум отступил от Михея на пару шагов.

— Не могу понять, от чего он умер? — нахмурился Рион. — Очень похоже на...

Он не договорил, но я поняла и так. С самого утра этими совпадениями кто-то просто тыкал нам в глаза, а мы, словно слепые котята, отказываемся замечать очевидное.

В Хотьках тоже погибали люди, и тоже неизвестно, от чего, вроде бы от пьянства, но... Но совершенно точно не от него.

В селе Михея люди гибли с интервалом в день, а здесь от первой смерти до второй, судя по запаху, прошло не меньше пяти. Значит, либо лудильщик и правда почил сам, и парни зря заглядывали ему в рот, либо для... (тут самое время спросить — для чего?) промежутков не важен.

Что еще общего у этих деревень? Лиска. Имя заставило меня поежиться. А может, это от холода, царящего здесь. Чернокнижник и чаровник продолжали возиться с трупом и еще ни разу не поцапались. Трупы, они такие, объединяющие, это не я, это наш гробовщик сказал, когда на похоронах старого гончара помирились его жена и гулящая девка,

которая тоже не отказалась бы от вдовьего платка и, вполне возможно, даже имела на него некоторое право.

Вит перевернул труп и задрал рубашку. Я, не говоря ни слова, вышла. Покойники меня не пугали, во всяком случае смиренно лежащие на лавках и терпеливо дожидаящиеся погребения. Но смотреть на деловитые движения вирийца было неприятно. Хотя чернокнижник никогда не притворялся служителем Эола.

Поднялся ветер, и волосы растрепались еще больше, косу я не переплетала дня два, и, надо сказать, выглядела она не лучшим образом, но это подождет. Все подождет — и мятая одежда, и волосы, и даже голод. Эол, как же хочется есть!

Все подождет, кроме взгляда в спину и предчувствия беды.

Я подобрала прутик и, немного подумав, села в пыль у дороги. Из дома прачки доносились голоса. Я начертила на земле круг.

Это Хотьки, рядом река, лес, домик травницы — к кружку добавилось несколько линий. Первую жертву нашли на опушке — я поставила точку. Вторую — кажется, мужчину, звали Асин — обнаружили на берегу. Последнюю, бабку — на дороге. Три жертвы — три точки. Я посмотрела на собственные каракули, наклонила голову и соединила точки линиями. Любопытно...

Кружок деревни, словно круглое слуховое окно, оказался внутри треугольного чердачного фасада.

Теперь Волотки — рядом я нарисовала овал. Совсем другая застройка, улочки вытянутые. Первая точка — лудильщика нашли рядом с кузней на юго-западе, вторая — Игнара-пьяница почил на северной околице. Если уж искать дальнейшее сходство, то скоро будет еще одна жертва. Или не будет, если я рехнулась после ритуала покаяния. Вон снова в лес потянуло...

Но если пойти на поводу у своего воображения, то третью жертву, чтобы получился такой же красивый рисунок, как в Хотьках, нужно принести на юго-востоке. И еще колодец. В селе Михея центром этого безобразия был колодец, значит, и здесь должно иметься что-то подобное. Или не должно? Что я вообще знаю о магии?

Что там плел Рион о магических каналах и отражениях? Я не очень прислушивалась, что-то про зеркало-ключ и колодец-замок, про канал, по которому в наш мир явно приползет что-то очень нехорошее. И голодное. Почти как я. Меня тогда больше интересовало то, что все живы, обет мага выполнен и нам можно уехать из этих несчастных Хотьков. Да и потом, маги в Велиже обещали разобраться. Вот вам, разобрались.

— Что это? — тихо спросили из-за спины. — Что это такое?

Я обернулась. Чернокнижник уже закончил знакомство с покойником и вышел из дома прачки. Вышел и увидел мои каракули.

— Что это? — Глаза мужчины потемнели, зрачок вытянулся, слова больше походили на рык.

— Вит... — Я поднялась, на крыльцо уже вышел Рион, он что-то в полголоса втолковывал Казуму.

Чернокнижник не дал мне договорить, не дал даже выпрямиться, схватил за горло, вздернул, заглянул в глаза. Только вот смотрел на меня отнюдь не человек. И в этот момент я поняла, что имел в виду Рион, когда говорил о вирийцах... Вернее, конкретно об этом вирийце. Человек, которого кровь дасу превратила в зверя. Сейчас этот зверь держал меня за горло, заставляя ворошить пыль носками сапог, стирая так разозливший его рисунок.

— Ви... шшт, — позвала я. — Пожалуйсс-с-ссс-ш-шшштта...

Закричал Рион, потом, кажется, Казум. Щелкнул арбалет, но стрелок в очередной раз промахнулся, а чернокнижник продолжал смотреть на меня. Продолжал сжимать мое горло.

Его пальцы были сухими и жесткими, губы чересчур красными, зубы чересчур белыми, кожа смуглой, но сквозь загар просматривалось нечто иное. Нечто переливающееся, как внутренняя поверхность ракушки, какие я иногда находила у реки.

— Отпусти ее, демон! — кричал Рион, и щеку опалило жаром — чаровник применил магию. Жалко, что толку от этого почти не было. Чернокнижник дернул бровью, и только.

— Ай-ка, — нараспев произнес Вит, проглотив среднюю букву, словно ему было неудобно ее произносить, словно его горло не могло воспроизвести человеческие звуки. И мое имя прозвучало совсем иначе, четче и жестче, оно прозвучало как «А-ка».

— Не надо, — шепотом попросила я, цепляясь за его руки. — Не... хххррр.

Я тоже хрипела. И тоже рычала, потому что моя кошка, та самая, которую едва не разорвали на части чаровники Велижа, вдруг подняла голову и рыкнула. Без особой злости, скорее для острастки, так собака фыркает на расшалившихся детей, таскающих ее за уши. Тихий недовольный рык без желания обнажать зубы.

Что это? Магия или, как сказал чернокнижник, кровь? Потому что магию из меня вытянули, чаровники не глупы, они, скорее, жестоки. Но что, если это кровь?

Вит склонился к моему лицу, обнажил зубы, кошка зевнула и немного раздраженно дернула хвостом. Где-то рядом безостановочно ругался Рион.

Чернокнижник мог разорвать мне горло, все, что надо было сделать, — это наклониться и заставить меня запрокинуть голову. Но вместо этого щеки коснулось что-то теплое и шершавое. Кошка выгнулась, и я выгнулась вместе с ней, по коже побежали мурашки. Словно домашний пес лизнул.

— Сладкая А-ка, — прорычал вириец и разжал руку.

Я грохнулась в пыль у его ног. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как светящийся шарик врезался в плечо Вита. Чуть поодаль, на дороге, бледный Рион уже создавал новый. Золотые нити огня сплетались в его ладонях в плотный клубок.

— Детская игрушка, — проговорил чернокнижник, слегка пошатываясь. Огненный шарик растекся по куртке. Запахло горелой тканью, рукав осыпался пеплом, а золотой огонь втянулся в смуглую кожу.

Чернокнижник развернулся и перехватил занесенный над головой арбалет, который отчаявшийся Михей решил использовать вместо дубины. Схватил, вывернул и ударил коленом стрелка в живот.

Что бы я ни думала о парнях — об уме Михея или о несговорчивости Риона — именно сейчас, в данный момент, я осознала, что не забуду этого. Не забуду, как они вступились за меня на пыльной дороге, ввязались в схватку с заведомо более сильным противником ради вредной чужой девчонки. Как не забуду и пальцы Вита на шее и его шершавый язык на щеке.

Михей упал на дорогу. С ладоней чаровника сорвался шарик. Вит перехватил арбалет, замахнулся и опустил приклад на голову хозяина.

Вернее, попытался опустить, потому что чернокнижник с воем затряс рукой, отбросил арбалет, словно простая деревяшка обожгла ему ладонь.

И все кончилось. Кончилось так же внезапно, как и началось. Вит отступил, огненный шарик пролетел мимо, врезался в забор на противоположной стороне, сухое дерево тут же занялось огнем. Арбалет упал на дорогу, Михей очумело смотрел на чернокнижника, и наверняка так же на него смотрела я. Кошка зевнула и уснула, лишь самый кончик хвоста еще подергивался.

Вириец потрянул головой, на миг закрыл глаза, а когда открыл, он снова был знакомым нам Витом. Да — загадочным, да — опасным, но не диким и злым, как выпущенный из преисподней зверь.

— Я в порядке, — хрипло проинформировал он, увидев, что Рион начал махать руками, то ли создавая новое заклинание, то ли отгоняя мух.

— А мне наплевать, — ответил чаровник. — Таких, как ты, надо в бочках с солью прикапывать, а мы поверили... Почти поверили, что ты человек.

— Да прекрати ты. — Чернокнижник стряхнул пепел с рукава. — Для «сети Эрира» нужна концентрация, так ты ее не соберешь, слишком психуешь.

Рион и не подумал опускать руки, продолжал стягивать что-то невидимое.

— Прошу прощения, монна. — Чернокнижник повернулся ко мне и протянул руку. Жест был слишком нарочитым. И одно то, что он вернулся от Айки или А-ки к «монне», говорило, что ни черта у него не в порядке. Вернее, у нас не в порядке. — Просто не каждый день деревенская девчонка, пусть и с каплей темной крови, рисует в пыли знак вызова дасу. Вот и не сдержался. Виноват.

Странные слова произносил Вит. В них не было лжи, но в них не было и правды. Он не врал, но для вирийца это были просто звуки, настоящей вины чернокнижник не чувствовал.

— Господа колдованцы! — раздался крик, и из-за угла дома выглянул Казум. За его спиной топтался Шугар с вилами. — Вы там разобрались промеж собой? Али нам еще подождать?

— Разобрались, — ответил за всех чернокнижник и опустил руку, в которую я так и не вложила свою ладонь.

Мельник покивал, но, судя по всему, верить не спешил, обернулся к вилоносцу и стал о чем-то его спрашивать. Шугар с разнесчастным видом отвечал.

— Да откуда Айка может знать, как вызвать дасу, если даже я этого не знаю? — Рион посмотрел на полустертый рисунок.

— Твое невежество меня как раз и не удивляет, — скривился мужчина.

— А меня удивляет, что в княжестве карают за знания. Может, зря мы туда едем? — Чаровник зло взмахнул ладонью, но заклинание отказалось появляться на свет. В который раз Вит оказался прав.

— Она начертила схему вызова дасу и воззвала к части моей крови напрямую. Думаешь, легко не обернуться, когда кто-то на улице кричит твое имя?

Михей тяжело поднялся, подобрал арбалет и стал его осматривать на предмет нанесенного ущерба. Ущерб, нанесенный собственной шкуре, похоже, волновал стрелка куда меньше. Я вспомнила, как Вит отбросил арбалет... Нет, не отбросил, а уронил, словно схватился за раскаленную кочергу и не сразу это понял.

— Айка? — повернулся ко мне Рион. — Скажи, что он врет.

— Он врет, — послушно повторила я, поднимаясь. Горло горело. — Я всего лишь вспоминала Хотьки. — Стрелок отвлекся от разглядывания арбалета. — Отмечала места, где находили тела.

— Так, — встал Вит, поднял прут и, протянув Риону, командовал: — Рисуй.

— Щас, — скрестил на груди руки чаровник. — Чтобы ты мне тоже лицо облизал? Обойдешься.

— Дурак ты, тариец. Дураком и помрешь. Скоро, — пообещал чернокнижник.

— Господа колдованцы, — снова закричал Казум. — Вы это... сами к Пелагее дойдете али еще какие покойники надобны? Кладбище на юго-востоке, но, если копать надумаете, Шугара кликните, — мельник обернулся. Шугар грустно посмотрел на вилы.

— Рисуй, обещаю не облизывать, сразу обглодаю. — Вит сделал шаг к Риону, но парень, вместо того чтобы взять прут, стал снова стягивать силу, сжимая и разжимая пальцы.

— Третью жертву как раз нужно принести на юго-востоке, — сказала я. — Чтобы все было как в тот раз.

Вит обернулся, посмотрел на меня так, что... Не знаю как. Так на меня никогда не смотрели, ни парни-односельчане, ни Рион с Михеем, ни Тамит, ни Дамир. Он посмотрел так, словно видел нечто важное. По-настоящему значимое. Я — Айка Озерная — вдруг стала важна. А может, не я сама, а сказанные мною слова? Или капля темной крови?

Какая разница? Я подняла руку к шее, и Вит едва заметно поморщился.

Спина снова зачесалась, а темный лес показался почти родным и удивительно уютным.

Чернокнижник бросил прут в пыль и быстро пошел по дороге, как раз в сторону Казума и его помощника. Те сразу решили, что у них найдутся дела поважнее и желательнее подалеже отсюда. На перекрестке остались сиротливо лежать вилы.

— Ах ты ж, — высказался Рион. — Ты куда? Просветите, господин кудесник, нас, недалеких!

— А ты, господин чаровник, сначала реши, чего больше хочешь, прикопать меня в бочке с солью или выслушать.

Рион выругался и бросился следом. Появившийся в его ладонях шарик голубоватого огня с тихим хлопком исчез. Не знаю, видел ли Вит, но для меня это был ответ.

На юго-востоке Волотков действительно находилось кладбище. Когда мы появились, чернокнижник стоял среди нескольких десятков могил и вертел головой. Боюсь, местные решат, что мы охочи до покойников и не гнушаемся разорять могилы. Интересно, нас сразу отправят на костер или подождут до утра?

— Ну, что он там делает? — поинтересовался Рион.

— Ищет табличку «Осторожно, совершается жертвоприношение. Просьба не мешать», — ответила я.

— Было бы неплохо, — ответил Вит и присел рядом с одним из памятных знаков.

— Думаешь, здесь будет так же, как в Хотьках? — спросил Рион.

— Если в ваших Хотьках вызывали демона, то да, — ответил чернокнижник, выпрямляясь. — Вот поэтому кровь и просыпается. И во мне, и в Айке. Кто-то взывает к ней.

— Демона? — с каким-то детским восторгом переспросил Михей. — Настоящего дасу?

— Самого что ни на есть настоящего, — клятвенно заверил стрелка Вит.

— Так чего ты бесишься, когда прыгать от радости должен? — Чаровник пересек первый ряд могил, отчего-то поежился и пошел дальше.

Я посмотрела на покосившийся знак Эола на ближайшем темном потрескавшемся дереве и на табличку с парой скупых строк. Мне потребовалось несколько минут, чтобы прочитать:

«Орьке-прачке, старой лисе, да примет ее Эол. От дочери».

И дата смерти более десяти лет назад. На соседнем памятном знаке не было даже таблички, видимо, не расщедрились или в момент установки грамотных в селе не нашлось.

Я снова почувствовала чужой недобрый взгляд, но оборачиваться не стала, все равно там никого нет. Как сказал Вит? Кровь просыпается? Кошка согласно рыкнула.

— А вы, тарийцы, действительно думаете, что мы демонов хлебом и солью встречаем ну или кишками и кровью? Девственниц им кидаем?

— Ну с чего-то пошел род кудесников, — не остался в долгу Рион.

— Лучше тебе не знать, с чего. С кого. Дасу берут все, что хотят, не спрашивая разрешения. И мало того, — на этот раз Вит смотрел прямо на чаровника, — там, где они появляются, не остается ничего живого. Издержки магии, так сказать.

— Давайте уедем, — попросила я. — Прямо сейчас, возьмем и уедем.

Словно отвечая на мои слова, вдалеке пророкотал гром. Мы задрали

головой, небо на востоке стремительно наливалось чернотой. Нет, сегодня у местных с костром точно не срастется.

— Поздно... Развели разговоры, — убитым голосом проговорил Вит. — Уже можно никуда не ходить.

Налетевший ветер предостерегающе зашуршал листьями склонившегося к ограде дерева. Почему-то их шелест показался мне злым предостерегающим шепотом. Листья повторяли:

«А-ка, А-ка, аашшш».

Я обхватила себя руками, вспоминая ночь в Хотьках, а еще — затерянную в лесах деревушку, тела и тучи мух.

— Это просто гроза, — покачал головой чаровник и добавил: — Сильная гроза.

— Приход дасу в наш мир всегда сопровождает что-то подобное: гроза, буря, наводнение, землетрясение...

— А в Хотьках? — спросил у Риона Михей, но тот пожал плечами.

— В Хотьках был туман, — ответила я. — Это считается?

— Да, — ответил Вит. — Все демоны разные.

Мы продолжали смотреть на небо. Михей сглотнул и отчего-то зажмурился. Минута шла за минутой, но ничего не происходило, лишь ветер усилился и растрепал темные волосы чернокнижника. Стрелок выдохнул, открыл глаза и огляделся. Ничего не изменилось. В крайнем справа огороде, отделенном от кладбища пыльной дорогой, высокая женщина в сером платье быстро снимала с веревок белье, где-то печально замычала корова... Дорогой гость с того света задерживался.

— Пусть так. Пусть ты умный, а мы дураки, пусть будет пришествие демона. Пусть, — поднял руки Рион. — Но вы, господин кудесник, забываете одну важную вещь. В Хотьках мы выжили. Все выжили.

Вит медленно, очень медленно повернул голову и посмотрел с надеждой на мальчишку, которого считал бесполезным.

— Рассказывай. — Впервые это был не приказ, впервые это была просьба. — Рассказывай, — повторил чернокнижник и добавил: — Хоть раз не ломайся, как девка на сеновале.

Гроза обрушилась на Волотки в тот момент, когда мы бежали по центральной улице и, изрядно веселя народ, искали колодец. Колодцев в селе оказалось столько, что хоть армию демонов вызывай!

— А это обязательно? — спросил Михей, обходя покосившуюся, утопавшую в кустах лавочку. — Колодец?

— Нет, — ответил Рион.

— Чтобы сформировать канал-ход из нижнего мира, подойдет любая отражающая поверхность: вода, стекло, драгоценный камень. Еще нужен ключ-артефакт, тогда у вас было... — приглядываясь к окнам ближайшего дома, начал перечислять чернокнижник.

— Псише для вызова ведогони, — кивнул чаровник, обходя забор. Небо над головами чернело на глазах. — Я не настолько неуч и теорию вызова помню. Канал, ключ, заклинание вызова, энергетические точки для активации.

— Как ты красиво о трупах сказал, — скривился Вит. Я как раз пробиралась сквозь заросли жгучеяда, тихо шипя и ругаясь, когда колючие стебли ранили кожу. — Красиво и правильно. Чтобы заставить канал открыться, нужна смерть. Жертвы, принесенные в определенных точках, как на Айкином рисунке на дороге. Если убить людей в нужных местах, энергия стечет к центру и...

— И после этого к нам снова придет чудище? — Михей почесал макушку, посмотрел на улепетывающего в сад гуся и указал рукой на чужой огород: — Еще один колодец, пятый, да?

— Или шестой. Поверь, когда чудище придет, ты поймешь. Вы в своих Хотьках дасу даже не видели, лишь исполнителя, скрытого завесой, а о чем это говорит?

— О чем? — Рион задрал голову к небу. Первые редкие и тяжелые капли ударились о землю. Чернота стремительно приближалась. Где-то заголосил петух.

— О том, что он не хотел быть увиденным и узнанным.

— Но если все должны были погибнуть, какая разница? — не понял чаровник.

— Не знаю, — честно ответил Вит, перебегая на противоположную сторону улицы. — Того дасу вызывал не я.

— Да куда ж нам чаровников узнавать, — вставил стрелок, потрясая вслед птице арбалетом.

Впечатленный гусь припустил еще сильнее. И с этим я была полностью согласна. Не нам, всего пару раз выезжавшим из деревень на ярмарки, знать магов в лицо.

— Ахшшш, — прошипела я, ударившись обо что-то коленями. — Чтоб тебя...

В кустах невесть для каких надобностей лежал старый молотильный камень.

— На этой стороне еще два колодца, — крикнул Рион.

На центральной улице Волотков жили люди зажиточные. По меркам

наших Солодков — зажиточные. И нищие по меркам того же Вышграда или Велижа. Почти в каждом дворе был колодец. И теперь мы метались, не зная, какой из них станет дверью в нижний мир.

Крупные капли одна за другой падали на теплый камень, растекаясь по отполированной до блеска поверхности.

— Тут камень, — крикнула я. — Старый, раскрошившийся, но, если приглядеться, я почти вижу в нем свое отражение. Силуэт точно вижу.

— Кто бы мог подумать, что в этих Волотках столько... — Сверкнуло, Риона прервал тяжелый рокочущий звук грома. День окончательно померк.

Я выбралась из кустов, редкие капли сменились пеленой дождя, сквозь которую едва можно было рассмотреть парней. Яблони печально опустили листья. Снова громыхнуло, кажется, что-то закричал Рион. Или Вит. Михей совсем пропал из виду, под ногами чавкало.

В последнее мгновение я что-то почувствовала. Даже не я, а моя кошка. Дуновение... нет, легкий, едва уловимый выдох за спиной, и внутренний зверь оцетинился, поднял шерсть на загривке. Я успела слегка отклониться, разворачиваясь, когда что-то невыносимо вонючее прижалось к лицу, лишая возможности дышать. Я замотала головой, стараясь сбросить чужие руки, сделать вдох и уже понимая, что не получится. Что тот, кто подошел сзади, оказался сильнее. Воздух пах еликой, скудной колючей травой, что растет на болотах. Бабушка Сима варила из нее отвар от приступов падучей, еще он хорошо помогает от родильной горячки, успокаивает и погружает беспокойную роженицу в состояние полусна. При вдыхании трава действует не так сильно, да и выветривается быстро, но...

Эол, я все-таки не выдержала и вдохнула полной грудью. Горло защипало, из глаз брызнули слезы. Неизвестный тут же разжал пальцы, и я упала на колени, в жирную, разбухающую от влаги грязь. В ушах засвистело, шум дождя стал отдаляться. Кто-то схватил меня за волосы, заставляя поднять голову. Черный силуэт дрожал и казался ненастоящим, как пятно в темноте, которое иногда улавливаешь краем глаза. Губ коснулось что-то холодное, металлическая чашка стукнула о зубы и язык обжег терпкий настой. Последнее, что я увидела, — это расплывающуюся фигуру Риона, который махал руками и что-то кричал Виту, и коричневые, покрытые рыжей дорожной грязью сапоги неизвестного. Шумел дождь...

Из темноты меня выдернула боль. Отдаленная, дергающая. Вполне можно отмахнуться. Раз голова болит, значит, ее никто не оторвал за ненадобностью. По телу разливалось странное, даже приятное ощущение онемения, так бывает, когда сунешь руку в ледяную воду.

По лицу текли капли разошедшегося дождя, гром молотом ударил по ушам. Веки казались невероятно тяжелыми, а тело ватным, так уже было один раз, когда я вместо бабушки выпила чай с сонной травой. Сегодня мне любезно преподнесли отвар елики. И, кажется, переборщили. Сколько в меня влили? Глоток? Два? Пять? Последнее вряд ли, иначе я бы не проснулась.

Руки и ноги не слушались. Темнота, неподвижность. Сижу? Стою? Лежу? Эол, как же страшно!

Бабка рассказывала, что однажды травник из Куряков не рассчитал с этим отваром. До смерти, конечно, больного не довел, только до паралича. Эол! Мне предстоит провести остаток жизни закованной в эту мглу? Запертой в ловушку неподвижного тела, где каждый миг тянется как вечность? Нет уж! Выбираю белый платок и деревянный ящик. Самое время врагам меня добить, и побыстрее.

— Смотри, кто проснулся! — произнес знакомый голос.

— Мм, — промычал еще кто-то. Видимо, я.

Глаза открылись с трудом. Мир расплывался цветными подвижными пятнами, словно камешки за толщей воды. Сверкнула молния, и самое большое пятно превратилось в человека. Хорошо, хоть не в дасу...

— Потерпи немного, сейчас станет лучше, — уверил тот же голос.

— Мммшшт, — ответила я непослушными губами.

На самом деле должно было прозвучать:

«Конечно, можете не торопиться, я все равно никуда не уйду».

Наверное, и хорошо, что не прозвучало. Благоразумие на этот раз окончательно меня покинуло, его сменил страх. Не просто страх, а испуг, сильный, как удар кнута, и такой же обжигающий.

Почему я не могу двигаться? Почему не могу говорить? Что со мной? И вообще, кто-нибудь собирается меня спасти? Или уже некому? В последнее верить упорно не хотелось. Надо же, Айка Озерная, привыкшая в этой жизни полагаться лишь на себя, лежит непонятно где и надеется на помощь. Эол, ты великий шутник, особенно когда собираешься поучить кого-то из своих неразумных детей жизни.

Так, не об Эоле сейчас надо думать, а о себе!

Тело все еще отказывалось слушаться, вот только глаза... Я часто заморгала, стараясь смахнуть ледяную влагу. Похожее на человека пятно качнулось, налетевший ветер обжег холодом воспаленные веки.

— Ну как? — Человек склонился, и я наконец смогла его увидеть. Не его. Ее. — Какая же ты настырная, — попеняла рыжая Лиска. — И везучая.

— Или наоборот — невезучая, — добавил другой голос, ко мне

склонилась еще фигура, высокая, нечеткая, окутанная туманом.

Я бы заорала, если бы могла. Но на деле вышло уже привычное:

— Пшшш!

Как сказал про него Вит? Маг, скрытый завесой? Та самая тварь, которой мы до дрожи в коленях испугались в Хотьках. Та самая фигура из тумана. Фигура, от которой веяло такой жутью, что хотелось завывать. И собственноручно выкопать себе уютненькую могилку. А что же будет, если в наш мир придет дасу?

— Не отвечай. Все равно не получится, — любезно произнесло нечто.

Я дернулась вопреки всему, вопреки онемению тела, вопреки тяжести и страху. Пересилила себя и действие отвара, отодвинулась, возможно, всего на палец, но отстранилась. Смогла отвернуть голову, прежде чем ватная тяжесть снова опустилась на тело. Дыхание вырывалось из груди с присвистом, ледяная дождевая вода попала в рот. Она была безвкусной. Сверкнула молния, разделив небо пополам.

Рыжая девушка с озорными зелеными глазами протянула руку и откинула волосы с моего лба. Было в ее жесте что-то ласково-издевательское, чужая беспомощность доставляла ей удовольствие.

— Больше ты нам не помешаешь, — пообещала она и тут же, замахнувшись, ударила меня по щеке. Ласка вылилась в ярость. Лицо на краткий миг обожгло болью, которая тут же прошла, сменившись онемением. — Бледная тварь! Из-за тебя все сорвалось, а мне пришлось скрываться, как последней...

Лиска снова замахнулась, склонилась к моему лицу, из-за ворота ее плаща выскользнула цепочка и качнулась в воздухе.

— Стоять! — рявкнула фигура.

Замерли все. И Лиска. И я. И даже цепочка с камешком в виде капельки. Черной, переливающейся и очень знакомой капельки. Точно такая же сейчас лежала на моей груди. Маскировочный амулет, благодаря которому я смогла стать своей среди людей. А может, не только я?

— Аччшша! — прошипела в ответ. Язык ворочался с трудом.

— В этом нет смысла, Лиса. Она все равно ничего не чувствует. Не растрачивай ярость попусту.

Пару мгновений мне казалось, что она его не послушает и сорвет на мне накопившуюся злость. Но девушке удалось взять себя в руки, и она отстранилась. В поле зрения попал памятный знак, за ним еще один, и еще. Дождь разбивался о влажный камень, гроыхнуло почти над головой, и шум в ушах сменился звоном.

Я задрожала, ощутив вдруг ледяной холод камня под спиной, сырость

и грязь. Место оказалось знакомым. Кладбище на юго-западной окраине Волотков. Я лежала на могильной плите, а над головой возвышался знак Эола с покосившейся медной табличкой, надпись на которой была сейчас неразличима. Место последнего упокоения Орьки-прачки, чей дом использовали для хранения покойников, а могилу, видимо, приспособили под более интересные нужды.

— Надеюсь, на этот раз никаких ошибок не будет? — строго спросила фигура, поднимая и небрежно комкая в руках или призрачных лапах черно-белую тряпку. Такие еще принято вывешивать на воротах деревень, где резвится проказа, мне доводилось видеть такую... один раз. Я снова вспомнила хутор в лесу, тучи мух, разъезд вирийцев и детские тела. — Мне нужна одна жертва! Поняла?

Лиска с готовностью кивнула, в изящных пальцах затанцевал тонкий ножик.

— Поняла. Никаких ошибок, мэтр. Даю слово. К утру живых здесь не останется. — Девушка рассмеялась. — Верно, дрянь?

Вместо ответа с моих губ слетела слюна, но вряд ли они впечатлились.

— Залом тебе поможет.

— Мэтр, — возмущенно закричала Лиска. — Только не Залом, уж лучше Теир! А еще лучше — я сама...

— Молчать, — скомандовал маг, оборвав Лиску на полуслове. — Это не предложение, это приказ, мне не нужны осечки.

— Но, мэтр, Теир справился бы не хуже.

— Справился бы, но сейчас он пытается докричаться до Эола. А тот, как водится, занят. Залом, — позвала фигура, и кто-то встал у меня над головой. Я не видела его, но чувствовала. — Помните, с третьим молотом Эола! Не раньше и не позже! Одна жертва. Подойдет любой из этих крестьян. Ясно?

— Ясно, — недовольно ответила Лиска. — А почему не она? — и пихнула меня рукой в бок.

— Потому что, — весомо ответил маг, — распоряжение самого. — И стал удаляться. Вместе с ним отдалялся ужас, так ледяная рука, стиснувшая сердце, постепенно разжимается, и с каждой секундой становится легче дышать. Кожу начало покалывать...

Нависший над головой Залом, или как там его, двинулся куда-то в сторону. Холодные капли текли по моему лицу, забирались под одежду. Лиска встала, я видела, что она недовольна, это ощущалось в ее чуть напряженной позе, скупой линии стиснутого рта. Ее силуэт на несколько мгновений скрылся за струями воды. Странно, я была уверена, что, как

только этот «мэтр» уйдет, девушка ответит на мне душу.

Залом подошел ближе, словно нарочно показался на глаза. Высокий, широкоплечий...

— Тысссс, — зашипела я, разглядев лицо.

Удивительно гладкое, знакомое и незнакомое одновременно. Казум-мельник, Казум, старший Волотков, Казум, что ходил за нами по пятам. Казум и совсем не Казум.

Что это? На него наложили чары? Опоили?

Мужчина скользнул застывшим взглядом полудохлой рыбы по моему лицу, груди, рукам. Склонился к животу, и там поселилось сосущее чувство беспомощности, коснулся лежащей рядом руки. Я снова увидела пятно рыжей грязи на его домотканых штанах.

Я ведь уже видела его, именно этого Казума-Залом, видела у того дома и, помнится, удивилась равнодушному взгляду.

Ладонь кольнуло, раз, второй, третий... А потом боль острой иглой вошла в палец, коснулась кости и заставила меня мысленно заорать. На деле же вышло привычное:

— Аххшшшш!!!!

Помилуй, Эол, спаси и сохрани!

Залом выпрямился, в узловатых пальцах было зажато толстое сапожное шило. Дождь быстро смывал с острия капли крови. Улыбаясь, мужчина, взял мою руку в свою, поднял так, чтобы я ее видела, и вогнал шило под ноготь большого пальца.

Я кричала как никогда в жизни. А они не слышали. Орала, металась, запертая в неподвижном теле, издавала шипящие невнятные звуки.

— Ты что творишь, идиот? — закричала на похожего на Казума мужчину Лиска и дернула за руку, заставив отпустить мою ладонь.

Рука упала вместе с воткнутым шилом. Рукоять стукнулась о камень, посылая новую волну боли в обездвиженное тело. Я скулила, и вместе со мной скулила моя кошка, худая и облезлая, та самая, что так хотела убежать в лес и спрятаться, только ее скулеж чередовался с рычанием.

— Совсем ума лишился? — спросила девушка. Залом не мигая смотрел на нее. — А впрочем, зачем я спрашиваю, ты ведь даже не понимаешь, чертов юродивый, — пошел бы лучше кого-то из местных выпивох привел, они обычно тебя слушаются. Ну не совсем тебя...

Она наклонилась, выдернула шило и резким движением отбросила в темноту. Залом повернул голову и молча пошел куда-то, скрывшись за струями дождя. Мы встретились взглядами с Лиской. В моем была боль, в ее — брезгливость и раздражение.

Рион, Михей, Вит! Эол, я даже согласна на твое божественное вмешательство в виде молнии! Кто-нибудь, кто угодно, вытащите меня отсюда! Ну же, парни, вы же знаете, где должна быть принесена последняя жертва, так почему еще...

Молния, зародившаяся в черных бугрящихся тучах, разделила небо надвое и ударила в землю за кладбищем. За миг до этого волоски на теле встали дыбом, губы мгновенно высохли, мир показался ломким, как кусок слюды.

Удар Эола. Вспышка и гром, от которого внутренности словно сплющились. Мир зазвенел и стал белым-белым. Говорят, когда Эол хочет наказать грешника, он бьет по земле небесным огнем. Наверное, поэтому старуха-маслобойщица в Солодках, увидев на горизонте грозу, вечно трясла палкой, то ли призывая кару на наши головы, то ли радуясь, что на этот раз досталось кому-то другому.

Я заморгала, вода заливала глаза, мир снова потемнел. Внутренности неохотно вернулись на место.

— Первый удар, — прокомментировала, тряся головой, Лиска. — Мэтр начал ритуал. — Между тонкими пальцами сверкнуло узкое лезвие. — Тебе повезло, увидишь то, что простым смертным и не снилось.

Кошка, что жила во мне, прижала уши и зарычала, девушка склонила голову и прищурилась, словно могла видеть... или... действительно могла?

— Знаешь, это даже символично, приносить жертву на этой могиле. Уверена, матушка совсем не против такой компании.

Матушка? Орька-прачка? А Лиска, значит, вовсе не Лиска, а та самая Аська-рыжуха, непутевая дочка, что сбежала с заезжим магом? А теперь вернулась... И что? Люди ее не узнали? Вряд ли. Или Лиска кого-то еще может называть матушкой, какую-нибудь кикимору? С нее станется.

— Злишься? — с интересом спросила она. — Вижу, что злишься.

«Мне больно. Я до чертиков напугана. Мне надоело глотать дождевую воду, и еще безумно чешется задница», — вот что я могла ей ответить, а на деле выдала очередное:

— Хааассс!

Губы не слушались, язык казался чужим. Мы с кошкой оскалились. Боль дергала руку, словно больной зуб опухающую челюсть.

А Лиска вдруг задрала верхнюю губу и оскалилась в ответ. В ней тоже жил зверь, зверь крови или зверь магии. Он походил на ласку, небольшой, юркий, подвижный, с острыми маленькими зубами. Мое рычание сменило тональность. Рычание, которого никто не слышал. Кроме Лиски. Но ведь Рион говорил... Хотя какая разница, он говорил много всякой ерунды.

— Удивлена? — насмешливо спросила девушка, склоняясь к моему лицу. Боль в руке и не думала утихать, ладонь горела, посылая эфемерные языки пламени чуть ли не к плечу. — А ты думала, что одна такая? Я тоже маг, — скривилась она. — Это они сказали, только мой резерв настолько мал, что впору завидовать травнице. Но я нашла способ все исправить.

Я смотрела на зеленые глаза, на потемневшие от влаги волосы. Да, она нашла. Я помнила, что рассказал Тамит о своем брате. Тот отдал силу девушке с таким же кулоном. Способ «забери у ближнего» далеко не нов.

Руку в очередной раз свело от боли, кошка внутри мяукнула. Правая рука оставалась неподвижным бревном, а вот левая, та, куда втыкал шило Залом, горела. Я чувствовала каждый палец, ладонь, локоть, плечо...

— Осуждаешь? Зря. — Лиска коснулась острием ножичка ключицы, подцепила цепочку, звякнули звенья. — Я посмотрю на тебя, когда ты поймешь, что сможешь все вернуть, Поймешь, что даже чаровник без резерва может колдовать. Это в первый раз я ошиблась. — Нож поднялся к горлу. — С молодым мальчишкой-магом, у которого были старший брат и семья. — Она задумалась, вспоминая. — А если забрать природные силы необученного или не подозревающего о своем даре человека, то можно усилить магические возможности без всяких неприятностей вроде печати смерти. Правда, только на время...

Я не осуждала. Честно, просто сейчас было не до ее моральных терзаний. Рука горела, я попыталась согнуть пальцы, и, когда они коснулись ладони, едва не закричала. От боли и восторга. Но, спасибо отвару из елики, с непослушных губ сорвалось лишь шипение, которое Лиска истолковала по-своему.

— Да, этот путь долог, труден и, что уж говорить, грязен. Но мы нашли его в старых рукописях. Нашли ответ на наши вопросы. — Голос девушки зазвенел от восторга. Именно с таким апломбом наш смирт грозил старосте и всем остальным огненной карой Эола. — Нашли неисчерпаемый источник магических сил. Не только для меня, для всех. Для Тарии!

Я чего-то не понимаю или вызов дасу — и есть этот источник? Как-то не так я представляла себе всеобщее счастье. Благодетель твой мэтр! Потомки его не забудут.

Я сжала и разжала кулак. Больно. Очень больно, но ладонь двигалась. Залом, сам того не понимая, оказал мне услугу. Боль заставляла кровь быстрее бежать по венам, прогоняя онемение.

— Что значат по сравнению с этим никчемные жизни крестьян? — Нож замер у моей скулы, чуть покалывая кожу. — Ничего они не значат! Но всегда найдутся жалостливые и поднимут вой. Как проказа выкосит, так на

все воля Эола, а как магия, так чаровников на кол!

Она говорила и говорила, скорее всего оттого, что раньше ее никто не слушал. У нас кузнец тоже, как выпьет, его на откровения тянет, и все скабрзные. Вот и Лиску тянуло, хотя пьяна она была не от вина, а от осознания происходящего, от вседозволенности.

— Эта несчастная деревенька со всеми ее жителями не перевесит блага, что ожидают нас. Люди глупы и...

Воздух наполнился напряжением, оно было солоновато на вкус, сушило губы и заставляло волосы потрескивать. Эол ударил снова. Огненный язык лизнул землю, сквозь камень я ощутила ее вибрацию за миг до того, как грохот перевернул внутренности.

Рука Лиски дрогнула, острие прочертило на моей щеке тонкую обжигающую линию. Я чуть согнула руку в локте.

— Ты тоже глупа, он быстро в этом убедится, не обольщайся.

По тому, каким тоном было произнесено «он», я поняла, что рыжая имеет в виду как минимум самого Эола.

Земля дрожала, белая вспышка все еще стояла перед глазами, влажная серость возвращалась крайне неохотно.

Второй удар Эола. После третьего будет поздно. Кошка прижала уши и изготовилась к прыжку, ее мышцы дрожали, и я ощущала их дрожь как свою.

Ну где же Вит? Сам же говорил, что приход в наш мир дасу всегда сопровождает непогода, а уж не заметить два раза ударившую в одно и то же место молнию не смогли бы даже Михей с Рионом. Тогда где же они? Или... Мысль заставила замершее сердце забиться быстрее. Или уже некому замечать и приходить?

Где-то там этот «мэтр», ушедший то ли за жертвой, то ли за шилом, Залом, и, кажется, еще Теир.

Кошка раздраженно рыкнула. Правильно, не сейчас. Сейчас надо думать о себе.

— Ты сорвала нам второй ритуал. — Лезвие остановилось у глаза. — Я убивала и за меньшее.

Так себе признание. Пованивает, как по мне, гордиться тут особо нечем.

— Ты знаешь, ему, — она опять выделила слово голосом, — все равно — два глаза у тебя или один. — Она нажала на блестящее от дождя лезвие.

Острие вошло в кожу под глазом, боль ударила в голову, ослепила. Кошка прыгнула. Нет, не так. Кошка, обернувшись серой лентой, скользнула в руку, растворяя онемение и наполняя вялые мышцы силой.

Все-таки Лиска что-то почувствовала, или ее зверь видел моего. Одна капля темной крови против другой. Она замешкалась. Всего на один удар сердца. Но мне хватило, я подняла тяжелую руку и вцепилась в лезвие, отводя его от лица.

Лиска взвизгнула, выворачивая клинок. Но я и не старалась его удержать. По ладони и лицу текла кровь. Серый зверь, что жил во мне, перетек из руки в позвоночник, посылая силу всему телу. Не знаю, на что это было похоже. На обливание холодной водой поутру, когда на тебя с размаху опрокидывают бадейку из колодца... Дыхание перехватило, я не могла даже кричать, воздуха не хватало...

— Ссссс, — едва не прикусила язык.

Девушка снова замахнулась. Я схватила ее за руку, приподнялась и смахнула воду и кровь с глаз. Снова гроыхнуло, на этот раз в отдалении, как-то обиженно и ревниво. Обычный гром, вряд ли имеющий отношение к ритуалу.

Руки дрожали, тело все еще было ватным, но я с лихвой восполнила это злостью. Настоящим и молчаливым рычанием. Желанием причинить этой зеленоглазой такую же боль, как и она мне. Зачем ей два глаза? Вряд ли для «него» это имеет значение.

Я оттолкнула ее от себя, приподнимаясь с могильного камня.

— Залом! — закричала рыжая.

Мы с кошкой рычали. Она была готова драться даже с превосходящим по численности противником. Я не разделяла столь яростного стремления, но... момент для отступления и бегства казался очень уж неблагоприятным.

Мужчина, может, и был юродивым, но не был глухим. Он появился справа, вынырнул из пелены дождя и, схватив меня за волосы, опрокинул обратно на чужую могилу. Я выпустила руку Лиски, извернулась, а кошка... Кошка вцепилась мужчине в запястье. Вцепилась моими зубами.

Кто-то всхлипнул...

Солоноватый привкус крови во рту. Сердце стучало в ушах.

Залом не закричал, скорее удивился, насколько может удивиться такой, как он... Замахнулся и второй рукой ударил меня в лицо, разбил скулу. Я упала, стукнулась виском о камень, ноги и задница оказались на земле. Лиска еще что-то верещала, но из-за шума дождя было не разобрать что, или так сильно звенело у меня в голове...

Я упала и увидела ее. Босые ноги, перемазанные землей, льняная юбка, платок на плечах, волосы, обычно забранные в пучок, растрепались и повисли мокрыми прядями. Усталое лицо казалось постаревшим. Но, видимо, для ритуала внешность жертвы не имела значения.

— Пшшшш, — просипела я.

«Пелагея! — вот что это означало. И еще я хотела добавить: — Беги!»
Но ничего не вышло, кроме шипения.

Женщина трясла головой и явно не понимала, где находится. В отличие от меня на нее отвар елики тратить не стали.

Залом дернулся и, зашипев от боли, схватился за бок. Схватился за появившуюся там рукоять смутно знакомого ножа. Зеленоглазая замолкла. Из серой хмари дождя выскочил Вит, такой же серый и такой же злой, лишь глаза горели алым.

— Кровь дасу! — взвизгнула Лиска, а я едва не рассмеялась. Какой музыкой прозвучали для меня эти слова!

Эол, как я была рада видеть его в эту минуту! Именно такого ужасного в своей нечеловечности!

Кровь дасу! Если бы могла, я бы сейчас бросилась ему на шею. Кошка замурчала, полностью разделяя мое желание. На что я там злилась? На то, что он мне шею сдавил и щеку облизал? Эол, какую только ерунду ты вкладываешь мне в голову...

Лиска замахнулась ножом. Какой неуклюжей она казалась по сравнению с кудесником, какой нелепой и злой. Что-то тонкое и хлесткое сорвалось с его пальцев и ударило девушку. Рыжая взвизгнула, на светлой коже предплечья расцвели алым две полосы. Она упала на соседний могильный камень, без таблички и без знака Эола. Ее зверь, ее ласка, верещала едва ли не громче хозяйки. Эол, я на самом деле это слышу?

Залом схватился за рукоять, вытащил нож и посмотрел на меня. Другой на его месте давно катался бы по земле и выл дурниной, этот продолжал смотреть пустыми глазами. Бабушка Сима рассказывала, что юродивый Ир тоже мог воткнуть в ладонь гвоздь, ходить и скалиться, а малышня в это время с визгом разбегалась. Боль существовала словно бы отдельно от него, так бывает, когда башка работает с перерывами.

Пелагея что-то промычала, качнулась, коснулась руками памятного знака, но пока не пыталась встать из рыжей кладбищенской грязи.

Бок мужчины окрасился кровью. Долго он на ногах не простоит, но вогнать ножичек мне в брюхо вполне успеет. Залом перехватил чужой клинок и пошел на меня. Молча и все так же бесстрастно. Шаг и удар.

Кошка зашипела, возвращая телу подвижность и обжигая тем же холодом. Давая силу мне и слабее. Я перекатилась, лезвие высекло из камня искры, которые тут же погасли. Руку снова дернуло болью, но на этот раз по-другому, ладонь напоролась на что-то острое и мокрое. На обломок памятного знака или еще какой-то камень, валявшийся в траве. Не

раздумывая, я схватила его и ударила мужчину. И еще, и еще...

Лиска захлебнулась визгом, не знаю, что там сделал Вит, но я всецело одобряла его действия.

Первый мой удар пришелся в плечо, второй в руку, третий в шею. Мужчина опрокинулся на могилу, где еще минуту назад валялась я. Залом взмахнул ножом, на этот раз движение вышло смазанным, но тем не менее удар достиг цели. Лезвие вскользь прошло по моему плечу, по ключице, теплая кровь потекла по груди...

Я испугалась. Наверное, впервые в жизни так испугалась. Не чего-то постороннего, не фигуры в темноте, не мага за пеленой тумана, от которого веяло жутью. Я испугалась того, что могло сделать со мной обычное железо, небрежно прошедшее наискосок по телу. Испугалась настолько, что даже не смогла опустить голову и посмотреть, насколько глубока рана. Я просто замахнулась и ударила Залома камнем. Била снова и снова, не обращая внимания на то, что нож уже отлетел в сторону, не видя, что вода смешивается с кровью. Кошка рычала, в упоении обнажив когти, ей нравилась эта охота, нравилась добыча.

Воздух в легких вдруг сжался, осел солью на языке, потрескивая и чуть вибрируя. Эол поднял молот в третий раз. А я просто не могла остановиться. Мы ударили одновременно. Я камнем, а он молнией, раскалывая мир, делая его ослепительно-белым. Громыкнуло так, что в ушах зазвенело, а голова стала легкой-легкой. Через мгновение вся тяжесть мира опустилась на плечи. И исчезла.

Залом, не мигая, смотрел в темное небо, дождевая вода стекала с широко раскрытых застывших глаз. Я покачнулась, дыхание с шумом вырывалось из груди, словно я пробежала не одну тысячу вар. Пелагея тихо плакала, она позволила себе лишь разок взглянуть на меня. Опасливый взгляд, словно на дикого зверя. И зажала рот руками.

Камень выпал из рук.

Лиска захохотала. И столько всего было в этом булькающем неровном звуке...

Кто-то подхватил меня под руки. Не кто-то, а Вит. Моя кошка почувствовала его запах и тут же уютно свернулась клубочком. В ее понимании битва была выиграна и можно было отдохнуть.

— А-ка, — позвал вириец, оттаскивая меня от каменной плиты. С соседней неловко поднималась Лиска, живая, пусть и несколько потрепанная. — А-ка...

Вит снова глотал звуки.

— Третий удар, — торжественно прокричала рыжая. — Жертва

принесена.

«Да, — хотела ответить ей, — и принесла ее я».

Но непослушные слова застряли в горле.

Небо заворчало. Где-то там готовился войти в наш мир дасу.

Глава 6

АРТЕФАКТЫ И ВЕРА

— А-ка! — повторил Вит, выдохнул и уже голосом, более похожим на человеческий, добавил: — Ради Рэга, сейчас не время для обмороков.

Вириец встряхнул меня. Ожидаемого результата это не принесло. Грудь жгло, смотреть на заливающую одежду кровь было по-прежнему страшно, поэтому я продолжала таращиться на труп Залома и кривить губы. А Пелагея продолжала скулить.

— Нужно остановить ритуал, иначе мы все покойники!

— Вы и так — покойники, — гортанно засмеялась Лиска, пусть в этом смехе и слышалась боль.

— Вот именно, — ответила я. — Мы дасу не противники.

— Тебе напомнить, кто уже остановил один ритуал? — Вит почти кричал мне в ухо, и кошка невольно отодвигалась от его колючей злости. Или это была я?

Вириец снова встряхнул меня.

— Бежать уже поздно! Айка!

Последнее он почти простонал, и я очнулась.

— Надо найти отражающую поверхность и закрыть проход, — прошептала я, отступая от тела. — Только здесь этих отражающих поверхностей...

И в этот момент Лиска решилась, она бросилась вперед, даже не успев вытереть окровавленные губы. Она бросилась... но отнюдь не к ограде. Девушка кинулась к каменному знаку, к мертвому Залому-Казуму, и вцепилась в рубашку мужчины. Я даже подумала, что она сейчас заревет, как самая настоящая плакальщица. Но вместо этого девушка...

— А вот это предоставь мне. — Вит шагнул к могиле, вернее — к Лиске, словно возле мертвеца у них была назначена встреча.

...Девушка сплюнула, изо рта на траву упал зуб, дождь быстро смыл текущую кровь. Взгляд снова метнулся к телу Залома, но я заставила себя отвернуться. Не сейчас. Не здесь. А может, и вообще никогда, если дасу все же пройдет сквозь открытую дверь. Вит прав, сейчас не время. Он всегда прав, даже когда поднимает руку и ласково касается лица девушки, а глаза загораются алым. Если он сейчас будет ее облизывать, я закричу. И вряд ли потом смогу сказать что-то осмысленное.

Но закричала Лиска. От боли. Когда тонкие красные линии потянулись от кудесника и впились девушке в лицо, забрались под кожу. Стоп. Я на самом деле это вижу или ливень играет со мной злые шутки? Небо разочарованно заворчал.

— Где вы откроете проход? — спросил Вит, и нити чуть шевельнулись. — Где и чем? Что будет ключом?

Рыжая вздрогнула, замотала головой, словно кукла-марионетка, подвешенная на алых нитях, которые были настолько тонки, что вот-вот грозили порваться.

Она отступила на шаг, всего на шаг. Раздался едва слышный треск. В ее руке осталась покачивающаяся тесемка. Наши девки на таких обереги от сглаза таскали. Казум-Залом тоже таскал. Только не оберег, а черную капельку амулета, на которую я вытаращила глаза. Маскировочный амулет! Еще один!

Я опустила взгляд на мертвого мужчину. Черты мельника исчезали, как исчезает к полудню утренняя роса. Лицо Залома было иным. Абсолютно незнакомым. Ничем не примечательный мужчина. Мокрые русые волосы казались почти черными, распахнутые глаза заливал дождь пополам с кровью.

Лишь кровь не изменилась.

— Где вы откроете проход? — снова спросил чернокнижник и пошевелил пальцами. Ему не было дела до амулетов.

Лиска захлебнулась криком. Амулет выскользнул из ее руки и упал в грязь.

Сколько таких черных капелек «ходит» по Тарии? Одна у меня, одна у Лиски, одна у Залома. Я не спрашиваю, зачем они, потому что ответ очевиден. Именно так приносили жертвы. Какой селянин откажется прогуляться со старшим до околицы? Залом был «своим».

Откуда они их взяли? Как один из артефактов попал к Дамиру? И куда пропал сам действительный маг?

— Ну, — поторопил Вит, давая рыжей краткую передышку от боли.

— Там! — выдохнула она. — Там, у колодца Гнуса-плетельщика.

— Ключ?

— Не-э... — простонала Лиска.

— Ключ! — потребовал чернокнижник.

— Не знаю!

Магические ниточки вздрогнули и стали жесткими, словно их окунули в крахмал и высушили...

— Не знаю! — завывала девушка. — В прошлый раз, когда псише

попало к девчонке, мэтр сказал, что это не моего ума дело, — выкрикнула она и стала повторять: — Не знаю! Не знаю! Не знаю!

Нити оборвались с сухим хрустом, как ветки собранного в засушливое лето хвороста. Голова рыжей безвольно повисла, ноги разъехались. Вит разжал руку, и девушка упала в кладбищенскую грязь.

И тут в Волотках завыли собаки.

— Канал открыт, — повернулся ко мне Вит. — И дасу уже вступил в него. Времени почти не осталось. — Он схватил упавшую Лиску за волосы, приподнял и приказал: — Показывай, где там живет ваш Гнус и что он плетет. У меня не то настроение, чтобы ходить по гостям и спрашивать дорогу, — рывкнул чернокнижник, заставляя рыжую встать. — Бегом!

Грязь чавкала под ногами, Лиска периодически подвывала, два раза падала, тогда вириец тащил ее за собой, словно куль с мукой или волокушу, не замедляясь ни на секунду и не думая, что рядом с ним живой человек.

В одном из амбаров с распахнутой дверью горела дававшая скудный размытый свет лучина. Задумчиво жующая траву коза проводила нас равнодушным взглядом. Самая мирная картина, которую можно представить в дождливый летний день. Где-то квохтали куры. Выли собаки.

Раздался тихий, на грани слышимости, свист. Вит отпустил волосы Лиски, та упала в грязь лицом и, кажется, даже не собиралась подниматься, лишь, повернув голову, судорожно, часто дышала.

— Ты долго, — прошептал появившийся из темноты Рион. Только я заметила, как из руки вирийца исчезло какое-то переливающееся заклинание, которое едва не полетело в голову чаровнику. — Нашел Айку? — Парень пригляделся к Лиске, нахмурился, поднял голову и наконец увидел меня. — Во имя Эола, что произошло?

— Я не верю, в Эола, — ответил Вит.

— Да какая разница! — выкрикнул Рион. — Айка, ты как?

— Если еще стоит, значит, царапина, иначе давно бы уже лежала на обочине, — не дал ответить мне чернокнижник.

Не знаю, что меня так зацепило в его словах, может, легкость, с которой он их произнес, а может, злость, но... После этого я наконец смогла опустить глаза и, подцепив мокрую, надорванную у ворота рубаху, посмотреть на рану. Не скажу что царапина, не скажу что маленькая, но не смертельно — жить буду.

— Нашли убивцев? — спросил появившийся из-за ближайшего плетня Михей. — Так где будет ритуал-то? Может, ну его? Спать пойдем, не верю я, что дасу в такую сырость нос сюда высунет...

Я бы, может, тоже не поверила, особенно вспоминая козу, жующую

траву в сарае, но... Собачий вой стих, словно всем шавкам в округе вдруг зажали пасть.

За забором, там, где сквозь дождь проступали очертания колодца, вдруг полыхнуло белым, словно зарница. Полыхнуло и потухло.

Вириец одним движением перепрыгнул плетень, Рион неуклюже полез за ним, Михей заряжал арбалет, хотя в такой дождь толку от него чуть. А я задалась вопросом, стоит ли лезть напрямую? Может, проще обойти по широкой дуге и...

— Айка, — позвал Михей, перехватывая оружие, и я, конечно, полезла следом. Воистину, отвар елики не шел мне на пользу.

Чернокнижник первым достиг бревенчатого сруба, сейчас казавшегося осклизлым и грязным. Глаза мужчины полыхнули алым, я муркнула, словно домашняя кошка, которую хозяин мимоходом погладил по загривку. Слава Эолу, шум дождя заглушил все звуки.

Парни остановились у колодца. Вспышка растворилась в сыром мареве дождя. Михей осторожно обошел сруб, грозя мокрому дереву арбалетом. Бревна остались равнодушными. А больше оценить его героические намерения было некому.

— И что теперь? — спросил Рион.

Ответом ему стала очередная вспышка, только половиной вара правее, совсем у другого колодца, в другом огороде. Вириец выругался и бросился дальше.

Следующий колодец, у второго тонущего в серости дома, ничем не отличался от предыдущего. Лишь шум дождя да тишина. Собаки больше не были.

— Испытываю желание протереть глаза, — буркнул чаровник и спросил у кудесника: — Сталкивался с таким раньше?

— Не уверен, — напряженно ответил Вит.

Снова вспыхнуло чуть левее, и тут же, без перерыва, еще раз позади нас. Больше всего эти вспышки походили на белые лучи света, что так любят рисовать в книгах о магах художники и вышивать на гобеленах мастерицы.

Еще одна вспышка — за дорогой, по которой мы пришли и на которой оставили Лиску.

— Во имя Рэга, — процедил Вит, бросаясь обратно. — Он знает, что мы здесь!

— Кто? — на ходу выкрикнул Рион.

— Маг, что вызвал дасу.

Вит перепрыгнул закачавшийся плетень, снова помянул темного бога и

вдруг плюхнулся в грязь у ближайшего куста. Рион завертел головой, помянул Эола и с энтузиазмом присоединился к вирийцу. Странно было видеть у магов такое единодушие. Странно и немного страшновато.

Михей вопросами не задавался, он просто грохнулся в лужу, подняв тучу брызг. Лиски на обочине уже не было.

— Эх, надо было допросить, — посетовал чаровник и крикнул: — Айка, не маячь там!

— Он все равно знает, где мы. — Сапог угодил в лужу, и я потрясла им, как ногой коза на привязи.

— Откуда? — завертел головой и арбалетом стрелок.

— Знает, — подтвердил Вит. И осторожно оглядел дорогу. Последняя вспышка потухла на том конце поселка. — И все эти светлячки — не что иное, как представление для заглянувших на огонек детишек.

— Он что, нас боится? Или боялся, что мы поговорим с Лиской? — усмехнулся Рион.

— Не обольщайся. — Вит вытянул правую руку и пристально посмотрел на пальцы. — Вот ты много тайн доверил бы девке?

Чаровник отвернулся и покраснел.

Я откинула волосы с лица, тело пробрала дрожь. Я была мокрой с головы до ног. Все вокруг было мокрым, словно Эол или Рэг взрезали молнией черное небо и теперь этот мир был обречен утонуть. Кошка со вздохом согласилась. Мир обречен, и бежать в лес — такой темный и такой уютный — уже поздно.

— И что теперь делать? Вы вообще уверены, что есть этот «он»? Мы битый час бегаем под дождем и... — разозлился Рион.

Что-то теплое, маленькое собралось на кончиках пальцев чернокнижника, и мы с кошкой с интересом уставились на красноватые искорки, пробегающие по его ладоням.

— Не веришь мне, спроси Айку. Третья жертва принесена.

— Я верю, — влез Михей, избавив меня от необходимости отвечать, особенно о третьей жертве.

— Тогда что нам делать? Все на стороне этих... этого мага. Он про нас знает, мы про него — нет. Он почти закончил ритуал, а мы даже не догадываемся где. Такое ощущение, что играем в прятки. И проигрываем. — Рион сжал кулаки.

— Надо найти ключ. — Искорки вспыхнули ярче, освещая ладони Вита.

— Ключ? — шмыгнул носом стрелок.

— Артефакт типа того зеркала, — вспомнила я.

— То, что откроет дверь дасу, — добавил Рион.

— Как вы думаете, много ли в этой деревеньке найдется артефактов? — спросил чернокнижник, встряхнув рукой.

Множество красноватых звездочек, так напоминавших искорки костра, которые по странному капризу не гасли под проливным дождем, сорвались с его рук и разлетелись в разные стороны. Одна из них зависла прямо напротив моего лица и вдруг нырнула под ворот рубашки, заставив черную капельку маскировочного амулета загореться.

Некоторые искорки, покружив над дорогой, погасли, некоторые устремились к лесу, штук двадцать вернулись в Виту, осели на коже, расцветивая ее алым, словно мужчина сам по себе был артефактом.

А еще три... еще три осели на арбалете стрелка. Приклад вдруг стал походить на выструганный из красноватого дерева, ложе — на отлитое из меди, на которой едва заметно поблескивал серо-стальной болт. Искорки превратили обычное оружие во что-то загадочное. Во что-то, чему совершенно не место в широких ладонях деревенского парня.

— Здорово, — совершенно искренне восхитился Михей.

Жаль, что Рион не разделял его восторгов. Чаровник отреагировал в лучших традициях: то есть сначала ударить, а потом поинтересоваться, понравилось ли. Он создал в ладони огненный шарик, слава Эолу — маленький, и швырнул в стрелка.

Вит дернулся, но не успел ему помешать. «Успел» арбалет. Огненный шарик помчался к Михею, но вдруг, изменив направление, не ударил парня в лицо, а прилип к прикладу оружия, словно шерстяная нитка к одежде. Огонь растекся по дереву, как кусок масла на горячей сковороде, и втянулся внутрь арбалета.

Это только укрепило желание Риона вклеить в лоб стрелка магический заряд. Но тут вмешался вириец.

— Хватит, — приказал мужчина.

Мы с кошкой почувствовали движение его магии, Рион поперхнулся, и очередной огненный шарик лопнул у него в ладони.

— Но он же... — закричал чаровник, взмахнув мокрыми руками, — он же...

— Кто?

— Михей, рыбацкий сын, — обиженно проговорил деревенский парень. — Хотите, в храме Эола побожусь?

— Да!

— Нет!

Маги ответили одновременно.

— Так божиться или нет? — не понял Михей.

— Мне неловко напоминать, — проговорила я. — Но пока вы тут беседуете, один маг готовит торжественную встречу дасу. И вряд ли тот согласится подождать.

— А если... а если это он?

В отчаянии Рион ткнул пальцем в стрелка, и тот обеспокоенно оглянулся, ожидая увидеть за спиной ни много ни мало — самого демона. Не обнаружил, задумался, глаза приобрели восторженно-мечтательное выражение. У нас в Солодках с такими глазами мельник, старый охальник, наблюдал, как девки в пруду купаются, и спросил:

— Я маг?

— У него нет резерва. — Вириец откинул мокрые волосы со лба и как бы невзначай оглядел пустынную улицу. — Даже такой неуч, как ты, должен это видеть. Михей, откуда у тебя арбалет?

— Дык дед с первой озерной комп... камп... войны привез, — бесхитростно пояснил парень. — Сказывал, что наши тогда даже до Озерного края не дошли. Он эту стрелялку у какого-то писаря отобрал, тот все равно не знал, с какой стороны за нее держаться...

— Будто ты знаешь, — буркнул Рион и добавил: — Привез, и что? Велел беречь как зеницу ока?

— Нет, — удивленно заморгал Михей. — Из него все стрелять учились: отец, брат, я... — Он вздохнул, видимо вспомнив об успехах на этом поприще. — Дед его как-то раз Петришу на бочонок браги едва не сменял, да не дошел до трактира, нашел, где задарма опохмелиться.

Вит продолжал напряженно вглядываться в дорогу. Дождь лил, изредка подсвечивали черное небо вспышки молний, но ничего похожего на удары молота Эола больше не повторялось. Обычный ливень в глухой деревеньке... Если бы не томительное ожидание, от которого моя кошка раздраженно дергала хвостом.

— А что, если... — начал было Рион.

— Потом, — отмахнулся Вит и посоветовал стрелку: — Держись за свою стрелялку, парень, если мы переживем эту ночь, так и быть, расскажу тебе, что это такое.

Я вспомнила, как чернокнижник пытался повернуть артефакт против владельца, а потом тряс рукой, словно его... Что? Обожгло? Деревянным прикладом?

Вит снова шевельнул пальцами и совсем другим, напряженным голосом добавил:

— Поисковики за что-то зацепились. Это не дупло лесного духа. — Он

бросил взгляд на темнеющий лес, подсвеченный алыми искорками. — Это что-то побольше. А арбалет хоть и артефакт, но точно не ключ. — Рион возмущенно засопел, и чернокнижник добавил: — Клянусь кровью дасу.

Будто слов вирийца показалось недостаточно, стрелок торопливо зачастил:

— Я научусь стрелять, господин Рион, матушкой покойной клянусь, раз уж у вас почтения к Эолу нету. А матушка моя, чтоб вы знали, и с того света кого хошь достать может...

— Ну, чего он тянет? — сквозь зубы проговорил Вит и снова пошевелил пальцами, дергая что-то невидимое. Несколько алых искр взлетели и осели на поверхности ближайшей лужи.

— А мы его уже торопим? — поинтересовалась я, по примеру чернокнижника оглядывая раскисшую от дождя дорогу. — Или все-таки хотим остановить?

— Одно другому не мешает. — Вириец приподнялся и, словно на что-то решаясь, вышел из укрытия.

Странно, но ничего не произошло. Никто не кинулся на него с ревом и не оторвал голову. Лил дождь, деревья качали поникшими ветками.

— Ну это уже ни в какие ворота не лезет.

Словно отвечая на его возмущение, снова взвыли собаки. На этот раз жалобно, с повизгиванием, так скулит преданная, но глупая шавка, ползет на брюхе к хозяину и надеется, что в этот раз обойдется без пинка. Они боялись. И мне не в чем было их упрекнуть.

Вит дернул рукой, будто удерживая невидимые вожжи, и пошел вперед. В другой раз я восхитилась бы его смелостью. А сейчас мне очень захотелось обозвать его идиотом, а еще... коснуться щеки. Нет, этого я точно делать не буду. Во всяком случае не сейчас. И не здесь.

Кошка одобрительно оскалилась. Наживка вышла на дорогу, а когда маг поймет, что мышь не так беззащитна, как кажется, будет уже поздно. Пора начинать охоту.

Вит сделал несколько шагов вперед, продолжая удерживать «вожжи», Рион привстал, вглядываясь в дождь, Михей повел сияющим, как усеянная светляками болотная кочка, арбалетом. Магические искорки продолжали оседать в лужах, отказываясь гаснуть и подсвечивая воду изнутри. Я изогнулась... Нет, не я. Кошка. Или уже все-таки я? Где заканчивается она и начинаюсь я? Внутренний зверь рыкнул, предлагая не отвлекаться на ерунду...

Земля задрожала, сначала еле-еле, словно по дороге проехала тяжелогруженная телега, потом все сильнее и сильнее.

Чернокнижник остановился, собачий вой перешел в визг. Рион поперхнулся очередным огненным шариком, Михей плюхнулся на задницу, я оттолкнулась от плетня и выскочила на дорогу, потому что...

Потому что вириец падал.

Чернокнижник повалился на спину, вцепившись свободной рукой во вторую, которая еще недавно управляла искрами. Пальцы скрючились и почернели, словно он сунул их в золу.

— Вит! — закричала я и упала на колени, поддерживая его голову. — Что... Что с тобой?

Хвост раздраженно стегал по земле, хвост, который никто не видел. Надеюсь, что не видел...

— Магия, — прохрипел он. — Магия — это палка о двух концах, ты бьешь ею, и ею же бьют тебя, пока... хрррр... — Он захрипел, цепляясь за руку. — Недооценил... было слишком тихо, а он ждал... ждал меня... и я пришел. Самонадеянный дурак.

Лай захлебнулся, и в небо устремился столб зеленоватого света. Он мало чем напоминал те вспышки, за которыми мы гонялись по селу, как игривые котята. Он был похож на вековой дуб, что рос у кольцевой дороги в Солодках, широкий и поросший грязным мхом. Только вот от того дуба не хотелось убежать сломя голову и забиться в подпол.

— Это там! — выскочивший на дорогу Михей взмахнул арбалетом. — Там, где Айка нашла старый жернов.

«И где меня нашла Лиска с друзьями», — мысленно добавила я.

В ближайшей темной луже зажглись два алых глаза... Тьфу, нет, все-таки не глаза, искры чернокнижника, вот парочка плавает и не гаснет.

— И что нам делать? — с другой стороны над лежащим чернокнижником склонился Рион.

Напуганный и взлохмаченный. Впервые напоминавший именно того, кем был на самом деле — обычного мальчишку, которого угораздило родиться магом, а вот ума это ему не прибавило. Вряд ли он понимал, что именно и у кого спрашивал. Вряд ли он потом вспомнит об этом. Если у нас будет это «потом».

Холод коснулся позвоночника, словно кто-то уже стоял за спиной и готовился нанести удар. Шерсть на загривке встала дыбом.

В зеленоватом столбе света заметалась багровая тень.

— Закройте портал, — проговорил Вит, глядя на меня.

— Но мы же... — начал чаровник.

— Вы уже закрыли один. Закройте и этот, поверните ключ обрат... — Вириец закатил глаза. Рука, которой он держал запястье второй, упала,

чернота на коже дошла до середины предплечья.

— И что он этим хотел сказать? — не понял стрелок.

— Что от таких дураков, как мы, неприятностей не ждут, — проговорила я, поднимаясь. — Не стойте истуканами, помогите.

Я схватила Вита за куртку и потянула к обочине, опомнившийся Михей закинул арбалет за спину и взялся за ноги черно книжника. Мы перетащили мужчину обратно к плетню.

— Земля! — вдруг закричал оставшийся на дороге Рион. — Смотрите на землю!

Там, куда он указывал, нарастал лед. Каждая лужа, каждая яма с грязью и даже каждая капля лившегося с неба дождя застывали беловатой пленкой на черной земле. Кажется, я слышала даже хруст, как зимним утром, когда бежишь в кусты...

Словно кто-то разлил по земле холод, и он тек и тек от опушки леса к центру села, превращая воду в лед. Совсем как туман в Хотьках.

Вит не шевелился. Кошка фыркнула. Охота продолжалась.

Я пошла вдоль забора, не выпуская из поля зрения зеленый свет. Тонкий лед даже не проминался под мягкими лапами.

— Айка, — зло зашептал Рион, и ледяная корка под его сапогами оглушающе захрустела.

— Шшшша, — обернулась я, шипя.

— Понял, — кивнул маг, поднимая мокрые руки. Дождь и не думал прекращаться. — Молчим. — Тут же, противореча сам себе, добавил: — А план у нас есть? Другой план, кроме плана черно книжника?

— Нетуть, — ответил вместо меня Михей, обогнал и пристроился сбоку. Его арбалет продолжал сверкать, под сапогами оглушительно хрупало.

Я склонила голову, и на миг мне показалась, что в замерзшей луже отражаюсь вовсе не я, не Айка Озерная, а кто-то другой, размытый, нечеткий и какой-то далекий. Миг, и видение пропало, лед стал беловатым и мутным, как и положено любому порядочному льду.

— Видел бы меня сейчас учитель, — попенял непонятно кому чаровник и оглянулся на лежащего на земле Вита, хорошо хоть глупых вопросов задавать не стал.

До перекрестка и зарослей, в которые кто-то закинул старый жернов, да так его и забыл за ненадобностью, мы добежали за считанные минуты. Не особо скрываясь, но и не выходя на середину дороги, как кудесник. Ближайшее будущее виделось смутно, моя кошка сосредоточилась на простых действиях: переставить лапы, махнуть хвостом, порычать на

зеленый свет, которому, кажется, было абсолютно безразлично мое рычание... Тьфу!

Я остановилась у очередного забора, на этот раз из досок разной степени гниения, и осторожно отодвинула мокрые ветки, вяло удивляясь тому, что делаю это не лапами, а вполне нормальными пальцами.

— Ну, что там? — остановился за спиной Рион. — Есть артефакт? А канал, куда его надо бросить, чтобы закрыть лавочку по вызову демонов к чертям собачьим?

— Есссть, — прошипела я, с трудом отстраняясь от кошки и от ее звериной натуры, которая требовала рычанием, вздыбленной шерстью и выпущенными когтями устрашать врага — главное, чтобы он сам знал, что должен устрашиться.

Зеленоватый столб света исходил как раз из того камня, что я нашла, он поднимался вверх, словно призрачное дерево, выросшее на мертвом основании. Позади этого зеленого света угадывалась фигура мага. И это она мне казалась жуткой? Да по сравнению со столбом света, в котором то и дело прорастали тени, маг казался просто добрым сказочником из легенды о прекрасной принцессе.

Лиски нигде не было, и это настораживало. Мы с кошкой предпочитали держать врагов перед глазами.

— Есть, — более человеческим голосом повторила я, присматриваясь к камню, на котором осело сразу несколько десятков искорок Вита.

— Отлично, — воодушевился Рион. — Значит, так, вы отвлекаете мага, я беру артефакт и закидываю его в портал. А потом мы все вместе на прощанье машем дасу ручкой.

— Думаете, злодейский маг просто постоит в сторонке? — Михей попытался заглянуть мне через плечо.

— Вопррррррсссс не в этом, — прошипела я, чуть отклоняясь. В окне дома за забором потухла лучина, погашенная дрожащей рукой. Вот теперь проняло и жителей, и, наверное, ту козу. — Вопроссс в том, как ты поднимешь эту штуку, чтобы кинуть куда бы то ни было?

— В колодец она точно не влезет, — присмотрелся к жернову Михей.

Рион привстал, и с минуту мы разглядывали горящий камень. Разглядывали и молчали. Фигура мага воздела призрачные руки к небу, тени заметались сильнее.

— Они учатся на своих ошибках, — с сожалением протянул Рион. — Это вам не ручное зеркало.

— Может, не надо его куда тащить, господин чаровник? — хмыкнул стрелок и пояснил: — Ведь они же не тащили.

— Что? — переспросил Рион, подаваясь вперед.

— А то, что «ключ» еще в «замке». — Я посмотрела на Михея, тот шмыгнул носом и вытер лицо рукавом. — Не только нам не поднять эту махину.

— А ведь верно, — прищурился чаровник, — если жернов — это ключ, то замок... — Он указал сначала на столб света, а затем на собирающуюся под камнем лужу. — Впрочем, это не так важно. Что мы будем с этой махиной делать? Хорошо Виту, нагнал страху, дал задание и лег спать. Но жернов — это не зеркало, в луже не утопишь. Эол, почему все каждый раз иначе, почему они своих черных книг не придерживаются, а придумывают новое? — спросил парень у темной улицы. — А ты голову ломай, вот что прикажешь делать, когда ключ больше замка?

— Может, расколоть, господин чаровник? — предложил стрелок. — Сломанный артефакт будет работать?

— Нет. — Рион поморщился, когда услышал очередное «господин чаровник».

— Мне кажется, что-то тут неправильно, — пробормотала я.

— Что?

— Не знаю. — Я едва сдержала рычание. — Сколько мы тут возимся? А до этого? Шушукаемся, строим планы... У мага руки не затекли? А дасу, почему он никак не может заглянуть на огонек?

— Предлагаешь разойтись по домам? — переспросил чаровник и, не дождавшись ответа, продолжил: — Чем можно расколоть камень?

— Словно мы играем. В прятки. Сначала водил он, теперь мы... И кого ловит — непонятно. — Продолжила я, а кошка согласно рыкнула.

— А если молотом хряпнуть? — предложил стрелок и сам себе ответил: — Нет, дядька Трик как-то пытался по пьяни и промахнулся, три пальца расплющил, а камню хоть бы хны.

— Молотом? — прищурился Рион. — Да, только не простым, а молотом Эола.

— Господин чаровник умеет вызывать молнии? — восхитился стрелок.

Я тоже заинтересованно повернулась к Риону, ожидая ответа.

Где-то вдалеке робко твякнула псина и, словно устыдившись, замолкла. Маг все еще стоял с поднятыми руками.

— Ну-у-у... — протянул чаровник.

— Значит, нет, — констатировала я.

— Я читал, — вскинул мокрую голову Рион, — вроде ничего сложного.

— Тот-то я и вижу, что маги на каждом углу молниями кидаются.

— Айка, у тебя есть план получше?

Моя кошка прижала уши к голове.

— То-то. Так, мне нужна энергия, — стал рассуждать чаровник, закатывая мокрые рукава. — Накопитель и... — Стрелок тут же нарисовал пальцем прямо в грязи спираль, получил еще один одобрительный взгляд Риона и едва не зарделся, аки девица на выданье. Так они снова скоро вернуться к «Риону» вместо «господина чаровника». — Немного времени, но его-то нам как раз и не дадут, как только маг почувствует, что я тут делаю... — Он не закончил, но мы и не нуждались в объяснениях. — Значит, план такой: вы развлекаете мага, я бью молнией в камень. И мы машем дасу ручкой.

— Далось тебе это махание, — проговорила я. Михей перехватил арбалет. — Пошли развлекаться, а то бедный дасу скучает небось.

Я не знаю, на что мы рассчитывали. Вернее, на что рассчитывали парни, потому что от меня к тому моменту уже мало что осталось. От Айки Озерной, что жила в Солодках и уворачивалась от летящих в спину камней и плевков. А новая еще толком не понимала — кошка она или человек. Но зверю любая охота в радость, даже смертельная. Особенно смертельная. Особенно когда охотится стая.

Уловив последнюю мысль, я вместе с кошкой махнула хвостом, возвращаясь в настоящее. Вожак сам о себе позаботится, пусть сейчас он и лежит без сознания в сточной канаве.

— Айка! — зашипел Михей, красноречиво тряся арбалетом, и я осознала, что уже пару минут плююсь на зеленый, исходящий из жернова свет.

Легко сказать, пошли развлекаться, а на деле?

— Айка, — снова зашипел парень и вдруг предложил: — Мне в него выстрелить?

Он взмахнул рукой, указывая то ли на призрачную фигуру мага, то ли на околицу с бродячими собаками.

Лучшая идея за сегодняшний вечер, ибо других не было. Ну не выскакивать же мне из кустов с криком: «А вот и я!» Но, думаю, одну глупость вполне можно заменить на другую, раз ничего умного в голову не приходит.

Я оглянулась на заросли у дороги, где мы оставили Риона. Парень махал руками, словно ветряная мельница, и едва слышно читал заклинание. Человек не услышал бы, а вот кошка живо насторожила ушки. Нет, не

читал заклинания, а ругался нехорошими словами, да с таким разнообразием, что дал бы фору дядьке Верею. Сразу видно, переживает.

Вот только маг — не человек. Он тоже слышал. Призрачная фигура развернулась к ограде. Михей вскинул арбалет, прицеливаясь, я наклонилась и зачерпнула холодной грязи.

Глупость, но почему нет?

Замахнулась и швырнула липкий ком прямо в призрачную, скрывающуюся за зеленым столбом света фигуру. Не добросила. «Позорище», — как сказал бы Кихор, заводила всех парней в Солодках. Грязный ком влетел в луч света и осел на... Честно говоря, не знаю, на чем, может, на жернове, а может, на нашем долгожданном госте. До сих пор помню тоненький смех Ксанки, когда вот такая же противная и склизкая горсть размазалась по моей новой рубахе. Ох и влетело же мне тогда от бабы Симы.

Глупо думать, что дасу могут обуревать те же чувства, что и деревенскую девчонку, но...

Опять это «но», сегодня ночь этих «но».

Мир вздрогнул. Именно так. Словно тебя поместили в бочку из-под дождевой воды и хорошенько пнули. Что-то взревело там, в зеленом мареве. Михей все-таки выстрелил, болт ушел в зеленый свет, в отличие от комка глины, миновал его и... вернулся обратно. Как хорошо, что парень не умеет стрелять. Пущенный неумелой рукой снаряд прошел чуть левее его уха и пробил одну из гнилых досок ограды.

С той стороны зеленоватого столба послышались не менее заковыристые ругательства.

И хотя голос был искажен, на миг мне показалось, что я его уже слышала. Кошка согласно рыкнула. Я зачерпнула еще грязи и... больше ничего не успела. Меня подбросило в воздух, перевернуло и со всей силы швырнуло вниз. Перед глазами замелькали цветные пятна, где-то рядом закричал Михей, арбалетная тетива щелкнула. Зеленый свет мигнул.

Я наконец очутилась на земле, крутящийся мир остановился. В висках тюкала боль, что-то текло по скуле... Наверняка дождь. Так думать приятнее.

Маг опустил вытянутую руку.

Швырнуло не только меня, но и Михея. Я упала правее, а вот стрелку не так повезло, он, продолжая что-то бормотать, барахтался в столбе зеленого света прямо на жернове.

Теперь магу точно не скучно.

Мы с кошкой замотали башкой, стараясь собрать лапы в кучу. К

ругательствам Риона и злодейского мага добавились неловкие рассуждения стрелка о собаках и их матерях.

Объявляю общество тарийских сквернословов открытым.

Земля снова вздрогнула, в зеленом свете выросла массивная тень, пока еще плоская...

И предлагаю назначить дасу его главой.

— Что ж, — прогудел маг, его расплывчатая фигура качнулась, неторопливо выплывая из-за жернова. — Я, конечно, ждал, что рядом с девкой отирается вкусное блюдо, но, — спрятанный за пеленой маг опустил руки, — этот тоже сойдет.

— Блюдо? — повторила я, прижимая уши.

Вот как бывает, одно слово, вроде бы обычное, но от него в голове будто что-то сдвинулось, как сундук, что однажды свалился со ступеней лестницы, когда мы с бабушкой пытались затащить его на чердак. Он упал с шумом и грохотом, едва не придавив меня. Бабка в него нагревательные камни сложила. Так и это слово, как тяжелый сундук, упало и...

Михей еще раз выругался.

— Блюдо, — повторил маг.

Зеленый свет шевельнулся, мы с кошкой взвизгнули. Она отчаянно и безнадежно. Я зло. Наши звериные инстинкты просто кричали о том, что надо улепетывать. Да, уже поздно. Да, мы умрем, но оставаться на месте нельзя, надо бежать, надо...

Но человек заставил зверя остаться на месте. Я заставила. Та новая я, что только осознавала себя. А вот прежняя сбегала бы, как сбегала всегда.

Фигура, постепенно проступавшая в столбе зеленого света, обрела четкость и объем. Был рисунок, а стала поделка из... из мяса. Из столба света вывалился отросток, больше всего похожий на жабий язык, с которого ободрали кожу.

— Я собрал знатную мышеловку для дасу, осталось только положить в нее сыр, — призрачный маг был собой очень доволен. — И хотя я планировал дать ему кусок повкуснее, этот тоже сгодится.

Отросток изогнулся, Михей поднял голову, судорожно дернул рычаг арбалета, силясь его перезарядить. Лишенный покрова «язык», состоящий из сочащихся сукровицей мышц, опустился, обвиваясь вокруг туловища парня. Тот только охнул, хотя я бы на его месте визжала, как оглашенная. Демон схватил парня поперек туловища и вздернул кверху. Оружие упало на светящийся жернов и, отскочив от камня, словно клубок ниток, отлетело во тьму.

Столкнулись два артефакта: старое оружие и гладкий камень, ставший

ключом к замку, что открыл проход в наш мир. Стукнулись и оттолкнулись друг от друга, как две ягоды в одной лукошке.

Блюдо — вот причина странной медлительности мага. Нас ждали. Ждали, когда мы придем и торжественно уляжемся на место приманки в мышеловке.

Привередливые нынче демоны пошли. Дверь им открыли, но надо еще и хлеб-соль на рушнике преподнести, да с поклоном.

— Блюдо из порченной крови было бы намного вкуснее. — В голосе мага послышалось легкое недовольство. — Блюдо из крови и плоти демона.

— Порченная кровь там, — мотнула я головой. — В сточной канаве. Пахнет отвратно, но раз дасу у вас непривередливый, могу сбегать.

— Давно хотел тебе язык укоротить, белая дрянь.

— Кто бы говорил. — Кошка фыркнула, выпуская когти. Ни одной причины придерживать свой непослушный язык я не видела. Умирать, так с песнями, как орал по пьяни пастух Мишек. — Маг, скрывающийся за пеленой. Маг, не желающий, чтобы его узнали, — я стала медленно отползать от светящегося жернова.

— Спаси, Эол, и помилуй, — взвыл Михей, судорожно дергаясь в объятиях дасу.

— Он не слышит тебя, — отмахнулась расплывчатая фигура мага. — Он давно уже никого не слышит.

— Не соглашусь, мэтр. — Из тени напротив вышел Теир, почти такой, каким мы его запомнили, в старой одежде, с кривящимся, почти безумным лицом. Казалось, он вот-вот начнет судорожно читать непонятные молитвы. — Он слышит. Не отвечает, ибо мы недостойны, но слышит и внимает. Всегда.

— Эол! — Стрелок почти взвыл.

Щупальце дернулось, поднимая его выше, зеленый свет колыхнулся, дасу готовился вступить в наш мир, войти в распахнутую настежь дверь.

— Прими наше подношение. — Маг снова воздел руки к темному дождливому небу.

— Не хочу подношения, — совсем по-детски выкрикнул Михей, а небо раскололось молнией.

У Риона все-таки получилось. Не соврал чаровник, читать он точно умел. И не промахнулся, как можно было предположить. Небо озарилось яркой вспышкой, ветвистый всполох в очередной раз разделил мир пополам и ударил в землю. Ну не совсем в землю — в старый, выброшенный за ненадобностью жернов.

Вот только маг был готов. Думаю, он ждал чего-то подобного, знал,

что мы малость не в себе и обязательно преподнесем какую-нибудь каверзу. Наученный еще с Хотьков.

Призрачные руки качнулись, по шерсти словно ветерок прошел, и молния раскололась о невидимый щит, будто чашку из дорогого олинского стекла увеличили в несколько раз, перевернули и накрыли старый жернов, мага и дасу с подвывающим на одной ноте Михеем.

Молния раскололась, раздвоилась и с громким шипением испарилась. Все-таки напортачил чего-то наш Рион, или не было у парня книги на тему, как ученикам бороться с действительными магами. А в том, что там, за пеленой, действительный, я даже не сомневалась.

Рион, судя по сквернословию, тоже. Маг усмехнулся, качнул рукой, ругательства оборвались, и только кошка смогла расслышать звук падающего тела.

«Магия — это палка о двух концах, ты бьешь ею, и ею же бьют тебя», — сказал Вит. Сейчас пришла очередь Риона получать тумачи. Так мы скоро совсем без магов останемся. Вернее, уже остались. Почти... Кошка почуяла это «почти» раньше всех.

В тот момент, когда маг наказывал осмелившегося вмешаться в ритуал чаровника, что-то снова коснулось загривка, что-то тягучее и невыносимо приятное. Так и хотелось изогнуться и подставить холку под ласковую руку. Магия...

Что-то чавкнуло, примерно с таким звуком топор мясника врезается в баранью тушу, и отросток, лапа или язык — не сильна я в организмах демонов — отвалился. Вместе со стрелком. Михей второй раз грохнулся на жернов, но на этот раз куда больше обрадовался.

Демон задергался, заревел, звук наждаком прошелся по спине, на камень полилась черная кровь. Отрезанная магией конечность изогнулась, словно червяк в луже после дождя.

Из тени вышел Вит, кошка удовлетворенно заурчала. Эол, надеюсь, этого никто не слышал. А ведь она знала, с самого начала знала, что охота продолжается. Она... Пора уже говорить «я».

Я видела, как Вит упал, как трудно ему было говорить. Красивая замена — упасть в неравном бою, дрожащей рукой указав последователям на цель... И как я не расплакалась?

А вот мага вместе с его покалеченным демоном стало жалко. Перепутал наживку с охотником. Фатально перепутал. И пока мы все, в том числе и Рион, развлекали мага, чернокнижник продолжил охоту.

Вит встал рядом, маг рыкнул что-то непотребное, снова шевельнул рукой, но чернокнижник легко поймал... э-э... — что бы это ни было — в

ладонь, и картинно отряхнул ее. Михей, покрытый кровью дасу, пытался отползти от извивающейся конечности. Демон бесновался за пеленой зеленого света, а Теир... Теир молился, закрыв глаза, что-то бормоча и почти впадая в экстаз от собственных слов.

— Весссърррезерррррфффррррастррратил? — рычаще спросил Вит.

— Порченная кровь, — выплюнул маг, его фигура колыхнулась почти как плащ. Или мантия. Я видела такие. В Велиже. На суде.

— Она ссссамая, — не стал отрицать родословную вириец. — Истррратил-истррратил. Ссссколькооссталося? Кьята^[19] два? Пять? Ударрр по мне, шшшшвыррнуть детей поближе к дверрри, защитный купол, потом пррроучить недоучку и снова меня... — Рычание медленно исчезало из его речи, тогда как глаза оставались алыми, как у зверя. — Да еще и поррртал надо поддерррживать. — Чернокнижник покачал головой. — Твой кувшин почти пуст, чаррровник.

Зеленый свет становился все насыщеннее и ярче, будто пыльный витраж из цветного стекла протерли чистой тряпкой.

— Ты ведь даже дасу не удеррржишь? — Вит нахмурился и сам себе ответил: — Не удержишь. На что же ты рассчитываешь? Выпустить в наш мир бесконтрольного демона? Зачем, ради Рэга? Он убьет всех и вся, даже тебя. Так зачем...

Чернокнижник не договорил, Теир вдруг закричал, наверное, это все же был призыв к Эолу, хотя мне показалось, что где-то снова завывала полоумная псина, да так проникновенно, что тянуло присоединиться. А вот Михей решил на сдерживаться и присовокупил к святым словам ругательные, он пытался отползти от дасу, от зеленого света...

Демон услышал. Эол знает, что ему не понравилось, а может, ему просто надоело ждать, но он изо всех своих сил рванулся сюда, в этот мир. Рванулся в приоткрытую дверь, сшибая все на своем пути. Вит не успел ничего сделать. Я не успела даже вскочить на лапы. Михей не успел свалиться с жернова. Теир не успел закрыть рот. А маг... маг ничего не собирался успевать.

Камень вздрогнул, на миг зеленый свет стал настолько ярким, что хотелось зажмуриться, а потом почти погас, оставив на камне... Не знаю, наверное, это все-таки был демон. Странное существо, похожее на кривой каравай, слепленный неумелой детской ручкой, да так и отравленный в печь. Только большой. И непропекшийся, под горелой коркой словно бы еще булькало жидкое тесто.

Я посмотрела на Вита: если это его предок, то вирийцу очень повезло, что он пошел в мать.

Непропеченный каравай невразумительно булькнул, видимо, он был так же рад видеть нас, как и мы его. Из бугристого тела выплеснулся шматок «теста» или внутренностей, вытянулся, формируя новый отросток, снова схватил Михея за ногу и заревел.

Стрелок присоединился. Заорал так, что я прижала уши к голове. Теир, наоборот, замолк.

— Ну же! — выкрикнул маг. — Давай! Ешь! Ради Цыр... абыр... вина!

Не знаю, что за слово он произнес, но у меня от него внутренности скрутило. Вит застонал, да так отчаянно, что я поняла: дела на самом деле плохи. Если раньше нам грозила смерть, то теперь, видимо, грозило нечто иное, например, выжить после встречи с этим непропеченным караваем.

— Это демон? — прохрипела я.

— Нет, — в руке чернокнижника сверкнул нож, — это проводник, он прокладывает дорогу для демона, вот только к чему он тут? Когда дверь и так распахнута настежь?

— Глупец! — В голосе мага послышалось торжество. — Ты спрашивал, смогу ли я удержать дасу? Я и не собираюсь его удерживать!

Вит пошел к жернову, влажная грязь чавкала под ногами.

— Не его, — повторил маг. — Только тебя, порченная кровь.

И чернокнижник, сделавший очередной шаг, вдруг остановился. Нет, не так. Он продолжал идти, но оставался при этом на месте. Шаг, и нога проскальзывала в грязи, как у деревянного болванчика в руках кукловода.

Проводник потянул на себя Михея, парень верещал, вцепившись в край жернова. Кошка мотала головой. Было очень шумно. Лил дождь.

Вит прекратил наконец свое бесполезное движение, проговорил что-то сквозь зубы, махнул рукой с зажатым ножом, и... ничего не произошло.

Маг засмеялся тоненько и, кажется, знакомо, словно горсть стекла сыпанули под ноги. Где я могла слышать этот смех? Воспоминание ускользало, как ночной сон утром, казалось, еще немного и я пойму, кто прячется за пеленой.

— Даже тебе не одолеть силу портала, порченная кровь. Да, мой кувшин почти пуст, но мне много и не надо, дождаться бы только...

— Прекратите! — закричал Теир. — Ради Эола, прекратите. И вы, мэтр! Они не понимают, просто не понимают. — Он с отчаянием повернулся к Виту: — Это все ради людей, ради их блага, чтобы...

— Так эта собачка-поводырь и есть благо? — перебила я, указывая на тварь, вцепившуюся в ногу Михею.

Что-то булькнуло внутри проводника, и стрелок заорал. Нет, он орал и раньше, но сейчас... На теле поводыря надулся и лопнул большой пузырь,

выплеснув на стрелка белую жижу. Михей задергался, а жидкость, как едкая щелочь, прожгла ему сначала штанину, а потом и ногу.

Как же парень кричал, почти подвывая, иногда захлебываясь!

Я не поняла, что бегу, пока не врезалась в препятствие. В то, что остановило Вита, а уж меня — давно. Оно было невидимое, мягкое и путаное, будто вывешенные на просушку сети, оно натягивалось и не давало больше ступить ни шагу.

— Вы не понимаете, — повторил слугитель Эола. — Дасу огнем и кровью пройдет по землям Тарии, Вирита, Ольмени... всего мира.

— И от этого мира ничего не останется, — фыркнул вириец.

— Эол не допустит, — возразил смирт. — Когда страдают верующие, он приходит. Когда все окрасится в алый, чаша Его терпения переполнится. Он вернется, очистит мир от скверны, и наступит всеобщая благодать!

— Ну если благодать, то ладно, — махнула я рукой, стараясь выпутаться из невидимых сетей. — Можно я под навесом подожду? А то мокро и благодать задерживается.

— Укоротить бы тебе язык, — процедил маг.

— Встаньте в очередь, — рыкнул вириец. — Благодетели! Собрали мышеловку, да? Айка, это ведь он о трупах. О жертвах, которые принес.

Я всем телом навалилась на преграду. Михей уже не кричал, он хрипел, тварь чмокала пузырями. Беспомощность — страшное чувство, она заставляет нас сжимать кулаки и в исступлении взывать к высшим силам. К Эолу. К Рэгу. Да к кому угодно, лишь бы остановить происходящее.

— Вы не понимаете, только представьте, благодаря нам исчезнут такие места, как то капище! — воздел руки к дождливому небу смирт.

Тварь-проводник что-то пробулькала и качнулась в сторону, Михея поволокло вслед за ней.

А я замерла. Одна из вертких мыслей, которую никак не удавалось поймать, вдруг оказалась словно зажатой в ладони. Она билась и билась в ней... Или это мое сердце колотилось?

«Как то капище», — сказал он.

«Исчезнут», — сказал он.

— Кто тот маг, что много лет назад выбрался с капища? — проговорила я, наклоня голову и отступая от невидимой преграды. — Кто тот маг, с которым сбежала дочь Орьки-прачки? — Перед глазами встали искаженное яростью лицо Лиски и могила ее матери. — Казум сказал, что они отравили ее мать и сбежали... И вот Лиска снова здесь. А маг? Если и он тоже?

— Заклинания «единого пути» сами собой не появляются, —

подтвердил Вит. И мы посмотрели на расплывающуюся фигуру мага. — Ваш Эол это одобряет? Зло во имя добра? Какой прогрессивный бог, однако!

— Нет, — громко ответила я, наклонилась и снова зачерпнула грязи. — Зло остается злом.

— В чем провинился Михей?

Демонический каравай хрюкнул и в задумчивости остановился на краю жернова, ему тоже было интересно. Маг в нетерпении потряс руками, словно козел бородой.

— Он станет мучеником, — выкрикнул Теир. — И вознесется в царствие небесное!

Проводник заинтересованно наклонил приплюснутую голову-тело, словно раздумывал, стоит ли есть мученика.

— Оно, конечно, хотя я бы предпочел провалиться к Рэгу. — Вит перевел взгляд на смирта, на того, для кого и говорил все это время. Кому на самом деле задавал вопросы, даже если обращался ко мне. Все просто, мы — с этой стороны и ничего не можем поделать, а вот Теир — с той. Как и маг. — Только что ты скажешь своему богу при встрече? Как объяснишь, что дал съесть того, кто очистил твое капище?

— Что?! — спросили мы одновременно, от неожиданности моя рука дрогнула, и комок грязи не долетел до жернова. Тварь, проследив за его полетом, качнулась.

Ткань штанины дымилась, нога Михея подергивалась, он судорожно, со свистом, дышал. Но хуже всего было не это, а то, что он больше не пытался вырваться из объятий демона, не пытался сползти с жернова. И это разозлило меня сильнее дурацких молитв служителя. Пока ты жив, ты обязан бороться, цепляться за жизнь, врать, изворачиваться, предавать... Да что угодно, смерть не отыграть назад.

— Чтобы смыть грязь, нужен маг с чистыми мыслями, силой и совестью. — Вит отступил. — Так он перед тобой. Вот. — Чернокнижник указал на стрелка. — Он очистил старый источник от скверны, сам Эол не справился бы лучше.

Теир смотрел на вирийца. Смотрел и не верил. Да я и сама не верила, если бы тонкий кошачий слух уловил хоть малейший признак лжи или лукавства... Если бы... Но Вит не врал.

Маг, у которого нет резерва. А такое возможно?

Маг, который не знает о том, что он маг? Совсем как я недавно.

Не многовато ли чаровников на один вар?

— И пусть Рэг лишит меня силы, если я вру, — добавил Вит.

Теир побледнел, это было видно даже в блеклом свете луны: кожа служителя приобрела восковой оттенок, а по лицу, словно слезы, текли капли дождя.

И в этот момент тварь из мира дасу решила, что и так слишком долго откладывала ужин. Она зачмокала, заскрежетала, словно старая телега мельника, из приплюснутого тела выплеснулись еще три щупальца из теста, но на этот раз на конце каждого из них щелкало по челюсти. По маленькой зубастой раззявленной пасти.

Михей поднял голову. Никогда раньше я не видела в его глазах столь безнадежного отчаяния. Все закончится именно в тот момент, когда недостижимая мечта парня почти осуществилась. Вит назвал его магом. И ему поверил не только Теир.

Одно из щупалец опустилось и впилось в икру. Стрелок охнул, сил кричать у парня не осталось.

— Ну, давай же, борись! — прорычала я, опять зачерпывая холодную жижу. — Даже если это выглядит по-дурацки. Даже если это бесполезно.

— Чистый душой умрет от снизошедшей на него благодати, — с улыбкой констатировал чернокнижник, поднимая руку. — Что ж, я не против.

— Порченная кровь! — вновь возопил маг.

Вторая челюсть проводника опустилась на спину стрелку, шлепок грязи пролетел мимо.

— Именно, порченная. Не вижу смысла отрицать, раз уж мы все с минуты на минуту предстанем перед Создателем. Надеюсь, служитель, ты подготовил приветственную речь.

Смирт, беззвучно шевеля губами, поднял глаза к небу. Маг захохотал. Михей уронил голову на жернов. Все, битва проиграна, можно собирать вещички на тот свет. Кошка протестующе фыркнула, у нее... у меня живот крутило от качающейся на жернове твари, от колеблющейся в завесе фигуры чаровника... но сдаться, подняв лапки? Я замотала башкой и снова зачерпнула грязи. Отыгрывать глупость так до конца, пусть Эол посмотрит, порадуетса грядущему пополнению.

Как говорила бабка, вечно промахиваться нельзя, правда, объясняла она это Рукуму, имея в виду его мужскую болезнь, и его жене, недовольной осечками. Даже слепой, стреляя из лука, хоть раз да попадет в мишень, пусть и случайно. Наш Михей только подтверждал это. Вот и я на этот раз попала. Не знаю, кто удивился больше, я или маг?

Мокрая грязь, перелетев жернов, шлепнулась магу прямо на макушку и...

Вит прав. Кувшин чаровника был почти пуст, он отвлекся всего на миг, когда черная жижка потекла по лицу, и не смог удержать проводника на поводке. Тварь тут же почуяла слабинку. Даже я ее почуяла. В воздухе что-то лопнуло, словно рыбий пузырь на оконной раме.

Вит, вскинув нож, тут же пошел вперед. Маг упустил нити контроля одну за другой — поводок твари, невидимая преграда, а может, даже открытый портал.

Грязь залепила глаза чаровника, очертив выпуклый лоб, горбинку носа, жесткую складку, спускающуюся к уголкам рта. Знакомого рта. Я помнила слова, которые он произносил.

Миг неподвижности, и все пришло в движение. Проводник взревел, Теир вздрогнул. Уж не знаю, что ему там сказал по секрету Эол, но явно что-то стоящее, потому что смирт повернулся к жернову, схватил Михея за руку и дернул на себя, стаскивая с камня.

Круглой твари это не особенно понравилось. Подгорелое тесто, что заменяло ей кожу, сморщилось, щупальца напряглись, утолщаясь. Проводник хрюкнул и, в свою очередь, потянул стрелка обратно, не дав тому обрадоваться освобождению.

В воздухе мелькнула сталь, призрачный маг упал за жернов, уходя от броска Вита. Я тоже бросилась к жернову, хоть шерсть моей кошки стояла дыбом, но вместо того чтобы вцепиться в холку твари, ухватила Михея за вторую руку, помогая Теиру. Всяко лучше, чем бросаться на непропеченные караваи. Кошка возмущенно выпустила когти. Лучше-то, может, и лучше, но и трусливо ведь, а у трусов — какая охота?

— Порченная кровь, — прохрипел из-за камня чаровник, сплевывая грязь. — Ненавижу!

— Приятно знать, что я тебе безразличен. — Чернокнижник стянул в руки магию, казавшуюся уютной, словно связанный бабушкой плед, так и хотелось потянуться к ней, потереться головой...

— Айка! — рявкнул вириец. — Не оттягивай силу!

— Что? — переспросила я, едва не выпустив руку Михея.

Тварь тут же воспользовалась этим и втащила стрелка на алтарь. Парень всхлипнул. Теир ответил молитвой. Бедный Эол, меня бы это бормотание и ночью и днем точно с ума свело.

— Не трогай силу, — выкрикнул чернокнижник. — Только не сейчас! Иначе я...

Вириец скользнул к камню вслед за магом. Михей вскрикнул, когда еще одно щупальце вцепилось ему в задницу, штаны и рубашка парня были щедро залиты кровью. Мы с Теиром потянули парня обратно. В состязании

по перетягиванию Михея победителей пока не наблюдалось.

Магия сорвалась с пальцев Вита и разлилась в воздухе, чаровник заорал, когда вириец вытащил его из-за камня. Подвижная пелена, что окружала его со всех сторон, медленно стекала с мага на землю вместе с дождем. И с грязью. Обнажая знакомые черты.

— Я был прав, ты пуст, хранитель. — Вит схватил мага за грудки, словно задиристый пьянчуга в таверне. — Наверное, это обидно каждый день ощущать океан магии, но не смей испить ни капли. У тебя всего лишь один кувшин. Один, и он так быстро опустошается.

Дождь омывал искаженное от ненависти лицо хранителя Источника силы. Лицо велижского мага. Лицо Немана, друга Дамира, которому он поручил позаботиться о нас. Обо мне и Рионе.

Я вздрогнула. Чушь! Позаботиться? Словно мы маленькие дети. Тогда почему же мне так обидно? Так неправильно... Невысокий полноватый хранитель Источника не годился на роль главного злодея. Злодеи, они совсем другие, такие высокие, массивные, значимые, от одного их присутствия шерсть должна вставать дыбом... Кошка фыркнула, с шерстью у нас проблем не было.

— Да что ты об этом знаешь, кудесник? — Хранитель хрипло рассмеялся. Мы в очередной раз потянули многострадального Михея за руки. — Ничего! Да поздно уже думать! Ни тебе, ни им этого не остановить. Никому не остановить!

Последнее он просто выкрикнул, взмахнув рукой. Его магия оказалась холодной, острой, как нож. Ее было мало, поэтому Неман постарался, чтобы удар вышел точным. Вит отшатнулся и поднял руки в защитном жесте, на кончиках его пальцев загорелись теплые искорки. Но Неман целился не в него. В первый момент я подумала, что он целился в меня, зашипела, выпуская когти прямо в руку Михея. Но... все оказалось еще хуже. Он целился не в меня, не в Теира, не в похожего на тряпичную куклу стрелка и даже не в каравай, что заглянул в наш мир по его приглашению. Он целился в дверь. В алтарь, в старый выброшенный жернов. Магия врезалась в камень, и мир снова вздрогнул. Если до этого дверь была всего лишь приоткрыта, то теперь она распахнулась настежь, словно от удара ногой.

Не ожидавший такого радушия проводник разжал челюсти и выпустил стрелка, мы с Теиром тут же стащили Михея на землю. Вернее, стащил смирт, пока я пялилась на Немана с Витом. Парень походил на куль со старым тряпьем, такой же отвратительно безвольный и тяжелый.

Зеленый свет вспыхнул с новой силой, и тень, что на этот раз выросла

в нем, была куда выше проводника. Видимо, хозяин искал свою собачку. Похолодало настолько, что зубы клацнули...

— Не остановить! — повторил Неман.

— Ну, раз так, — задумчиво ответил чернокнижник и...

Михей хлопнул грязью. Теир воздел руки к небу. Снова завыли собаки, на этот раз приглушенно, словно в отдалении. Или это границы мира размылись и теперь напоминали полосу речного песка, на который то накатывает, то исчезает прозрачная волна.

Вит печально улыбнулся и швырнул грязного чаровника в зеленый свет. Прямо в приветственные объятия дасу. Тот отказываться от поданного на рушнике угощения не стал.

— Раз так, — повторил Вит, — то зачем ты нужен?

Немана затянуло в портал, как воду в соломинку... Почти затянуло. Он крайне невежливо уцепился за край жернова, как совсем недавно Михей.

Вся эта возня должна была закончиться вполне ожидаемо. Как и говорил Вит, дасу ворвется в наш мир и уничтожит всех и вся на своем пути.

Я помню истории, что рассказывала бабка, помню воскресные проповеди смирта. Еще неизвестно, что меня пугало больше. Демон — это не просто страшно, демон — это не мор, не война и не набег нечисти, демон — это что-то за чертой нашего понимания, моего во всяком случае. Говорят, в последний раз дасу вторгся в наш мир за Тесешем^[20] задолго до моего рождения. Очень задолго, думаю, тогда даже прадед и прабабка моей бабки еще не были не то что знакомы друг с другом, а даже зачатые. И еще говорят, что там, где он прошел, ничего не осталось. Совсем ничего: ни живого, ни мертвого. Лишь земля да зола. Мы не знали, что демон сделал с людьми, может, съел, а может, утащил под землю. Незнание страшит куда сильнее нескольких сотен могил на погосте.

Я, во всяком случае, под землю точно не собиралась. Чего я там забыла? Ничего. А если уж выбора не останется, предпочитаю уютную могилку и белое платье, ну или хотя бы чистую рубаху, чтобы перед Эолом не стыдно было предстать. Или перед Рэгом, что вероятнее.

Думаю, кто-то из них заглянул той ночью в Волотки. Заглянул и испугался. Не дасу, нет, а того, что вся наша невезучая компания отправится прямиком в его вотчину, и решил чуть подправить события.

Зеленый свет ослепил глаза яркой вспышкой. И Теир заговорил. Совсем не так, как до этого. Больше не было невнятного бормотания, лицо перестало подергиваться словно в приступе падучей, а в глазах появилось что-то... Не знаю, как объяснить, что-то новое. Именно с таким блеском в

очах наш староста озвучил новый закон о налогах, выпил незнамо какую по счету чарку браги и упал на пол.

— И взойдет Он. И узрит. И не стерпит...

Смирт, конечно, молился. Он громко читал обращение к Эолу, как в часовне. Мир тряхнуло, каравай раззявил маленькие пасти и жалобно запищал.

— Переполнится чаша испитая...

Теир произносил слова, и было в них что-то... чего никогда не было в словах служителя в Солодках. Ни в чьих словах, ранее слышанных мною.

— И не даст Он пролиться крови невинной и явит...

Он молился. Круглая тварь заверещала от боли, болотный свет стал трепетать словно пламя в свече. Кошка одобрительно муркнула, ей нравился боевой клич смирта. Каждый сражается как может.

Зеленый луч потух. И вспыхнул снова. Проводник с визгом бросился обратно. Луч потух и вспыхнул. Служитель не обладал магией, но каким-то невероятным, непонятым образом он гасил этот свет, заставляя тварей отступать. Смирт закрывал портал. И дасу это понял.

— И утрет Он слезы обиженным, воздаст обездоленным...

Неман скулил, наверняка воочию представляя, как демон ласково вытирает ему слезы.

Из то гаснущего, то вспыхивающего в ночи, как болотная гнилушка, света потекло что-то черное. Оно походило на грязную воду, которая непонятно почему парила в воздухе. Что-то жирное и плотное, пахнущее пеплом, сажей и свежими, еще дымящимися внутренностями, похожими на те, что вываливаются на стол, когда освеживаешь кролика.

— Каждый склонившийся будет услышан. Каждый раскаявшийся будет прощен! — Голос Теира становился все громче, воздух звенел от слов, и даже монотонный дождь стал стихать.

Черное пятно сжалось, изогнулось, принимая форму руки... Нет, скорее, клешни с шестью пальцами. И эта длань с размаху накрыла Немана, словно комара прихлопнула. Чаровник забился под клешней дасу. Он больше не цеплялся за край жернова, он колотился об него головой, разбивая лоб в кровь.

— Благословите и благословенны будете...

Черное пятно окутало хранителя Фонтана и потянуло в портал, ласково, но непреклонно. Неман все понял. В последний миг понял. Не с тем он связался или не с теми. Не всякому зверю можно надеть ошейник. Он поднял голову и...

— Восславте имя Его! — закончил смирт. — И Он вовеки восславит

ваши!

— Вы все равно проиграете. Уже проиграли, — закончил Неман.

И вместе с последним словом с его губ сорвалась магия. Последняя отчаянная попытка... Нет, не спастись. Последняя попытка противостоять нам. Последняя пакость. Он даже не увидел, что сделал. Черная лапа втянулась в проход, увлекая за собой тучное тело Немана, словно пушинку. Каравай ластился к хозяйской руке, как домашний питомец, запуская в нее все новые и новые отростки.

Столб зеленого света потух. На этот раз окончательно. Я это почувствовала каждой вставшей дыбом шерстинкой, услышала тихий хлопок, и воздух перестал дрожать. Портал закрылся, но странное дело, желание убежать со всех лап в лес и вырыть глубокую нору осталось. Все осталось: дождь, грязь, старый жернов, мокрый с ног до головы чернокнижник.

Последнее заклинание чаровника было подобно брошенному Витом стилету. Оно крутанулось в воздухе. Я отпрыгнула в сторону, шипя и махая хвостом, а вот Теир, который продолжал стоять в полный рост, успел лишь опустить руки. Магия вошла в голову служителя спереди и вышла сзади.

— Просите, и дано вам будет, — прошептал, падая, смирт.

Кто-то закричал, я обернулась — с дороги к нам бежала Пелагея, мокрый платок облепил костлявые плечи, за ней с безумным лицом шел Казум, держа в руке топор. Самое распространенное среди крестьян средство устрашения демонов и сборщиков налогов.

— Теир, — закричала женщина, падая на колени возле смирта: — Мой Теир!

— Ох, бабы, бабы, — проговорил мельник, оглядываясь с таким видом, словно ожидал, что демон сейчас выпрыгнет из-за угла ближайшего дома и скажет: «бу». — Говорил же, в такие ночи дома надо сидеть.

— Просите... просите... простите... — прошептал Теир непослушными губами, глядя куда-то в пространство, а поперек лба медленно набухла кровью рана, все расширяясь и расширяясь, будто кто-то провел ему от виска к виску кухонным ножом. Неман все-таки бросил свой «стилет». И попал.

— Спаси нас, Эол, — осенил себя святым знаком староста, забыв, что держит в руке топор и едва не отправился к Эолу.

— Вы уже мертвецы! — раздался знакомый визгливый голос.

Я обернулась. По дороге, разбрызгивая грязь, убегала Лиска. По уму, ей бы слинять по-тихому, а не орать на все Волотки, даже если очень хочется, раз уж ее «мэтр» теперь гостит у дасу.

Вит развернулся в ее сторону, поднял руку и... опустил. Девушка, едва не поскользнувшись в грязи, скрылась за ближайшим домом. Собака приглушенно гавкнула ей вслед.

— Теир! Теир! Не-э-эт! — Пелагея упала на колени и стала тормошить мужчину, но смирт продолжал смотреть в темное ночное небо. Он больше ее не слышал. И не видел. Надеюсь, Эол, в которого он так верил, встретил его там... Где бы это «там» ни было.

Дождь стал стихать.

— Вы это... — замялся Казум и повторил: — Вы это...

— Это Лиска, — пояснила я, мельник ответил непонимающим взглядом. — Та самая, что отравила мать и сбежала с магом много лет назад... — Непонимающий взгляд стал совсем непонимающим, и я неуверенно спросила: — Так ведь?

— Не знаю, — искренне ответил Казум. — Это ж сколько годков минуло, не девочка она ужю. Точно не девочка. — Он развел руками, едва не задев топором Вита. — Старая Орька рыжей была, аки лисица, а вот дочка — чернявой.

Я коснулась капельки артефакта, она могла выглядеть как угодно, быть молодой и старой, брюнеткой или блондинкой.

— Эх, грехи наши тяжкие, господари чаровники, не могли бы вы впредь... — Мельник перевел взгляд с меня на рыдающую Пелагею, словно не понимая, о чем вообще мы говорим.

— Мы живы, — перебил его Вит, тяжело опускаясь на край жернова. — Даже не верится.

— Живы? — вскинула голову женщина, продолжая цепляться за грязную одежду слугителя.

Казум снова осенил себя знаком Эола. Подумал, а потом осенил и меня, и Вита, и лежащего на земле Михея. На всякий случай.

— Не могли бы вы устраивать свои игрища подальше от Волотков? — закончил мельник, сделал строгое лицо и сразу напомнил мне о Заломе.

— Мы постараемся, — серьезно пообещал чернокнижник.

— А мы покамест поблагодарим Эола. — Казум склонился к неподвижному Михею.

— Мы победили? Можно праздновать?

Я обернулась — к жернову медленно шел Рион, из-под темных волос текла кровь. Дождь почти кончился.

— Начинай, — разрешил чернокнижник.

Пелагея зажала рот рукой, стараясь подавить рыдания.

Глава 7

СПЯТИВШИЙ ЧЕРНОКНИЖНИК

Казум вел на поводу серую в яблоках лошадь, тащившую за собой скрипучую телегу. Вит шел рядом, его неказистая кобылка, которая, кажется, даже немного отъелась на постое в Волотках, трусила следом. Рион давно послал свою рыжую вперед, и ее хвост то и дело мелькал среди деревьев. Михеев мерин тоже тащил неказистый с виду возок, в котором изволил почивать стрелок, изредка подававший признаки жизни то молодецким храпом, то стонами. Видимо, вспоминал во сне свое лежание на жернове, чем нервировал животное и меня. Вот и сейчас парень всхрапнул, и я прослушала, о чем спросил мельника Вит.

— Он всегда чудной был, — понуро сказал Казум, — наш Теир. Но ведь на то и божий человек, — и мельник оглянулся на телегу.

В ней на охапке сена лежали два тела, завернутые в грубую холщовую ткань. Залом и Теир. Они вместе помогали Неману, вместе лежали и здесь. Мельник вез их на погост, что примыкал к Волоткам с востока. По молчаливому согласию жителей на этот раз решили обойтись без отпевания.

— Как здесь оказался Теир? — тут же спросил чернокнижник. Он вообще после всего произошедшего стал очень любопытен: один вопрос, другой вопрос...

Я насторожила уши, ответы нужны были не только ему одному.

— Сослали. В наказание. Из Белой Подгорицы.^[21] Он там послушание нес в ахр... в арах... в архиве, вот. И увидел что-то непотребное. Или сделал, я не допытывался. Вот его и сплывили к нам, с глаз долой.

— Почему сюда?

— А вот это мне не ведомо, — пожал плечами мельник. — У нас давно часовня пустовала, уж сколько челобитных отправили верховному смирту, не счесть. Видимо, снова придется, — вздохнул он, вспомнив, кого и куда везет. — У честного люда всегда должен быть служитель, людей от зла ограждать, наставлять и просить у Эола заступничества. Богоугодное это дело — о люде простом радеть.

— Я и не спорю, — согласился Вит.

— Значит, нечистого сброда больше не будет? — помолчав, поинтересовался судьбой капища Казум.

— Не должно. — Вириец посмотрел вдаль. — Пока кто-нибудь снова место не испачкает.

— Чем не испачкает?

— Злом. — При этом чернокнижник оглянулся и почему-то посмотрел на меня. — Убийством, надругательством, прелюбодейством, гнилым делом. Подобные места так и появляются...

— Бабка рассказывала, что там с десятков отшельников умертвили.

Михей застонал, и они замолчали. Тропа раздвоилась. Более утоптанная дорога уходила вправо, огибая деревню и кладбище, а узкая стежка вела сквозь светлый березняк к темному еловому лесу, сначала извиваясь вдоль опушки, а потом ныряя в сумрачную прохладу.

— Да не простые это были отшельники, а самые что ни на есть искусники. Жили себе на отшибе, колдовали потихоньку, книжки умные писали да нашим помочь с бедой никогда не отказывались. Эх, были времена... Еще говорили, что их не просто умертвили, а наизнанку вывернули.

— Такие вещи всегда оставляют следы, и стереть их может лишь чистый душой, тот, кто ничего не просит для себя. — Чернокнижник вскочил в седло.

— Учтем, — серьезно кивнул Казум и добавил, разворачивая телегу: — Легкой дороги, господа колдованцы!

— Спасибо, — ответил за всех чернокнижник и, не глядя на меня, подстегнул лошаадь.

Пришлось догонять и понукать Михеева мерина, да еще и смотреть, чтобы колесо в яму не попало и не сломалось, ибо заменить его тут точно негде.

Вроде все хорошо, мы же победили и мэтра, и Лиску, а настроение накатило — гаже не бывает. Вит смотрел волком. Рион торопился, знать бы еще куда. Михей стонал, только и смотри, чтобы сквозь повязки кровь не проступила. Что я вообще здесь делаю? На этой лесной тропе с этими мужчинами? Кто они мне — друзья или враги?

Облачко сочувственно вздохнула. Тамит сказал, мне в Тарии не жить из-за странной магии, что обитает внутри. Теперь уже вздохнула я, как бы ни хотелось обвинить вредителя во лжи, его слова все больше и больше походили на правду. Так куда теперь? В княжество? В Озерный край — родню искать? Ага, как же, прям ждут меня там с распростертыми объятиями, каравай поди-ка испекли и рушник соткали! Или, может, переправиться за Тесеш, в белые земли кочевников?

— О чем задумалась? — неожиданно спросил чернокнижник.

Я подняла голову, слишком задумалась и не заметила, как рядом оказался Вит и мы какое-то время ехали бок о бок. Рион по-прежнему скакал впереди, Михей на возке позади. Проникающий сквозь густые кроны свет сместился, а значит, дело уже к вечеру...

— О будущем, — неожиданно ответила я правду.

Резко очерченное лицо чернокнижника застыло. Вроде ничего не изменилось, он продолжал смотреть, как и смотрел, но... Откуда этот холод в глазах? Что случилось после того, как мы остановили вызвавшего демона мага? Ничего. Спать пошли. Я что, не в той комнате заночевала? Или громко храпела?

Кошка лениво махнула хвостом, ее подобная ерунда не интересовала.

— Вот уж о чем о чем, а об этом не стоит тревожиться... — начал чернокнижник, но в этот момент Михей вскрикнул, приподнял голову, обвел мутным взглядом лесную тропу и снова отключился, серые повязки окрасились красным.

— Привал, — крикнул Риону вириец, слезая с лошади.

Михей продержался до конца перевязки, а когда вода в котелке закипела по второму разу, не выдержал и, превозмогая боль, спросил:

— Я маг? — Стрелок приподнялся на локтях и посмотрел на Вита, как ребенок, что в канун праздника выпрашивает имбирный пряник у взрослого. — Я очистил капище?

— Отвечай осторожно, — посоветовал Рион, кидая в кипяток щепоть душистой травы. — Что бы ты ни сказал, парень поверит тебе, как самому Эолу.

— Да. Ты — маг, — не вняв предупреждению чаровника, ответил кудесник.

— Но у меня нет резерва!

— Что только к лучшему, — усмехнулся Вит.

— Но так не бывает, — возразил Рион, задумчиво почесывая рану над бровью. — Резерв есть всегда, пусть вы, чернокнижники, и невообразимо его уродуете. Но изначально он есть у всех. Даже у нее, — указал он на меня. — Был. Пусть ее магия — не магия, кровь — не кровь, а сама она — неведома зверушка. По-другому не бывает...

— Неужели? Совсем нет? Не припоминаешь ни одного мага, который не имел резерва? — прищурился чернокнижник.

— Да, было бы чего припоми... — начал парень. Начал и не закончил.

— Сколько чаровников отказались взять тебя в ученики? — поинтересовался вириец у Михея.

— Двое — Дамир и Неман. — Стрелок был бледен, он лежал на

животе в старом возке, что подтащили ближе к огню, перебинтованный вдоль и поперек. Лежал, ибо не мог подняться, и продолжал задавать вопросы. Он всегда был упорным, часто даже во вред себе.

— Даже жаль их. — Ответ парня немного развеселил чернокнижника. — Я приглашаю тебя в Вирит для обучения в Сем'э'Рьел, — сказал Вит Михею.

— На чернокнижника? — поинтересовалась я.

— Нет, а жаль. — В голосе вирийца не слышалось ни капли сожаления. — На артефактора.

— Черт-черт-черт, — быстро проговорил Рион. Другого подтверждения Михею и не требовалось. — Но в Тарии давно нет «дающих жизнь вещам».^[22]

— Поэтому и приглашаю. Кто здесь обучит искусника?

Михей хлопал глазами и здорово напоминал при этом ушастую сову. Слова, видимо, запаздывали, как и мысли.

— Это правда? — наконец жалобно спросил парень.

— Я вообще никогда не вру, — поклялся Вит, а я по-детски хихикнула, совсем как Ксанка, когда сын кузнеца таскал ей жареные каштаны и поникшие ромашки.

— Я маг? — повторил стрелок и уже уверенней добавил: — Я маг!

— Что такое Сем'э'Рьел? — по слогам произнесла я незнакомое слово.

— Магистрат в Вирите, где учат запрещенной магии, — ответил за вирийца Рион. — Собирают способных и обучают скопом, как баранов. Не то что у нас, один действительный — один ученик.

— Я маг! — Михей сейчас вряд ли мог сказать что-то иное, только повторял: — Я маг!

— У него природного резерва нет. — Я подкинула веточек в костер и спросила то, что интересовало меня прежде всего: — Как он может быть магом, даже артефактором?

— Артефакторам резерв не нужен, они энергию не накапливают, а отдают, направляют, наделяют силой предметы. Как бы тебе объяснить... — задумался Вит. — У тебя есть дорогая вещь? Не по деньгам, а по сердцу?

Взгляд Михея скользнул к арбалету.

— Именно, — подтвердил чернокнижник. — Я еще тогда понял, когда схватил его и хотел тебя огреть. Повернуть артефакт против хозяина. — Вириец грустно улыбнулся. — За такое меня учитель розгами выпорол бы, но кто же знал. — Улыбка Вита сменилась озабоченностью. — Ты заботился о нем, ухаживал, учился стрелять, неосознанно наделяя силой и

волей. Как, не спрашивай, я не искусник. Но это, — указал на оружие чернокнижник, — артефакт.

— Поэтому он так странно стреляет? — спросила я.

— Как? — недовольно поинтересовался Вит.

— Иногда стреляет, иногда нет, словно...

— Сам выбирает цель, — пораженно закончил Рион. — Я слышал о таких артефактах.

— А теперь и видел. — Чернокнижник лег на спину, заложил руки за голову и посмотрел сквозь кроны на темнеющее небо.

Стрелок приподнял руку и коснулся приклада арбалета с величайшей осторожностью, словно впервые.

— А помните, как знаки накопителя каменели в Багряном лесу? — Рион начертил пальцем в воздухе спираль.

— Каменели? — повернулся к нему вириец. — Уверен?

— Уверен. Я рисовал... — Чаровник замялся. — Айку учил. Пытался... — Чернокнижник поднял брови. — Перестань, ладно? — попросил его парень. — Сам знаю, учитель из меня аховый. Пока.

— Взрослеешь, — поразился Вит, но без злости. — Рисовал, а дальше что?

— Пытался научить ее сбрасывать в накопитель энергию.

— И как? — казалось, ему и вправду интересно.

— Не знаю, — вынужден был признаться чаровник. — Знаки просто каменели, и все.

— И все? Все? — Чернокнижник вдруг рассмеялся. — И сколько таких окаменевших знаков вы оставили в том лесу?

— Восемь? — спросил у меня Рион. — Десять?

Вит продолжал смеяться, словно был не в силах остановиться. Я бы попросила объяснить столь смешную шутку, если бы не боялась, что, попав в поле зрения чернокнижника, снова заставлю его темные глаза заледенеть. Смех мне нравился куда больше.

— О Рэг, — проговорил вириец через минуту. — Так теперь в Багряном лесу проложена цепочка артефактов-накопителей. — Он выдохнул и предложил: — Хотите, поспорим, через пару лет эту цепочку назовут «Михеевой», — (стрелок поднял голову). — А еще через десять этот путь получит название «великого».

— О-о-о, — только и смог произнести будущий артефактор, хорошо хоть перестал повторять «я маг».

— А через двадцать — «легендарного». Вместо Айки энергию сбрасывал Михей и этим «взломал» Багряный лес, словно замок казны.

— Что? — не понял Рион.

— Путешествуя, маги смогут черпать энергию из артефактов, обороняться от нечисти. Эти ваши рисунки теперь, будто вешки на болоте, что отмечают торный путь. Багряный лес перестанет быть непроходимым. А все благодаря необученному искуснику.

— А капище? — все-таки спросила я. Вит даже не повернулся, я почти ощутила идущую от него волну недовольства.

— И капище он, — кивнул Риону вириец, словно спрашивал он, а не я, — только до сих пор не знаю как.

— Осколок, — догадался чаровник.

— Я о него палец поранил. — Михей, лежа на животе, продолжал поглаживать приклад арбалета.

— На крови, значит, — кивнул Вит. — На крови оно сильнее всего получается, особенно если мысли правильные в голове.

— А какие — правильные? — спросила я.

— Это знают только искусники, — ответил Рион и со значением посмотрел на стрелка.

— Я просто выбраться хотел, и от погани так противно стало...

— А чего ж молчал-то, раз противно? — поинтересовался Рион.

— Так чего ж тут говорить-то, раз сами господа чаровники помалкивают? — Михей развел руками и тут же поморщился от боли.

Подрала его та тварь знатно, без целителя заживать будет долго, седмицы две, если не три. Долго он еще будет спать на животе и вздрагивать от каждого движения. Но самое главное, что будет.

— Видимо, хороший ты парень, Михей, — констатировал Вит. — И мысли у тебя хорошие, раз без обучения такое вытворяешь. Даже интересно, что же дальше с тобой...

Он не договорил. Я не дослушала. Мы просто вскочили на ноги. Вит с загоревшимся алым глазами, а я, шипя и скаля клыки.

В Волотках я все время ожидала, что вот сейчас, в эту минуту, дасу придет в наш мир. Придет и вывернет наизнанку. А в этот миг на вечернем привале почувствовала себя так, словно демон неслышно подошел сзади и деликатно постучал по плечу.

— Что? — закричал Рион. — Я с вами двумя с ума сойду!

Михей вцепился в арбалет и стал натягивать тетиву.

— Он сказал, что мы все равно проиграем, — напряженно проговорил Вит, взглядываясь в подступающие сумерки.

Там, под сгущающейся тенью леса, что-то дрожало, что-то...

— Кто сказал? — не понял Рион.

— Как будто мы во что-то играем. — Вит бросился к лошадям.

— Да кто говорил-то? И что? — Чаровник растерянно вертел головой.

— А она сказала, что мы все — покойники, — добавила я, борясь с желанием завывать.

Тьма, клубившаяся вдоль узкой тропки, казалась почти живой, почти осязаемой. Там, откуда мы пришли, что-то с треском разорвалось, словно ветхая ткань, истончившаяся от частых стирок в ледяной воде. Оборвалось, задев что-то важное внутри. Жизнь. Я вдруг осознала, что где-то там лопнула чужая нить жизни. Одна, вторая... Глаза Вита загорелись алым. Третья, четвертая, пятая. Там, во тьме, кто-то убивал людей, быстро, легко, играючи. Не замедляясь и не останавливаясь, я бы даже сказала, походя. Так небрежным движением острый нож касается тонких струн, разрезая их... Острый нож или острые когти.

— Волотки, — горько проговорил чернокнижник, седлая нервно прядящую ушами кобылу. — Зачем искать новый арбалет, если можно просто вложить в ложе старого очередной болт?

— Они воспользовались... — поняла я. — И завершили ритуал вызова дасу?

— Да, — грубо ответил Вит и, словно ставил мне это в вину, закончил: — А мы уехали. — Мужчина прищпорил лошадь и скрылся во тьме.

— Куда?! — закричал Рион. — Только лошади ноги переломаете!

Да, мы уехали. И слава Эолу, что мы сейчас посреди темного леса, а не у теплого очага в Волотках. Здесь можно выкопать нору, заползти в нее и молиться, чтобы пришедший в наш мир дасу прошел мимо и не заметил.

— Останься с Михеем, — выкрикнул Рион. Я обернулась как раз в тот миг, когда парень затянул подпругу и вскочил в седло.

— Тебя-то куда понесло? — спросила удаляющегося чаровника, но он не услышал.

Рион с куда большей осторожностью, чем вириец, тронул с места рыжую кобылу и въехал под сень вековых деревьев.

Я могла бы крикнуть ему, что зря он все это затеял. Впереди нет ничего, кроме смерти. Ничего и никого... кроме Вита, а тому Рион нужен, как трава-лебеда травнице. То есть совсем не нужен.

Хотела, но не крикнула. Бесполезно. Не слушает. Я бы точно не послушала, несмотря на то, что от одной мысли о возвращении шерсть вставала дыбом, а хвост стегал по земле.

— Иди с ними, — услышала дрожащий голос Михея. — Иди, я тут сам... сам...

Тетива соскальзывала и соскальзывала. Парню бы задуматься, отчего

его «живущий собственной жизнью» артефакт так своевольничает, и перестать попусту дергать рычаг.

— Ну, спасибо за разрешение, — проговорила я и тем не менее стала отвязывать лошадь. — Мы оба знаем, что раненый ты в лесу долго не протянешь. Тебя убьет либо зло, — я обернулась на тропу, — что хозяйничает сейчас в Волотках, либо клыки или когти куда более теплых хищников, — накинула Облачку потник и седло. — Ты что выбираешь?

Если Вит не вернется... Мысль отдалась неожиданной болью внутри, и кошка замотала башкой — нет-нет-нет!.. Если умрет и Рион, а без чернокнижника у парня нет никаких шансов... Поправка: у нас нет никаких шансов. Среди недомагов и недоучек вириец один чего-то стоит.

Я сжала повод. Если уеду сейчас, то обратно точно не вернусь. Подстегну кобылу и не остановлюсь, пока не переломая ей ноги. Или не сверну себе шею.

Михей следил за каждым моим движением. Следил и молчал. А я вдруг поняла, что он знает, о чем я думаю. Знает и дает мне шанс уйти. Деревенский рыбак, не обладающий большим умом, оказался на удивление прозорливым, и чаще всего это выходило ему самому или всем нам боком. Святая простота, которая временами хуже воровства.

— Ты еще успеешь их догнать.

— В святые потянуло? Сподвижником Эола захотел стать? — поинтересовалась я и отвязала мерина.

Эол, с каких это пор я задаюсь такими вопросами? С каких пор меня волнуют чувства Михея? Как же хорошо быть ведьмой, знай себе капай людям на темечко, и пусть у них голова болит.

Я подвела коня к старому возку.

— Мы поедем медленно. Вместе поедем. — Кошка выпустила когти и фыркнула. — С телегой все равно галопом не поскачешь. Если успеем, догоним.

Я не договорила, что там мы должны успеть, умереть вместе с Витом и Рионом или сбежать, но Михей и не нуждался в объяснениях. Ответом мне стал звонкий щелчок взведенной тетивы. Артефакт был куда умнее своего хозяина.

Днем мы успели пройти всего несколько десятков вар, ночью путь показался мне в два раза длиннее. Может, потому, что идти не хотелось, потому, что каждый шаг давался трудно, словно окружающий воздух вдруг превратился в воду, которая сопротивлялась и сопротивлялась. Под колесами повозки хрустели ветки и хвоя, лошади пофыркивали, их теплое дыхание инеем оседало на мордах. От тропы тянуло холодом.

Неправильным холодом.

«Приход дасу в наш мир всегда сопровождает что-то подобное: гроза, буря, наводнение, землетрясение...» — сказал Вит.

Лес, который никогда не затихал, лес, живущий своей жизнью и при свете дня, и во тьме ночи, лес, всегда наполненный звуками, шорохами и криками, замер.

Птицы спрятались в дупла, мыши-полевки затаились между корнями, ветер пробежался по кронам и затерялся в листве. Ветви поникли. Холодное дыхание чего-то чуждого посеребрило черные стволы, лизнуло корни...

— У тебя глаза светятся, — проговорил Михей без особого удивления.

— Как светятся? — тоже не особо впечатлившись, переспросила я.

— Как у господина кудесника.

— Завязывал бы ты с «господинами». — Я отвернулась. Ночной мотылек, сложив крылья, замер в обманчивой неподвижности на красноватой коре.

У Вита светились глаза, когда я нарисовала на земле рисунок — хотела вспомнить, где приносили жертвы, а оказалось... Теперь же глаза светились у меня, хотя никаких знаков мне никто не показывал, да и амулет — я коснулась пальцами маленькой капельки — на месте. Но Михей видел. Я подумала и сняла подарок Дамира. Вряд ли смогу тут кого-нибудь напугать. Кошка одобрительно фыркнула, она считала, что давно пора перестать скрывать цвет шкуры.

Колесо телеги подпрыгнуло на камне, и стрелок едва не пересчитал себе зубы арбалетом. Мы шли уже четвертый час. Вернее, я шла, ведя мерина. Облачко, привязанная к возку, семенила следом. А Михей лежал и в данный момент героически целился во тьму, вернее, в куст бузины и притихшую мошкарку.

Стоп. Я что, вижу в темноте? А ведь вижу, и весьма неплохо — вон неповоротливый жук потерял лапки на коричневом листе, под поросшим мхом пнем притаилась змея. Я не просто видела в темноте, я отмечала малейшее движение, дуновение ветра... Следила, как кошка за притаившейся в норе мышью, как хищник за добычей. Кошка заурчала. Я все еще говорила «кошка», хотя давно пора было говорить «я».

Кто же я? Водянка? Что-то не слышала такого о водном народе. А что слышала? Что разбудили во мне маги ритуалом покаяния? Темную кровь? И не потому ли меня выкинули в реку, словно ненужный в хозяйстве скарб?

— И рычишь, — тоскливо глядя на мою бесцветную физиономию, добавил стрелок. — Все так плохо?

— А ты не чувствуешь?

— Нет.

— Повезло.

Тропа, по которой мы уходили из Волотков, становилась все холоднее и холоднее, словно по воле злых чар из ранней осени мы переносились в зиму.

До села так и не дошли, за что оставалось благодарить Эола. Я как раз в очередной раз дернула мерина за повод, заставляя идти чуть быстрее: Вит с Рионом наверняка уже в Волотках, а мы...

Додумать, в какой именно дыре мы застряли и почему стремимся в еще большую, не успела. Что-то налетело на нас и хлестнуло наотмашь. Бабка меня как-то розгами отходила за то, что плеснула пекарю уксусной настойки вместо желудочных капель. Тот чуть к праотцам не отправился. Я, правда, не сказала бабушке, что неделей ранее этот чертов пекарь пытался зажать меня в углу и подарить «булочки с маком». Отказаться от дара удалось с большим трудом.

И сегодня в лесу меня снова хлестнули, только бабка прошлась по мягкому месту, а здесь... Лицо обожгло болью, мерин захрипел. Я упала на землю и какое-то время могла видеть лишь расплывающееся нечеткое колесо возка. Облачко тревожно ржала. Я коснулась щеки и зашипела — кожа была припухшей, но целой, ни капли крови, лишь на пальцах таял иней.

Приподняла голову, Михей целился куда-то в густую крону. На каждом дереве на высоте моего лица появилась белая отметина. Словно детвора, озорничая, кидалась снежками, оставляя белые морозные отпечатки.

— Что это? — спросил стрелок, поводя арбалетом.

— Не имею ни малейшего представления, — честно ответила ему, поднимаясь и оглядываясь. — Я не Вит.

Мерин всхрапнул, наклонил голову и стал мирно обглаживать зеленые ветки кустарника. Облачко деликатно коснулась губами руки Михея, и тот от неожиданности едва не нажал на спуск. Вокруг царила тишина, ни ветерка, ни звука, ни малейшей угрозы...

— И что теперь делать?

— И этого я тоже не зна...

Я не договорила, потому что впереди кто-то сдавлено вскрикнул. Тихий отрывистый звук больше походил на мяуканье. Михей тут же переместил прицел арбалета. Я сделала шаг назад — если сейчас нырну за телегу, смогу проползти с другой стороны и окажусь на краю тропы. Кошка выпустила когти, ее напряженные мышцы дрожали.

Атаковать сбоку удобнее. Как и бежать.

Кусты затрещали и на тропу не вышел, а вывалился...

— Господин чаровник! — закричал Михей, опуская оружие.

Чаровник обвел невидящим взглядом прогалину, сделал шаг, потом второй... Неловкие, какие-то дерганые движения, как у пьяницы, который только что узрел синих чертей.

— Рион, — позвала я. Парень дернул головой, повернулся на звук и...

— Чшшш, — зашипела тихо.

Его глаза были пусты и мутны, зрачки подернулись беловатой пленкой, словно лужа наледью. Я такое уже видела — у старого попрошайки, что забрел как-то в Солодки. Он сказывал каждому, кто хотел слушать, что потерял зрение лет десять назад. Сначала его мир утратил краски, окрасившись в серый, затем четкие линии размылись, люди превратились в черные пятна, а через год все исчезло во тьме. Но я никогда не слышала, чтобы человек мог ослепнуть за ночь.

— Кха, — даже не произнес, а выплюнул Рион. — Кхаррр, — звуки в его горле теснились и клокотали.

— Господин чаровни... Рион! — со страхом позвал Михей.

Парень повернул голову, и тут снова ударило, но если в прошлый раз, мы отхватили невидимых розг, то на этот — нас приложили поленом по плечу. Меня отбросило на борт возка. Рион схлопотал «поленом» по затылку и упал лицом вниз. Стрелок не выдержал и все-таки нажал на спуск. Арбалет щелкнул, болт не покинул ложа. Михей выругался.

Дыхание сбилось, и я несколько минут хватала ртом воздух.

— Да что ж это творится такое? — незнамо у кого спросил стрелок. — Что же творится... Эол, спаси и сохрани...

Я поднялась, потирая плечо. Рион лежал там, где упал, лишь изредка вздрагивал всем телом. Отметины на деревьях стали шире, теперь они походили не на мазки неловко брошенных ребятней снежков, теперь они больше напоминали перечеркнутые стволы полосы. Нет, не полосы. Я вдруг поняла, что видела этот странный морозный налет раньше. В Солодках, когда Линя мелела и меня звали ее заговаривать. Вода уходила, оставляя на илистых берегах вот такие вот меловые разводы, отмечающие места, где волны накатывали на берег.

Я огляделась. Все деревья вокруг были перечеркнуты белой полосой инея. Похолодало еще сильнее, дыхание с шумом срывалось с губ, на мгновение зависая теплым облачком и тут же растворяясь в прозрачном воздухе.

Что прошло сейчас по тропе? Что разошлось по лесу, словно круги по

воде от намеренно брошенного камня, впечаталось в стволы и оставило на коре отметины? Что ударило нас с Рионом? И почему только нас?

— Да за что ж нам все это? — продолжал причитать Михей. — Почему же...

— Рион. — Остановившись рядом с чаровником, я опустилась на колени и легонько коснулась спины парня. Он едва заметно вздрогнул.

Слава Эолу, жив! Я обхватила его за плечи и перевернула, даже не удивившись собственной силе — слишком легко у меня это вышло. Некогда было удивляться. Глаза чаровника оставались открытыми. Он «не смотрел» куда-то мимо меня, в черное небо.

— Рион, — позвала я.

Парень моргнул.

— Давай же. — Я встряхнула чаровника, возможно, чуть резче, чем хотела. — Давай!

— Эол, помоги нам!

— Михей, перестань завывать... Рион!

Ученик мага дернул головой, закрыл и открыл глаза. Его подернутый наледью взгляд чуть прояснился.

— Кхао-кха-кха, — закашлялся парень и тихо произнес: — Айкха...

— Я это, я. Что у вас там случилось? Где Вит?

Рион зажмурился, его снова стало трясти. Это тоже был своего рода ответ. Ясно, что ничего хорошего там произойти не могло.

Внезапно накатила злость на всех и на вся. На парней, которые зачем-то бросились обратно, на чаровников из Велижа, из-за которых началось это странное бегство, на Дамира, который исчез, когда был так нужен, на Лиску, на дасу и даже на бабушку, которая отправила меня вместе с Рионом. Я же просто сходила на деревенскую свадьбу!

— Айкха...

Я накрыла губы Риона пальцами, заставляя замолчать, подняла голову, насторожила уши. К нам кто-то приближался. Лошадь фыркала, под ее копытами хрустела хвоя... Слышать слышала, но не могла с ходу определить, со всадником она или без: бабка все же меня на травницу учила, а не на воина-следопыта.

— Вит, — позвала поднимаясь.

— Не хххади... — закашлялся чаровник и попытался встать.

Сил у него хватило, только чтобы перекатиться на бок, руки вслепую шарили по земле. Злость всколыхнулась с новой силой. Что сделали с парнем? И, главное, зачем? Вряд ли он мог серьезно угрожать дасу.

Ветви разошлись, и на лесную прогалину ступила рыжая лошадь.

Молодая женщина торопливо понукала животное, поминутно оглядываясь и прижимая к себе сидящего впереди мальчика. Пацан лет десяти казался скорее удивленным, чем напуганным.

Что ж, это мы сейчас исправим.

Склонив голову, я в два прыжка оказалась рядом с рыжухой и, ухватившись за повод, заставила лошадь остановиться. Женщина вскрикнула, закрыла рот рукой и еще сильнее прижала к себе мальчишку. Широко распахнутые карие глаза перебегали с моего лица на возок с Михеем, который совершенно спокойно целился в девушку и, кажется, не собирался опускать арбалет, потом на ползающего по земле Риона и снова на меня — бесцветную девку с алыми, как уголья, глазами. А я смотрела на свои державшие кожаный повод руки, все еще человеческие, но уже не совсем. Из пальцев выступали прозрачные, как вода, ногти... Они, вроде бы растущие, как у всех людей, к концам вдруг заострились, словно иглы. Эол, у меня когти! Невесомые и такие привычные, словно были всегда.

— Кто... Что вы... — Она сотворила отвращающий знак Эола, но я не торопилась исчезать. Будь все так просто, односельчане давно бы от меня избавились. Но, как выяснилось, бог не имел ничего против моего существования.

— Где хозяин лошади? — перебила я. Рыжая ткнулась губами мне в ладонь. Я даже успела представить, как расплосую животному морду, но когти быстро втянулись, и руки стали совершенно обычными. Я подумаю об этом позже, когда будет время и когда никакой дасу не будет висеть над душой.

— Что вы делаете? Пустите!

— Неправильный ответ. — Я ухватила мальчишку за ногу и дернула вниз. Вряд ли он хороший наездник.

Женщина закричала, уцепилась за парнишку. Но было поздно. Мальчишка, потеряв равновесие, грохнулся на землю, лошадь переступила с ноги на ногу. Девка продолжала верещать. Очень хотелось прижать уши. Или вырвать ей язык.

— Опять неправильный ответ. — Я присела и схватила пискнувшего парня за волосы. — Вам не говорили, что не стоит ехать в темный лес ночью, да еще на краденой кобыле? — коснулась пальцем беззащитного горла мальчишки.

Женщина торопливо слезла с лошади, неловко и совсем неграциозно — селянка вроде меня, для которой поездка в седле скорее исключение, чем правило.

— Где всадник? — медленно повторила я, выпуская когти.

Тонкие полупрозрачные иглы послушно вытянулись и замерли в волоске от бешено бьющейся жилки на шее мальчишки.

— Не ответишь, вспорю горло ему, а потом тебе, — честно предупредила с такой уверенностью в голосе, словно делала это тысячу раз. С уверенностью, которой не чувствовала.

Пацан вытаращил глаза и замер, словно статуя в храме.

— Вы... вы... зачем... Прошу, отпустите Кули! Мы не просили колдованца нас спасать. Он сам, клянусь Эолом. — В голосе молодой женщины слышались визгливые нотки. — Посадил нас на лошадь и велел скакать во весь опор.

— А сам? — Я подняла голову и вгляделась в лесную чащу, слышалось или нет...

— А сам остался в Волотках. Хотел еще кого-то спасти, только я не понимаю от чего? Я не просила... И лошадь не крала, и вообще... — Она заплакала.

Рион сумел встать на одно колено и слепо шарил руками по земле. Случайно или нет, но он повернулся лицом к тропе. Я насторожила уши, неужели не слышалось?

— Айка?! — вопросительно позвал Михей, не опуская арбалет.

— Мы не просили! Госпожа ведьма...

— Тихо, — зашипела я, под пальцами лихорадочно бился пульс.

Пацан хлопал глазами и, кажется, понимал еще меньше своей спутницы. Но это не мешало ему бояться. Вздохнет чуть сильнее, и иглы когтей порвут тонкую кожу. Какая-то часть меня хотела, чтобы он вздохнул, хотела, чтобы он дернулся, хотела, чтобы он побежал. И тогда можно будет начать охоту.

— Госпожа ведьма, отпустите Кули, ради Эола. Возьмите меня, если вам так надо...

Что именно может быть надо встреченной на лесной тропинке ведьме, она не знала, но, по-видимому, предполагала худшее.

— Замолчите! — Я так же, как и Рион, повернулась к тропе.

Не показалось. К нам снова кто-то приближался. На этот раз пеший. Широкий торопливый шаг.

— Я... — Женщина была так напугана, что вряд ли слышала, что ей говорят. — Я все сделаю. Заберите лошадь, сапоги, плащ... Все заберите, у меня даже черени есть, две дюжины.

Шаги стали громче. Я встала, к вящему облегчению незнакомки, отпустила шею пацана. Женщина тут же упала на колени и принялась творить отвращающие знаки, успевая при этом судорожно ощупывать

мальчика, явно желая убедиться, что я не откусила от него кусочек под шумок.

Судя по звуку шагов, по тропе шел мужчина. Или очень высокая женщина. Или нечисть с длинными ногами, что ходит прямо, притворяясь человеком.

Неизвестный показался через минуту, я моментально узнала его каким-то внутренним чутьем еще до того, как увидела и мы встретились взглядами.

— Вит, — выдохнула я.

Чернокнижник жив! Лучшее известие за ночь.

Не разделяя моей радости, мужчина перехватил поудобнее ношу. Я фыркнула. На руках он тащил какую-то белобрысую падаль... э-э-э... девушку.

— Какого Рэга! — выругался вириец, оглянулся и направился к возку с Михеем. Стрелок с облегчением опустил арбалет.

— Уходим. Быстро! — Чернокнижник положил находящуюся в бессознательном состоянии девушку рядом со стрелком, бросился к Риону, помог парню подняться. — Ну, чего встали? Бегом! Вы, — он кивнул плачущей женщине, — я что приказывал? Быстро на лошадь. Айка, чего встала? Хватит мной любоваться!

Я рыкнула. Он выругался.

— Зачем я это делаю? — пробормотал чернокнижник, подставляя плечо чаровнику. — Сидел бы дома, варил яды... Нет, захотел родине послужить. Прав был отец...

Что там сказал отец чернокнижника, мы так и не узнали. Ледяное дыхание в третий раз пробежало по тропе, листья ближайшего куста тут же пожухли и свернулись. Раздался далекий, на грани слышимости, хруст, словно кто-то наступил на покрытую тонким утренним льдом лужу.

— Тррретьявоооолна, — по-звериному зарычал Вит, перед тем как нас снова ударило. На сей раз это были не розги и не полено. На сей раз это напоминало кочергу, которой вполне по силам проломить голову. Удар отозвался звоном в ушах. Я упала и даже не поняла этого. Где-то рядом хрипел чаровник, ругался Вит, плакала женщина...

— Не усспспели...

Я подняла голову, тонкий визгливый звук, как от ржавой пилы, поселился внутри, причиняя боль. Вит с Рионом поднимались, держась друг за друга, чаровник дрожал словно в лихорадке.

— Видит Рэг, я старался. — Чернокнижник помог Риону сесть на край возка, хотя там и без чаровника было тесно. — Чего встали? Бегом! Или

предпочитаете умереть здесь?

— А есть разница? — спросила я, с трудом поднимаясь.

— Сами же сказали, уже не успели, — неожиданно поддержал меня Михей, отодвигаясь к правому борту возка. — Второй день бегаем, все никак убежать не можем. Может, ну его? Дасу так дасу, встретим как полагается! — Он зарядил арбалет.

— Дасу, надо полагать, надлежит бояться. — Вит схватил мерина под уздцы и обернулся.

В его взгляде появилось что-то... Знаете, две большие разницы, как оглядывалась женщина с пацаном... — как его там? Кули, кажется, — и как оглядывался чернокнижник. Женщина была напугана, как может быть напугана доярка отсутствием молока у коровы. Вдруг сглазил кто? Странно, но не смертельно. А вот Вит... Я редко видела его таким, лишь прошлой ночью и перед моим ритуалом покаяния. Он боялся и совершенно не стеснялся этого. Иногда бояться не стыдно.

Я снова услышала далекий хруст. Холод инеем осел на ресницах, кожа на лице мгновенно обветрилась.

— Агррр, — сидевший в телеге Рион обхватил себя руками, стараясь унять дрожь.

— Опоздали, — повторил чернокнижник и бросился к Риону: — Закрывайся, дурень! Закрывайся! По магам ударит сильнее всего! Закры...

Вит ухватился за край возка, Михей не выдержал и выстрелил. На этот раз болт покинул ложе и скрылся в лесу. Никакого видимого эффекта.

— Боги! — В устах Вита это прозвучало как ругательство, вириец так и не дотронулся до чаровника, замер на месте и обреченно добавил: — Всех не прикрою, просто не осилю...

— Я не просила нас спасти. Я не просила... — всхлипывала женщина.

— Если только... — Чернокнижник повернулся, глаза посветлели, стали почти прозрачными. Как тот лед, что наконец-то нас нагнал.

Шерсть на загравке встала дыбом. Мгновение, растянутое до бесконечности. Мгновение перед ударом.

— Если только... — Вириец протянул мне руку.

Я вложила свою руку в его ладонь. Почему бы и нет, раз мы ждем не дождемся пришествия дасу.

— ...ты не поделишься со мной силой? Айка, прошу силы!

Губы мужчины шевелились. В окружающем холоде его пальцы казались горячими. Они были обжигающими и такими настоящими...

— Силы, Айка! — произнес Вит, и прозвучало это... сильно.

Иногда слова обретают вес и падают камнем к твоим ногам. Иногда ты падаешь вместе с ними. Есть клятвы, есть обеты, есть заклинания. Все это было в одном его слове.

Ледяное дыхание дасу и огонь рук кудесника. Тепло и холод. Хотелось зарычать и убежать. Хотелось заурчать и остаться. В темных глазах чернокнижника мелькнула обреченность.

Какая разница, о чем он просит? Какая разница, могу ли я это дать? Никакой. Я бы согласилась, попроси он мою правую руку или голову в придачу.

— Бери.

Внутри меня что-то шевельнулось, что-то сдвинулось. Больше всего это походило на несварение. Или на голод, от которого тошнит. Иногда в магии нет ничего привлекательного.

В животе заурчало, жар прокатился по телу и устремился в руку. Устремился к чернокнижнику, оставляя после себя сосущее чувство пустоты. Вит поднял вторую ладонь к тропе, словно намереваясь приветствовать того, кто вот-вот покажется из-за куста...

И тут нас ударило. Завертело, закружило. До хруста в костях, до звона в голове, до хрипа в груди, до стоны, что так и не сорвется губ, потому что этих губ больше не будет... Я словно оказалась внутри колокола, что висел на часовне Эола. Оказалась в тот момент, когда кто-то бил в него, созывая народ на молитву. Сила удара была такова, что колокол сорвало, подбросило в воздухе, а потом грохнуло оземь. Вместе со мной. Вместе со всеми нами.

Причитания женщины захлебнулись. Рион упал на Михея. Беззвучно...

В голове звенело, к горлу подкатила тошнота. Я бы тоже упала, если бы не горячая рука Вита. Что-то продолжало перетекать от меня к нему, притягивая и связывая нас еще сильнее. А он все держал и держал вторую руку раскрытой. Держал этот колокол вокруг нас, по которому било ледяное дыхание дасу.

Листья на деревьях чернели, сворачивались и опадали. Земля покрывалась коркой льда, ночное небо, наоборот, светлело. Воздух дрожал и трескался... трескался... трескался, подпуская холод все ближе и ближе. Наледь покрыла борт возка, коснулась копыта Облачка, лошадь заржала. Женщина сжалась, стиснула мальчишку, ее волосы медленно покрывались инеем, словно она долго стояла на морозе... Или седела на глазах.

Чернокнижник застонал, пошатнулся. Но мы все еще держались за руки. Злость, которая тлела во мне с самого захода солнца, вдруг вскипела,

вырвалась наружу.

Я не знала, кто я. Не знала, откуда взялась. Не знала, что делать дальше. Ничего не знала, кроме одного. Я не хотела умирать. Не хотела, чтобы умер кто-то из парней. Белобрысая падаль и женщина с пацаном меня особо не интересовали. Я не Вит и спасать никого не собиралась. Никого, кроме себя. И моих парней.

Я вцепилась в руку Вита и зарычала, ощущая свою злость как нечто густое и тяжелое, как нечто, чего можно коснуться. Или отдать. Я взмахнула хвостом и направила ее чернокнижнику, эту жгучую ярость, недовольство, досаду и даже усталость. Все, что было. Все, что осталось. Пусть дасу подавится.

Внутри все клокотало, внутри все двигалось... Совсем как на ритуале покаяния. И совсем по-другому. Тогда силу отбирали. Сейчас я отдавала ее сама. И мы с кошкой не кричали от боли, мы рычали от злости и предвкушения.

Вит покачнулся, мотнул головой, словно отгоняя назойливое насекомое, пальцы шевельнулись, холодный воздух заколыхался, и на один бесконечный миг мне показалось, что он сейчас обрушится на нас.

— Нет, — проговорила я, выпуская когти, и еще тверже добавила: — Нет.

И чернокнижник услышал, выпрямился. Губы шевельнулись, пальцы раскрытой ладони сжались, и... ледяное дыхание отступило. Сначала на шаг, потом на два, потом женщина на лошади подняла посеребренную инеем голову.

Оглушительно хрупнуло, с таким звуком на Линее сталкиваются по весне льдины. Сталкиваются и отскакивают друг от друга. Холод дасу столкнулся с магией Вита. Столкнулся и отошел, откатился по тропе назад, как волна, что каждый раз накатывает на берег и всегда возвращается обратно.

Лицо все еще пощипывал мороз. Конь потянулся губами к замерзшему кусту, листья которого больше походили на льдинки. И только когда наши руки разъединились, а Вит устало опустился на землю, я поняла, что все кончилось.

Мерин все-таки коснулся замерзшей листвы, и куст осыпался. Не просто осыпался, а распался снежным крошевом. Конь посмотрел удивленно. За первым кустом рассыпался второй, разлетелось на льдинки дерево, на коре которого нашел уют мотылек... последний уют... Толстый ствол на глазах осел на землю. Одно за другим деревья векового Багряного леса оседали снежными хлопьями, словно пепел давно

погашенного костра. Лес исчезал, будто... будто... Эол!

Я впервые видела такое. И, надеюсь, в последний. За несколько минут чаща превратилась в снежную пустыню. Все исчезло, кроме лоскута земли у нас под ногами, который вириец отстоял у зимы. Все, кроме нас.

Вит задрал голову к посветлевшему небу и захохотал. Из его носа текла кровь, окрашивая кожу и рот в алый цвет, будто чернокнижник только что загрыз кого-то и теперь этому чрезвычайно радовался.

— Вит, — позвала я, — что ты...

— А ведь и вправду. — Вириец подавился смехом и попытался вытереть кровь, но только размазал ее. — Пусть бы приходил этот дасу, он же не знает... не знает... — Мужчина снова зашелся хохотом, он бессвязно бормотал: — Встретили бы, как миленького... — обхватил голову руками. — Древние всегда говорили, что не бывает тьмы без света, льда без огня, демона без...

— Вы все здесь умалишенные! — выкрикнула женщина, почти падая с рыжей кобылы. Мальчишка всхлипывал.

Глава 8

ПРИТВОРА

— Вы все умалишенные! — услышала я сквозь сон женский голос.

И не надоело ей повторять? Может, признаться, на самом-то деле? Для нас это давно не новость, а она все удивляется.

— Ну зачем я... — продолжала причитать она.

Кстати, я бы тоже не отказалась узнать: «зачем она». Если бы к нам с бабкой среди ночи постучался больной на всю голову чернокнижник и не попросил вылечить эту самую голову, а велел бежать в одном исподнем, да подальше, то схлопотал бы ведро воды в лицо для охлаждения. Воды — это в лучшем случае.

— Кули, отойди от него. Он порченный! — закричала женщина.

Парень, надо полагать, отирался возле Михея и его волшебного арбалета, но девка наверняка говорила о Рионе.

Я открыла глаза и приподнялась. Так и есть. Кули во все уши слушал рассказы стрелка о героических приключениях чаровников в Багряном лесу, забыв как дышать и моргать.

Рион тоже почти не дышал и не моргал, уже который час рассматривал светящее небо. Я встала, отрянула плащ от мокрых веток и листьев.

На мертвой снежной равнине мы оставаться не рискнули, вняли просьбе чернокнижника и убрались оттуда. Вит уводил нас дальше, забирал на юго-восток, к Вирийскому княжеству. Он больше не злился, теперь он просто не смотрел на меня.

Зимнее дыхание дасу прошлось по земле на несколько десятков вар и превратило в лед все, с чем соприкоснулось. Но даже это не могло длиться бесконечно, к утру снежная равнина, отвратительно хрустевшая под сапогами и лошадиными копытами, закончилась. Никто никуда больше не торопился, хотя меня не оставляло ощущение, что мы безнадежно опоздали. Опоздали не вчера и не позавчера, а как минимум на несколько лет.

К утру мы добрались до живой земли, изредка слушая завывания... как ее там?

— Но, Оле, — заныл парень. Да, точно, Оле. Вчера стрелок ее уже спрашивал. — Я только хотел...

— Мало ли чего ты хотел!

Я огляделась. Вита рядом не было.

— Господин кудесник сказал, что скоро вернется, — поняв, кого я ищу, пояснил стрелок и неловко приподнялся с возка. Лицо парня скривилось от боли.

Рано, Михей, рано. Ему лежать как минимум седмицу. Но на его месте я поступила бы так же. То есть попыталась бы встать, невзирая на то, что могут открыться раны.

Судя по положению солнца, поспать удалось часа четыре, не больше.

— Кули. — Заплаканная женщина дернула мальчишку за руку. — Будь проклят тот день, когда я...

— Он и так проклят. — Я подошла к телеге и склонилась над Рионом. Парень продолжал смотреть мимо меня куда-то в кроны деревьев. Они сговорились, что ли? Сегодня никто не хочет смотреть мне в глаза.

— Я не просила... — снова завела старую песню женщина.

— Ну и прекрасно, — не оборачиваясь, прервала очередную порцию нытья. Глаза Риона прояснились, дыхание демона ушло и зрачки парня больше не были подернуты наледью, но взгляд по-прежнему оставался обреченным и потухшим. Взгляд мертвого человека. — Вас никто здесь не задерживает.

— Что? — не поняла Оле.

— То, — я подняла голову, — мы вас не держим. Хотите идти — идите, не хотите, чтобы вас спасали, — не будем.

Женщина посмотрела на рыжую кобылу вирийца.

— И красть лошадь тоже не советую. Эол не одобрит, а события складываются таким образом, что вам его заступничество может понадобиться в самое ближайшее время. Узелок в руки, — посмотрела на кулек с пожитками у ног женщины, — и в путь.

Я сняла флягу с пояса, потрясла, открутила крышку, поднесла горлышко к потрескавшимся губам парня. Рион отвернулся. Тонкая струйка воды потекла по грязной шее. Плохо.

— Зачем вы вообще его, — я кивнула на лес, куда, по словам Михея, ушел Вит, — послушались? Заявись ко мне ночью грязный мужик в драной одежде — отхватил бы веником, а вы даже узелок успели собрать. — Я снова попыталась напоить Риона, и снова безуспешно.

Женщина сжала губы и судорожно обхватила худосочного мальчишку за плечи, словно черпала в нем силу и уверенность. Рион перевел взгляд на темный деревянный борт телеги. Убрать флягу не дала чужая рука. Тонкие пальцы обхватили мои. Я повернула голову, уже зная, кого увижу. Рядом с возком стояла белобрысая пада... девушка. Мелкая, не выше и не старше

меня, светлые волосы заплетены в косы, голубые глаза смотрели доверчиво, почти по-детски. Ее рука накрыла мою, вторая ладонь легла на щеку Риона. Чаровник вздрогнул, но не отстранился. Девушка кивнула, и я отступила, оставив ей флягу.

— Я не знала... — залепетала Оле, — не думала...

— Это заметно. Наверное, пора начать. Думать, я имею в виду.

Михей едва заметно улыбнулся и подмигнул Кули.

— Я просто, — молодая женщина устало опустилась на землю, — я просто собиралась уйти. Сама! — выкрикнула она.

Я выпрямилась, борясь с желанием повернуться и взглянуть в лесную чащу. Шаги, пока едва слышные, но с каждой секундой приближающиеся... Так и хотелось вздыбить шерсть и, выпустив когти, повернуться к новой опасности. И тут же спрятать когти обратно. Я вдруг отчетливо поняла, кого увижу через минуту... Увижу того, кто не хотел видеть меня.

— Дядька хотел отдать сестру за пастуха Шошку, — выкрикнул Кули и пояснил для непонятливых: — А тот — дурак и косой, к тому же его корова копытом приласкала, ну он и окривел.

— Я должна была уйти, не Шошка, так другой, еще хуже. Мне уже не шестнадцать и даже не двадцать, отец, пока был жив, всегда говорил... — не закончив, она махнула рукой. — А потом отец умер, и дядька, сказал: «Иди замуж за Шошку». Сказал, что ему доука на шее не нужна. Я решила уйти ночью. Узелок собрала.

— Хорошо, что я проснулся, — самодовольно вставил паренек.

— Я бы тебя все равно там не оставила. — Женщина отвернулась, но ее выдали глаза.

Сейчас она могла говорить все что угодно. Но на деле, если бы мальчик не проснулся, исчез бы вместе с Волотками, с Казумом, дядькой и Шошкой-косым.

— Не оставила бы! — выкрикнула она, словно это все объясняло.

Отчасти так и было. Надумай я сбежать от бабки и встретить у порога незнакомца, настаивающего, чтобы я взяла его лошадь и скрылась с глаз долой, тоже не стала бы отказываться. Наверное... А может, убежала бы, как от огня. Добрые незнакомцы обычно оказываются злыми.

— Ты в любой момент можешь вернуться. — Низкий голос бархатом прошелся по коже, из леса вышел Вит и бросил рядом с едва тлеющим костром охапку дров. — Дасу в Волотках уже точно нет. Мало того, на ближайшую пару лет это место очищено от нечисти. Так что вас никто не будет беспокоить, разве что нежить по ночам. — Он задумался. — Зато

будешь сама себе хозяйка.

— Дасу здесь? — спросила у Вита, а Оле зажала себе рот рукой. — Я имею в виду, он прорвался сюда, — я указала на землю у нас под ногами, — в наш мир?

— Да. — Вит не смотрел на меня. Ночное бесшабашное веселье чернокнижника сменилось усталостью.

— Но если вы знали... знали, что все умрут, что да... да... дасу, — наконец проговорила женщина, — всех у-уб...

— Убьет? — переспросил вириец, отряхивая руки. — Предполагал.

— Тогда почему не спасли остальных?

— Я не всесилен. Не успел. Постучал в первый дом, вытащил вас. Вторую девку нашел за оковицей. Эй, ты, — позвал он белобрысую пад... девушку.

Та встряхнула флягой и встала рядом с чернокнижником, их рукава почти соприкасались, ее светлый и его — грязный и обтрепанный. Кошачий хвост стегнул по земле, и впервые мне было безразлично, видит его кто-то или нет.

— Я Мира, дочь валяльщика, — представилась девушка мелодичным голосом. — Я шерсть перед сном проверяла, высохла ли. Помню, как услышала что-то — вой или крик. Открыла дверь, вышла на крыльцо... — Она улыбнулась Виту.

Из пальцев выскочили когти, уши прижались к голове, утробный рык едва не сорвался с губ...

— А потом темнота, — закончила Мира.

— Пока одной объяснял, четверть часа потерял. Эту, — он указал на девушку, — просто подобрал, когда назад бежал. — Чернокнижник стащил с плеч грязный плащ и протянул дочке валяльщика.

— Спасибо вам, — с чувством поблагодарила та, заворачиваясь в теплую ткань.

Я отступила, спрятала руки в карманы и загнала рык внутрь. Она не имела права так улыбаться ему, а он не имел права так улыбаться ей, так... Так тепло, пусть и устало. Пальцы коснулись прохладного камешка амулета. Стоит накинуть цепочку, и я снова сделаюсь нормальной. Не бесцветной тварью, а обычной девушкой, такой, как Мира, светловолосой и голубоглазой. Я выдернула руку, словно амулет жег пальцы. Я и сама не могла объяснить, почему, но твердо знала, что не надена артефакт. Не сейчас. Не здесь. Пусть Вит смотрит на Айку Озерную, а не на ее раскрашенную копию.

Я пошла к костру, едва удержалась от того, чтобы оттолкнуть Миру

плечом, выдернула из ее рук флягу, мимоходом отметила, что Риона она все-таки напоила, и села на плащ. Вит посмотрел удивленно, впервые за последние дни — посмотрел.

— Вам надо было идти к Казуму, надо было бить в набат, собирать людей... — говорила Оле.

— И торжественно умереть вместе с ними под благостные звуки колокола? — уточнил Вит. — Так далеко моя жажда подвигов не распространяется. Вас я спас. Благодарность оставьте себе.

— Вряд ли Казум успел бы что-то сделать, — высказался Михей и простодушно добавил: — Он пить собирался, за упокой души вашего Теира. — Стрелок торопливо сотворил знак Эола, женщина повторила, только направила его на меня и выкрикнула:

— Они умерли! Умерли! Умерли!

— Можете повторить это еще не один десяток раз, ничего не изменится. — Вит пожал плечами.

— Так, значит, дасу идет за нами? — громко спросил Михей.

Чернокнижник обернулся, с губ, в уголках которых запеклась кровь, сорвался смешок.

— Видимо, у демона есть дела поважнее, чем гоняться за ободранными путниками. Поверь, если бы дасу хотел нас догнать, он давно бы уже был здесь. — Мужчина посмотрел по очереди на Оле, Кули, тележку с Михеем и Рионом, Миру...

— А мы? — решил все же уточнить стрелок.

— А мы были бы на полпути к Эолу, хотя... — Вит все же мазнул по мне взглядом. Эол, что происходит? Я уже начала считать его взгляды: ни одного вчера и уже два сегодня, в пору радоваться. — Хотя, может, и не все.

— Тогда что это было? Эти волны, от которых надо закрываться? — упорствовал в своем любопытстве Михей. Он и сам понял, что слишком настырен, и со всей учтивостью добавил: — Господин кудесник.

— А это, господин искусник, — в тон ему ответил чернокнижник, — были три волны выверта. Когда дасу прорывается в чуждый для него мир, часть этого самого мира выворачивается наизнанку, как рукава у рубахи, если торопливо вытащить руку. А волны от этого знаменательного события расходятся по округе и бьют, и бьют, — Вит кивнул на возок, — по магам. Остальных добывает дыхание демона или его слезы, или его молнии, или... — он поморщился и закончил: — Все демоны разные. Совсем как мы.

Эта мысль показалась вирийцу очень забавной, и он снова зашелся сухим коротким смехом.

Я вспомнила, что уже слышала от него слово «выверт». Там, в велижской тюрьме. Тогда он тоже говорил о волнах и о вызове. Но я ничего не поняла, а он не стал объяснять.

— И сильно магов прихватывает? — Стрелок озабоченно пощупал живот.

— Сильно, — не стал обнадеживать его вириец. — Выверт разбивает их резерв. У тебя его никогда не было, поэтому ты даже не почувствовал, у Айки, — от одного того, как он произнес мое имя, захотелось поковырять в ушах и поверить, не послышалось ли. — У Айки он вырван с мясом великими мясниками... о, простите, магами Велижа, но ее все равно ударило, а вот Риону не повезло, его кувшин треснул. Как я понимаю, закрываться парня не учили.

Лежащий на телеге чаровник застонал и закрыл глаза, из-под век потекли скупые мальчишеские слезы.

Мы столько всего натворили, вернее, сделали, и все ради его дара, чтобы теперь остаться ни с чем.

— Я с самого начала говорил, что ваш ритуал — препоганая идея. Я просто не знал, насколько препоганая.

— Ничего не хочу знать. — Оле закрыла уши ладонями и замотала головой, повторяя: — Не хочу! Не хочу! Все это ваши дела, не мои. Не втягивайте нас в это!

В отличие от старшей сестры Кули слушал во все уши и боялся пропустить хоть одно словечко.

Мира вернулась к телеге и стала аккуратно вытирать лицо Риона рукавом. Парень никак не отреагировал на заботу.

— Недаром же ваши маги бегают от дасу, как от огня, — горько закончил чернокнижник.

— Дураков, желающих лишиться силы, у нас нет, — глухо ответил Рион, впервые за вечер подавший голос.

— Дураков у вас в избытке, но за силу вы держитесь крепко. И бегаете быстро.

— Бегаем. А я вот не знал, что надо убегать. Не знал, что надо закрываться. Ничего не знал. — Рион развел руками, и Мира выпрямилась. — Эх, был бы я зеркальным магом...

— Я и говорю, дурак, кто же себе такого желает?

— Зеркальные маги? — переспросила я, потому что два этих слова всколыхнули что-то во мне, какое-то воспоминание — то ли я у бабки в книге читала про зеркальных магов, то ли на витраже или гобелене каком-то поучительном видеела, в общем, что-то явно нехорошее.

— Такая же редкость, как и маги-артефакторы. — Рион повернул голову к Михею.

— А почему? — простодушно спросил стрелок.

— Потому что их убивают свои же. Мы убиваем, — ответил Вит.

— И что? Нам-то что теперь делать? — выкрикнула Оле, опустив ладони. — Мы остались одни на всем белом свете.

Она всхлипнула.

Очень хотелось напомнить женщине, что, если бы удался ее побег, она оказалась бы не менее одинокой.

— Ближайший город княжества — Полесец, это на самой границе с Тарией. — Вит поднял голову и посмотрел на поднимающееся солнце. — Дня три пути, если лесом напрямки. Я доведу вас до городских ворот. — Чернокнижник развернулся и снова пошел к лесу. Не знаю, как остальным, а мне очень не понравилось это его «доведу», оно предполагало, что дальше мы пойдем сами.

Три дня...

Но все полетело к дасу под хвост уже на второй.

На второй день встал Рион. На вечернем привале, когда Вит, как обычно, обходил лагерь, чтобы удостовериться, что все в порядке... Все было не в порядке, но мы ему об этом не говорили. Рион уцепился за край телеги, приподнялся и покинул свое уютное место рядом с Михеем, тот, надо сказать, вздохнул с облегчением. Чаровник осунулся, кожа казалась серой. За одну ночь мальчишка вдруг повзрослел и превратился в мужчину. Очень грустного молодого мужчину. Обреченного. И бесполезного. Не мага.

Белобрысая пыталась заботливо подставить ему плечо, но он едва взглянул на девушку. Рион был сосредоточен и спокоен. Именно так выглядел Арик, двоюродный брат дядьки Верея, перед тем как завязать петлю в амбаре и сунуть в нее голову. В аккурат после того, как у него жена родами померла, даже бабка спасти не сумела. Но то — жена, а чаровник всего-навсего лишился силы. Всего-навсего...

Рион сел у костра напротив меня и уставился на огонь. Мира вернулась к котелку и стала разливать похлебку. Оле по обыкновению тискала мальчишку, тихонько рассказывала ему, как хорошо они заживут в Вирийском княжестве. Мне бы ее уверенность.

— И что, вы теперь совсем не можете колдовать? — звонко спросила белобрысая, попробовала суп и кивнула Оле: — Совсем-совсем? Ни капельки?

Кули наострил уши, я, честно говоря, их тоже наострила, хотя по-

хорошему девку надо было стукнуть за излишнее любопытство.

— Совсем. — Бывший чаровник сжал и разжал руку, возможно, в ней должен был появиться огненный шарик, а может, у него просто пальцы затекли.

— Рион... — начала я.

— Молчи, — прервал он, — просто молчи.

Все правильно. Что я могла сделать? Неуклюже посочувствовать. От этого его сила не вернется.

— Расскажи о зеркальных магах! — вдруг попросил Михей, отдавая Оле свою миску.

Кули энергично потряс головой, всем своим видом давая понять, что тоже хочет послушать и ради этого отойдет от обожаемого стрелка, сядет у костра и даже, возможно, только возможно, возьмет из рук сестры наполненную миску и поест.

Оле поджала губы, но для разнообразия промолчала.

— Нечего рассказывать. Они все мертвы.

— Я ничего о них не слышал, — словно оправдываясь, признался Михей.

— Потому что о них не любят рассказывать. Они наш позор. — Рион посмотрел на Миру, рука девушки дрогнула, несколько капель из наполненной плошки упали на угли и зашипели.

— Тогда почему ты хотел быть одним из них? — привстал Михей и поморщился от боли.

— Потому что зеркальные маги — единственные, кому не страшны волны выверта, единственные, кому не страшны дасу.

— Они настолько сильны?

— Нет, я бы даже сказал, наоборот, настолько слабы. Их резерв — зеркало, они сами — отражение. Если зеркальному магу встретится на пути слабый маг — он тоже становится слабым, если сильный — растет и его сила.

— А если человек? — спросила Мира, протягивая Риону миску, но тот проигнорировал и ее жест, и ужин. — Если колдованцев рядом не будет, а только люди?

— Значит, и он будет человеком. Он — отражение... Отражение чужой силы. Или слабости. Паразит, как... как...

— Глисты? — нашелся Михей.

— Пусть будут глисты, — не стал спорить бывший чаровник.

— И если такой встретит демона, то... — не выдержал забывший про похлебку Кули, — убьет его? Разорвет на мелкие кусочки?

— Понятия не имею, — тускло сказал Рион. — Меня не учили обороняться от демонов, не говорили, что надо закрываться при прорыве. Да, я знаю, что такое дасу и что такое выверт, и что он делает с магами. Знал, но, — парень внезапно дернул воротник рубахи, словно она мешала ему дышать, — но...

— Ты знал, но все это было не про тебя. Не про нас. — Я поняла, что хотел сказать Рион. — Всего лишь строки в старой книге.

— Да, — дрожащим голосом подтвердил парень, — я ни разу в жизни не закрывал резерв, для мага это — то же, что лишиться рук и ног. Другое дело — зеркальные, их резерв он... он... иной. Он отразит любые магические волны, зеркальный сам станет волной. Ну, так говорят.

— И за это их убивают? — удивилась я. Конечно, маги — те еще юродивые, взять хотя бы Немана, Тамита, да и Риона с Витом, но какой смысл пенять на зеркало, коли рожа крива? Кстати, о Вите, что-то он сегодня долго...

— Они не только отражают, — признался равнодушным голосом бывший чаровник.

— Так и знала. — Я взяла у Миры тарелку.

— Говорят... ну, вернее, почти не говорят, а шепчут, когда переберут медовухи, что они могут...

Я вскочила на ноги, забыв и о магах, и о Рионе, и о разлившейся у ног похлебке. Никогда не разбиралась в магических рангах и жила себе вполне счастливо, даст Эол, проживу впятеро больше. Или не даст и не проживу, особенно если буду сидеть и слушать дальше.

От чужого пристального взгляда шерсть встала дыбом.

На меня охотились.

— Айка, — прошептал Михей, заряжая арбалет.

Кули ойкнул, Оле схватила его за плечи и прижала к себе. Бесплезное действие, нужное лишь ей. Угрызения совести, они такие. Девушка хотела оставить мальчика в Волотках. Оставить на смерть, хоть она и не знала этого. Оле себе этого не простит и будет цепляться за парня при любом признаке опасности, тщетно пытаясь защитить. Мира с громким стуком уронила черпак в котелок.

Чужое внимание напоминало чесотку между лопаток, отчаянный зуд в месте, до которого никак не может дотянуться рука.

Я припала к земле, выпустила когти.

— Айка, — еще тише прошептал стрелок, наводя арбалет на лесную чащу, подсвеченную красноватым золотом уходящего солнца.

Хвост метнулся вправо, потом влево.

Я чувствовала терпкий запах чужака, кожей ощущала взгляд, слышала дыхание, легкое и невесомое, из тех, что не потревожит ни листика на кустах.

Оле охнула, когда я бросилась в чащу. Тени приняли меня. Мягкая земля бесшумно пружинила под лапами. Лесные запахи вдруг сделались слишком густыми и насыщенными, кошачья поступь мягкой, тело гибким и послушным... Мое тело. Охота — это хорошо. Охота — это правильно. Не позволю чужаку охотиться в одиночку.

— Я слышу тебя, — прошептала ему.

Сумерки окрасились серым. Мне стало все равно: день вокруг или ночь. Мне все равно, где ты притаился, слился ли с камнем или укрылся шуршащими листьями. Не уйдешь...

Но незнакомец и не собирался уходить. Он него тянуло влажным любопытством и ожиданием.

Ветви едва заметно качнулись, сбрасывая капли влаги на спину. Чужак скупым движением ушел от моего броска и едва слышно зарычал, скорее одобрительно, чем угрожающе. В серо-черной картине мира он казался высоким, с длинными руками и ногами, вытянутой лысой головой и оскаленной пастью. От него пахло чем-то знакомым, чем-то...

Я кувыркнулась через голову и тут же вскочила на ноги. Но незнакомец и не думал нападать. Он стоял напротив, почти зеркально повторяя мою позу: ноги чуть согнуты, плечи ссутулены, когти выпущены, зубы оскалены. То ли человек, то ли зверь.

Так мы ждали целую минуту. Бесконечную минуту, за которую решимость сменилась недоумением. Чужак медлил, не нападая и не отступая, с любопытством нюхал воздух. Как оказалось, я тоже не была готова просто так броситься на неизвестного. Кстати, а на кого? Раньше я не встречала таких созданий. Тогда откуда взялось это чувство узнавания? Я видела что-то, похожее на него, видела совсем недавно.

Незнакомец вздернул голову и зарычал. А я тут же узнала запах, узнала стук сердца второго существа, приближающегося к нам, ощутила тепло собравшейся в его руках магии. И чужак тоже ощутил. На этот раз не было ни сомнений, ни колебаний, они оба двигались молниеносно.

— Вит, нет! — закричала я.

Но было поздно. Или вирийцу было все равно, что я там кричу.

Чужак прыгнул на чернокнижника. Магия сорвалась с рук Вита. Я не знаю, зачем это сделала. Не могу объяснить, может, всему виной воспоминание, мелькнувшее на краю сознания. Может... В тот момент было не до мыслей.

Я прыгнула на чужака за миг до того, как огненный шар вирийца попал в незнакомца. Глупый поступок. Ничего хорошего, как водится, из этого не вышло, вместо одного под удар попали двое.

Я остановила атаку, и только. Вряд ли чужак дотянулся бы когтями до горла чернокнижника. Вряд ли он умел ходить сквозь магический огонь, это под силу только Эолу и его сподвижникам.

Я врезалась в незнакомца плечом, мы оба упали на землю, и нас накрыл огонь. Но за миг до того как обжечься, я успела рассмотреть в магическом свете... Значит, не показалось. Чужак не был лысым, вытянутую голову покрывали светлые, почти бесцветные короткие волосы, светлые глаза, узкое лицо... Я вспомнила, где видела его. Вернее, не его. Себя.

Таким же бесцветным было мое отражение в зеркале, зубы — такими же острыми, а черты лица такими же чуждыми, как и у него. Мы не были близнецами, нас не перепутал бы и самый невнимательный крестьянин, но мы походили друг на друга, как псы одной псарни.

Чужак был той же крови. Чужак мог ответить на вопросы. Но...

Огонь коснулся кожи. Я заорала, скорее от испуга и разочарования, чем от боли, потому что ее не было. Магия Вита, казавшаяся такой родной и знакомой, прильнула к коже, словно невесомая ткань, теплая и совсем не обжигающая.

А вот чужак захрипел, завыл, задергался, пламя, оказавшееся таким милостивым ко мне, вгрызлось в тело мужчины. Раздались далекие крики, отрывистые команды, с хрустом ломались ветки, кто-то еще торопился к месту событий. А Вит уже стягивал в ладони силу, на этот раз она пахла острой свежестью. И ее оказалось гораздо больше, чем в прошлый раз. И еще одно... Чернокнижник молчал, он не кричал на меня, не требовал убраться отсюда и не загоразживать цель. Нет, он просто бил на поражение.

Что-то свистнуло у уха, и я едва не помянула лихом Михея и его своевольный арбалет, но увидела короткое оперение вонзившейся в землю стрелы. Это бил не Михей. Стрелок явно не наш. Я вскочила на ноги, ослепительно-белый свет сорвался с ладони Вита и упал на чужака. Вторая стрела вошла ему в ногу, третья разодрала край моей рубахи, которая и так почти превратилась в лохмотья — магический огонь щадил меня, но не ткань.

Чужак выгнулся, содрогаясь всем телом, свет стекал с него тяжелыми каплями, оставляя после себя черную обугленную кожу. Четвертая стрела с шипением вошла в горло, пятая в живот, шестая...

— Нет, — прошептала я.

Из-за ближайшего дерева, спуская тетиву, вышел лучник. За ним солдат в форме Вирийского княжества. Когда-то такая же красовалась и на Вите, жаль, что он оставил ее в Велиже. Еще один воин подскочил к бьющемуся в агонии чужаку и взмахнул мечом.

Шестая стрела срезала прядь моих волос. Седьмая угодила бы прямо в голову, если бы ее чем-то невидимым и упругим не сбил чернокнижник. Стрелу он отвел, а вот удар нет. Один из солдат подскочил сбоку и пнул меня под колено носком сапога. Я вскрикнула, упала, а подняться мне не дали. Тот же самый сапог надавил на плечо, прижимая к земле, а кончик острого ножа замер в волоске от горла.

Ну, как показывают многолетние наблюдения, ни сапоги, ни мечи сами по дорогам не ходят, только в компании с человеком. Очень злым человеком, готовым в любой момент вонзить лезвие.

Я зарычала...

— Стоять! — гаркнул Вит так, что я едва не разучилась дышать.

Солдаты тоже это оценили. Тот, что опустил меч на чужака, громко крикнул, поднимая окровавленное лезвие, стрелок дернул луком, и восьмая стрела прошла намного выше головы чернокнижника. Четвертый солдат, которого я, увы, не могла видеть, начал что-то говорить и замолк. На прогалину вышел последний воин, седовласый, массивный, он выглядел гораздо старше мужчин, которые так ловко махали мечами, и нашивки в виде крестов виднелись не только на плаще, но и на рукавах.

— Лежать, тварь, — скомандовал тот, что стоял надо мной, и перенес вес на ногу. Больше всего мне сейчас хотелось запустить в нее когти и послушать, как он верещит.

— Приветствую, капрал. — Чернокнижник встряхнул ладонью, а потом развернул ее к мужчине.

Укол магии был мимолетным, но достаточно эффективным, на коже вирийца проступил черный рисунок — несколько перекрещивающихся линий образовали подобие того креста, что эти ребята таскали на своих спинах. Оказывается, у чернокнижников тоже имелись отличительные знаки, как и у тарийских магов. Как и у Риона.

— Господин высокий кудесник, — прогудел седой, и его воины облегченно выдохнули, даже кончик меча чуть отстранился от моего горла.

— Не знал, что у этих тварей, — он кивнул на тело чужака, а потом посмотрел на меня, — может быть вторая самка, маги говорили, что только одна на всю жизнь. — Последнее он произнес с презрением и, отворачиваясь, скомандовал: — Убить.

Меч качнулся, я зашипела, вжимаясь в землю...

— Я сказал, стоять, солдат! — рявкнул Вит. — Или умрешь раньше нее.

Вириец с мечом заколебался всего на одно мгновение, его рука перехватила эфес, но за этот миг чернокнижник успел многое. Он успел призвать магию, она за клубилась в его руках облаком беспросветной тьмы.

— Господин куда... — начал капрал, багровея.

— Вы не понимаете, капрал. Я не дам ее убить. А если попробуете, сами отправитесь к Рэгу. И вы, и он. — Чернокнижник посмотрел на того, что все еще держал лезвие у моего лица, видимо, дожидался, когда я как следует его рассмотрю.

Солдат скривился и нехотя отвел клинок, я тут же вцепилась в него пальцами, когти звякнули о железо.

— Это вы не понимаете, господин кудесник. — Капрал в сердцах указал на тело мужчины, а потом на меня: — Это не человек, и она не человек. Это притворы. Она думает лишь о себе, служит только себе и верна лишь себе. Она сбежит в лес и бросит вас при малейших признаках опасности, а может, сделает и еще чего похуже. Сколько владельцев вот таких вот зверушек не проснулось утром по причине перерезанного горла, не счесть. Вы заигрываете с нечистью, пусть она и выглядит как человек, и ведет себя как человек. Она притворяется. Она притвора! Внутри она зверь!

— Я, Витторн Ордианский, в присутствии пятерых свидетелей...

— Девятерых, — раздался голос, и на прогалину вышел стрелок. Вернее, почти вывалился, арбалет дрожал в слабых руках, лоб покрыла испарина, раны наверняка снова открылись... Но он пришел. Рион, в руках которого не было даже завалящего ножичка, показался из-за ствола ближайшего дерева и без интереса осмотрел наших новых знакомых. Вооруженная половником Мира выглянула из-за плеча бывшего чаровника.

— Девятерых, — невозмутимо повторил чернокнижник, — признаю ту, что зовется Айкой Озерной, членом моей семьи и беру на себя полную ответственность за ее поступки. Обещаю, что причинивший ей вред будет отвечать передо мной и моим высоким родом жизнью. Тьма свидетель.

Черное облако на его руке вспучилось, заворчало, как недовольная предгрозовая туча, и вспыхнуло сразу несколькими молниями.

— Слово принято, — констатировал Вит.

Капрал сплюнул и кивнул стоявшему надо мной солдату, тот убрал меч в ножны.

— Меня в это не впутывайте, — высказалась появившаяся Оле и решительно шагнула к седовласому, таща за собой мальчишку. — Господин

солдат, я их знать не знаю и знать не хочу, кто такие и чего по лесам шастают.

Я вскочила на ноги, солдат отпрянул и сотворил знак, отвращающий зло. Конечно, знать не знает нас Оле, а предавать положено только мне.

Михей покачнулся, обеспокоенная Мира попыталась поймать его, но куда худенькой девушке удержать деревенского парня! Стрелок повалился и уронил тихо ойкнувшую помощницу.

— Капрал, до города проводите? С нами раненый, — проговорил Вит, устало опуская руки. На мой взгляд, опуская чересчур поспешно. — Или мы теперь все в ваших глазах недочеловеки?

— Осади назад, сынок, а то, маг ты там или нет, старый Рэйвен зубы тебе пересчитает. Никто не скажет, что мой десяток оставил на съеденье тварям, — тут он посмотрел на меня. Я, не сдержавшись, широко улыбнулась, продемонстрировав старику зубы, — женщин и детей. Но пойдем сейчас. Никаких ночевок в этом лесу. Эриш, Тиш, помогите им собраться, — отдал он приказ и оглядел темные деревья. — Неизвестно, сколько еще этих притвор по округе шатается. Она, конечно, знает, но не скажет.

Конечно, не скажу. Потому что не знаю.

Притвора... Как много скрыто в этом слове. И как мало. Притворами называют любую нечисть, что встает на две ноги и прячет зубы, притворяясь человеком. Любую тварь, что может надеть сарафан. Это и богинки, и болотники, это и Мара, и навь, и подменьши, и леший. Да мало ли на свете созданий, что водят человека за нос и мучают до смерти! Воз и маленькая тележка. Но что-то я никогда не слышала о таких вот белесых притворах. А ведь десятник называл незнакомца и меня именно так, и вряд ли имел в виду всю двуногую нечисть, вместе взятую. Вампирами тоже называют кого угодно: и комаров, и нерадивых невесток, и кровососущих мавок, что живут в низинах... И самих вампиров, правда, если молва не врет, обитают они в основном за Тесешем.

— Не знаю, чего это на белом свете творится, — рассказывал седовласый Виту. Чернокнижник вел лошадь по тропе, рядом крутился вездесущий Кули, часть его восхищения была перенесена с Михея на солдат, к вящему облегчению последнего. — Но, считай, с новолуния покоя не знаем. Из каких нор кто только не повылазил. — Десятник покачал головой. — Ящерликов порубали, потом выворотни^[23] деревню на юге разорили, теперь вот притворы, а ведь двадцать лет об этой погани слышно не было.

Шедшая впереди Оле оглянулась, вытаращила глаза и стала плевать,

последний, так сказать, метод обороны от нечисти вроде меня. Интересно, а что изменилось с той поры, когда она сидела рядом у костра и передавала мне миску с похлебкой?

— А еще, говорят, огневок видели, — с тоской закончил десятник. — Не дай Эол, полыхнем!

— Нечисть оживает только в плохие годы, — ответил Вит и тоже оглянулся, в кои-то веки посмотрел на меня, плевать не стал, лишь окинул возок с Михеем и сидевшую с краю Миру хмурым взглядом.

— Они и делают их плохими! — зло сказал воин, что держал надо мной меч, он и сейчас не спускал с меня глаз. Приглядевшись, я могла с уверенностью сказать: почерневший как минимум вчерашний синяк очень подходил к его щетине. — Они! — Он обличающе указал на меня, понукавшую мерина, что тащил возок.

— Я чего тебе сделала, служивый? — не удержалась от вопроса. — На ногу наступила?

— Да ты... да как ты смеешь говорить? Как ты смеешь...

— Охолони, Тиш. — Десятник огладил подбородок и посмотрел на нахмурившегося чернокнижника. — Обижены они на ее породу. Обижены и злы. Третьего дня городская стража на рынке притвору поймала, самку, та рыбу воровала, хотели ее того... — Он провел рукой по горлу. — Да бургомистр не дал, велел в клетку посадить, к нему во дворец доставить.

— И они обиделись за то, что не дали мечами помахать? — спросила я, а воин дернулся.

— Нет, — зло ответил тот, что шел вместе с Рионом, замыкая наш маленький отряд. — Никто не знал, что та тварь уже спарилась с... с этим, — и он указал рукой на мешок, куда запихнули голову убитого чужака. Ткань давно пропиталась кровью.

— Они парами живут, как лисы. И никогда не бросают своих.

Я только открыла рот, чтобы сказать, что этому и людям не мешало бы поучиться, как седовласый добавил:

— Прошлой ночью самец пробрался на городские стены и отправил к Рэгу шестерых моих людей. Эриш, Тиш, Грес и Орир — все, что осталось от моего десятка, который дежурил ночью на стене.

— И ведь главное, непонятно, как в город пробрались? — буркнул молчаливый до этого воин с луком в руках. — Ворота заложены, калитка под амулетами, даже лаз контрабандистов перекрыли, а этот все равно прошел, словно призрак.

— От притворы нет затвора, — вздохнул седой. — Они знают все ходы и выходы, носом чуют, если есть хотя бы одна щель, через которую дует

ветер... Всю ночь шли по его следам, хорошо он на другую самку отвлекся — притормозил, удалось врасплах застать, а иначе так просто не дался бы.

— Зато мы отомстили. — К вящему восторгу Кули солдат тряхнул окровавленным мешком.

Оле тихо забормотала слова молитвы.

— Это очень утешит родных, — прошептала я, но они не услышали.

Шедший первым Вит остановился и указал рукой куда-то в темную ночь. Десятник выдохнул и устало проговорил:

— Полесец. Почитай добрались.

Деревья расступились, и мы увидели далекие огни факелов на стенах крепости.

Я поежилась, в голове почему-то то и дело звучала фраза черно книжника: «Признаю ту, что зовется Айкой Озерной, членом моей семьи... Признаю ту, что зовется Айкой Озерной, членом моей семьи...» В лесах эти слова означали для меня продолжение жизни. А что они будут означать там?

Михей спал в возке, не подозревая о переменах. Мира вертела головой. Кули подпрыгивал на месте от нетерпения, Оле все еще молилась. Риону было все равно.

Багряный лес кончился.

Глава 9

ПОЛЕСЕЦ, ЕГО ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

Как говорил забредший однажды в избушку бабки Симы старый солдат, если ты видел один пограничный городок, ты видел их все. Я не видела ни одного, оттого и вертела головой, словно вылетевшая на охоту сова. Оле от меня не отставала, а уж Кули, тот едва не пищал от восторга.

Первое, что бросилось в глаза, — это черные и какие-то подкопченные стены, в некоторых местах испещренные бороздами, словно их царапала гигантская мышь. Или дракон.

— Это тарийские недоумки то и дело пробуют нас на свой железный зуб, — пошутил лучник. — Но пока удастся их обламывать.

— Так скоро совсем без зубов останутся, — хохотнул другой.

— А ну, тихо, — скомандовал десятник и, повернувшись к Виту, добавил: — На зверушку свою поводок накиньте, а то, не ровен час, кто-то из осерчавших на ее породу удумает чего неправильное.

Чернокнижник вздохнул, словно его вынуждали делать что-то тяжелое и, не глядя ни на кого, попросил:

— Айка.

— Что? — Я по примеру сонного Михея похлопала глазами: — Господин кудесник ко мне обращается?

— Айка, — на этот раз в голосе послышался укор.

— Нет, точно ко мне, — продолжала юродствовать я. Послышался звук вынимаемого из ножен меча. Плохо, очень плохо. К чему выяснять, какая муха укусила Вита? Но остановиться я уже не могла, даже учитывая, что мне снова могли приставить железо к горлу... Буду вести себя как бессловесная зверушка, зверушкой и останусь. Два дня он так старательно не смотрел в мою сторону, а теперь по просьбе какого-то вояки...

— Айка, пожалуйста, — устало добавил Вит.

Солдат выругался и пробормотал что-то вроде того, что неумно обращаться к зверю с вежливыми словами, если достаточно рогатины. Я фыркнула. Вит развернулся и впервые за несколько дней посмотрел мне в глаза. По-настоящему посмотрел, а не украдкой, не вынужденно, а совсем как раньше, только... Только то, что было в глазах, заставило меня торопливо достать камешек амулета. Злость, горечь, бесконечная усталость и обреченность смотрели на меня из его темных как ночь глаз. Словно он

уже проиграл главный бой и осталось только с достоинством сдаться. Или умереть.

Звякнула цепочка, капелька медальона заняла привычное место. Один из солдат охнул и стал торопливо молиться Рэгу.

— Вот тварь, — крикнул десятник. — Все у вас, у кудесников, не как у людей.

С этим жизнерадостным напутствием мы въехали в город.

Что мне больше всего запомнилось в Полесце? Узкие бойницы и скрип отпираемых ворот, хриплые команды и настороженность, готовность в любой момент дать бой. Запомнилось неистовое желание развернуться, вскочить в седло и дать деру. Оно походило на то чувство, что я испытывала, когда в наш мир прорывался дасу, и вместе с тем было абсолютно другим. Черные стены, танцующий свет факелов, ночь и с лязгом закрывшиеся за спиной ворота. Меня не оставляло ощущение, что я добровольно шагнула в каменную мышеловку.

— Целителя позовите, с нами раненый.

— Котелок ставьте, Рэйвен вернулся!

— И куда их девать-то? Мало нам своих баб в гарнизоне? Что? Так я и говорю, мало их...

— Господин кудесник, пожалуйста, вам комнаты «У пьяного корчмаря» готовят, вы уж не обессудьте подождать.

— Ну куда ты, куда лошадей тащишь, а обтереть...

— Раненому помогите, а то еще угробится.

Раздавались голоса, мелькали тени. Кули засыпал на ходу, Вит подхватил его на руки и принес на постоянный двор. Кто-то бросил на пол несколько пахнущих мокрой соломой тюфяков. Оле уснула, так и не получив ужина, Мира прикорнула, хотя твердо намеревалась дожидаться отправленного к целителю Михея, Рион просто сел в угол и замер, глядя на пламя очага, а я, кажется, только на минутку прикрыла глаза...

А когда открыла, тусклое солнце уже пробивалось сквозь узкие мутные окна, затянутые бычьим пузырем. Огонь в очаге все еще горел, по стенам танцевали серые тени, за столом сидели двое, переговаривались вполголоса. Изредка двигались глиняные кружки, пахло копченым мясом и крепким элем.

— Благодарю Рэга, что нашел тебя. Вернись я с пустыми руками, твой отец, при всем моем уважении к высокому лорду, отрубил бы мне голову.

— Ну прямо уж, — буркнул Вит.

Я приоткрыла глаза, стараясь дышать так же размеренно и спокойно.

— Осерчал бы, точно. — Собеседник чернокнижника вздохнул и

отбросил плащ на лавку. — А я не люблю, когда на меня серчают, нервным становлюсь.

Рион все еще спал в углу, но ни Оли, ни Кули, ни Миры в комнате уже не было, как и Михея, который, кажется, так и не вернулся от целителя. Хотелось верить, что это хороший знак и парня не залечили до смерти.

— Все приграничные городки прочесал, каждый день лихих людей ждал, как прошел слух, что я везу в Велиж выкуп за наследника Ордианских. — Собеседник Вита покачал головой. — А ты тут, да еще и с таким обозом. Всех сирых и убогих в Тарии собрал?

— Почти. — Чернокнижник отодвинул тарелку. — Лучше скажи, что тебе ответили в Велиже?

— Много всего. По большей части грубили, напирали на твои прегрешения, которым несть числа. Очень хотели оставить себе и выкуп, и пленника, которого у них уже не было. Так что, поздравляю, в Тарии за твою голову назначена награда, мизерная, но дураков много.

— Это их мой побег из-под стражи так расстроил?

— Если бы. Тебе приписывают убийство хранителя Источника силы и похищение двоих неразумных отроков, учеников некоего Дамира. Это он, кстати, панику поднял из-за особо ценного ученичка, что сгинул в дебрях Багряного леса...

Показалось — или Рион чересчур глубоко вздохнул?

— И какой-то девки, то ли содержанки, то ли воспитанницы, я так и не понял, а они объяснить отказались. Темнят чаровники, как пить дать темнят.

— Меня больше другое волнует. — Вит побарабанил пальцами по столу. — Откуда они узнали, что хранитель Источника мертв? Ты когда был в Велиже?

— Да, почитай, дней пять назад.

— Еще и трех не прошло с тех пор, как он погиб, — задумчиво добавил Вит.

— Ну, может, им какое пророчество с пьяных глаз привиделось. — Мужчина развел руками. — Или у них там не один хранитель, а десяток, и ты еще кого-то зацепил ненароком. Но то, что хранитель мертв, они знали совершенно точно. Будешь смеяться, но я к этому Источнику силы больше ни ногой, гнильцой от него несет капитально, словно от болотного бочага.

— Надеюсь, и не придется.

— Вит, ты чего смурной такой? Что-то еще произошло?

— Да, — выдохнул чернокнижник, и в этом его «да» сквозило такое облегчение, словно до этого момента никто и никогда не спрашивал о

подобном, а он не мог рассказать. Или не хотел. — Сейчас сам все увидишь. Айка, хватит притворяться. Вставай.

Не люблю, когда меня ловят на подслушивании. Не то чтобы было стыдно, честно говоря, ни капельки, просто в следующий раз они точно поостерегутся говорить при мне, даже спящей.

— Айка, — снова позвал чернокнижник, — хватит притворяться, я знал, что ты не спишь, с того самого момента, как открыла глаза.

— Даже так? — В голосе его собеседника послышалось безмерное удивление.

— Айка, иди сюда, — повторил вириец и добавил: — Пожалуйста.

Ну как тут устоять? Я вздохнула, поднялась, постаралась руками разгладить мятую и несвежую одежду, хотя... Какая разница, что подумает обо мне этот незнакомец? Мы — сырые и убогие из Тарии — манерам не обучены.

Под пристальными взглядами мужчин подошла к столу. В тарелках еще оставалось мясо, а в кружках эль. Живот тут же заурчал от голода.

— Н-да, — констатировал незнакомец, я развела руками: что есть, то есть. — Отец тебя прийдет. И меня заодно. Так что выкуп можно тратить спокойно.

На этот раз Вит не стал возражать, лишь отвернулся, сделав вид, что разглядывает висящую на стене карту княжества, части Тарии и Озерного края. И это, признаться, насторожило меня куда больше. Я кожей почувствовала его отчаяние. Как и он мое пробуждение.

— Да что происходит, на самом-то деле? — спросила я. — Так трудно сказать?

— Ты даже не представляешь, насколько, — хрипло ответил чернокнижник.

— Тогда, может быть, вы? — Я повернулась к его собеседнику, высокому, очень массивному мужчине, про которого так и хотелось сказать «медведь». Такой же черноволосый, как и Вит, но, судя по лучикам морщинок вокруг глаз, более улыбчивый. — А то Витторн Ордианский в последние дни со мной в молчанку играет. — Я вздохнула. — И выигрывает.

— На это он мастер. — Мужчина почесал в затылке. — Рассказать-то несложно, только не уверен, что это должен сделать я.

— Расскажи ей, Киш, — разрешил Вит, чем, похоже, еще больше удивил собеседника. — Все равно узнает. Лучше уж от нас, чем от... — Чернокнижник не договорил, хотя я бы не отказалась узнать, к кому еще можно обратиться за сведениями.

— Ага. — Мужчина снова почесал затылок, на этот раз с куда меньшим энтузиазмом. — Вы у нас Айка, да? — Я утвердительно кивнула, и он счел нужным представиться: — А я Кишинт Мельский, преподаватель кафедры инакомыслия в Сем'э'Рьеле, мы с Витом вместе учились...

Кишинт? Где-то я уже слышала это имя. А не к нему ли посылал меня Вит, когда хотел, чтобы я сбежала из Велижа?

— Переходи к делу, — поторопил его чернокнижник.

— Ну, к делу так к делу. — Мужчина взял кружку с элем и отхлебнул, я снова принюхалась, желудок снова заурчал, на этот раз куда жалобнее. — Айка, вот вы девушка молодая, романтическая, поди, мечтаете о любви.

Честно говоря, я едва подавила желание почесаться. В данный момент я мечтала о теплой воде и куске вот того мяска, что сиротливо лежал на тарелке у Вита.

— И мне, наверное, стоит вас обрадовать...

Я с готовностью кивнула, уже примеряясь, как бы добраться до чужого ужина. Радость — это хорошо. Пусть радуется.

— Эта самая любовь вас уже настигла.

Я заморгала, честно говоря, в голосе Киша не хватало торжественности, самую капельку, ибо он больше походил на тот, которым моя бабка сказала пастуху, что того ждет скорый конец в ближайшую седмицу. Голос был замогильный.

— Э-э-э... — просила пояснить витиеватую мысль.

— Мы — носители темной крови, — припечатал Вит с таким видом, словно это все объясняло.

Воцарилось молчание, я переводила непонимающий взгляд с одного мужчины на другого, все чаще и чаще задерживаясь на тарелке с едой. За спиной Рион безуспешно пытался изобразить глубокий сон.

— Вы никогда не задумывались, почему носителей темной крови так мало? — спросил друг Вита.

— Потому, что им отрубают головы.

— Не только...

— Еще руки, ноги... Иногда топят, травят, режут, расчленяют, — принялась перечислять я.

— Да-да, — не оценил моих стараний мужчина. — Но есть еще одна причина, решающая.

— Знаю, их вечно тянет спасать мир, а это — дело гиблое.

— Отец тебя убьет. — Мужчина беспомощно посмотрел на Вита.

Рион чересчур громко вздохнул, видимо сочувствуя, но теперь о том, что он не спит, знала не только я, но и все остальные.

— Все гораздо проще, Айка, — пояснил чернокнижник. — Такие, как мы, могут иметь детей только от истинной пары, то есть от одного человека, будь то мужчина, женщина или зверушка. Иначе потомки дасу давно заполнили бы этот мир.

— То, что у вас в княжестве людей не хватает, я уже поняла. Скажите, каким образом это касается меня?

— А таким, что у тебя уже есть истинная пара, мужчина, которому ты можешь родить наследника, — смутился Киш.

А чего тут смущаться? Пусть о наследнике я пока не думала, но сама возможность — дело неплохое. Так ведь? Я вспомнила, как говорил об истинных парах притвор тот десятник в лесу, по крайней мере, им свойственна верность. Тогда отчего же так неприятно засосало внутри? Отчего же стало так холодно?

— Я вижу вашу связь как пучок невидимых нитей, что тянутся от... — словно извиняясь, торопливо добавил друг чернокнижника.

— Вот только этого научного бреда не надо, — скривился Вит. — Хватит юлить. Айка, я — твоя пара. А ты — моя. Все. Точка.

Я даже не сразу поняла. Слишком много всего они наговорили.

— Поясни, — все еще надеясь, что ослышалась, попросила я.

— Истинную пару не выбирают сознательно. — Вит опустил голову. — Считается, что мир делает это за нас, в целях... в целях...

— Продолжения рода, — пришел ему на помощь друг. — Не всякая сможет принести здоровое и сильное потомство чернокнижнику, оттого выбор происходит без нашего участия, стоит только встретить пару, и...

— И что? Эол бьет в колокол? Рэг дует в рог? Или тебе дасу письмо доставил, мол, поздравляю и все такое? Как это происходит? Почему я не знала? Откуда... — с каждым выдохнутым словом я словно чувствовала, как петля поводка, о котором упоминал солдат, все туже и туже затягивается на шее. Даже Рион перестал притворяться спящим и сел на своем тюфяке.

— Тихо! — вскочил из-за стола Вит. — Айка, тихо! Клянусь Рэгом, я не хотел, но когда ты потянула из меня силу...

— Это равнозначно предложению разделить не только магию, но и все остальное, — прокомментировал Киш. — Что возможно только между истинными парами.

— Я был удивлен. Рэг не даст соврать, напуган, но решил не отвечать, просто проигнорировать. — Чернокнижник закрыл лицо руками, а его друг покачал головой. — Но потом... когда дасу прорвался, когда я сам попросил у тебя магию и взял ее, выбора не осталось.

— То есть ты хочешь сказать, что сначала я сделала тебе предложение руки и сердца, а потом ты его принял?

— Примерно.

Я хотела что-то ответить, но вместо этого закашлялась, замотала головой, отступая и чувствуя, как воздух, всегда такой легкий и почти не осязаемый, вдруг стал тяжелым и затхлым, он с трудом проходил в горло. Истинная пара — какое красивое слово! О такой любви поют в балладах менестрели и слагают стихи поэты, а если подумать? Ведь это лишение. Я вспомнила поцелуй Дамира, уже поблекший в памяти и далекий. Но это был мой первый настоящий поцелуй. Меня лишили возможности выбирать! Это как... как увечье: если бы у тебя отрубили ногу и ты больше не имел возможности танцевать. Не то чтобы тебе этого сильно хотелось, но... Это то, что судьба отобрала у тебя. Это принуждение. Ничего не поделаться, но горький осадок остался. И дело даже не в Вите. Дело в самой невозможности выбора.

— Не хочу!

— Айка! — Чернокнижник вышел из-за стола, протянул мне руку.

— Не трогай, — попросила я, продолжая отступать. — Не сейчас, пожалуйста.

Рион вскочил на ноги. Где-то вдали тревожно зазвонил колокол на часовне.

— Послушай, это же дар богов! Вряд ли ты в своей Тарии с вельможами зналась. Не тебе отвергать Витторна, я бы даже сказал, наоборот... — Киш нахмурился.

Все так. Не мне. Не безродной Айке Озерной. Тогда отчего же так плохо? Отчего нечем дышать? Отчего же так хочется убежать куда глаза глядят? От чего или от кого?

За дверью раздались торопливые шаги. Сиплое дыхание и беспорядочный стук сердца я слышала даже сквозь стену.

— Откройте, ради Рэга, — забарабанили в дверь.

Киш в два шага преодолел расстояние до стены и распахнул створку. Судя по выражению его лица, вторжение не сулило визитеру ничего хорошего.

— Чего надо? — рявкнул Кишинт.

Я не сводила глаз с Вита, а он не сводил глаз с меня, словно восполнял то время, когда боялся даже повернуть голову в мою сторону. Хотел, но чувствовал, что не вправе.

— Прорыв дасу! Спаси нас боги! Прорыв дасу, бургомистр послал за вами, — затараторил испуганный паренек в криво сидящем шлеме, с

мечом, который ощутимо перевешивал и тянул его вправо.

— Дасу? Здесь? — воскликнул Киш.

— Слава Рэгу, нет. Восточнее, но бургомистр...

— Я понял, — прервал его Кишинт. — Вы ждите здесь, — сказал он нам, прежде чем выйти.

Напрасный труд, мы с Витом продолжали сверлить друг друга глазами, невзирая на очередное пришествие демона.

— И что, с этим ничего нельзя поделать? — спросила я. — Ну, принести жертву богам и попросить их забрать свой дар назад?

— Айка. — Вит устало потер глаза руками. — Клянусь Рэгом, тебя никто неволить не будет, ты в любой момент можешь уйти, забыть меня и все это как страшный сон.

— А если я захочу выйти замуж? Не за тебя, а за кого-то другого?

— Во-первых, я тебе еще ничего не предлагал, — неожиданно зло сказал чернокнижник. — А во-вторых, ты не захочешь.

— С чего бы это? Все же хотят, и я должна, — упрямо мотнула головой я.

— Э-э-э... Айка... Вит... — позвал Рион, но мы не обратили на него ни малейшего внимания.

— Не захочешь и я не захочу. — Вириец вдруг одним скользящим движением оказался рядом. — Это самое поганое в нашем даре. Или проклятии. — Он схватил меня за руку, рывком притянул к себе и добавил: — А это на память.

Я поняла, что сейчас он меня поцелует. И растерялась. Раньше это был наш выбор или, скорее, порыв. А сейчас я буду гадать, прикасается он ко мне по собственной воле, или наша «истинная любовь» принуждает его это делать.

Его губы приблизились к моим, и я сжалась. Вит горько усмехнулся и вдруг вместо поцелуя привлек меня к себе, заставил уткнуться носом в пахнущую костром и элем форму.

— Никакого принуждения. Даю слово. Тебе и себе. Либо ты придешь ко мне сама, либо — нет. А боги пусть идут к дасу. — Он все же коснулся губами моего лба, легонько, нежно, почти невесомо. Словно прощаясь. Кожу кольнуло теплом.

— Там Михея ведут, — сказал Рион, глядя в мутное окно.

Вит отстранился и, обхватив пальцами мой подбородок, заставил посмотреть ему в лицо. Усталое, словно припорошенное пылью, постаревшее, но знакомое до последней черточки. Мне нестерпимо захотелось дотронуться до небритой щеки.

— Я никогда не причиню тебе зла, помни об этом, что бы ни случилось.

Кивнув, я спрятала руки за спину, потому что коснуться усталого лица захотелось еще больше, просто чтобы стереть эти глубокие морщины.

Дверь распахнулась, в комнату буквально влетел Кули.

— Вы бы видели, там у целителя настоящий волшебный... — закричал он и замолк, видать, от переизбытка эмоций.

Следом в комнату ввели Михея. Он шел сам, хотя и опирался на не слишком довольную этим Оли. Мира поставила на стол холщевую сумку. Белую сорочку и потрепанный плащ Вита сменили крепкое, местами потертое домотканое платье и косынка. Ноги оставались босыми.

— Я вам тут снеди принесла. — Девушка стала выкладывать на стол печеную картошку, сыр, колбасу, головку лука, крынку сметаны.

Но аппетит уже улетучился.

— Как ты? — спросил Вит покачивающегося стрелка.

Тот попытался изобразить бодрость, но не преуспел в этом и лишь устало мотнул головой.

— Главное, что стоишь на своих двоих, — сказал чернокнижник, отходя к столу.

Мне вдруг стало холодно и захотелось немедленно шагнуть следом.

«Это все магия! — мысленно проговорила я. — Магия, дар богов или еще какая-то потусторонняя чушь. Это не по-настоящему».

— Там у целителя дерево растет, прямо в доме, с зеленой корой и такими лифтьями... — Паренек схватил со стола колбасу и откусил, не переставая говорить.

Оле тоже села за стол. Михей осторожно опустился на край лавки. Надо же, целитель и впрямь хорош. Рион по-прежнему стоял у окна.

— А ефе... ефе...

— Сначала прожуй, а потом говори, — сделала мальчишке замечание старшая сестра.

— А еще перед домом бургомистра клетка стоит, вот такенная! А в ней... кха... кха... — Парень подавился, Оле постучала ему по спине, но даже это движение вышло укоризненным.

Мира стала рассказывать, что на кухне корчмы на вертеле запекался целый кабан, а пьяный повар, оправдывая название постоянного двора, спал в углу, и кухарка тыкала в него кочергой. Надеюсь, холодной.

Я перестала прислушиваться и опустилась на тюфяк. Рион отрешенно смотрел на улицу. Михей молчал. Вит... Виту было плохо. Внутри него клубилось что-то едкое, колючее, оно пожирало его изнутри. Угрызения

совести? Но для него этот дар богов такая же неожиданность, как и для меня. В молчанку он больше не играл... Так почему ему так плохо? Хуже, чем мне...

Что с нами случилось? Помню, мы были такими же, как Оле и Мира, как Кули, что болтал без остановки. А теперь? Я вздохнула. То, что с нами случилось, называлось «жизнь».

Кишинт вернулся через полчаса, когда вся снедь была съедена, а разговоры закончились. Зашел, хлопнул дверью, сел на лавку и мрачно уставился на Оле. Та, не ожидавшая такого повышенного внимания, возмущенно проговорила что-то, подозрительно похожее на «шляются тут всякие, приличной девушке не присесть...»

— Дасу? — спросил Вит.

— Дасу, — подтвердил мужчина.

Оле стала торопливо сотворять знак Эола.

— Где?

— На две сотни совар^[24] восточнее. Малые Охапки. — Он стукнул кулаком по столу. — К слову сказать, не такие уж и маленькие, более сотни душ отправились к дасу.

Вит задумчиво посмотрел на карту.

— Дасу? Опять? — спросил Михей.

— Что значит опять? — поинтересовался Киш.

Вит, не отвечая, провел пальцем по карте.

«Ма-лы-е О-хап-ки» — медленно прочитала я.

— Да. Еще один прорвался два дня назад в Волотках, что у проклятого скита. — Он поднял палец чуть выше. — Мы как раз оттуда. Это, — не глядя, указал на стол, — все, кому удалось выжить.

— То есть у нас два демона сейчас расхаживают по Тарийской равнине? — вскочил Киш. Мира почему-то вскочила вместе с ним, Кули перепрыгнул через лавку и бросился к карте смотреть, что там чернокнижник интересного показывает. Я тоже поднялась, но бросаться не стала, мне и отсюда все было прекрасно видно.

— Три, — поправил Вит, и его палец опустился ниже, указывая на чащу Багряного леса, ближе к его южной части. — Там погиб мой отряд. При выверте. А я не смог их прикрыть. Никого. Не ожидал, да и силы не хватило.

— И ты не сказал? — наконец-то подал голос Рион.

— Кому?

— Да нам хотя бы.

— А вдруг это вы вызвали дасу? — покачал головой Вит.

— Это твое вжихнуло-бумкнуло? — уточнил Михей.

— Да. У Приорова хутора.

Так вот как он называется, тот хутор, на который кто-то повесил стяг, извещавший, что в селе проказа, вспомнила я. Стяг, которым победно трясли Лиска и Неман.

— Ты нам льстишь, — скривился бывший чаровник. — Тот-то всю дорогу меня неучем называл.

Я подошла и подняла маленький уголек, что выскочил из очага, но немного не докатился до деревянных досок пола и остыл, оставив на каменном фартуке черный отпечаток.

— Иногда наше первое впечатление бывает ошибочным. — Вит посмотрел на Риона.

— То есть у нас три демона на свободе? И один уже больше седмицы, но пока не устроил ни одной кровавой бойни? — уточнил Киш. — А вы ничего не путаете? Демоны — это не воспитанницы пансиона благородных девиц.

Я подошла к карте, и чернокнижник тут же отступил в сторону. Привстав на цыпочки, Кули глазел на кусок старой выделанной кожи, на которую кто-то нанес рисунок. Леса, поля, извилистые линии рек, одинокие домики, шпили часовен, пастбища и горы.

— Значит, у дасу есть более важные дела, чем принимать ванны из крови, — вздохнул Вит.

— Это какие же?

— Не знаю.

— Я знаю, — произнесла, поднимая руку, и коснулась угольком точки, что обозначала Малые Охапки. Провела линию от них к Волоткам. На пол посыпалась зола. Второй линией соединила Волотки с Приоровым хутором. И почувствовала, как Вит встал за моей спиной. — Один раз ты уже не смог смотреть, как я рисую этот знак. — Третья линия соединила хутор с Малыми Охапками, замкнув фигуру. — Знак вызова, — рука дрогнула. — Чтобы вызвать в наш мир дасу, в жертву приносили людей и выворачивали наизнанку села.

Мужчина положил поверх моей руки свою, такую теплую, сжал мои пальцы, и мы вместе нарисовали внутри угловатой фигуры круг.

— Теперь же, — хрипло сказал чернокнижник, глядя на тот самый рисунок, что я когда-то выводила палкой на земле, желая обозначить тела жертв. Только здесь вместо мертвецов были поселения, мертвые поселения, — они принесли в жертву целые села, чтобы вызвать... Кого?

— Кого-то покрупнее дасу, — шепотом ответил отнюдь не Киш, а

Рион. — Но вместе с этим они вывернут. — Парень посмотрел на центр круга.

— Велиж, — ответила я. — Его Источник силы.

— А заодно и половину равнины. Зацепит Тарию, Вирит и даже Озерный край, — высказался Киш и устало скомандовал: — Все к бургомистру. Живо!

Кули не соврал, перед домом бургомистра действительно стояла куполообразная клетка. Толстые железные прутья, грязная солома, запах нечистот, а в клетке — пленница. В рваном тряпье, еще более драном, чем мое. Голые, вымазанные землей ступни, бледная, почти белая кожа, бесцветные волосы. Тонкие пальцы с обломанными ногтями обхватывали согнутые колени. Она сидела, опустив голову, не реагируя ни на что, даже на очередной шлепок грязи, что прилетел от пробежавшего мимо уличного мальчишки. Кули пришел в полный восторг и, зачерпнув пригоршню, замахнулся... Оле поймала мой взгляд и испуганно схватила брата за руку. Комок грязи упал под ноги, мальчишка что-то возмущенно заговорил, но сестра потащила его дальше. Подальше от клетки и от меня.

Михей нахмурился и на несколько секунд замер, разглядывая не голые коленки пленницы, а массивный замок клетки. Рион остался равнодушным. Как и притвора.

— А что будет, если один из пары умрет? — спросила я Киша и увидела, как напряглись плечи Вита. — Что станет с живым?

— А что с ним станет? — Маг нахмурился. — Ничего.

— Но иногда вместо этого «ничего» оставшиеся в живых предпочитают смерть, — глухо добавил чернокнижник.

— И такое случается, — развел руками его друг. — Они теряют часть себя, и многие не видят смысла жить дальше.

— Почти как наши маги без силы, — вздохнула я и, повинувшись порыву, обернулась.

Сидевшая в клетке девушка подняла голову. Она смотрела прямо на меня, в глубине ее глаз были гнев, ярость, боль и... равнодушие ко всему остальному. Она знала, поняла я. Знала, что ее мужчина мертв, но пока еще не поняла, что делать с этим знанием.

«Не хочу быть на ее месте», — внезапно подумала я. И дело даже не в клетке, просто не хочу, и все.

— Почему она не сбежала? — Я поежилась. — Сами же говорили, что от притворы нет затвора.

— Обычного затвора нет, а этот искусники делали еще в незапамятные времена, — пояснил Киш. — Неужели не видишь?

Я не ответила, потому что не видела. Железо и железо, такое на каждой ярмарке есть, то волков для боев в клетках продают, тот убивцев на потеху толпе выставляют.

Бургомистру мы не понравились. А то, что рассказал Кишинт, не понравилось ему еще больше.

— Хватит, — остановил он мага и поочередно посмотрел на каждого из нас. На меня, на жмущихся к дверям кабинета Оле и Кули, на Миру, что-то сосредоточенно ищущую в сумке, на покачивающегося Михея, на Вита, на равнодушного Риона и даже на охранника, что имел неосторожность пустить нас в покои хозяина крепости. Надо сказать, у последнего хватило ума отвести глаза.

— Вы уверены в том, что говорите? — спросил бургомистр Киша.

— Да, — вместо него ответил чернокнижник.

— Значит, — глава города повернулся к карте, большой и подробной, не чета той, что висела на постоялом дворе и скорее защищала от сквозняков, чем что-то показывала. Бургомистр оказался невысоким лысым человечком с кустистыми черными бровями и громким голосом, одет он был в темный китель, из-под которого виднелись светлые пижамные штаны в полоску. — Но если они вывернут тарийский Велиж, шансов не будет ни у кого?

— Ну... — задумался Кишит, — Вирит, я думаю, устоит, не зря искусники камни для городских стен заговаривали. Но все, что севернее этой линии... — Маг подошел к карте и стал показывать, где пройдет выверт.

— Почему он думает, что Вирит устоит? — спросила я шепотом у Вита.

— Искусники! — повторил тот слова друга. — Они участвовали в строительстве столицы после того, как княжество разделилось... — Он посмотрел на меня и констатировал: — Ты не знаешь.

Я сморщила нос.

— Раньше, в очень далекие времена, наши государства были единым Виритарийским княжеством, а потом, когда демоны стали прорываться чаще и чаще, особо недовольные этим фактом ушли на запад искать спокойной жизни. Они окопались возле магических Источников и вырастили новое поколение магов, называющих себя «тарийцами». У них не был выбит резерв, как у наших магов после столкновения с дасу, он оставался целым, как в момент рождения, чем они невероятно гордились. Именно поэтому мы до сих пор не можем поделить земли и режем друг

друга почем зря. Ваши считают наши земли своими, а наши — наоборот, считают своими ваши земли, вот и воюют.

— А при чем здесь искусники?

— Искусники, — вздохнул Вит. — Искусники были единственными, помимо зеркальных магов, кто не боялся демонов и не зависел от магического резерва. Проще говоря, плевать они на всех хотели. Большинство осталось в Вирите и участвовало в строительстве столицы, такой, чтобы ни одному демону оказалась не по зубам, но кое-кто ушел на восток, к тарийцам. И сгинул.

— Почему? — удивился внимательно слушавший нас Михей.

— Да потому что не любят ваши земляки тех, кого не могут контролировать, — неожиданно громко ответил за чернокнижника Киш. — А маг, который не зависит от Источника или благоволения сильных мира сего, всегда вызывает опасения. Так искусники в Тарии и перевелись, вымерли, как одноухие зайцы.

— Вы же не хотите сказать... — начал молчавший до этого Рион.

— Хочу, — перебил его Кишинт. — Их перебили. Последние сгинули лет пятьдесят назад. Тихие монахи-отшельники, занимались своими манускриптами и свитками. Старики, которых еще не прибрал Рэг. Что уж там, в старом скиту, случилось, не ведомо, но говорят, их как-то нашли мертвыми, всех десятерых разом.

— Мм... — я в замешательстве посмотрела на Вита. Конечно, у нас в Тарии старых развалившихся скитов тьма-тьмущая, а никому не нужных стариков в них еще больше. Но что-то подсказывало мне — звериное чутье или врожденное недоверие — что таких совпадений не бывает. — Это не те ли, которых сначала самих вывернули наизнанку, а следом за ними Источник силы? — Я вспомнила, что рассказывал Казум о заброшенном ските, там тоже было десять служителей. Вит утвердительно закрыл глаза.

— Все это занимательно, но неучей вы в Сем'э'Рьеле просвещать будете. Уважаемый, скажите мне, что мы можем сделать? — перебил мага бургомистр, выделив голосом слово «мы».

— Не дать им вывернуть Велиж, не дать призвать того... да кого бы то ни было, — ответил Вит.

— Штурм Велижа? Владыка меня на завтрак съест, и правильно сделает. Да и гарнизон тут невелик, не с такими силами вести войну. — Бургомистр снова повернулся к карте.

— Мы и не просим вас воевать. — Чернокнижник посмотрел на Киша, тот кивнул. — Мы пойдем в Велиж и, если успеем, остановим выверт. Во всяком случае, попробуем.

— Уверены? — нахмурился бургомистр. — Уж очень все неправдоподобно звучит. Маги, которые хотят лишиться Источника... Демоны, которые не убивают...

— Готов поспорить, они вселились в людей, — вставил Киш. — А таких не обнаружишь, пока они сами этого не захотят.

— Мы уверены, — ответит Вит.

— Хорошо, главное, потом перед владыкой не растеряйте эту уверенность. Повторяю вопрос, что могу сделать я?

— Дать хотя бы пяток сопровождающих, под мою ответственность, — сказал Вит.

— Хорошо. Что-то еще?

— И вашу пленницу.

— Не понял.

— Господин Илионский, у вас перед домом стоит клетка, в клетке сидит пленница. Она мне нужна.

— Нет. — Бургомистр как-то неестественно дернул шейю. — Она опасна. Это — дикий зверь, а не постельная игрушка.

— Я знаю. — Вит поднял руку, останавливая дальнейшие возражения. — Вы сами сказали, что сил штурмовать Велиж у нас нет. А еще у нас нет времени, выверт может начаться в любую минуту. Надо попасть в город магов как можно быстрее. Притвора минует любые замки и затворы, пройдет самой короткой дорогой и проведет с собой нас.

— Если захочет, — нахмурился бургомистр.

— Захочет, — твердо сказал чернокнижник.

— Пф, — издал странный звук мужчина и пояснил: — Знаете, послать с вами полгарнизона было бы проще. И дешевле. Я уже продал эту тварь в восточную провинцию, завтра за ней прибудет обоз.

— Киш, — позвал Вит, протягивая руку.

— Рэг, — выругался тот. — Высокий лорд точно мне голову снимет.

— Не снимет. — На руку чернокнижника упал небольшой сафьяновый мешочек, я однажды такой на ярмарке видела. Меняла в него жемчужины складывал, а взамен выдавал новенькие блестящие монетки. — Этого хватит, чтобы покрыть ваши издержки. — Вит подал кошель мужчине.

Выкуп, я вспомнила разговор магов. Выкуп, который Кишинт должен был заплатить тарийцам за Витторна.

Бургомистр взвесил мешочек, не стал изображать из себя приспешника Эола и быстро убрал в ящик.

— Забирайте. — Мужчина выложил на стол массивный железный ключ. — Но если она отгрызет вам носы, не вздумайте жаловаться на меня

Рэгу. — Бургомистр устало опустился на стул и взялся за перо. — Отправлю весточку в Вирит, надеюсь, голубь быстрее дасу или кого вы там с минуты на минуту ожидаете.

— Нет, не быстрее, — ответил чернокнижник. — Но вряд ли ему будет дело до птицы.

— Ой, а можно и мне? — подняла голову Мира. — Весточку дядьке в Козлинки отправить? Батюшкин брат за себя тамошнюю вдовицу взял и хозяйство немалое, так там и остался, мне ведь теперь к нему надо... — пояснила она, покраснела и с отчаянием добавила: — Я заплачу, у меня деньги есть. — Девушка снова нырнула в сумку и, вытащив серебряный дин, с гордостью показала присутствующим. Ну вдруг они такой красоты раньше не видели?

Бургомистр поднял кустистые брови.

— Думаешь, можно с голубем договориться, чтобы он перед Виритом в твои Козлинки залетел? — не удержалась я от вопроса, а Вит нахмурился.

— Ой, — девушка опустила руку, — нет, я это... это...

— И откуда у некоторых тока такие деньжищи берутся, — тихо, но вполне отчетливо произнесла Оле. — В одном исподнем из Волотков вытащили.

— Так это. — Девушка посмотрела на Оле, потом на Риона, на Михея и покраснела еще больше. — Меня мать всегда учила, что деньги надо держать при себе, а то, случись пожар, как у кузнеца нашего, так без ничего и останешься. К рубахам, — девушка стала малиновой, — кармашки подшила да по монетке выдала, как знала, что беда в дверь постучится.

— Проводи, — устало махнул рукой бургомистр солдату.

— Спасибо, господин, — затараторила Мира. — Не забуду я вашей доброты, в часовне Эола каждый день поминать буду и молиться о здравии. — Она выскочила из комнаты вслед за солдатом.

— Ну раз мы все решили, — резюмировал бургомистр.

— Да, — пожал ему руку Кишинт, — мы с Витторном идем собираться, а остальные пусть пока поживут на постоялом дворе.

— Я им рекомендательные письма оставлю, а вы засвидетельствуете, — добавил Вит. — Чтобы могли, если что, к моему отцу обратиться.

Странно, но в том, что сказал чернокнижник, меня больше всего заинтересовали слова «если что». Что значит «если что»? Если Вит не сможет обратиться к нему сам? А почему? Потому что мертвые редко к кому-либо обращаются?

— Нет, — неожиданно отрезал бургомистр.

— Вы не хотите засвидетельствовать подлинность писем? — растерялся Киш.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь из них оставался в моем городе. — Мужчина встал. — Вы сами сказали, есть вероятность, что дасу вселился в человека. Можете сказать, в какого именно человека?

— Нет.

— Тогда мне здесь чужаки не нужны. Если уходите вы, то забирайте, и девок своих, и всех остальных тоже. Это не обсуждается.

— Неужели вы думаете, что дасу вселяется в человека в зависимости от того, знаете вы его или нет? Да это может быть любой, ваша жена, ваша кухарка, ее восьмилетний сын...

— Или, что более вероятно, этот пацан из мертвой деревни, в которую уже прорвался дасу, — указал на Кули бургомистр. Оли ойкнула, а парнишка стал с восторгом ощупывать себя на предмет вселения демона. — Просьба в обмен на просьбу. Я выполняю вашу, а вы выполняете мою. Так мы договорились или нет?

— Договорились. Мы уйдем к вечеру, — глухо сказал Вит и первым покинул кабинет.

Клетка стояла на прежнем месте. Стоило выйти из двойных резных дверей дома бургомистра, как я снова встретилась взглядом с прозрачными глазами притворы. Она сидела в той же позе и все так же смотрела. Молча, но от этого молчания хотелось зарычать.

— Может быть и хорошо, что господин так решил, — заговорил Михей, останавливаясь.

— Ага, — ответил Киш, — и чего же в этом хорошего? Знаешь, сколько до ближайшего города?

— Нет, господин маг, не знаю. Да и незачем мне, я с вами пойду. — Стрелок привычным движением потянулся за спину, где всегда висело оружие, но пальцы сомкнулись на пустом месте: арбалет остался на постоялом дворе.

— И я, — тихо сказал Рион.

— Зачем? — не понял маг. — Так бы сидели в тепле и уюте, а теперь придется снова по лесам шастать.

— А вам-то что до нашего тепла и уюта, уважаемый? — Рион скрестил руки на груди и прислонился к стене дома. — Вы кто? Кудесник? Вот и чаруйте себе потихоньку, а мы как-нибудь сами.

— Витторн, ты кого мне притащил? Я думал, они учиться приехали,

искусник и...

— Я бы на твоём месте не грубил будущему преподавателю. — Вит сделал первый шаг к клетке, пленница медленно повернула голову к черно книжнику.

— Ты не забыл, — горько спросил Рион, — что меня вывертом приложило? Нет у меня больше резерва. Треснул, сила в нём не держится, вытекает, как вода из дырявого кувшина.

— Мальчишка. Самоуверенный. Злой. Мне нравится. На кафедру черно книжников определяю.

— Рад за вас, — ещё злее сказал бывший чаровник.

— А меня? — влез Кули. — Тоже в черно книжники хочу.

Оли, охнув, зажала парню рот рукой.

— Ты на нас-то посмотри! — ласково, даже чересчур ласково, попросил Риона Киш, не обращая внимания на вырывающегося из объятий сестры парня, на девушку, увещевавшую его шепотом. — У кого здесь резерв целый-то? Или забыл, чем наша магия отличается от вашей? Да если бы мы отказывались от каждого мага, что попал под выверт, искусники давно бы перевелись. Это вы, тарийцы, с жиру беситесь, а мы здесь испокон веков с дасу сталкиваемся, не осталось у нас чистых магов. — Мужчина развел громадными ручищами.

Я смотрела на притвору. Она не сводила взгляда с Вита и пока он шел, и пока медленно доставал ключ. Рион молчал, пытаюсь осознать то, что было известно с самого начала. У вирийца, что прошел с нами почти половину Тарии, не было такого резерва, как у чаровника. Его магия заключалась не в том, чтобы накопить силу, а в том, чтобы пропустить сквозь себя, как сквозь дырявый сосуд.

— Вот те на, — крикнул Михей и совершенно искренне воскликнул: — Здорово! Рион, ты слышал? Ты сможешь снова стать магом!

Рион слышал. И молчал. Но это молчание отличалось от молчания притворы, как небо и земля. Парень качнулся, отходя от стены, неуверенно оглянулся и захлопал глазами, словно просыпался от плохого долгого сна, все ещё не веря, что кошмар закончился. Рион хотел поверить. Рион очень боялся поверить.

— Станет, станет, если не будет грубить старшим. И лезть во всякие гиблые места вроде Велижа.

— Я... — Голос бывшего чаровника сорвался, он прокашлялся и повторил: — Я...

На этом красноречие оставило парня.

— Ага, — согласился неизвестно с чем стрелок и упрямо добавил: —

Тока я все равно пойду, господин преподаватель, хоть тресни, а пойду.

Вит несколько секунд постоял вплотную к клетке, а потом обхватил руками толстые грязные прутья, придвинул к ним лицо. Притвора не шевельнулась. Я прижала уши к голове. Нужно было немедленно оттащить его оттуда.

— Почему? — с интересом переспросил Киш. Его, кажется, совсем не волновало, куда сунул башку Вит. Это никого не волновало, кроме меня. Я вдохнула и выдохнула. А с какой стати это беспокоит меня? Уж кто-кто, а чернокнижник может за себя постоять. Что со мной? Наша связь так действует? Или я просто поесть забыла перед выходом?

— Потому что, господин преподаватель, эти злыдни хотели мои Хотьки вывернуть, прям со всем честным людом. Не по-человечески это. Неправильно. Я иду, — сказал Михей тем самым тоном, которым когда-то разговаривал с Рионом, отказываясь возвращаться домой.

— Да будет ли от тебя толк? Нам обуза не нужна. Ты — необученный искусник, что ты умеешь?

— Я, — задумался стрелок и поскреб макушку, видимо, чтобы думалось легче, потом, просветлев, ответил: — Создавать накопители. Вон господин кудесник подтвердит.

Господин кудесник неопределенно дернул головой и показал притворе ключ от клетки. Я все-таки сделала шаг вперед, не могла оставаться на месте.

— И потом, — Михей снова схватил пустоту за плечами, — у меня есть волшебный арбалет.

— Не тратьте слова. Он все равно пойдет, — вдруг отмер Рион. — Как и я.

— А ты зачем? — Казалось, Кишу и в самом деле интересно. — Умереть можно проще, быстрее и безболезненнее. Учитель убьет тебя, как только узнает, что ты намылился в чернокнижники.

— Нет. Дамир не такой. Но даже если... — Будущий чернокнижник смешался. — Даже если так, я не могу просто взять и исчезнуть. Учитель меня из Белой Подгорицы вытащил, кормил, поил, учил, а теперь, когда, возможно, ему и другим магам Велижа нужна помощь, мы спрячемся и переждем бурю на постоялом дворе? Михей верно заметил, не по-человечески это. Мы идем. Я не могу колдовать, но...

— А я могу. Усыпить вас, что ли, до нового учебного года? — Киш повернулся к клетке. — Повторяю свой вопрос: ты кого мне притащил?

— Оставь их, — ответил Вит и заговорил уже с притворой: — Хочешь выйти? — Он качнул ключом, Кули вырвался из рук сестры и тоже подошел

к клетке. — Да или нет?

Пленница продолжала не моргая смотреть на черно книжника.

— Я открою клетку, — тот вставил ключ в замок, — и ты уйдешь.

— Что? — не понял Кишинт. — Как это уйдет?

— Ножками, — огрызнулся Вит и повернул ключ. Замок натужно заскрипел. — У меня нет ни малейшего желания водить ее на поводке и надевать на ночь намордник. Либо она поможет нам по собственной воле, либо пусть уходит.

— И вот за это мы отдали треть выкупа в драгоценных камнях? Я начинаю подозревать, что, прогулявшись по Тарии, ты повредился умом, друг мой.

— Но если она поможет... — Не слушая друга, черно книжник распахнул дверь клетки. — Нам нужно в Велиж. Уверен, ты знаешь, что это и где. Притворы вовсе не звери. Если проведешь нас за городские стены кратчайшим путем, проси все, что хочешь. Нужны деньги — получишь. Нужна жизнь — пожалуйста, в моих землях ты будешь приравнена к людям и сможешь жить по закону в свое удовольствие. А хочешь служить, могу определить тебя на должно...

Притвора оказалась быстрой. Я зашипела за миг до того, как она прыгнула. За миг до того, как сама бросилась к клетке, скаля клыки.

Но если бы она хотела ободрать Виту лицо, уже ободрала бы.

— Говоришь, все, чего захочу, человек? — Голос пленницы оказался глухим и шипящим. Я вцепилась Виту в плечо, но он даже не шелохнулся. — Я проведу вас в город силы, тебя и тех, кто с тобой, а взамен ты отдашь мне тех, кто убил идущего-рядом-со-мною. Отдашь и не будешь мешать, когда я вспорю им животы и заставлю сожрать собственные кишки. Клянись! Клянись своей тьмой!

— Нет! — сказали я и Киш одновременно.

Не знаю, о чем думал маг, а у меня перед глазами пронеслась картинка — как после удара Вита у мужчины краснеет и расползается кожа. Один из убийц стоял сейчас перед клеткой и заключал сделку, продавая собственную жизнь.

— Клянусь тьмой, — сказал черно книжник, поднимая руку, и на ладони тут же вспыхнул язычок черного пламени.

Клятва принята! Эол, помоги всем нам.

Притвора наклонила голову, внимательно наблюдая, как огонек в руке Вита гаснет, а потом вышла из клетки.

— Монне нужно что-то еще? — издевательски спросил Киш. — Золотое ожерелье? Парчовый наряд? Парадный выезд?

— А это зависит от того, замуж вы меня берете или в проводники, — глухо ответила бывшая пленница. — Если в проводники, обойдемся без парчи, устроят любая чистая одежда, горячая вода, и еда тоже не помешала бы.

Мой живот согласно заурчал. Видимо, я все-таки не человек, потому что, несмотря ни на что есть вдруг захотелось зверски.

Уходили во время вечерней службы, под перезвон колокольчиков и тихий шепот молитв Рэгу. Я бы посмеялась, но зарядил мелкий колючий дождь, и настроение почему-то испортилось окончательно. Все молчали, словно собрались ехать на погребение, и никто не решался первым нарушить скорбную тишину.

Оседланные лошади ждали у южных ворот, у тех, через которые мы въехали. Мира проверяла собранные сумки, Михей в десятый раз заряжал и разряжал арбалет и как будто боялся выпустить оружие из рук. Рион сосредоточенно что-то шептал, а потом щелкал пальцами. Это упражнение показал ему Киш. По мне, так все, что можно наупражнять таким образом, это руку, чтобы разносчицу в кабаке подзывать. Но чернокнижникам, конечно, виднее.

— Кули, не вертись, — немного нервозно сказала Оле и, поймав мой вопросительный взгляд, пояснила: — Мы с вами до Рузовок дойдем, пусть рыбацкая деревушка, а все же своя, тарийская, не то что этот противный Эолу Полесец. — Она сотворила отвращающий знак.

— Ой, а я с вами почти до Велижу дойду, можно? — Мира посмотрела на Михея. — А уж там и до Козлинок рукой подать, авось дядька и жинка его не откажут от дома.

Как захрустел под ногами гравий, я услышала на добрую минуту раньше остальных, разве что Кули в тот момент повернулся к высокой арке, стараясь не обращать внимания на увещевания сестры.

Первым, кого я увидела, оказался седовласый Рэйвен в полном боевом облачении и черном плаще. Обычном черном плаще без характерного для этих ребят креста Вирита на спине. Стало быть, едем как зеваки и просто любопытствующие, а княжество тут и вовсе ни при чем. Ну мало ли, ярмарка какая в Велиже или торжественный вызов демона, куда приглашаются все желающие. Торговцы будут предлагать всем пирожки с летучими мышами и свежееотрубленные кроличьи лапки, приносящие удачу, а могильщики разыгрывать места на местном погосте. Торговки станут шептать на ухо, что у них имеется самый что ни на есть действенный способ приворота дасу, а маги предлагать всем дарственную

на чужие грехи, ибо без весомых грехов к демону не пускают...

Я была первой, кого увидел капрал. Мы оба не пришли в восторг от встречи. Следом шел солдат с фингалом под глазом. Тиш, кажется. Именно его меч я успела рассмотреть во всех подробностях. За ними следовал молчаливый лучник с полным колчаном стрел, еще два воина весело перебрасывались словами, в основном о пиве, бабах и жене того, который повыше. Все, что осталось от некогда полного десятка. Пятерка, убившая идущего-рядом. Замыкали отряд Киш с хмурым Витом.

«Все правильно, чернокнижник, — мысленно сказала я, — расплачиваться своей жизнью — это хреново, а чужой в три раза хреннее. Хотя кому как, Лиска вон живет и здравствует».

— Давайте, господа кудесники, поторопимся, — громко сказал Рейвен, хватая за повод серого коня в яблоках. — До Велижа путь неблизкий, проедем до темноты сколько успеем, хотя, видит Рэг, я против ночного выезда, но раз уж...

— Мы будем в городе от силы к утру, — прервал его глухой голос.

Вздрыгнули все, даже я. Притворе удалось застать врасплох и солдат, и чернокнижника, и даже востроухого Кули. Отмытая, в чистой одежде, с забранными бесцветными волосами, женщина со спины вполне могла сойти за подростка. Впрочем, как и я.

— Брешет, тварь, — сплюнул высокий солдат, вынимая меч — тот самый, что отрубил голову мужчине пленницы. — Рэгом клянусь, брешет.

— Уймись, Грээ, — спокойно скомандовал капрал и выжидающе посмотрел на Вита.

Все ясно без слов, пусть Рэйвен и командует солдатами, но отряд возглавляет чернокнижник.

— К утру, значит, к утру, — ответил Вит. — Веди, но помни, все должны дойти до города живыми и невредимыми.

— Дойдут. — Притвора отошла от стены, посмотрела на Михея с арбалетом, на миг ее глаза сузились, потом провела рукой по боку Облачка и легкой походкой направилась к городским воротам. — Все, кроме лошадей.

— Что? — На этот раз возмутился Кишинт, привязывавший к седлу сумку, в которой что-то звякало. — Она издевается?

— Нет, кудесник, не издеваюсь. — Пленница обернулась — простая девушка в домотканой одежде, у которой нет лишнего медяка на косынку. — Тропы, которыми мы пойдем, не для живых. Они и не для людей, но вы сможете по ним пройти, если будете меня слушать, а лошади — нет. Выбирайте.

— Эх... — К моему удивлению, Рэйвен спешился первым, снял седельную сумку и, свистнув мальчишке-конюху, распорядился: — Чтобы как следует смотрел. Приеду проверю.

— Ну что вы, дядька Рей, — пробормотал тот, уводя гнедого.

Солдаты нехотя последовали его примеру, что-то прошептал на ухо мерину Михей, Рион потрепал свою кобылу по шее, я, перед тем как передать повод пацану из конюшни, погладила доверчиво льнущую к ладони губами Облачко. Что ж, во всяком случае, хоть они останутся в тепле и уюте, вряд ли бургомистр подумает, что в них может вселиться дасу.

— Рей, — тихо позвал капрала Тиш, — может, ну его? Зачем нам все это? Я по буеракам за тварью таскаться не нанимался, еще заведет в трясину.

— Отставить, солдат. У меня приказ бургомистра. Хочешь оспорить, иди к нему, сразу звания лишат, ибо у нас в княжестве приказы не обсуждают. Прикажут, ты не только по буеракам, ты еще и по отхожим ямам лазать будешь. Ясно?

— Ясно, — хмуро сказал воин и зло сплюнул.

— А как же Рузовки? — растерянно спросила Оли. — Мне что же, одной идти? Или с вами до Велижу? Как же так? — Она переводила растерянный взгляд с одного лица на другое, но, увы, никто не торопился спасти попавшую в беду девушку. К вящей радости Кули, который уже дергал сестру и упрашивал идти вместе с солдатами.

— Как тебя звать? — догадался поинтересоваться у притворы Кишинт, выходящий за ворота и тащивший на плече позвякивающую сумку.

— Называй тварью, — не оборачиваясь, ответила притвора.

Молчаливый лучник крикнул, но ничего не сказал.

Я шла последней и вдруг задумалась: а почему ни один из них не предложил остаться мне? У Оле, Кули, Миры и даже Риона с Михеем был выбор, и они его сделали. А я? Почему мое участие в походе даже не обсуждалось?

Глава 10

ПО СЛЕДАМ НЕЧИСТИ

Лес был... обычным. Мы шли уже третий час, а отличий от той чащи, в которой плутали две последние недели, я не нашла.

— Айка, не отставай, хватит головой вертеть, — оглянулся Вит, его голос прозвучал будто издалека.

Я в очередной раз покрепче перехватила наплечную сумку и бросилась по тропе вперед. И в самом деле умудрилась отстать, всего лишь замедлив шаг.

— Оставь ее, если она и изменит путь, то выживет. В отличие от тебя, — хрипло проговорила притвора.

— Сказала тварь твари, — прошептал Тиш.

— Не отставать, — скомандовал Рэйвен, положив конец разговорам.

Вит пропустил меня вперед, и чувство отдаленности тут же исчезло. Шли друг за другом, след в след. Солнце давно село, ночной сумрак подкрадывался из-за каждого куста, легонько трогал за ноги и заглядывал в лицо, от клубящейся в нем темноты все торопливо отводили глаза, словно дети, старающиеся не заглядывать под кровать, где может спрятаться базага.

Тот лес, да не совсем тот.

Вот стал смотреть себе под ноги Рион, тихо зашептал слова детской песенки Михей, Вит, молчаливо поторапливая, почти наступал на пятки. Кто-то из идущих впереди солдат тихо вскрикнул, Кули указал пальцем куда-то во тьму, но Оле потащила его дальше, торопливо шепча молитву Эолу, что странным образом казалась созвучной песенке Михея.

Я наткнулась на шедшую впереди Миру. Девушка остановилась, пытаюсь разглядеть что-то впереди, там, где как раз матерился один из солдат. Там, где замерла на тропе притвора с поднятой рукой, призывая к тишине.

— Дай ты ей по башке, — предложил шедшему следом за проводницей лучнику Грес. Зашелестело вынимаемое оружие.

— Да, дай, — не стала протестовать притвора. — И останешься без своей. Впереди перекрестье.

Стоявший рядом с Рэйвеном Киш присвистнул.

— Рановато, но... — не договорив, женщина указала рукой в сторону:

— Придется переждать! — и первая сошла с тропы в заросли желтоватого кустарника, так похожего на волчью ягоду, что росла вокруг Солодков.

— А если мы не хотим? — спросил один из воинов, кажется, Орир, тот, что нес в Полесец отрубленную голову.

— Неволить не стану, вступайте на перекресток, и пусть каждый идет своей дорогой, — пожала она плечами.

— Шагом марш за твар... проводницей, солдат, — скомандовал Рэйвен и пробормотал: — Словно дети малые, ей-богу.

Притвора молча опустила на ковер из еловых иголок и мха. Она не смотрела ни на кого, только прямо перед собой.

— И что теперь? — спросил Рион.

— Ждем, — ответила женщина.

— Чего? Пока нас съедят? — Оле нервно оглядывалась, а я не ощущала никакой опасности.

Ночной лес был наполнен звуками, влажными шорохами, глухими скрипами. Живой лес, не мертвый. Почему все так дергаются?

— Наш путь пересекся с другим, — как о чем-то само собой разумеющемся, сказала притвора. — Теперь надо ждать, когда они пройдут мимо и перекресток исчезнет.

— Они? — спросила Мира.

— Перекресток? — одновременно с девушкой удивился вслух Михей.

— Привал, — скомандовал капрал, и солдаты опустили сумки на землю. Киш тяжело дышал.

Женщина закрыла глаза и больше ничего не сказала. Ей не было никакого дела до чужого невежества или переживаний. Мне по большому счету тоже.

Воцарилась тишина, немного настороженная, немного неловкая. Вот лучник отвел взгляд от притворы, Рэйвен крякнул и бросил сумку на землю. Михей потоптался на месте, словно не зная, что ему делать, и сел рядом с кустом. Рион поднял руку, чтобы повторить упражнение, и тут же опустил.

— А вы знаете, у моего дядьки в Козлинках корова каждую осень телится и таких замечательных телят приносит, — нарушила затянувшуюся тишину Мира.

— Да, давайте о корове ее дядьки поговорим, — неожиданно зло ответила Оле. — Давайте об урожае тыквы или...

— А я хочу узнать про перекрестье, — неожиданно сказал Рион и посмотрел на проводницу, которая все так же неподвижно сидела на мху, ничем не показывая, что слышит парня.

— Да, вот только разговоров о всяких там... всяких там... — Оле никак не могла найти правильного слова. — Всяких ужастей нам и не хватает, — чуть не плача, закончила она. — И зачем я только с вами пошла? Надо было на тракт, пусть далече, но не страшнее, чем здесь.

— Да, давайте поговорим, почему ты с нами пошла, — согласился Вит, пристально глядя на молодую женщину.

Один из солдат крякнул и что-то зашептал на ухо другому, остальные молчали. Помню, у нас в Солодках мешок с мукой пропал, в аккурат тот, что для сборщика податей приготовили. И по всему выходило, что вор кто-то из своих, поскольку чужому невдомек, где этот мешок хранился. Да и не успел бы пришлый уйти, только перепрятать. Вот тогда селяне, те, что вместе посвящали Эолу детей, пели песни на свадьбах и плакали на похоронах — так же смотрели друг на друга. С недоверием и подозрением, словно абсолютно чужие.

А мешок потом на мельнице нашелся, его просто Ланька с Гунькой на телегу погрузить забыли. Ох и огребли они от старосты!

Оле закрыла лицо руками и расплакалась. Кули, обычно старавшийся убежать подальше от сестры, стал ее утешать, волком поглядывая на Вита. Полагаю, чернокнижника уже разжаловали из героев.

— Впереди перекресток, — неожиданно заговорил Киш, взламывая настороженную тишину, как лодочник по весне взламывает суковатой палкой подтаявший лед на реке. — Да не простой...

— Мы уж поняли, господин маг, чай, не дурнее остальных. — Орир толкнул локтем лучника, но тот молча смотрел на мага. — Костер хоть развести можно?

Кишинт посмотрел на притвору. Та едва заметно кивнула. Солдат скривился, но все же полез в сумку за огнивом.

— Дороги разные бывают. Мы ходим по каменным мостовым или по лесным просекам, мертвые находят свой путь к Эолу или Рэгу, а дасу... Дасу идут своими тропами, и вряд ли кто-то из ныне живущих способен рассказать — какими. Но иногда эти пути пересекаются. А иногда их пересекают специально.

— Это когда вызывают демона? — спросил Рион.

— Да, — заговорил Вит, тоже опускаясь на сухую землю и прислоняясь спиной к шершавому еловому стволу. — Его приводят в этот мир за ручку. Сначала вылезает та тварь, что вы видели в Волотках. Проводник. Он — что-то вроде тарана, пробивающего ворота крепости. А потом уже и демон заглядывает, раз уж крепость открыта.

Солдаты стали тихо переговариваться, почти не слушая Вита, Киш

вытянулся на мху и закрыл глаза, Кули сел рядом со всхлипывающей сестрой, Оле комкала в руках платок, Мира протянула Михею кусок вяленого мяса. В животе снова заурчало, и хотя ели совсем недавно, я бы тоже не отказалась от кусочка.

— На самом деле тропы живых и мертвых пересекаются постоянно, просто мы не можем ступить на них. Лишь иногда та или иная крестьянка или благородная леди завизжит или упадет в обморок. А потом голосом умирающей поведает всем, что видела давно почившую прабабку, та смотрела с печалью и грозила пальцем, не веля продавать фамильное кольцо, ну или старую корову, — пробормотал Кишинт, натягивая на глаза капюшон, словно собирался вздремнуть. — Это часть нашей жизни. Человек не может ступить с живого пути на мертвый, пока не умрет, поэтому эти перекрестки безвредны. Можешь не читать молитвы, девочка. — Он взмахнул рукой, указывая на Оле. — В этой темноте много всего, но пока там нет ничего смертельного.

— Так почему же мы сидим здесь, а не идем вперед? — поднял голову вроде бы не прислушивавшийся к беседе капрал. — Вы сказали, что торопитесь, или я не прав?

— Правы, — ответил Вит и посмотрел на молчаливую притвору.

— Это все из-за нее, да? — правильно истолковал его взгляд Рэйвен. — Мы не можем ступить, но она может? Так?

— Так, — ответил Вит.

— Вы знаете, отчего притвор прозвали притворами? — перебил его Кишинт, продолжавший лежать на мху.

— Потому что они только притворяются людьми. Звери, вставшие на задние лапы и спрятавшие клыки, — ответил солдат с уже успевшим пожелтеть фингалом. Сидевший рядом с ним Михей невозмутимо провел рукой по арбалету.

— Спрошу по-другому, — не стал спорить маг. — Вы знаете, как и когда их так прозвали?

Ответом ему было молчание, даже Рион замер в ожидании продолжения, так и не взяв у Миры кусок мяса.

— Притворами прозвали людей, которые помогали демонам.

— Не было такого никогда! — вскочил высокий Грес, а я вдруг поняла, что он станет первой жертвой притворы, которая вела нас в Велиж. Ведь смертельный удар ее мужчине нанес именно он.

— Было, — добродушно ответил Киш, и хоть его лица я не видела, готова была поспорить, что мужчина улыбается. — Всегда найдутся те, кто недоволен своей жизнью. Те, кому всего мало: денег, женщин, власти,

силы, коров, лыка для лаптей или самогона, в конце концов. Их алчность для демона, что свет огня для мотылька. Дасу ведь может многое дать и многое взять взамен. Таких людей, что предавали своих во имя жадности, и прозвали притворами. Это, — он не глядя указал на сидящую в стороне притвору, — их потомки.

— Легенды гласят, что, помогая демону, люди менялись, — добавил Вит. — Становились немного иными. Они получали желаемое — деньги, власть или лыко для лаптей, проводили ритуалы вызова дасу и приносили жертвы. Внешне они оставались людьми, а внутренне становились кем-то вроде проводников демонов. Они служили дасу и делались нечистыми. Нечистью.

— Не ты ли говорил, что в тебе, во мне, да и во всех магах есть темная кровь? — спросил Рион.

— Есть, — не стал отнекиваться чернокнижник. — Во мне, в тебе и в Кише течет кровь демона, донельзя разбавленная, но все же.

— Так в чем разница между ней и тобой? — снова спросил бывший чаровник.

— Разница в том, что мои предки не служили дасу.

— Они с ним спаривались, — ответила вдруг притвора и вскочила на ноги.

— Да, если демон вселится в человека, он вполне может...

— Я думаю, они поняли, — прервала Вита проводница и скомандовала: — Тушите костер, пути разъединились, мы можем идти дальше.

Я торопливо встала, с сожалением проводив взглядом кусок мяса, который Мира убрала в сумку. Орир громко заругался, вылив так и не закипевшую воду из котелка в только что разведенный костер. Но на этот раз обошлось без одергиваний капрала.

Загадочного перекрестья я так и не увидела и не почувствовала, хотя Тиш пару раз предложил пустить вперед не одну, а сразу двух притвор, но отклика у моих спутников не нашел и заткнулся. Странно, но никто из них: ни Вит, ни Киш, ни даже наша нечаянная проводница не требовали от меня сделать что-то эдакое, отчего, например, у того же Кули глаза полезли бы на лоб. Они не требовали от меня быть притворой.

Тропинка петляла, уводя дальше в лес, тьма сгущалась, пока не стала совсем непроницаемой, и Рэйвен долго ругался, налетев на пень, который обошла проводница. Чиркнули кресала, высокий Грес и молчаливый Эриш подняли над головой факелы. Огонь больше привлекал внимание, чем разгонял тьму, но, судя по тому, что Оле старалась держаться поближе к

солдатам, кого-то он все же успокаивал.

Киш и Вит что-то вполголоса обсуждали, Мира молчала, Оле продолжала изредка всхлипывать, так, что пробрало даже молчаливого лучника, который, отстав от своих, протянул девушке серый платок и попытался улыбнуться щербатым ртом. Поначалу солдаты болтали — в основном отпускали плоские сальные шуточки по поводу задницы притворы, но через пару часов замолчали и они. Шли след в след, затылок в затылок, наверное, если бы мы не болтались последние две недели по Тарии, этот переход показался бы мне удручающе монотонным, а так терпимо — всего лишь одна ночь. Не самая темная. Не самая страшная. Непонятно, почему хмурился Рион, едва не наступая на пятки Михею.

— Тсс... — зашипела проводница, останавливаясь, и ее шипящий голос ворвался в ночную тишину, спугнув с куста мохнокрылого мотылька. — Впереди перекрестье, — объявила притвора.

— Опять? — спросил Грес. — Снова привал? На этот раз хоть чай успеем заварить?

— Нет.

— Что «нет»? — зло спросил Тиш. — Не успеем?

— Привала не будет. Мы вступим на перекрестье.

— Простите, уважаемая, — слово «уважаемая» капрал произнес с презрением. — Не вы ли давеча говорили, что это пути... — он замялся, — мягко говоря, не для живых?

— Прощаю. Говорила не я, — ответила проводница чистую правду.

И ведь на самом деле не она. Солдаты и проводница повернулись к Виту. Киш кашлянул.

— Вам нужно в Велиж до рассвета или нет? — спросила чернокнижника притвора.

— Да.

— Если идти путями этого мира, мы попадем туда аккурат к исходу луны. — Она указала на едва начавший стареть кругляш, так похожий на подвешенную на небосклоне монетку. — Но совершить этот подвиг вы можете сами. Ты нанял меня, чтобы я провела вас коротким путем. Не через лес, а сквозь него. Провела путем нечисти. Вот он. Если твои люди не хотят идти... — Женщина развела руками.

— Что?! — воскликнули разом Оле и Рэйвен.

— Мы пойдем миром мертвых? — уточнил капрал, а девушка снова стала красноречиво всхлипывать.

— Интересно, а вы что подумали? Что я королевский скороход, раз обещала попасть в Велиж до рассвета? — Притвора презрительно

улыбнулась. — Да даже если и так, как быстрота моих ног повлияет на вашу скорость?

Мгновение все просто молчали, переглядываясь, и тут же опускали глаза, боясь увидеть отражение своего страха. Или, наоборот, его отсутствие. Михей первым проверил, крепко ли привязана к поясу котомка, и стал заряжать арбалет. Рион мотнул головой. Киш вздохнул.

— Как вы уже слышали, капрал, — ответил солдату Вит, — наши дороги слишком длинны. Я нанял проводницу, чтобы сократить путь. Ее предки служили дасу, она чувствует иные тропы и может провести по ним.

— Как я и говорил, заведет в болото, и поминай как звали, — высказался один из солдат.

— У вас приказ сопроводить нас до Велижа? — Чернокнижник выпрямился. — Выполняйте.

— Господин кудесник... — возмущенно начал Рэйвен.

— Насколько я помню, условие сделки — проводить нас до Велижа целыми и невредимыми, так? — перебил его Кишинт.

— Так, — ответила притвора и улыбнулась. Жуткая вышла у нее улыбка, зубы белые-белые, чуть острее, чем у людей, клыки чуть выпирают... Совсем как у меня. Кошка внутри рыкнула. Люди, у которых не было зубов, вызывали у нее... у меня... чувство жалости и пренебрежения. Добыча. Не более.

— Иначе сделка теряет силу, — добавил чернокнижник, пообещал солдатам: — Вы дойдете до Велижа живыми, — и благоразумно промолчал о том, что будет с ними потом.

— Что мы должны знать о предстоящем переходе? — спросил Киш и по примеру Михея крепче перехватил звякнувшую сумку.

— Не отставать. Не болтать. Не колдовать. Не...

Я залезла в котомку, достала кусок сыра и, выслушивая очередное «не», откусила.

— Не слушать, не смотреть по сторонам. Но вы ведь все равно посмотрите. Что бы вы ни увидели, что бы вам ни показали, не сходите с тропы. Думайте только о дороге. Это понятно? Или повторить? — Притвора посмотрела на солдат и предложила: — Или записать? На лбу? Когтями?

— Можно подумать, ты умеешь писать? — фыркнул Тиш.

— А ты проверь!

— Это все указания? — перебил Рэйвен. — Или будут еще? Оружие?

— Оружие не поможет. Там все уже умерли. Думайте только о земле у вас под ногами, как если бы возвращались в полночь пьяными от кабацкой

девки и боялись свалиться в канаву.

— Рэй, я... — начал Орир.

— Можешь быть свободен, солдат, — отчеканил Рэйвен. — Хватит с меня вашего нытья. Девки идут, а ты хнычешь.

В этом месте одна из девок трагически всхлипнула. Солдат в замешательстве отвернулся.

— Правду в Полесце говорят, разбаловал я вас, открываете рот не по делу. С этой минуты те, кто идет со мной, больше не возражают и не ропщут на судьбу. Несогласные остаются. Я все сказал. — И, повернувшись к проводнице, спросил: — Факелы тушить?

— Они потухнут сами, как только войдете на тропу. В том мире нет огня.

— Айка, готова? — спросил Вит.

Я торопливо дожевала сыр, который только раздражил аппетит, и кивнула.

— Михей, Рион? — повернулся черно книжник к парням.

— Готовы, — ответил Рион, а стрелок поднял заряженный арбалет.

Киш что-то бормотал себе поднос. Мира подошла к Виту и голосом испуганной маленькой девочки попросила:

— Господин кудесник, можно я вас за руку подержу, а то боязно, аж жуть!

Ах ты, падаль! Я едва слышно зарычала... Стоп, Айка, что с тобой? Что это за обжигающее чувство разливается внутри, словно закипевшая вода из котелка? Та самая пресловутая ревность, о которой слагают баллады? Та самая, от которой люди сходят с ума и начинают топить, резать и травить друг друга и самих себя? Брр... Или это просто с голодухи кажется, что от черно книжника вкусно пахнет?

Почему мне до ужаса хотелось быть на месте Миры и держать его за руку? Еще бы увериться, что этого хочу я, а не боги с их дарами.

«Ага, — ответила сама себе. — Если бы не боги, чихать бы он хотел на помойную кошку вроде меня. А так вириец даже обещание дал — никакого насилия, только ласка».

Но это же глупо! Ведь, если задуматься, обещание вирийского черно книжника — это конец его рода. Я вспомнила того баронета, которого лечила бабушка. Ему до зареза нужен был наследник, причем буквально: если жена не родит, он был готов зарезать ее собственноручно.

А черно книжник бросается такими словами? Это благородно. И очень глупо. По-хорошему, строптивую девку надо за косы оттащить в фамильный замок и запереть в уютеньком подвальчике, пока дура-

строптивца не образумится, а к тому времени, глядишь, и наследники пойдут.

Вириец — кто угодно, только не глупец. Но он дал неправильное обещание. И мне. И притворе. Почему?

— Держись за плащ, — разрешил Вит, едва взглянув на девушку.

— По моим следам, — проговорила притвора, развернувшись, сделала три шага по тропе и... исчезла. Растворилась в воздухе, словно ночной туман, напуганный первыми утренними лучами солнца.

Кто-то из солдат выругался. Киш выдохнул и шагнул следом. И также исчез.

— Куда только меня не заносило. Эх, знать бы раньше, во что ввязываюсь, — крикнул капрал и пропал с тропы, скрывшись в мире мертвых.

Я была с ним полностью согласна. Знала бы раньше, прикопала бы Риона на заднем дворе вместе с его камнем силы.

Следом прошли двое мечников, упрямый Грес так и не погасил факела. Исчез Михей, за ним молчаливый лучник.

— Сохрани нас Рэг. — Тиш на миг заколебался, но все же последовал за остальными.

— Не пойду! — взвизгнула вдруг Оле и попятилась. — Не пойду в мир мертвяков! Вы здесь все умалишенные!

Если все, что случилось до этого, она могла худо-бедно если не принять, так хотя бы понять, то исчезающие люди — это было уже чересчур.

— Хорошо, — совершенно спокойно сказал Вит и шагнул на тропу. — Не ходи.

Прежде чем исчезнуть вместе с ним, Мира обернулась. Еще и улыбнулась, пададь!

— Не пойду! Уж лучше в лесу с волками... Кули! — взвизгнула девушка.

Может, Оле идти в гости к мертвякам и не собиралась, но у ее любопытного младшего брата было свое мнение. Как водится, в этом возрасте мальчишки сначала делают, а потом думают.

Парень сделал несколько шагов, наверняка собираясь всего лишь сунуть нос в мир мертвых и потом рассказывать таким же олухам-мальчишкам страшную историю о собственной храбрости. Но мертвяки оказались гостеприимными хозяевами, и парнишка исчез так же, как и все остальные, оставив позади горестно вопящую сестру.

— Кули, нет! Кули...

Оле больше не думала. Страх ослепляет, особенно страх за того, кто дорог. Вряд ли она соображала, что делала, просто бросилась следом, чтобы так же растаять в туманной дымке, как мгновением ранее ее брат.

— Айка, постой. — Рион положил руку мне на плечо, останавливая.

— Что?

— Я не знаю, как сказать... — Он замялся.

— Тогда не говори. — Я снова повернулась к тропе.

— Айка, что-то тут неправильно.

— Что?

— Да не знаю я. — Рион запустил пятерню в волосы. — Иначе уже давно сказал бы.

— С кем неправильно? Со мной и Витом? С Михеем? С Кишинтом? С этими приبلудными девками?

— С тобой и солдатами, — выдал он и криво улыбнулся.

— Правда? И что там с солдатами?

— Айка, когда мы их встретили, кажется, я что-то видел или слышал... Что-то неправильное, но тогда. — Рион махнул рукой.

— Тогда ты был не в себе.

— Точно. И теперь это воспоминание вертится, как забытое слово на языке, но ухватить я его не могу, только чувствую неправильность. Вот, — растерянно развел он руками.

— Ага, — не зная, что сказать, согласилась я.

Ничего путного, что можно было сказать одновременно про меня и солдат, которых я видела второй раз в жизни, на ум не приходило.

— Будь осторожна, — напутствовал меня Рион.

— Как все... — я пошла по тропе, начала говорить в привычном мире, а закончила в другом: — ...гда.

Черная ночь сменилась белым днем настолько резко, что в первый миг показалось, будто я ослепла. Зажмурилась, взмахнула хвостом, о кого-то споткнулась, потерла глаза...

Сквозь яркий белый свет стали проступать очертания, немного нечеткие, словно размытые. Так бывает, когда долго смотришь на солнце: весь мир растворяется в его свете, а ты трешь и трешь глаза, хотя знаешь, что будет только хуже и надо просто остановиться.

Сидя на земле, тихо причитала Оле, любопытный Кули на этот раз крепко держался за ее подол и, громко икая, оглядывался. Я тоже едва не заикала, да что там, едва не заорала в голос.

Этот мир был другим. И мы в нем были другими. Оле больше всего походила на... выцветший гобелен.

Каштановые волосы девушки стали белесыми, кожа полупрозрачной, одежда словно подернулась пылью, что лежала у нас под ногами. Много-много пыли...

— Хоть и не по своей воле, но мы прошли путем нечисти. Рэг нам этого не простит, — похоронным голосом проговорил Орир, разглядывая бледные руки так, словно не понимал, откуда они у него взялись.

Я подняла голову, готовясь увидеть в мире мертвых все что угодно — от армии мертвецов до дасу, жующего листья толокнянки. Мир не был белым, он был серым. Пепельным. Прямая как стрела дорога уходила за горизонт, а вдоль нее клубился, перекачивался бурунами туман, словно черемуховый кисель в кастрюле. Так легко было представить, как этот туман течет по ночным улицам Хотьков, поглощая живую землю шаг за шагом.

— Теперь мы прокляты, — высказался Тиш.

Солдаты походили на призраков воинов, павших в бою за своего короля. Даже их плащи казались выбеленными на солнце.

— Хватить нести чушь! — рявкнул побледневший Киш. — Рэг вам не милосердная дева, чтобы всех прощать. Он воин, как и вы. И сам ходил этими дорогами.

— Чтобы уничтожить нечисть! — воскликнул Тиш, выхватывая меч и разворачиваясь к притворе...

К русоволосой девушке, что стояла чуть в стороне и мягко улыбалась. Ее кожа казалась теплой и живой, глаза приобрели медовый оттенок, пропали клыки, губы походили на розовые цветы яблони, что распускаются каждую весну.

Мечник замер. За спиной тихо охнул Рион.

— Этот мир мертв? — спросил у проводницы Вит. Тени на его лице были такими глубокими, что казалось, с ней разговаривает череп. Мира все еще цеплялась за его одежду.

Руки ей, что ли, отрубить? Я снова почувствовала голод. Или сумку с провизией отобрать?

— Да, — ответила притвора, — и давно. Если не хотим сделаться его частью, стоит поторопиться.

Даже голос ее стал походить на девичий, словно в нашем мире она была наброском, наскоро нарисованным мелом, а здесь стала сама собой. Молодой женщиной чуть постарше Миры.

С тихим щелчком Михей разрядил арбалет и откинул за спину, Грес с сожалением отбросил потухший факел. Тот упал, подняв в воздух серую невесомую пыль, которая, словно снег, покрывала дорогу и наши ноги по

щиколотки.

Я приняхалась.

— Это прах, — пояснила проводница. — В этом мире любая плоть превращается в прах.

— Кроме твоей? — поинтересовался Рэйвен, который выглядел лучше всех — возможно, дело было в седине или в чем-то еще, но он казался всего лишь немного нездоровым.

— Кроме моей, — не стала отпираться притвора и спросила: — Очухались? Тогда поднимите эту плаксу, если она, конечно, не решила врасаи в дорогу.

Оле вскочила как ужаленная. Зато разревелся Кули, совсем как обычный ребенок.

— За мной, след в след. Для людей здесь времени или слишком мало или слишком много. Если кто-то отстанет, возвращаться не будем.

— Говори за себя, тварь, — выругался похожий на несвежий труп Тиш.

— Хорошо. Я возвращаться не буду, — согласилась она уже на ходу, бросая взгляды из стороны в сторону — на туман, на проступающие сквозь него силуэты деревьев, белесые, словно высохшие на солнце коряги. Изломанные и мертвые. — И те, кто хочет жить, тоже. Смертники могут идти лесом. — Она указала вбок. — По своему разумению. Остальные — бегом марш!

И мы побежали. Кто-то пытался что-то сказать, кто-то ругался, Мира пару раз ойкнула, Кишинт пыхтел позади меня. Этаким отряд неловких мертвецов или белесых призраков...

Ну, давай, скажи же это, хотя бы мысленно. Кого они все тебе напоминают?

Пожалуй, притвор. Здесь потусторонними тварями смотрелись мы, а не наша проводница. Мы? А «мы» ли?

Я нащупала камешек артефакта на груди и, стараясь не сбить дыхания, сняла цепочку с амулетом. Нет, не мы. Они. Я смотрела на руки, которые без всякого колдовства оставались живыми и теплыми в этом мире праха.

— Значит, я все-таки притвора, — проговорила, пока еще не понимая, радует меня это или огорчает.

— А вы, монна, полны сюрпризов, — пропыхтел Киш, и его голос превратился в едва слышный шепот. — Чистых притвор почти не осталось. Что вам сказали родители?

— Много чего. Только вот по малолетству не запомнила. — Я обернулась. Следом за магом шел Рион, последним Михай. — Они уложили

меня в кузовок и вышвырнули в реку.

— Н-да, — высказался маг, приглядываясь ко мне с интересом. — Тогда, боюсь, мы вряд ли узнаем, какие крови в вас намешаны. Нечисть — точно, возможно, капля от дасу, народ вордов, правда, у тех перепонки между пальцами. — Я с облегчением вздохнула: только перепонки мне для полного счастья не хватало! — И внутренний зверь, с которым они срастаются сущностью...

Кошка пошевелила ушами.

— Повезло Витторну. Ему всегда везет.

— Не отставать, — рявкнул Вит, и Кишинт развел руками.

Мы снова сосредоточились на дороге. Я старалась смотреть только под ноги, на взлетающий от каждого шага и медленно опадающий прах, слушать шумное дыхание мага за спиной, видеть перед собой Миру и чернокнижника. Идти. Не поворачивать голову и не смотреть по сторонам. Даже если очень хочется, даже если в светлом мареве что-то мелькнуло и нужно протереть глаза, чтобы унять резь от разливающейся вокруг белизны.

— Мы у исхода пути, — обнадежила нас притвора.

И тут же впереди закричала Оле. Горько, протяжно, с надрывом. От испуга кричат совсем не так, скорее, это походило на...

— Отец! — запричитала она.

На стенание. На плач по давно умершим.

— Стой! — Кто-то из солдат, я не видела, кто именно, попытался преградить девушке дорогу.

— Не дайте ей сойти с тропы. — Голос притворы был подобен льду, что намерзает на крышах домов каждую зиму. Острый, скользкий, твердый.

Но Оле уже не слышала, она поднырнула под руку воина.

— Оле?! — крикнул Кули, вовремя перехваченный молчаливым лучником.

Молодая женщина согнулась, словно собиралась прыгнуть с высокого берега в прозрачную ледяную воду.

Никто бы не успел ей помешать, никто, кроме мага. Струя чего-то прозрачного, похожего на кипяток из котелка, сорвалась с руки Кишинта и хлестнула девушку наотмашь. Причитания оборвались, сменились тихими всхлипами. Оле кулем упала на дорогу, зажала лицо руками.

— Дураки, — высказалась притвора.

Я насторожила уши: в одном что-то премерзко зажуужало.

— Она же говорила, что ее отец умер? — прошелестел Рион.

— Да. Именно поэтому он здесь, в мире мертвых, вернее, не совсем

он. — Вит отцепил от себя Миру и скомандовал притворе: — Выводи нас отсюда, быстро.

— Поздно, кудесник, они уже учуяли вас, как свора голодных псов чует кровь раненого зверя. Скажи спасибо своему другу.

— Я что, должен был позволить ей прыгнуть? — растерялся Кишинт.

— Да, — кратко ответила притвора, не трогаясь с места.

Остальные благоразумно промолчали. Оле плакала, закрыв лицо руками, и только глухо повторяла: «Отец, отец!»

Жужжание в ухе приблизилось, казалось, где-то неподалеку пчелиный рой.

— Да что это такое? — выругался Тиш, как и я, разворачиваясь к источнику звука.

Безмолвно обнажились мечи, ставшие в этом мире старыми, тусклыми и какими-то потрескавшимися. Кули тонким голосом уговаривал сестру встать, дергал за безвольную руку. Мира спряталась за Вита, Рион переводил взгляд с одной стороны дороги на другую, а вот Михей удивил — не сделал ни одной попытки коснуться арбалета, лишь смотрел в туман своими голубыми глазами...

— Выводи, — процедил чернокнижник, поднимая руку. — Или я вбухаю сюда столько магии, сколько не снилось и магистрам в Велиже. Тогда сожрут не только нас, но и тебя, просто не смогут остановиться.

— Сожрут? — истерично переспросила Оле, поднимая голову.

Лучше бы она этого не делала. Кули с криком отшатнулся. Я не знаю, чем ее приложил Киш, но правая сторона лица девушки теперь выглядела как кусок сырого мяса. Волдыри, сморщившаяся кожа, будто ее и в самом деле ошпарили кипятком. Я бы орала так, что услышали бы и в Солодках. Она же лишь закусила губу и трясла головой.

Жужжащий звук раздавался со всех сторон.

— Выводи или... — Чернокнижник не закончил, они вместе с притворой посмотрели на меня.

Украдкой, вскользь, но посмотрели. Остальные, увлеченные разглядыванием мира мертвых, этого не заметили. Кто вообще замечает такие мелочи в ожидании жужжащей смерти? Я заметила только потому, что всю жизнь от всех ждала чего-то такого... чего-то неправильного, как сказал Рион.

Притвора зарычала, и ее рык совершенно не понравился моей кошке. Точнее, мне. Губа задралась, и я зарычала в ответ.

— Там... там... там... — Грес указал в туман, меч в его руках ходил ходуном, — там Зуб и... Хош и Осук... Рэйвен, они же умерли! Та тварь их

убила!

Оле, покачиваясь, встала на ноги.

— Чего застыли? — закричала притвора. — Мертвецов, что ли, не видели? А ну, все за мной! Они не сразу сунутся на тропу. Бежим. Так быстро, как только можете! — договаривала она уже на бегу.

Я повернулась к туману и встретила взглядом с девочкой в рваном сарафане. Девочкой с черной косой через плечо и ярко-синими глазами.

— Майка, — позвала давно умершую подругу, и в тот же миг на меня налетел Вит.

— Бегом, Айка, бегом! — Он схватил меня за руку и потащил дальше по тропе.

Нас нагонял Рион, впереди топали солдаты, что-то кричал Рэйвен, плакала Оле, где-то рядом маячила Мира, и только стрелок продолжал стоять на месте. Он все вертел и вертел головой. Арбалет все еще висел за его спиной. За спиной парня, который хватался за него при каждом удобном и неудобном случае.

— Михей! — заорал Рион и сам у себя спросил: — Почему он не бежит?

Деревенский парень наконец отвел взгляд от белого марева, оглянулся, недоуменно спросил:

— А чего вы там видите? — и быстро пошел вперед, догоняя Риона.

Отвечать ему никто не собирался. Мы просто видели. Мы бежали. Дыхание сбилось, спина чернокнижника маячила впереди. Кажется, кто-то упал. Кули. Оле запричитала, вирийский лучник одним движением поставил парня на ноги. Мы бежали, стараясь смотреть только перед собой. И не могли не смотреть по сторонам. То и дело кто-то оглядывался, сжимал зубы, и... Мы бежали.

Слава Эолу, оказалось недалеко. Притвора чуть сбавила темп, а потом резко, словно убегающий от охотника заяц, свернула с прямой как стрела дороги и нырнула в туман. Рэйвен с разбега сделал шаг следом, по колено, как в реку, погрузился в дымку и... С ругательствами выскочил обратно. На этот раз его лицо не просто побелело, оно сделалось похожим на речную соль, что добывают в Олафе.

В капрала едва не врезался Тиш, а за ним и лучник, все еще державший Кули за руку. Оле, мечники, Киш, все мы остановились, застряли, словно огурцы в банке, не пролезающие в узкое горлышко.

— Чего стоим? — рявкнул Киш, оглядываясь назад. Его шумное дыхание напоминало звук раздувающих угли кузнечных мехов.

Рэйвен издал неопределенный звук, словно кто-то сдавил ему горло.

— Так сгинула ваша тварь. Как есть сгинула, — ответил за него Грес. — Кинула нас здесь на съедение мертвякам, а сама... — пояснил солдат, оглядываясь на нас, сгрудившихся у края дороги подобно компании слепых нищих, что шли в город за подаянием да заплутали.

В этот момент Рион вздрогнул, как вздрогнул бы всякий, если его неожиданно коснуться.

— Нет, — прошептал бывший чаровник. — Нет, пожалуйста...

Лицо парня скривилось, словно он собирался заплакать. Или закричать.

Мне показалось, что я разглядела появившуюся из тумана тонкую кисть руки, что вполне могла принадлежать девушке. Или ребенку. Она мягко обхватила запястье Риона и потянула на себя. Я моргнула, и наваждение исчезло.

— Нет, — всхлипнул бывший чаровник.

Но не это было самым страшным. Самым страшным было то, что он пошел, словно телок на привязи. Пошел в туман, притягиваемый этой невидимой рукой.

Ему нужно было сделать всего два маленьких шага, с третьим он скрылся бы в тумане по макушку. Бывшего чаровника остановил Михей: схватил за плечо, не дав сойти с дороги.

— Пусти, — попросил Рион непонятно кого. — Там Онир! Пусти, кому сказал, а не то...

С другой стороны к парню подскочил Вит, точно так же, как и Михей, подхватил его под руку.

— А не то — что? — поинтересовался он.

— Не ходите туда, господин чаров... — Стрелок споткнулся и вдруг добавил: — Не ходи туда, Рион. Плохое там место, животом чую. Гиблое.

— Кого бы ты там ни увидел, он мертв, — прогудел Киш.

— Знаю! — закричал Рион и уже тише повторил: — Знаю, пустите! — Рывком освободился, устало потер лицо руками и глухо проговорил: — Онир — мой брат. Он умер вместе с родителями.

— К оружию! — отдал приказ Рэйвен. — Грес справа, Тиш слева, Орир с тыла, Эриш, стреляй по готовности. Господари кудесники, подмогайте, а то здесь все вместе и поляжем!

Мы стали медленно отступать от края дороги — места, где скрылась притвора. Туман всколыхнулся, подняв с земли пепельную пыль. Мира вдруг показала обочине кукиш. Оле снова вспомнила отца, крепко прижала к себе Кули, да и парень, кажется, в первый раз в жизни не собирался убегать от сестры. Кишинт потряс головой, Вит демонстративно никуда не

смотрел, а я... Я не могла не смотреть, но на этот раз ко мне явилась не Майка. На этот раз в тумане проступила высокая долговязая фигура Залома.

По белому мареву прошла рябь, такая бывает, если бросить камешек в воду.

— Не смотри, — прошептал Вит. — Просто не смотри.

Молчаливый лучник вдруг опустился на колени и запустил руку в прах, разглядывая что-то одному ему видимое.

— Эол, спаси и сохрани. — Грес взмахнул мечом. — Это же Гуш и Ширик! Рэйвен, это же наши парни, те, кого тварь погрызла!

Меч в руке воина дрогнул, капралу вдруг стал очень тесен ворот плаща, он то и дело дергал за ткань, силясь ослабить узел.

Закричал, взмахнув клинком, Тиш. Железо в его руках взлетело и замерло, столкнувшись с чем-то невидимым. Еще взмах, и еще. Я заметила, как дрожат от напряжения руки воина. Но не разглядела его противника.

— Гуш, я ничего не мог поделать, — торопливо говорил солдат. — Не мог, не успел, та тварь оказалась быстрее, — оправдывался он, продолжая свой бой с невидимкой.

По туману снова прошла рябь, на этот раз более сильная.

— Надо уходить, — дико вращая глазами, сказал Киш. — Бой против собственных мертвецов нам не выиграть.

— Собственных? — переспросила я и поняла, что отступаю от тумана, от смотрящего на меня из него Залома, и едва слышно рычу.

— Да. — Вит торопливо бросил сумку под ноги и закатал рукава. — В мире мертвых каждый видит лишь своих мертвецов. Тех, кому он помог стать таковыми.

— Я ему даже завидую. — Кишинт кивнул на Михея и достал из сумки стеклянную бутылку с мутной жидкостью, очень похожей на самогон, видимо, это она звякала всю дорогу. — Где ты его откопал?

— В лесу, — не стал вдаваться в подробности чернокнижник. — Чистый душой искусник. Он чист настолько, что не видит ничего и никого вокруг, только туман.

— Я не убивал брата, — выкрикнул Рион.

— А я — отца, хотите, Эолом поклянусь? — Лицо Оле кривилось, из-за сморщенной кожи казалось, что она сейчас рассмеется.

— Здесь не княжеский суд, и никто не выносит приговор, кроме тебя самого. Твой брат пришел к тебе только потому, что ты сам считаешь себя виновным. Твой отец тоже. Вина убивает в этом мире вернее, чем удар кинжалом.

Бой с невидимкой продолжался, только теперь в него вступили уже все солдаты, отбивая удары по очереди. Еще немного, и мы просто свалимся в туман с другой стороны дороги.

— Сколько раз ты был здесь? — Киш встал рядом с Витом.

— Несколько, — ответил чернокнижник. — С учителем когда-то, потом группой ходили, еле ноги унесли. Отвлекли мертвецов и ушли. Им нужна вина, угрызения совести и магия. Они слетаются на нее, как голуби на пригоршню проса.

Лучник, только что рассматривавший прах, вскочил на ноги, натянул тетиву и выпустил в противника стрелу. В противника, которого не видел, а лишь угадывал по движениям вирийцев. Он, в отличие от них, не винил себя в смерти воинов отряда, и его стрела, спокойно пролетев сквозь невидимого мертвеца, вошла в бедро Греса. А тот... Тот даже не заметил. Не закричал, не схватился рукой за рану.

Я принялась. Все так же пахло пылью и пеплом. Крови не было.

Туман закачался. Голова начала кружиться, словно я находилась в утлой лодочке посреди бурной речки.

— Готов? — Чернокнижник поднял руку.

— Да. — Киш вытащил зубами пробку из бутылки.

— Всем зажмуриться! — заорал чернокнижник, делая знаки рукой.

Яркий свет ударил по закрытым глазам так, что в темноте заплясали цветные пятна. Закричал Кули, наверняка не внявший предупреждению. Я заморгала, пятна выцвели, сменились на черные, которые бегали перед глазами, словно шустрые тараканы по пустому амбару. А вокруг меня снова был только белый свет, острый, как кромка лезвия. Свет, причинявший боль. Я терла и терла глаза, заставляя черные точки то исчезать, то появляться...

— У нас есть несколько минут. Уходим. — Вит толкнул меня в спину.

Я сделала пару шагов, заморгала. В белом-белом мире стали проступать серые штрихи, будто углем провели по белой печи. Темных линий становилось все больше и больше, они двоились, троились, росли и сливались, очерчивая силуэты моих спутников.

Вирийцы, тяжело дыша, опустили оружие. Михей держал брыкающегося Кули, Оле беспокойно топталась на месте, Мира стояла за Витом и будто чего-то ждала, бутылки в руках Киша не было. И все они смотрели мне за спину. Все, кроме чернокнижника. Я кожей почувствовала жар, идущий откуда-то сзади.

— Не оборачивайся, — приказал Вит.

— Что... Что вы сделали? — спросил Рэйвен. Его глаза были

красными и слезились, словно он очень долго пил черемуховый настой. Пил и не закусывал. — Почему они исчезли?

— Бросили им горсть того самого проса, — пояснил Кишинт. — Магию. Они слетятся на нее, как голодные птицы, и каждый захочет урвать побольше.

— 3-зачем она им? — запинаясь, спросил Тиш.

— Мы не знаем, — ответил чернокнижник. — Но если хочешь, можешь остаться и спросить, тем более что надолго мы их не отвлечем. Они вернутся. Надо уходить.

— Куда? — перебил Рион. — Куда тут уходить?

— За притворой, — произнес незнакомый голос. Доселе молчавший лучник посмотрел на магов и опустил на одно колено. — Этот пепел... или не пепел... очень хорошо держит след. Как думаете, притвора ушла в безопасное место?

Туман качнулся, пошел рябью, заколыхался сильнее, словно где-то там по его белым волнам плыла лодка, а может, даже человек. Или не человек.

— Предлагаю проверить, — кивнул Вит. — Или умереть.

— А может, «и умереть»? — уточнил Рэйвен.

— Может. Вы идете или подождете здесь остальных из вашего десятка?

— Идем, кудесник, да поможет нам Рэг. — Солдаты закрыли глаза и зашевелили губами, произнося слова молитвы.

В животе у меня отчетливо заурчало. Эол, я все еще хотела есть, даже несмотря на то, что мертвецы вполне могли закусить нами. Я просто умирала от голода. И это немного пугало. Совсем чуть-чуть.

Туман снова вздыбился, пошел волнами.

— Быстрее, — поторопил нас Кишинт, хотя в этом не было нужды.

Лучник скользнул в туман первым, за ним, не забыв осенить себя знаком Рэга, Тиш. Грес и Орир сошли с тропы вместе, настороженно держа перед собой мечи. Оле замерла на краю, продолжая молиться, и все никак не решалась шагнуть в белое марево. Мира стукнула ее по спине. По сути, просто столкнула. Невежливо, но действительно. Кули отчетливо икнул и шагнул вслед за сестрой. Мира оглянулась на Вита, но дожидаться не стала, тоже нырнула в туман. Правильно, красивый парень останется красивым парнем, а жить хочется.

Я что, мысленно назвала чернокнижника красивым?

Рэйвен замер у кромки. Что он там такого увидел? Что не давало ему шагнуть? В отличие от девушки помощь старому капралу не понадобилась, какие бы демоны ни ждали его, он смог пересилить себя и сойти с тропы.

— Эх... — выдохнул Киш. — Надеюсь, следы не приведут нас к Рэгу на постой, — и прыгнул в туман.

— Рион... — скомандовал Вит.

— Я вспомнил! — Бывший чаровник щелкнул пальцами, как и раньше, когда тренировался. Щелкнул, не задумываясь, словно в трактире, подзывая разносчицу. И на кончиках его пальцев затрепыхался маленький дрожащий огонек, словно танцующий на фитиле одинокой свечи. — Ох...

Огонек тут же погас.

— Начало положено, — устало проговорил чернокнижник. — Ты не против, если я повременю с восторгами и поздравлениями до другого раза? Мертвые вернутся с минуты на минуту. Михей, живо. — Мужчина кивнул парню, указывая на туман.

— Я вспомнил. — Голос Риона дрожал, будущий чернокнижник продолжал смотреть на руки, попробовал снова щелкнуть пальцами, но на этот раз безуспешно. — Айка, я вспомнил, что было не так.

Туман закружился, словно живой, накатывая волнами на дорогу.

— Солдаты шли по следам, — торопливо объяснял Рион, делая шаг к краю дороги. — По следам! — Он посмотрел на меня. — Вот что не так. Ты не притвора. Ты не оставляешь следов. Никаких.

— А ведь он прав. — Я посмотрела на вирийца, но тот, проигнорировав взгляд, схватил меня за руку и потащил к туману.

— Не сейчас...

— Кто не оставляет следов? — не обращая внимания на Вита, спросила я у Риона.

Но ответил мне, как ни странно, Михей:

— Тот, кто не хочет, чтобы его выследили. Матушка всегда говорила: «Эол не создает ничего бесполезного, раз козлу даны рога, значит, он будет бодаться».

— Все потом, — рявкнул Вит, буквально затаскивая меня в туман.

Но до того как белое марево сомкнулось над головой, я успела увидеть, как посерел Рион. Именно посерел, ибо бледнеть в этом белом мире было просто некуда.

Как же мне все это надоело. Вот сесть бы и зарычать. Или разреветься. Только я знала, что не сяду и не разревусь. Не сейчас, как сказал чернокнижник. Не заплачу, потому что слезы — это слабость, уж это-то я уяснила еще в детстве, когда получала колотушки от деревенских пацанов. Меня били не часто, но, если ревели, били в два раза сильнее. А за этот поход я уже столько наплакала, что на целое озеро хватит.

Больше всего туман походил на... даже не на воду, а на студень, что

варила бабка на каждый праздник. Плотный, но не настолько, чтобы не пройти, холодный, но не настолько, чтобы замерзнуть. Он был осязаемым, почти как в Хотьках. Он не пытался удержать на месте, он просто касался. Навязчиво, мягко и неторопливо, словно исподволь.

Вит сжал мою руку, а я в ответ сжала его ладонь. Силуэт чернокнижника расплывался, словно отражение в воде, хотя мужчина стоял всего лишь в шаге от меня. Что-то бултыхнулось рядом, будто камень бросили с берега, я повернула голову — кажется, это Рион.

Вит настойчиво потянул меня вперед. Я посмотрела под ноги. Серый прах все еще стелился внизу, но здесь, в тумане, он уже не казался сухим, он походил на серую грязь на разбитой и размытой дождями дороге. Прах хранил множество отпечатков, мягких, изменяющихся от любого прикосновения. Я понятия не имела, какие из них принадлежали притворе.

Туман снова пошел волной, рука Вита напряглась, и мы едва устояли на месте. Так бывает, когда по речке проходит мимо нагруженный плот. Тебя качает, как водоросль, но ты все равно каким-то чудом остаешься на ногах.

Чернокнижник все тянул и тянул меня в сторону. Раздался далекий крик. Туман расступился, и напротив меня снова оказалась маленькая девочка с синими глазами и черной косой. Мертвые вернулись. Что-то заговорил Рион, его слова доносились до меня обрывками, разорванными звуками, в которых было больше эмоций, чем смысла.

Не знаю, что он мог сказать погибшему брату. У меня слов для Майки попросту не осталось. Да и я уже была не та девчонка, что бегала с ней к капищу ящерликов. И даже не та, что когда-то пошла к капищу нечисти у старого проклятого скита. Я изменилась, и старая вина растворилась в этом изменении. Даже кошка, лениво взмахнув хвостом, отвернулась. Дохлая добыча ее не интересовала.

И мертвая девочка что-то почувствовала. Она нахмурилась, сделала шаг вперед, остановилась и отступила. Сначала на чуть-чуть, а потом, не оглядываясь, нырнула в туман. А Рион продолжал оправдываться.

Вит что-то быстро проговорил, но его слова слились в один сплошной гул. Я покачала головой, даже не зная, видит он меня или нет. Тогда чернокнижник отпустил мою ладонь, схватил за плечо и толкнул вперед. Сильно толкнул, явно намереваясь выпихнуть отсюда. Но туман в очередной раз пошел волной, на этот раз куда более плотной. Она отбросила меня назад с силой, на которую никто из нас не рассчитывал. С силой прибрежных волн, разбивающих о скалы корабли.

Меня закутило, на краткий миг я перестала понимать, где верх, а где

низ, а потом выбросило обратно на тропу белого мира мертвых.

Рядом выругался Вит, Рион хрипел, а позади него...

С тропы в туман сошли четыре человека, и обратно выкинуло тоже четырех. Только вот вместо рыжего Михея на ноги поднялась наша проводница.

— Знала бы я, что вас придется водить за ручку, в жизни бы не согласилась, — высказалась притвора.

— Согласилась бы, — не стал оправдываться чернокнижник. — Ибо то, что ты хочешь взамен, куда важнее наших жизней. — Он продолжал пристально вглядываться в белые волны: кто-то там был, кто-то мертвый и важный для него.

— Именно поэтому я здесь, а не пью эль в трактире Велижа. Первый и последний раз я вернулась за кем-то. — Она зло посмотрела на Риона, а потом снова повернулась к Виту: — Ладно, солдаты, но ты-то, колдованец, на что? Почему вы сразу не пошли за мной? Я же сказала «след в след»!

— Да встретили тут знакомых покойников, поговорили, вспомнили старые времена.

— Оставить бы тебя, шута, здесь.

— Людей пугают покойники, — произнесла я. — Тебе следовало это знать, чтобы потом не пенять на табурет за то, что тот сделан из дерева.

Притвора сцепила зубы, я насторожила уши. Но гнев, быстро поднявшийся в ней, так же быстро схлынул. По белому миру прошла очередная волна дрожи.

— По-другому отсюда не выйти. — Проводница торопливо пожала плечами. Движение вышло немного неловким, словно она подсмотрела его у кого-то и старательно повторила. — Если бы я объяснила, получилось бы еще хуже, а так могли проскочить на незнании.

— Проскочить? — выкрикнул Рион. Он медленно поднимался на ноги.

— Проскочить, колдованец. Ибо другого выхода тут нет. Видишь тропу? Она была здесь всегда. И будет всегда. Она может привести тебя в любое место, хоть в королевскую опочивальню. Или сокровищницу. Стоит только захотеть. Но знать место, где стоит сойти, дано не всем. Сойдешь не там, и вместо сокровищницы вылезешь в гнезде огневигов.

— Но ты-то знаешь правильное место. Знаешь, где брод через эту реку мертвых, — устало сказал чернокнижник, отворачиваясь от тумана.

— Знаю, — согласилась проводница. — Но войти в него должны вы сами.

Что-то снова загудело, и я едва подавила желание поковыряться в ухе. Эол, сюда бы еще кусок вяленой колбасы. Или даже окорок.

— Но иногда это место перестает быть таковым. — Женщина махнула рукой на туман, и этот жест вышел резким, нервным, она была куда уверенней, когда заводила нас сюда. — Здесь нам уже не выйти...

— А где остальные? Где Михей? — спросила я.

— Они нашли свой путь. Или потерялись навсегда. Держитесь меня, мы выйдем прямо за Велижем. — Притвора повернулась и уже сделала первый шаг, когда чернокнижник схватил ее за руку.

— Насколько далеко «за»?

— Часов пять пути.

— Не подходит. Выводи здесь.

Притвора снова посмотрела на туман. Она не вглядывалась в него, как мои спутники, не искала знакомые лица, не страшилась их увидеть. Она посмотрела на туманные буруны и от волнения закусил губу. Чем-то ей не нравилось это движение.

— Нельзя, — нехотя призналась она, выдергивая руку.

Рион отчетливо захрипел и снова заговорил что-то жалостливо-оправдательное. Я огляделась, но на этот раз ко мне из тумана не торопились выходить старые и новые знакомые. Что же изменилось? Давно уже должны были влезть в столь интересную беседу, ан нет, притихли, а вот туман, наоборот, расшалился, раздулся, как предгрозовая река.

— Что-то идет сюда, именно в этот ваш Велиж, — призналась проводница. — Что-то сильное, от него реку мертвых раскачивает так... — Она замолчала. — Не мне переходить дорогу этому кому-то. И не вам. Сами видите, даже мертвые попрятались.

— Рэг, — выдохнул Вит, и призрачный ледяной ветер растрепал ему волосы. — Опоздали. Маги уже начали вызов. Выводи немедленно. — Вириец сделал шаг к вспенившемуся туману. — Или сделке конец!

— Не могу. Не «не хочу», а именно не могу. Никто не сможет. Вас же только что выбросило, а этот гость еще даже к городу не приблизился. Разве может сарай сражаться с ураганом? У нас просто не хватит сил выйти перед ним, нет у нас...

Она замолчала. Нехорошо так. Обычно вслед за таким молчанием следует самоубийственное предложение.

— Чего нет? — прищурился Вит.

— Силы. Нужно очень много силы, чтобы перейти дорогу созданию темного мира. Дашь? — прищурилась притвора.

Ледяной ветер ударил мне в спину, почти столкнул с тропы. Белый мир тревожно колыхался, словно простыня, повешенная для просушки в ветреный день.

— У меня нет такой силы.

Мы с кошкой с любопытством нюхали стремительно холодеющий воздух белого мира, волны накатывали на тропу одна за другой, ветер каждую секунду менял направление — иногда бил в спину, иногда швырял туман в лицо, сбивая дыхание.

Чего-то не хватало, но я пока не понимала чего.

— У тебя нет, — согласилась проводница. — А у нее? Насколько она хочет выйти здесь? Может, ее устроит поселок за Велижем? Или вообще за Тесешем?

Я переводила взгляд с женщины на чернокнижника. Вит злился и не скрывал этого.

— Она ведь не знает. Она просто смердит этим незнанием, — фыркнула женщина. — Она не знает, что вы все не стоите даже ее мизинца. Насколько ты, колдованец, хочешь выйти здесь и сейчас, опередив гостя? Это стоит твоего молчания? Или нет? Решать тебе. Либо вы делитесь силой, либо уходим по тропе дальше и возвращаемся в мир острых железок и непогрешимых людей далеко за Велижем.

Знала бы эта притвора, как я устала от их тайн. И как мне все это надоело. Знала бы она, как мне надоело смотреть в унылую физиономию чернокнижника, который выглядел так, словно его скирдой сена придавило. Знала бы...

Мне не столько нужны были его ответы, много лет прожила без них, и еще проживу, сколько хотелось, чтобы Вит сам все рассказал. Сам! И тогда... Тогда, возможно, я смогла бы поверить, что наша «истинная пара» тут ни при чем, что у нас есть воля, что он действительно хочет...

Кого? Деревенскую девку тарийского разлива? Смешно. Напридумывала себе...

— Скажи сама, — предложила я ей, продолжая принохиваться к шатающемуся миру. — Скажи, и закончим на этом. Кто не оставляет следов и может делиться силой? Такой силой, чтобы мы смогли бы перейти дорогу демону?

— А кто испокон веков сражался с дасу? Кого бросали на амбразуру первым? Кто не боится волн выверта? — Ветер растрепал волосы притворы. — Ну, давай, — поторопила она. — Ты ведь уже догадалась. Ведь даже сейчас ты смотришь вокруг и не испытываешь страха...

Точно. Я едва удержалась, чтобы не щелкнуть пальцами, как Рион. Именно этого и не хватало в надвигающемся белом шторме. Моего страха. Его не было совсем. Я по-прежнему хотела есть.

— Зеркальный маг, — ответил вместо меня Рион, а Вит дернулся,

словно его ударили. — Эти маги сражались с демонами, побеждали, а потом зеркальных чаровников самих убивали, — монотонно продолжил парень. — А когда демоны кончились, стали выслеживать и убивать просто так. При Ламаре Третьем даже была учреждена награда в сто золотых за голову зеркального. Маги ушли в леса, тогда-то охотники и столкнулись с их «бесследностью». Я просто не сразу вспомнил, да и кто бы сообразил — последнего зеркального видели лет за триста до моего рождения...

Рион продолжал говорить, я продолжала смотреть на Вита, а мир продолжал раскачиваться. На тропу плеснула волна тумана, лизнула мой сапог и откатилась обратно на обочину.

Странно, но особых чувств от «разоблачения» я не испытала. Ничего не изменилось. Ни во мне, ни вокруг. Мир не рухнул, а буря продолжала собираться где-то за нашими спинами.

— Не имеет значения, — четко проговорила в ответ, — какой я маг. У меня больше нет резерва.

— От него за вар несет твоей силой. — Проводница указала на чернокнижника. — Мне плевать, что у вас есть и чего нет. Ты умеешь делиться силой. А колдованец может ее направить. Поэтому решайте: мы выходим здесь или идем дальше? Решайте сейчас, или я уйду, и Рэг с ней, со сделкой.

— Выходим, — ответил за всех Вит и, посмотрев мне в глаза, произнес: — Зеркальный маг Айка Озерная, прошу силы.

Его теплая рука коснулась моей. Легонько, без принуждения. Он и в самом деле просил, а не требовал.

А меня так и подмывало сказать «не дам» и посмотреть, что будет. Страх где-то задерживался. Но, как любил говорить Вит, сейчас не время и не место. А когда время и место? Зная чернокнижника, можно с уверенностью ответить — никогда.

Вит сжал мою руку — взгляд пристальный, все еще злой, но эта злость направлена не на меня.

Ветер ударил в лицо и сдернул с головы капюшон, волны белого тумана то и дело захлестывали тропинку.

Я сжала руку чернокнижника, кожей чувствуя идущую от него волну облегчения. Кошка замурлыкала. В животе снова заурчало.

— Тогда колдуй, кудесник. — Глаза притворы вспыхнули, а потом...

На этот раз все было иначе. Сильнее, весомее и... приятнее.

Вит притянул меня к себе, прижал к собственному телу, зарылся лицом в волосы. Нас окутал идущий от чернокнижника жар. Сила плавно потекла от него ко мне, согревая. Захотелось зевнуть и свернуться клубком на руках

у мужчины. Сила проходила сквозь тело и возвращалась обратно к Виту, словно кто-то снова и снова, роняя капли, переливал воду из одной плошки в другую. Но нашей силы не становилось меньше, она росла и росла, множилась и прибывала, как вода во время весеннего паводка. Она заполняла нас без остатка, заползала в пустоты и насыщала голод. Эол, она казалась на вкус малиновым вареньем, сладкая, тягучая, густая...

— Давай! — закричала притвора.

Вит вытянул руку к туману, что жадно тянулся к нам, к тому, что двигалось в его густоте, к пузырью... или даже горбу, маячившему где-то там, вдалеке. Кого бы ни вызвали маги, он торопился принять это приглашение.

И река мертвых расступилась. Наш смирт, увидев это, наверняка узрел бы Эола и его сподвижников, которые в незапамятные времена так же заставили воды реки расступиться. Но чернокнижник не тянул на бога. Мне вспомнилось, как бьют по воде канаты переправы, когда Ленея мелеет и паромщик сматывает тросы. Их удары заставляли воду так же раздаваться в стороны, как сейчас магия Вита.

Притвора взвыла, бросилась с тропы в образовавшийся проход. Чернокнижник дернул меня за руку, увлекая следом. За спиной громко топал Рион.

Мы бежали и бежали, пока туман за нашими спинами не стал с шумом смыкаться. Бежали, пока не вывалились в реальный мир. Словно мыльный пузырь лопнул. Раз, и его беловато-мутные стенки разлетелись десятками брызг.

Нас окружили краски. Темный предрассветный Велиж с серыми домами и каменными мостовыми показался мне в этот миг ярче алых сполохов заходящего солнца. Черный, серый, коричневый, снова черный...

Рион вдруг зашипел, схватился за правую руку, закатал рукав и... На бледной коже алел яркий отпечаток детской ладонки. Ладонки мертвого брата, которому, по всей видимости, без старшего было скучно в загробном мире.

— Сшшш, — зашипел бывший чаровник, — словно горячим ухватом приложили.

— Мир мертвых забрал твою боль себе. Мир людей вернул ее сторицей, — проговорила притвора и посмотрела на Вита. — Я выполнила свое обещание, колдованец, теперь и ты выполни свое.

— Ну я бы поспорил, — стараясь унять дыхание, Рион наклонился и уперся руками в бедра. — Без нас... без силы ты бы его не выполнила. — Парень с усилием выпрямился. — Нам надо в совет магов... Каждая

секунда приближает выверт...

— Да, — глухо ответил Вит.

Звук вытаскиваемого лезвия не спутать ни с чем. Я не была удивлена, когда чернокнижник достал нож. Но я очень удивилась, когда холодное железо коснулось вдруг моего горла.

— Что? — не понял Рион, мгновенно забыв про боль, глаза парня стали круглыми-круглыми, как у жука-короеда.

— Тсс, — прошептал вириец мне в волосы, когда я дернулась. — Ты же знаешь, я сильнее. Не надо. Не вынуждай меня. Да, давайте поговорим о выверте. И об обещаниях.

Глава 11

О ТРАКТИРАХ И ПИВНЫХ

— Вит, — не веря тому, что видит, позвал Рион. Можно подумать, если назвать чернокнижника по имени, тот сразу очнется, рассмеется и скажет, что шутка вышла удачной.

Вот только это была не шутка. Я чувствовала это всем телом, лапами, хвостом, которого никто не видел.

— Я знаю, как меня зовут, Рион, — подтвердил мои догадки мужчина, отступая назад и заставляя меня отступать вместе с ним.

— Что ты делаешь? Зачем... — Парень потер ноющую руку.

— Пытаюсь выжить. И спасти других. — Чернокнижник продолжал пятиться по переулку. Светлая каменная кладка сменилась темной. Рион шел следом, а вот притвора... Ее нигде не было, вроде еще минуту назад стояла тут, требовала, чтобы Вит сдержал обещание, а сейчас исчезла и явно не собиралась ввязываться в чужую драку. Правильно сделала. Я бы тоже сбежала. Если бы не нож у горла.

Улица в предрассветный час, как назло, была пустынна. Не открылось ни одного окна, не выплеснулось содержимого ни одного ночного горшка. Тишина. Лишь ветер скрипел несмазанными петлями оконных ставней. А где все остальные? Где Михей? Солдаты? Шебутные девки? Кишинт? Правда, на последнего рассчитывать явно не стоило, вместо одного злого чернокнижника мы заполучим двоих.

Я попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть...

— Не надо, — снова попросил меня вириец. — Ну давайте, расскажите глупому чернокнижнику, почему на самом деле вы так сюда рвались? Кто вам вдолбил в голову идею о спасении мира? Ну, чего молчите?

— Так ты и вдолбил, — с искренней непосредственностью Михея ответил Рион. — Сам же сказал, вывернет всех.

Я едва подавила желание засмеяться. Страх все еще не было, только в животе снова начала потихоньку образовываться голодная пустота.

— Рэг, неужели ты не видишь? — спросил чернокнижник непонятно у кого.

Даже Рион бросил короткий взгляд на небо, но, удостоверившись, что бог не в настроении отвечать, сделал это сам:

— Да объясни ты толком, что на тебя нашло?

— На меня? — горько удивился Вит. — А на тебя? На такого правильного Риона, от которого у всех сводит зубы?

— Оскорблениями ты ничего не добьешься, — на удивление спокойно ответил бывший чаровник и снова потер руку. — Говори, что случилось? Какого дасу ты тут творишь? Айка, ты в порядке?

Я хотела честно ответить, что нет — не в порядке, но нож еще сильнее прижался к шее. Ладно, будем молчать.

— Лучше вы расскажите мне, на что надеются маги, вызывающие созданий темного мира? Как они рассчитывают выжить?

— И как? — переспросил Рион, продолжая медленно идти за нами. — На что они вообще могут рассчитывать? На палача и веревку помягче?

— Почти. Вязываться в такое, не имея в союзниках зеркального мага, самоубийство. А зеркального сейчас днем с огнем не сыщешь, хотя вот, нашелся один. Нашлась, — понравился Вит. — А я-то еще думал, отчего мы все время так «удачно» оказываемся именно там, где вызывают дасу? Какая нелепая случайность. Почти невозможная. Ведь я сам выбирал путь...

— Вот именно, — кивнул бывший чаровник, — а обвиняешь нас.

— А потом понял: не мы шли за заговорщиками, а они за нами. Они вызывали демонов, зная, что зеркальный здесь, за твоим плечом, и в случае чего прикроет.

— Ты с таким знанием дела об этом рассказываешь... — не выдержала я. Нож дрогнул, царапая кожу.

— Вот теперь и объясните мне, зачем вы сюда так рвались и к кому? Почему не остались в Подлесце? Не набродились еще по лесам? А ведь я до последнего надеялся, что...

Чернокнижник замолчал, словно не в силах был выразить словами те чувства, которые клокотали в его душе. Ярость, сожаление, неверие и снова ярость.

— Так ты думаешь... — Рион вытаращился на Вита, словно мясник на кочан капусты, неизвестно как попавший к нему на разделочный стол. — Мы все это придумали? Выверты? Жертвы?

— Не сами, конечно. — Я уловила в голосе чернокнижника нотку сомнения. — Хотя тебя вполне могли использовать втемную, слишком уж ты прямой, словно новый тракт, а вот она. — Чернокнижник коснулся подбородком моих волос. — Ты злопамятна, своенравна, себялюбива, подозрительна.

— Сколько ласковых слов, — прошептала, ожидая очередного

движения ножа, но на этот раз вириец сдержал руку.

— Использовать тебя нельзя, а вот завербовать...

— Надо было сказать им, чтобы они с тобой посоветовались, — кивнул Рион.

— Сила зеркальных такова, что их нельзя заставить. То, что они могут делать, они делают исключительно добровольно.

— Вит, — позвала я и почувствовала, как он вздрогнул. — Ты отлично знаешь, что я никого не могу прикрыть, разве только одеялом. Я уже не маг. Я ничего не умею, ничего не могу, кроме... — Я вспомнила тепло его магии и то, как она множилась.

И он, видимо, вспомнил то же самое.

— Я ведь убью тебя, — склонившись к самому уху и касаясь кожи губами, прошептал чернокнижник.

«Верю», — хотелось ответить мне, но я промолчала, оттого что верить совсем не хотелось. Не хотелось представлять, что одно легкое движение руки может прервать мою жизнь.

— Последний шанс. — Голос мужчины стал вкрадчивым. — Если ты сейчас мне все расскажешь, я обещаю вам справедливый суд. Всем, кто в этом запачкался. Я наложу вето на любой вынесенный тебе приговор. Тебя помилуют. Слово рода Ордианских.

«Кто ты?» — вместо ответа чуть не спросила я. В Тарии правом казнить и миловать наделен только монарх. А в княжестве? Князь? Первый помощник пятого камердинера? Кто-то еще?

— Айка, — впервые за весь разговор Вит назвал меня по имени, — соглашайся, прошу. Времени нет...

Его оказалось даже меньше, чем он думал. Договорить ему не дала магия, обрушившаяся на нас сверху. Чужая, похожая на серые колючие ленты, которые пахнут вереском. Они коснулись меня вскользь, острыми иглами пройдясь по шкуре... и впились в чернокнижника. Он глухо вскрикнул, шевельнул рукой. Нож прошелся по коже огненным пером, вспорол кожу и выпустил алую кровь.

Я до последнего не верила, что Вит это сделает. И Рион не верил. Думаю, и сам Вит ни в чем не был уверен. Но...

Чернокнижник глухо зарычал. Я схватилась за горло, почувствовала, как пульсирует кровь. «Вот и все», — пришла нелепая мысль. Кошка нервно дернула хвостом. Страх все еще не было, лишь вспомнились река мертвых и белесый туман. Значит, скоро и я там буду бродить... Отчего же так есть хочется?

Я упала, сначала на колени, а потом на бок, ощутила у себя под щекой

холод мостовой. Кричал Рион, только вот звуки выходили уж больно растянутыми, медленными, словно мир вокруг замер, и последнее мгновение стало бесконечным. Вита за спиной не было, он отстранился. Или его отстранили — той самой колючей силой.

Глаза закрылись, я осталась наедине с темнотой горячей пульсацией. Что-то долго я умираю, и мысли дурацкие в голову приходят.

Кто-то коснулся шеи, сдавил, не давая дышать, не давая шевельнуться. Я открыла глаза. Надо мной с обеспокоенным лицом склонился Дамир.

Эол, он был именно таким, каким я его запомнила. Высоким, красивым, спокойным, словно якорь в бушующей вокруг реке событий.

Он заставил меня убрать руки от раны и продолжал говорить что-то ласковое, успокаивающее и даже требовательное. Но я не слушала, продолжала смотреть на его лицо, на лучики морщинок у глаз, на широкие плечи, темные, чуть тронутые сединой волосы. Он что-то спросил... Мне стало смешно. Какой с мертвеца спрос? В горле неприятно булькнуло, и с острая боль вернула меня в мир звуков.

— Рион! — закричал Дамир, с его пальцев потекло что-то холодное, что-то, погасившее пламя, которое начало разгораться у меня под подбородком. — Сейчас-сейчас, — пообещал учитель и, взяв одной рукой за плечи, а второй — под колени, поднял с земли.

К нему тут же подбежал бывший ученик, и мужчина передал ему меня. Надо сказать, Рион даже не пошатнулся. Горло начало покалывать, словно кожу в этом месте хлестнули жгучеядкой.

— Моей заплатки надолго не хватит, ты же знаешь, я не целитель. Давай бегом вниз по улице, так, словно за тобой сам дасу гонится, справа будет трактир «Голова лошади». Скажи Лиэссе, чтобы сделала все возможное. И невозможное тоже. — Последнее Дамир уже прокричал в спину ученика.

Меня тряхнуло, я стукнулась лбом о скулу парня и захрипела, тот побежал еще быстрее. Я вцепилась в плечи Риона и бросила взгляд назад. Дамир стоял над лежащим в пыли Витом. Вокруг головы чернокнижника обвилась серая полоска, которая прямо на глазах приобретала лиловый оттенок, словно насосавшаяся крови пиявка. Вириец пытался отодрать ее ото лба, но магическая повязка будто приросла к коже.

Откуда-то я знала, что это больно. Что его кожу сейчас жжет так же, как и мою. Знала, что колючая магия впилась в его плоть острыми крючьями и дергала, словно больной зуб, как только Вит пытался применить магию. Кошка зарычала, изготовившись к прыжку. Я напряглась, бывший чаровник ускорил шаги...

— Ты только потерпи, только не умирай, — бормотал парень.

Я выдохнула, сдерживая порыв, понимая, что едва не бросилась на помощь человеку, который только что перерезал мне горло. Видимо, пора лечить не только шею, но и голову.

И все же кошка страдальчески мявкнула. Она... я... Мы чувствовали его боль. И это было неправильно. Это надо было остановить. Не потому, что чернокожничек не заслуживал боли. Еще как заслуживал. А оттого, что теперь я была вынуждена делить эту боль с ним. Не хочу. В кои-то веки боги ошиблись.

Рион услышал стон, решил, что я все же надумала помереть, и побежал еще быстрее.

У самого трактира бывший чаровник едва не упал, врезался боком в замшелую каменную кладку и только благодаря этому устоял. Пнул ногой дверь и ввалился в пахнущий травами полумрак зала, в этот час непривычно пустынного, с выскобленными столами и задвинутыми под них лавками, с чучелами животных по углам и пыльными рогатыми головами над стойкой бара, с ржавыми доспехами напротив двери и кандалами каторжника на почетном месте.

Все это я отметила мельком, зал трактира развернулся, словно вышитое полотно, и тут же скрылся в полумраке.

Я старалась думать о чем угодно, только не о том, что «заплата» Дамира может не выдержать, не о том, что кровь в любую секунду может забулькать в горле. Страх не было, была злость. Я не хотела умирать. Эол великий шутник, ведь чем чаще меня старались убить, тем сильнее я хотела жить и находила все больше и больше привлекательного в этом мире.

На последнем от двери столе горела одинокая свеча. При нашем появлении с лавки поднялась женщина. Рион торопливо посадил меня прямо на стол и выпалил:

— Мейс^[25] Лиэсса, Дамир просил...

Она остановила его взмахом руки, а второй схватила меня за подбородок, заставив запрокинуть голову.

— Шшшссс, — смогла прохрипеть я и начала заваливаться на спину.

Снова брызнула кровь, закричал, подхватывая меня, парень. В горло будто углей насыпали. А теперь еще и пошевелили кочергой.

— Мой саквояж... из комнаты... живо, — отдала приказ женщина, касаясь моего горла и одновременно не касаясь его.

Секунда уходила за секундой.

Раз... и Рион подхватил меня и с великой осторожностью положил мою голову на стол, словно это была яичная скорлупа.

Два... кровь закапала на темное дерево.

Три... кожи коснулось что-то невидимое. Не пальцы, что растопырила надо мной Лиэсса, а что-то иное, похожее на тонкие палочки или вязальные спицы, а может, даже крючки. Или коготки маленького юркого зверька вроде ласки. Я ощутила их прикосновения, ощутила, как они приподнимают и соединяют края раны, как вскипает, коснувшись их, кровь.

Это как с моим хвостом, его никто не видит, но он есть.

Это магия. Знакомая магия. А ведь я уже сталкивалась с подобным, когда помогала бабке. Наблюдала, как работает маг-целитель, вот так же, растопырив пятерню над больным местом. Видела, но не понимала. Видела, но не чувствовала его невидимые руки, как сейчас.

Лиэсса — маг, внезапно осознала я. Ее сила не была совершенно чуждой, я уже знала ее запах, ощущала его раньше.

— Да, — проговорила она, словно я ее о чем-то спрашивала. — Я целитель. Очень слабый, почти на грани травницы-шептуньи, но... — Она замолчала и, сжав руку в кулак, добавила: — Молись, чтобы этого «но» хватило.

Я смотрела на ее склоненную голову, на покачивающиеся серьги с темными камешками, на цепочку медальона, заправленного в вырез платья, на белую кожу... Вдыхала ее запах. Запах огня и сытного ужина, запах воды и пепла из очага, запах отчаяния и лжи...

По лестнице загрохотали тяжелые шаги Риона.

— Вот, меис. — Парень грохнул сумку об пол.

Но Лиэсса не ответила, она продолжала раз за разом направлять свою юркую магию в рану.

Голова женщины дернулась.

— Не выходит, — сквозь зубы пробормотала она. — Надо срastить хотя бы крупные сосуды.

Я почувствовала, как уплываю куда-то. Стол и комната закачались.

— Айка, нет! — закричал бывший чаровник.

Но даже это «нет» показалось мне невероятно далеким. Что ж, Дамир всего лишь отсрочил неизбежное. Пусть теперь без меня воюют с дасу.

— Сделайте же что-нибудь! — потребовал Рион.

— Что? У меня сил — на кончике иглы...

Силы на кончике иглы... Наверное, это очень мало. Мало? А что, если изменить это? Что, если...

С невероятным усилием я подняла руку и схватила Лиэссу за ладонь. Женщина поперхнулась словами.

Ее магия не была такой теплой и родной, как у Вита. Ее сила

распалась, утратив форму. Она напоминала песчинки, что ненароком попадают в сапог и ранят пятку. Острые и настолько мелкие, что не ухватить, не перетянуть к себе. Они сопротивлялись, не желая вливаться в меня. Не желая оживать.

Ничего не выйдет, у меня просто нет на это времени. Вит мне доверял, а я доверяла ему настолько, насколько вообще была способна доверять кому-либо. Какая ирония...

Лиэсса не Вит. Ее сила чужая.

А разве обязательно тащить в себя всякий мусор? Я — зеркальный маг. Кажется... Так, может, и не надо пропускать силу через себя, может, достаточно... отразить ее?

«Эол, если ты меня слышишь, сделай так, чтобы я оказалась права, — пришли наконец правильные слова для молитвы, — у меня никогда не было учителя и, наверное, уже не будет. Но вот сейчас, здесь, сделай так, чтобы моя догадка оказалась верной. Сделай так, чтобы у меня получилось!»

Я представила зеркало, в котором тут же отразилась моя кошка. Усы вразлет, уши топорщатся, хвост поджат. Одно зеркало, второе, третье, четвертое, пятое... Кошка подняла морду, и ее отражения повторили движение вместе с ней. Я — зеркальный маг. Я отражаю силу, и она множится в собственных отражениях. Множится и множится, растет...

Лиэсса замерла, хватая ртом воздух, ее невесомые палочки-крючки вдруг стали тяжелыми, плотными и почти ледяными, они несли долгожданное онемение горящей огнем коже. Это — как на морозе схватиться за обод телеги и только в последний момент понять, что он не деревянный, а кованый. Вот так и невидимая сила женщины вдруг стала тяжелой, словно отлитой из полновесного серебра.

Рука разжалась, отражения, которые только что окружали меня со всех сторон, стекли вниз прозрачными каплями. Что бы ни происходило, оно закончилось очень быстро. Как и отведенное мне время. Одинокая свеча на столе потухла, зал трактира погрузился во тьму, увлекая меня за собой. Я больше ничего не чувствовала и не видела. Жаль, что так и не узнаю, получилось или нет.

— Ты уверен в этом? — услышала я смутно знакомый голос. — Чаровники, вызывающие демона? О таком уже лет сто не слышали.

Хм... интересно, а что он делает в загробном мире?

— Уверен, учитель, — с жаром подтвердил Рион.

— Насколько, чтобы держать ответ перед советом? Поручишься именем и силой?

— Да, учитель. Поручусь.

Я открыла глаза и удивилась, когда у меня это получилось. Значит, еще есть что открывать.

— Тогда идем.

Я медленно села, ощупывая руками грубое выскобленное дерево трактирного стола. Стало быть, где упала, там меня и оставили. Нет бы в комнатку перенести, простынку накрыть. Никакого уважения к покойникам.

— А может, не надо? — раздался просительный женский голос. — Дамир, давай уедем. Заберешь своих... — Она замялась, но потом с усилием продолжила, — ...учеников. Пусть тут без нас разбираются.

— Лиэсса, — укоризненно попенял Дамир. — Бегство — не выход, ты же знаешь. Айка... — позвал он, и я повернула голову.

Шея казалась деревянной. Словно у куклы, каких продавали мастера на ярмарках. У меня даже была одна, пока Гунька не закинул ее в речку, чтобы проверить, на самом ли деле я так боюсь воды, как говорят.

Судя по нагару свечи, при смерти я находилась недолго. Подняв руки, осторожно коснулась горла. Шею обхватывала плотная повязка. Не слышала раньше о таком легком способе лечения вскрытого горла.

— У Лиэссы все получилось, — улыбнулся Дамир.

— Что... — прохрипела я и поразилась, как тихо и чуждо звучит голос.

— Связки она тебе тоже срастила, но пройдет какое-то время, прежде чем голос вернется, — произнес действительный маг.

Меня снова посетило странное чувство, которому никак не получалось придумать название. Чувство повторения. Словно это все уже было. Словно я уже переживала этот момент: ранение, Дамир, Лиэсса, которая меня лечила, голос, который мне будто не принадлежал. Ведь переживала я то же самое, только не здесь. В Вышграде.

— Дамир, — заговорила женщина. — Я прошу тебя, зачем нам теперь...

— Не обсуждается. Мы идем в Веллистат,^[26] надо найти Тамита. Если кто и расскажет, что происходит, то только он. — Чаровник подхватил с лавки плащ.

— А Тамит не может быть замешан в происходящем? Не может находиться среди тех, кто вызвал дасу? — с сомнением проговорил Рион.

— Только не Тамит, уж поверь, в нем я уверен как в самом себе. — Действительный снова посмотрел на меня, в его взгляде сквозило тепло.

Когда в последний раз человек был так рад видеть Айку Озерную?
Ответ: никогда.

— Присмотри за Айкой до нашего возвращения, — попросил женщину учитель Риона.

— А как же этот? — Она бросила опасливый взгляд на дверь, что вела то ли в подсобку, то ли на кухню, то ли в кладовую, последнее вернее всего.

— Никак. Забудь. Вернусь, разберусь. Все. Идем, Рион, — скомандовал Дамир, и парень последовал за учителем.

Проходя мимо, бывший ученик позволил себе коснуться моей руки и ободряюще сжал ладонь. Я ответила Риону тем же. Я была рада оказаться здесь. Рада, что осталась живой. На самом деле рада.

Хлопнула дверь, пламя свечи поколебалось несколько мгновений, словно танцуя на кончике фитиля, а потом снова выровнялось.

Мы с Лиэссой переглянулись. Похоже, кроме нас, в трактире никого не было.

Живот снова свело от голода.

Женщина отвернулась, провела рукой по столу. Я посмотрела в окно: алая полоска зари словно прилипла к горизонту, едва заметно окрасив стены домов в розовый цвет. Ночь уже кончилась, но день никак не занимался, будто его удерживали, не давая тьме уйти.

Мы молчали. Минуты уходили одна за другой. Я продолжала следить за Лиэссой. Интересно, что она думает обо мне? Кто я Дамиру? Случайно подвернувшаяся девка, что смотрит на мага, раскрыв рот от обожания? Зеркальный маг? Или просто пыль под ногами, о которой и помнить-то зазорно?

— Ой, — она всплеснула руками, — я же хотела...

Она оглядела пустой трактир, пытаясь придумать, чего же она такого могла хотеть.

Но для меня это ее «ой» стало спущенным арбалетным болтом. Я поняла и... не испугалась, нет, я была раздосадована, что не видела очевидного раньше.

— Наверное, это тяжело, — спросила, слезая со стола. — Носить чужое лицо? Поверь, я знаю. — Лиэсса удивленно подняла голову. — К нему легко привыкнуть, оно может прирасти к твоему собственному так, что потом избавиться от него удастся с большим трудом.

Я медленно пошла к женщине. Не было ни головокружения, ни слабости от потери крови. А ведь она и в самом деле неплохой целитель. Только слабый.

— Чужая шкура становится привычной, невесомой, и, даже сбросив ее, не всегда можешь избавиться от присущих ей черт, они вылезают тут и там. Например, когда видишь кого-то, кто помнит тебя иную, и не

успеваешь осознать, как привычки, жесты, слова твоего «другого» лица возвращаются.

Она настороженно смотрела на меня. Пахнувшая пеплом женщина. Пеплом мира мертвых, из которого мы вывалились не далее как час назад.

Лиэсса постаралась вернуть лицу выражение отстраненного высокомерия, куда более подходящее женщине Дамира. Но личина расплзлась, как сшитая на скорую руку рубаха, стоило только потянуть за незакрепленную нить.

— Она тоже все время ойкала. — Я остановилась, с интересом разглядывая статную черноволосую женщину, та подняла руку... — И так же прикрывала рот рукой, боясь сказать лишнее. Значит, Мира, вы выбрали. И солдаты тоже?

Черные глаза зло сузились, вместо ответа женщина толкнула меня в грудь. Я позволила ей это сделать, позволила отшвырнуть себя. Иногда хищнику для удачной охоты нужно притвориться мышью, чтобы тот, кто стоит рядом, вообразил себя котом и не сбежал. Например, в ту дверь черного хода у Лиэссы за спиной.

Я ударилась спиной о столешницу, зацепилась ногой за лавку и упала на пол.

— Знала бы ты, — женщина со злостью пнула меня в бедро, — как мне осточертело носить вам еду и разыгрывать из себя простушку.

— У тебя отменно получилось, знатная дама — это не твое, — хихикнула я и получила еще один пинок. — Почему я раньше не догадалась? Это же так просто. А вот Вит понял...

— Что эта порченая кровь могла понять? — Лиэсса фыркнула, увидев, что я не собираюсь лезть на нее с кулаками, немного успокоилась и стала поправлять волосы. — Вит сам же меня из Волотков и вытащил. Дурак.

— Это он погорячился, — согласилась я. — Странное, почти невозможное совпадение.

— А представь, как я удивилась. Ведь думала, что уже отбегала, попала под выверт. — Ее рука снова поднялась, но на этот раз не ко рту, а к груди, к вырезу платья, к серебристой цепочке на шее.

— Он понял все позднее, — размышляла я. — Наверное, в Полесце, когда ты, хлопая глазами, попросила отправить письмо дядюшке в эти самые...

— Козлилки.

— Точно. — Я хлопнула себя по лбу, разглядывая нависшую надо мной Лиэссу. — Казум говорил, что в Волотках все поголовно неграмотные, а тут дочь валяльщика письма с голубем рассылает. Да и вряд

ли голубю известна дорога в Козлинки, вряд ли кому-то придет в голову натаскивать птицу на полеты в ничем не примечательный поселок. Другое дело — Вирит, Вышград или... Велиж... — Я выпрямилась, женщина тут же отступила на шаг. — Только, поняв это, он почему-то записал меня к тебе в подружки. Знаешь, как я мысленно называла тебя? «Падаль». И ведь почти не ошиблась. Скажи, а Мира... Настоящая Мира — дочь валяльщика — мертва?

— В Волотках все мертвы, не забыла?

— Это не ответ.

— Ну, если тебя волнует судьба селянки. — Лиэсса пожалала плечами. — Мира мертва. Давно. Я сама вогнала ей под ребра нож. Не хотела, как Залом, столкнуться с копией.

— Копия — это ты, падаль.

— Тварь! Эх, знала бы ты, как ночами я лежала без сна, раздумывая, а не подойти ли к тебе, не опустить ли подушку на белое личико.

— Так чего же не подошла? — Я не делала попытки подняться, только то выпускала, то убирала невидимые когти.

Женщина промолчала. Ответ был очень прост, он лежал на поверхности, но некоторые вещи тяжело произносить вслух.

— Потому что тебе не велели, — наконец сказала я, ухватилась за край лавки и попыталась встать. — Не велели трогать зеркального мага.

Не знаю, что ее насторожило, слова или действия. Но она вдруг схватила свечу и швырнула мне в голову. Я отбила оловянный подсвечник рукой, но воск попал на кожу, заставил меня зашипеть от боли, свеча упала на пол и закатилась под лавку.

На миг, всего лишь на миг, я отвела взгляд от Лиэссы, но этого хватило, чтобы она бросилась на меня, навалилась всем телом. В ее руке матово сверкнуло лезвие ножа. Я выпустила когти, звонко стукнувшие о металл, и мы покатались по полу, сцепившись, как две дворовые кошки.

— И что ты сделаешь? — прошептала я, глядя в ее искаженное гневом лицо. — Снова вскроешь мне горло, которое сама же и исцелила?

— Ты дала мне для этого силы, — проговорила она, продолжая давить на лезвие.

А я вдруг поняла, что удерживаю его без всякого труда. И даже ее тело не кажется мне таким уж тяжелым, пусть она крупнее меня раза в два. Я в любой момент могу сбросить женщину с себя, и даже больше того...

— Спасибо, что напомнила. Говорят, забирать подарки — дурной тон, но я ведь не дама вроде тебя. Я — деревенская девчонка, не имеющая понятия о хороших манерах.

С этими словами я выпустила лезвие и схватила ее за запястье, а невидимый хвост, скользнув по руке Лиэссы, обвил ее чуть выше моих пальцев.

Пред глазами снова появились зеркала, и снова зверь глядел на меня с каждой поверхности, только на этот раз я не собиралась множить отражения. Я собиралась их сложить, как гадальные карты в колоду. Одно на другое. Не обращая внимания на нечеловеческий вой Лиэссы, на то, как забилось в конвульсиях ее тело. Куда-то в сторону отлетел нож. Теперь она хотела только одного: вырвать руку из моих пальцев, вырвать, пока...

На этот раз ее сила оказалась более податливой. Она собралась и снова напомнила мне юркого зверька, что сейчас скалился на мою кошку. Еще один осколок воспоминаний среди десятка таких же. Там, на погосте в Волотках, ложная Лиэсса-Мира увидела мою силу, а я — ее. Юркую серую ленту, что напоминала ласку. Можно натянуть на лицо любую личину, но нельзя надеть маску на магию, живущую внутри.

Теперь сила принадлежала не только ей, она принадлежала и мне. Я позволила ей вырасти, вложила что-то свое, и та с готовностью возвращалась обратно, прихватив с собой песчинки колючей магии целительницы. Это — как опустошить сосуд, взять и выпить одним махом крынку молока. Даже голод, что продолжал меня терзать, унялся.

Мелькнула мысль о печати смерти, что могла появиться у меня над головой, поскольку я забрала чужую силу. Мелькнула и исчезла. Сейчас мне были безразличны все печати мира, даже если придется снова прогуляться на эшафот.

Я разжала пальцы, женщина, продолжая завывать, скатилась на пол и поползла в сторону, изредка повторяя:

— Нет-нет-нет...

Я поднялась и села на лавку, из-под соседней начала виться вверх тонкая струйка дыма. Мы поменялись ролями, теперь Лиэсса корчилась на полу, а я смотрела на нее сверху.

— Скажи, а Дамир знает? — задала я, наверное, главный вопрос, на который хотела услышать ответ.

Она закрыла рот, оборвала причитания, подняла голову и вдруг расхохоталась. Куда только делось напускное высокомерие, с которым Лиэсса отдавала приказы Риону? Куда делась горделивая осанка? Куда исчезла спутница действительного мага и как на ее месте оказалась ненормальная старуха?

Это был неправильный смех, черты лица исказились, подергивались, как у умалишенной. Эмоции смешивались и перекрывали друг друга. Боль,

злость, отчаяние, радость, предвкушение...

— Ну конечно, знает, не может не знать, — ответила я сама себе, оглядывая зал трактира и прислушиваясь к едва различимому треску пламени: брошенная женщиной свеча не погасла. — Маг, у которого есть апартаменты в Веллистате, снимает трактир? Зачем? Затем, чтобы в этом самом Веллистате не знали, где и чем этот маг занимается. Ты ему отправила послание из Полесца? Отправила в Велиж, а никак не в Козлинки. Ты сообщила, где мы и что с нами.

Я говорила, а она смеялась, не соглашаясь, но и не отрицая.

Странно, но, говоря все это, я ничего не чувствовала. Совсем. Наверное, я не очень хороший человек, даже, скорее всего, плохой. За всю мою недолгую жизнь меня тянуло лишь к двум мужчинам. Один из них меньше часа назад перерезал мне горло. Второй планировал массовое убийство людей. И я пока затруднялась сказать, что хуже.

— Куда он увел Риона? Ну, говори! — потребовала я, схватив женщину за волосы и заставив смотреть мне в глаза.

— В Веллистат, — хрипло каркнула она.

— Зачем?

— Затем, что для вызова понадобятся жертвы, да не простые, людьми тут уже не отделаться.

— Рион — его ученик!

— Знала бы ты, как Дам жалел, что взялся учить этого недалекого неумеху... Знал бы Дам, что ты обо всем догадаешься — прихватил бы и тебя, рассуждала бы сейчас, лежа на алтаре.

Я отпустила ее волосы и вытерла ладонь о штаны, не смогла удержаться. Отвернулась, сделала шаг к кладовке...

— Дура! — Лиэсса схватила меня за ногу. — Дура, вириец убьет тебя! У него нет выбора! Твой единственный шанс — Дамир!

— Шанс на что?

— На жизнь! Помоги ему, а потом...

— Что? — Мне и в самом деле было интересно. В зале трактира все сильнее и сильнее пахло горелым. — Будем жить среди мертвецов веселой семьей на троих, как кочевники за Тесешем?

— Это лучше, чем смерть. — Лиэсса вдруг стала цепляться за меня, как нищенка у часовни Эола, пытавшаяся выклянчить медный черень. — У нас будет сила! Мы уедем отсюда туда, где никто не будет знать... Мы заставим с нами считаться...

— Так ты мою силу делишь? — Я отцепила ее руки от своей ветхой, истрепавшейся одежды. — Тогда ответь на один вопрос. Сколько мне

понадобится времени, чтобы убедить Дамира в том, что сила, поделенная на двоих, это гораздо больше, чем поделенная на троих? Зачем нам целитель, у которого резерв с наперсток?

— Ах ты! — Женщина просто задохнулась. Она схватила меня за руку, впилась ногтями в ладонь и дернула на себя. — Сегодня ты сдохнешь, а я буду смеяться. Запомни это, последним, что ты услышишь в этом мире, станет мой смех...

На соседней лавке появились маленькие язычки пламени.

— Нет, — сказала я, — не будет, — и выпустила когти.

Не те человеческие обломки, которыми царапала меня Лиэсса, а свои призрачные когти, что появились у меня вместе с хвостом. Они вспороли ее кожу, словно наполненный вином бурдюк. Потекла кровь. Женщина завизжала, силясь убрать руку, дергая и дергая ее, но вместо того чтобы освободиться, только сильнее насаживала ладонь на когти. Волосы упали, закрыв кривящееся от боли лицо. Без труда удерживая ее одной рукой, дернула второй за серебряную цепочку, вытаскивая на свет украшение. И даже не удивилась, увидев черную капельку маскировочного амулета. Точно такого же, как у меня.

— А Тамит знает, у кого еще есть подобные артефакты? — спросила я, но женщина продолжала дергаться, не слушая и не видя ничего вокруг. — Знает, что Дамир раздает их направо и налево? — Я сжала черный камешек в кулаке и ощутила слабую, едва уловимую пульсацию. В нем еще была сила. Голод дал о себе знать, неприятный, сосущий, словно в животе вместо внутренностей находился водоворот. — Чем люди отличаются от вещей? — спросила в пустоту. И сама себе ответила: — Ничем. Те же сосуды, только говорящие.

Камешек в моей ладони нагрелся, отдавая тепло, а вместе с ним и силу.

Женщина замерла, тоненько подвывая, в ее руке все еще были мои когти. Ее волосы вдруг посветлели, в них появилось золото, они стали цвета рыжего закатного неба. Лицо помолодело...

— Сколько же у тебя имен? — прошептала я, глядя в зеленые глаза, сменившие черные, всматриваясь в еще одно знакомое лицо. — Лиэсса. Или лучше Лиска? А может, Аська-хитруха?

Иногда мы не властны над своими эмоциями и над их проявлениями. Люди пугаются громкого крика, девки визжат, увидев мышь, кузнец, попав молотом по пальцу, выражается на великом и могучем тарийском. Иногда что-то происходит помимо нашей воли. Так и сейчас я называла имена, а маски одна за другой проступали на ее лице и тут же исчезали, как сброшенные второпях вуали. Лиэсса, Лиска, Мира... А скольких я не знала,

скольких не могла назвать и увидеть? Каждая из личин исчезала, забирая с собой какую-нибудь черточку лица: разлет бровей, цвет глаз, горбинка носа, пухлые губы, румянец...

Камешек остыл. И вместе с ним исчезли чужие лица, оставив после себя последнее.

— Аська-хитруха? Так тебя звали в родных Волотках? Когда-то давно, до того как ты сбежала с заезжим магом. — Я выпрямилась. — А мага звали Дамир Вышградский? Или тогда он еще не был действительным? Вы тогда в первый раз столкнулись с вывертом?

Женщина задрожала всем телом, слепо глядя куда-то мимо меня. Она оказалась куда старше, чем я думала. Когда-то черные волосы уже начали сесть, губы оплыли, глаза, окруженные сеточкой морщин, выцвели и глубоко запали. Обычная, ничем не примечательная женщина, затюканная жизнью и уставшая от нее. Таких в Тарии тысячи. Как сказал покойный Казум, много лет минуло с тех пор, как она уехала из родного поселка.

Лиэсса перестала дергаться и вырываться, только продолжала смотреть прямо перед собой. А кровь все текла по нашим рукам.

Я уронила ставший бесполезным камешек, он ударился о лиф ее платья и замер на груди. Темный дым стелился по полу. Натертое мастикой дерево занималось медленно, пламя еще подбиралось к столу.

Когти втянулись, женщина упала на пол и уткнулась лицом в доски, судорожно дыша, будто пробежала не один десяток вар. Она больше ничего не говорила, лишь сжимала и разжимала кулаки, не обращая внимания на рану в ладони.

Я нехотя отвернулась и пошла к кладовке. Нехотя, потому что... Я тряхнула головой, отгоняя назойливую мысль. Кошка рычала. Она была против того, чтобы оставлять врага за спиной. Живого врага. Сколько раз эта дрянь пакостила нам? Сколько раз оставляла с носом? И пусть сейчас Лиэсса лежала на полу совершенно раздавленная, оглушенная... Но она встанет. Я обернулась.

Темную фигуру окутал дым.

Чего же проще, приставить пальцы к шее и выпустить когти? Это нетрудно. Но несколько сложнее решиться на убийство, повинувшись доводам рассудка, а не под влиянием момента. Не защищая при этом свою жизнь.

Я подошла к двери, про которую говорил Дамир, той двери, которой опасалась Лиэсса, и, приняхавшись, удовлетворенно заурчала. Там находился некто знакомый. Некто, кому я очень хотела расцарапать лицо.

Я села на пол, прислонилась спиной к двери и уставилась на дым. Дышать становилось труднее, огонь уже поднимался по ножке стола. Я не

стала задавать глупых вопросов, слышал ли нас Вит. Не стала интересоваться, понял ли он, что я ни при чем. Я задала не менее дурацкий, но куда более важный вопрос:

— Зачем они вырвали мне резерв? Если знали, что я зеркальный маг? Если Дамир знал, зачем отправил на ритуал покаяния? — Закашлялась и прошептала: — Это лишено смысла.

Чернокнижник не отвечал целую минуту, и лишь когда я подумала, что можно не ждать объяснений, а просто встать и уйти, Вит вздохнул и произнес:

— А зачем в гильдии попрошаек нищим выкалывают глаза? Чтобы они приносили больше денег. Им больше подают, их жалеют. Без глаз они в двадцать раз полезнее. А что глаза? За них будут смотреть другие. И говорить, куда идти. Так даже лучше. — Чернокнижник коснулся пальцами двери, я услышала скребущий звук. — Кастрюля предназначена для того, чтобы в ней варили суп, а не для того, чтобы давать советы стряпухе. Зачем тебе резерв? Чтобы самостоятельно творить заклинания? Вот еще! За тебя это прекрасно сделают другие. Твое дело — множить силу, даря могущество настоящим магам.

— Например, тебе.

— Например, мне.

— Значит, Дамир все знал. — Я кивнула.

— Лучше спроси у него сама.

— Я спрашиваю у тебя.

Дым уже стал подниматься к потолку.

— Если не совсем дурак, а он, в отличие от Риона, не похож на дурака, то знал. Примерно с того самого момента, когда ты вытянула силу из камня его ученика. Такое мог бы проделать опытный маг, рискуя заполучить печать смерти, но не деревенская девчонка, если только она не...

— Зеркальный маг, — закончила я. — И теперь я могу лишь забирать силу и делиться ею. Но не могу ничего создать.

— Они будут рады, если ты поделишься с ними. Зеркального мага нельзя заставить.

— Ты все слышал? — все-таки спросила я, поднимаясь и зажимая нос рукавом.

— Не глухой. Но это ничего не меняет. Сожалею.

— Назови мне хоть одну причину, по которой я должна открыть эту дверь?

— Не назову. Просто уходи отсюда. Прямо сейчас. И проживешь на час-два дольше.

Я коснулась засова, коготь проскрежетал по железу, соскребая ржавчину.

— Уходи, Айка. Сделай мне последнее одолжение.

— С чего бы это? — спросила я и дернула задвижку.

Дверь открывалась очень медленно. Темные щупальца дыма зацепились за косяк и поползли внутрь, теряясь во мраке кладовой, в которой вириец казался всего лишь бесплотным силуэтом. Всего лишь тень во тьме. Но эта тень шевельнулась и шагнула вперед.

Виту сильно досталось от Дамира. Не знаю почему, но это меня удивило. Чернокнижник казался сильным, сильнее всех остальных магов, и вдруг такой щелчок по носу. На каждого сильного мага всегда найдется другой, еще более сильный.

Я отступила, продолжая закрывать рукавом нос. А Вит, наоборот, вышел из тьмы. По лицу чернокнижника текла кровь. Серые ленты, которыми наградил вирийца настоящий маг, все еще были на нем. Но сейчас они больше напоминали гибкие стебли вьюна, что цеплялся за наш забор в Солодках. Эти тоже цеплялись, растопыривали гибкие усики и впивались в кожу чернокнижника, обвивая его лоб наподобие лент или сплетенного из магических растений венка, что надевают девки в День высокой воды. Только это украшение было хищным. Я чувствовала его голод. Так один хищник знает о присутствии другого.

Вит поднял руку ко лбу, и серые шипы на стеблях магического венка шевельнулись, впились в кожу и налились лиловым цветом, словно насосавшиеся крови пиявки. Лиловый... Совсем как в том куполе, под который по иронии богов мы попали здесь же, в Велиже. Они реагируют на магию, вспомнила я, и, когда вириец пытается применить силу, пьют ее.

Чернокнижник пошатнулся и судорожно выдохнул. По лицу мужчины текла кровь, она оставляла на смуглой коже бордовые дорожки. Вит напоминал уличного шута, у которого потекла с лица краска. Один глаз был полностью залит кровью. В уголке рта ссадина, правое ухо распухло. И все же его серые глаза горели решимостью.

— Вит, — его имя — это все, что я смогла произнести, прежде чем он вышел из кладовки, словно мученик Эола, которому заковали голову в железный венец.

Я отступала, а он наступал, не сводя с меня глаз. Я закашлялась от дыма, прислонилась к стене...

— Назови мне хоть одну причину, по которой я не должен закончить начатое? — прошептал Вит и, нависнув надо мной, уперся руками в перегородку. — Без зеркального против демона у отступников нет ни

единого шанса. Нет даже его тени. Как думаешь, если я убью зеркального мага, они остановят вызов?

— Да, — ответила я, глядя в его лицо, на дым, что собирался за спиной, на языки пламени... Его рука тут же легла мне на шею, слегка сдавила. — Чтобы остановить ритуал, они должны знать, что зеркальный мертв. Должны быть уверены. Но, боюсь, если ты придешь туда, — я качнула головой, стараясь не обращать внимания на то, что Вит все сильнее и сильнее давит мне на горло, — и расскажешь, как задушил меня в трактире, вряд ли они впечатлятся. Придется тащить тело. Давай, я дойду сама?

— Это если у них нет запасного плана. — Вит покачал головой, не торопясь убирать руку, лишь перестал давить на горло, позволив мне сделать глоток горького, пахнущего гарью воздуха. — А он должен быть. Хотя бы потому, что все началось задолго до вашей с Дамиром встречи и задолго до вашей встречи с его учеником.

— Но тогда... — Я не смогла договорить. Не смогла задать пришедший в голову вопрос. Страшный вопрос. Если в моей смерти нет выгоды ни Дамиру, ни Виту, если смерть зеркального никого не спасет и не остановит ритуал, то почему... За что чернокнижник хотел меня убить?

Я смотрела в его лицо, знакомое и незнакомое одновременно. Смотрела и не знала, что должна чувствовать. Не знала, кто он мне, а я ему. Убийца? Друг? Возлюбленный? Спутник жизни? А может, чужак, который только сейчас показал свое истинное лицо?

Не знала и оттого сказала первое, что пришло на ум. Сказала правду:

— Ненавижу. За то, что убил.

— Ненавижу, — глухо ответил он, касаясь горячими пальцами подбородка. — За то, что не умерла. За то, что мне придется убивать тебя снова.

Он обхватил рукой мой подбородок и...

Видимо, сказалось все, произошедшее со мной, все хорошее и плохое, усталость и раздражение, недоверие и надежда, и еще Эол знает что. Потому что, когда чернокнижник склонился к моему лицу и коснулся губами моих губ, я не оттолкнула его, не закричала, не сказала, чтобы он убирался к дасу в пекло. Я не сделала ничего, только наслаждалась его прикосновениями.

И касалась сама. Подняла руку, дотронулась до его вымазанной кровью щеки. Лицо Вита замерло в двух пальцах от моего.

— Ненавижу, — повторил вириец. — Как жаль, что ты есть.

И снова поцеловал меня, на этот раз совсем не нежно. Скорее с

жадностью, граничащей с грубостью. А я отвечала, ловя губами его губы, ловя его дыхание, зарываясь рукой в волосы и натываясь на лиловые шипы...

Вит зашипел, отстраняясь.

— Как жаль, что ты есть, — эхом повторила я, снова дотрагиваясь до стеблей магического венка, до подвижных шипов, поддевая пальцами обхватывающие голову хищные ленты. На каждого хищника найдется другой хищник. Заклинание Дамира пило магию чернокнижника, а я выпила само заклинание. Осушила залпом. Чужая сила провалилась в мой водоворот, не замедлив его ни на миг.

Серо-лиловый венок рассыпался хлопьями, они исчезли, не долетев до пола. Чернокнижник ничего не сказал, лишь снова коснулся моих губ, но на этот раз легонько, почти вскользь. На этот раз его поцелуй отдавал горечью.

А потом развернулся, выругался, подскочил к окну и, сорвав занавеску, набросил ее на горящий стол, затоптал танцующие на полу язычки пламени. Я вдруг поняла, что в трактире почти ничего не видно и нечем дышать. Подбежала к двери, напротив которой стояли железные рыцарские доспехи, распахнула ее, вывалилась на серую предрассветную улицу. Воздух показался приторно-сладким. Я никак не могла надышаться, не могла выдохнуть запах гари и горечи.

— Вит, я... — заглянув в трактир, тут же забыла, что хотела сказать.

Чернокнижник уже потушил огонь, дым медленно развеивался. Лиэсса сидела рядом с доспехами, подтянув колени к груди. Мы встретились с ней взглядами как раз в тот момент, когда подошедший вириец схватил ее за волосы и одним скупым движением перерезал горло. Перечеркнул шею, как провел пером по бумаге. Края раны разошлись, наполнились кровью, алые капли осели на стене, косяке и... на мне.

В горле Лиэссы что-то булькнуло, кровь полилась ручьем. Женщина упала на пол, конвульсивно подергиваясь. Она не успела даже понять, что произошло, не успела даже удивиться.

«Так вот как это выглядит со стороны», — пришла в голову непрошенная мысль.

— За-зачем? — тихо спросила я.

— Затем, — скупое ответил Вит. — Приключения закончились. Началась реальная жизнь. Я не оставляю ее за спиной.

Кошка рыкнула, полностью одобряя его поступок.

— Она могла бы рассказать нам...

— Что? — перебил Вит, выходя из трактира. — Что, кроме вранья, ты

хотела от нее услышать?

— Мы этого не знаем! Она отвечала на вопросы!

— Да. И я бы на твоём месте задумался: почему? Вряд ли ты такая страшная. Почему девка не сбежала, а всего лишь устроилась возле двери, ожидая исхода нашей с тобой беседы? Почему она молчала, а потом вдруг разговорилась, рассказала о судьбе Риона. Разве она похожа на ту, кого волнуют чужие жизни?

— Потому что... Потому что... — Я закрыла глаза. — Она знала, что чужие жизни волнуют меня. Ей нужно было, чтобы я пошла туда. К Источнику.

— Уверен, если бы ты не опознала в ней Миру, она придумала бы другой предлог. Ты нужна там, у эпицентра выверта. Но нужна в определённый момент. Поэтому она и не ушла. Хватит. Она слишком много раз переходила нам дорогу.

Я молчала.

— Ты странная, Айка. Всегда была такой. Готова спалить город, — Вит обвел рукой наполненный дымом зал, — но не готова убить врага, от которого куда больше вреда, чем от пожара.

Я замотала головой, едва замечая, что отступаю от вирийца. Сероголубые глаза сузились...

Не знаю, что бы ещё он мне сказал. Что мы вообще могли сказать друг другу?

Но в этот миг нас ударило. Меня швырнуло на землю и протащило несколько шагов по мостовой. Вит упал на одно колено, плечи напряглись, рана на виске опять открылась.

Два удара сердца, и прижимавшая меня к земле волна исчезла. На стене дома на уровне головы остались беловатые отметки. Пока едва различимые, но это пока.

— Выверт. Первая волна. — Вит сплюнул кровь на мостовую. — Это значит, что маги завершили вызов.

— Это значит, что жертвы уже принесены. Рион! — простонала я, поднялась и бросилась бежать по улице.

Чернокнижник догнал меня в два шага. Я чувствовала разочарование и досаду. Но мысль, которая пойманной птицей билась у меня в голове, была отнюдь не о бывшем ученике Дамира. Не о действительном маге. И даже не о демоне. Не о том, какого дасу я творю и почему тороплюсь как можно быстрее оказаться в мышеловке.

Мысль, что назойливой мухой возвращалась снова и снова...

Он убьёт меня. Убьёт, когда будет уверен, что это принесет пользу.

Убьет так же просто, как Лиэссу. Убьет так же легко, как и целовал. Рука Вита не дрогнет, он уже доказал это.

«Не забывай об этом ни на минуту, Айка. Не смей забывать».

Улица была прямой, как стрела. Если бы птицам, что летают меж облачных башен храмов Эола, было дело до людей и до их строений, то Велиж сверху напоминал бы им солнце. Такое рисуют углем на стенах домов дети: кружок Источника в центре и лучи-улицы, расходящиеся от него в разные стороны. Помню, покойный Неман даже рассказывал мне что-то занимательное из истории постройки города. Ой, как некстати я решила вспомнить покойника...

Дорога поднималась все выше и выше. Мы миновали мост через Берегу, тонущий в предрассветных сумерках сад, колокольню Эола... Что-то неправильное было во всем этом. Не в городе, не в его зданиях, а в самом рассвете, который все не мог наступить. Солнечный диск будто прилип к горизонту, отказываясь освещать то, что творилось в этом городе.

Я уже увидела впереди каменную ограду парка Веллистата, когда Вит дернулся в сторону, уходя от скользящего удара меча. Лезвие врезалось в стену ближайшего дома, выбивая каменную крошку. В руке чернокнижника снова появился нож. Тот самый нож, который не находили ни при одном обыске. Тот самый нож, что всегда появлялся в нужный момент, тот самый, которым он перерезал мне горло.

— Объяснял же, если выберутся, точно сюда придут, — прогудел Рэйвен, выходя из-за угла приземистого дома и поигрывая мечом. — К этому Рэгом проклятому Источнику. Слушать надо, что тебе старшие говорят.

Вит выругался, нож исчез. Сразу за старым солдатом с арбалетом наперевес на улицу выскочил Михей и облегченно выдохнул.

— Дорог много, — стараясь скрыть радость и тревогу, ответил стрелок.

— Оно конечно, — согласился капрал. — Дорог много, но эта прямая, что стрела, а плутать вам некогда.

— Выбрались, значит, а мы уж и не чаяли, — из распахнутых дверей дома выглянул Тиш. — Господин кудесник, своему другу помочь не сподобитесь? Али занятые очень?

Солдат говорил зло, даже отчаянно, стиснув кулаки. Словно он уже знал, что мы откажемся, словно хотел этого, чтобы поднять тяжелый меч не просто так.

У нас не было времени. Одна минута тут, и жизнь Риона оборвется там. Вит не стал ничего объяснять, он просто отодвинул солдата и шагнул в

холодный полумрак. Я подняла голову: над дверью чуть заметно покачивалась вывеска «Лошадиное пойло» с нарисованной с одной стороны головой то ли овцы, то ли козы, но точно не лошади.

— Где Рион? — почему-то шепотом спросил меня деревенский стрелок.

— Там. — Я указала рукой на каменную ограду и закусил губу.

— Что, так плохо?

— Хуже некуда. — Я юркнула в питейное заведение вслед за чернокнижником.

— Ты ранена? — не отставал стрелок, но я лишь дернула плечом, не отвечая. Нечего тут отвечать. Да, ранена, но эту рану не закроешь повязкой.

В зале пахло прокисшим пивом и настойкой боярышника, которая не может скиснуть по определению. Здесь, в отличие от трактира, где остановился Дамир, было более многолюдно. Столы и лавки оттащили к стенам, солдаты из бывшего десятка Рэйвена сидели прямо на устланном соломой полу, рядом валялись плащи и стояли кружки с пивом. Испуганный мужчина с нависающим над штанами брюшком держал в дрожащих руках свечу, а рядом с ним...

Сначала я услышала хрип, потом увидела ее лежащей на полу. Оле с изуродованным лицом старалась сделать вдох, закричать, но выходил только хрип. Над девушкой склонился Кишинт, с его пальцев стекали капли магии и почти тут же рассеивались, не принося никому ни вреда, ни пользы.

— Киш, — позвал чернокнижник.

— Вит, — без особого удивления обернулся маг.

И я заметила, насколько он бледен, будто не выбрался из мира мертвых, а остался там.

— У меня ничего не получается, — напряженно сказал Киш, снова поворачиваясь к девушке. Та шумно дышала и пыталась приподняться, но мужчина рукой удерживал ее на месте. — Я не целитель, моя магия здесь бесполезна.

— Бить-то вы, маги, мастера, а вот лечить... — проговорил Грес и отхлебнул из кружки.

— То же самое можно сказать и про солдат, — тихо ответил за моей спиной Михей. — Они тоже бить горазды, а не раны перевязывать.

Мечник подавился пивом, закашлялся, хотел что-то ответить, но встретился взглядом с Рэйвеном и затих, опустив голову.

— За целителем послали? — Вит встал по другую сторону от девушки.

— Сразу. Кули с Эришем убежали, так до сих пор и не вернулись. —

Капрал убрал меч.

— Гиблое место этот ваш Велиж, — сплюнул на пол Орир. — Как есть гиблое. И солнце словно прилипло к земле...

Значит, не только я заметила.

— Помолчите, — рявкнул Кишинт и снова коснулся девушки магией.

Девичья кожа вздулась волдырями, обезобразила щеку до неузнаваемости, словно в лицо плеснули кипятком. Ей и плеснули. Тот самый Киш, что сейчас так старался помочь. Притвора сказала правду, мир мертвых отсрочил боль. А теперь вернул, как Риону. Вернул сторицей. Я даже представить не могла, на что было похоже возвращение Оле в мир людей.

Свет, что держал над их головами незнакомый полноватый мужчина, задрожал.

— Я знаю, что тебе надо идти, — глухо проговорил Киш и посмотрел на хозяина пивной. Тот вздохнул, облизал губы, придержал одной рукой покачивающуюся лампу. — Знаю, что должен быть рядом с тобой. Но не могу уйти и бросить ее. Это сделал я, из лучших побуждений, но... — Маг скривился. — Не могу, даже если жить нам осталось всего несколько минут.

— Ты мне ничего не должен, Киш.

— Мне лучше знать о своих долгах... Рэг, мне хотя бы каплю силы целителя...

— Давно вы здесь? — спросила я у Греса.

— Пару часов. Считать-то умеешь, ручная зверушка? — спросил солдат, посмотрел в мутное слюдяное окно и заговорил уже без злости: — Сейчас и не поймешь, минута прошла али час. — Он выпил пива и, судя по пустым кружкам, выпил его уже немало, хотя глаза мужчины оставались трезвыми, злыми и испуганными. — Мы рядом вывалились из того белесого мира покойников. Другая девка сразу сбегла, а эта, — кивок на Оле, — в крике зашлась.

«Конечно сбегла, — подумала я, — раз объявилась через пяток улиц совсем в другом обличье, а ведь она была целителем, могла бы попытаться помочь...» — Я выпрямилась.

— Проводницу видели? — спросил Вит.

— Видели, — ответил Рэйвен, — ходит вокруг, принохивается, ищет что-то. Или кого-то. В последний раз в лавку, что на той стороне улицы, юркнула, хотя вроде заперто там...

— Сила целителя и в самом деле поможет? — шепотом спросила у Кишинта. — Даже если она будет действовать отдельно от этого самого

целителя?

— Должна, — напряженно ответил Киш, так как в этот момент девушка снова зашлась хрипом — один из волдырей на лице лопнул. — Пусть я и не умею с ней обращаться. Но эта сила сама по себе заживляет. Тут все просто, сам целитель истратил бы щепотку, послав силу в нужное место. Я же должен буду ухнуть ведро, надеясь на авось, надеясь, что случайно зацеплю нужное место... хотя, — он махнул рукой, — бесполезный разговор. Идите, время уходит.

— Время стоит, — сказал вдруг очутившийся за спиной Вит.

— Я могу отдать вам силу целителя, правда, ее немного, но...

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, — прервал меня Кишинт. — Просто так забирать и отдавать силу могут только... — тут он повернулся и посмотрел... Не на меня, на стоящего за моей спиной чернокнижника. — Ты же не хочешь сказать, что она... — Киш перевел взгляд на мое лицо, — зеркальный маг?

— Хочу, — ответил Вит и положил руки мне на плечи.

Я вздрогнула, едва подавила желание отшатнуться. Тот, кто перерезал мне горло, сейчас стоял за спиной и касался плеч. А нож в его руке мог появиться очень быстро.

— Рэг и все его угодники! — Маг вскочил, на миг забыв о девушке у ног, забыв о том, где находится и что происходит.

Киш плечом толкнул мужчину с лампой, масло пролилось на соломенный пол. Задел сидящего неподалеку Греса, едва не выбил у солдата из рук кружку, разбил ту, что стояла рядом.

Трактирщик осенил себя знаком Эола. Мечник витиевато выругался. Это помогло и тому, и другому. А вот Кишинт...

— На ней печать смерти! — рявкнул он так, что даже Рэйвен едва не подавился.

Вот тебе, Эол, и черный день! Снова печать? Я вздохнула. Нет смысла винить богов. Они глухи и слепы. Иначе видели бы, что Лиэссу убил Вит, и не наградили бы отметиной меня, пусть даже я и вытянула из погибшей всю магию.

— Кого она успела убить? Того самого целителя? Почему она еще жива?

Я судорожно выдохнула. Знала же, что добрые дела наказуемы, так нет, все равно влезла с предложением помощи.

— Потому что, — не стал вдаваться в подробности Вит. — Тебе нужна сила или нет?

— Но...

— Как будто другие маги не убивают! Будто вы сами никого не порешили! А все туда же, пальцем тыкать. Вам-то я что сделала? Не в том месте мостовую перешла? Не так посмотрела, и молоко скисло? А может... — На губы легла теплая рука вирийца, обрывая поток слов.

— Ничего, — ответил Киш, у него хватило совести смутиться, — ты ничего мне не сделала, но зеркальные маги убивают...

— Киш! — прервал его Вит.

— Хорошо! Как знаете. — Кишинт поднял руки. — Но если сдохнешь, ко мне не приходи, — сказал он чернокнижнику, выдохнул, сел обратно на пол, осторожно коснулся щеки девушки и тихо, так тихо, что едва можно было разобрать, ответил: — Да, мне нужна сила целителя.

Руки Вита чуть заметно надавили на плечи. Я нехотя подняла ладонь и, поколебавшись мгновение, Киш коснулся моих пальцев своими. Опасливо, настороженно, так хозяйка трогает воду в бадье, куда минутой ранее кинула нагревательный камень. Трогает, боясь обжечься.

Силы было немного. Она осела на дне моего водоворота мелкими речными песчинками. Всего пригоршня, едва заметно покальывающая ладонь. Я подняла ее со дна и перелила в руку мага, стараясь не расплескать, вложить в нее как можно больше отражений зверя, что жил во мне. Зверя, что был мною. Сосущее чувство голода внутри усилилось, в животе снова заурчало.

— Тсс, — емко высказался Кишинт, убирая ладонь и торопливо касаясь судорожно подергивающейся девушки. — Рэг и все его угодники!

— Вы повторяетесь. — Я повела плечами, сбрасывая ладони Вита.

— Знаю. — Киш выплеснул магию на Оле, и та стала потихоньку успокаиваться.

— А вот и притвора. — Стоящий у дверей Рэйвен указал куда-то на улицу, и Михей на всякий случай поднял арбалет, прицеливаясь.

Вит в два шага оказался у двери.

— Можно спросить? — Я смотрела на напряженную спину мага.

— Можно, — со вздохом произнес он. — Но я не обязан отвечать.

— Даже после того, как я дала вам силу? Даже после того, как вы ее взяли, несмотря на печать смерти?

— Чего тебе надо?

— Вы говорили мне, что делиться магией могут лишь созданные богами друг для друга? Лишь пары. Но почему же тогда... — Я задумалась, пытаюсь объяснить Кишинту то, что волновало меня с той минуты, когда я дала силу Лиэссе. — Почему я смогла проделать с вами, и еще с одним... с одной... Я хочу спросить, есть ли шанс, что мы с Витом не...

— Что вы не истинная пара? — Маг обернулся, прищурился, взглянул на что-то над моей головой. — Понятия не имею.

— Доходчиво. — Я отвернулась.

— Ты не поняла, — пояснил маг. — У меня нет ответа для тебя. Я не знаю, как это происходит у зеркальных. Говорят, что истинные пары делятся не только силой. Они делят все: и радость, и счастье, и боль... Ты чувствуешь его боль? — Девушка на полу наконец-то окончательно успокоилась, дыхание стало ровным и глубоким. — Ты выпила целителя. — Киш поморщился. — Могла выпить меня. Но если ты захочешь выпить Вита... Нет, не Вита, а избранного для тебя богами, кем бы он ни был, то...

— Айка, — позвал чернокнижник с улицы.

— Что? — Я подалась вперед.

— ...у тебя ничего не получится.

— Айка, — уже громче повторил вириец, и я, бросив последний взгляд на Кишинта, выскочила из пивной.

Очень хотелось, по примеру солдат, выругаться вслух. А еще разбить что-нибудь ценное, может быть, потопать ногами и повизжать.

Боги совсем выжили из ума? Или я что-то натворила, за что меня надо наказать? Почему же они одному дают в руки нож, а у другого отнимают возможность защищаться?

— Почему нет людей? — раздался за спиной голос Михея. У него были свои «почему». — Почему не открывается булочная, почему мельник не везет муку, а водонос — воду?

— Потому что, — весело ответил чернокнижник, напряженно разглядывая дом напротив. — Люди очень похожи на крыс. Не замечал? — Стрелок промолчал. — Они всегда разбегаются по норам при первых же признаках опасности. Они знают, когда что-то не так. И не выйдут, пока это «не так» не закончится. Ты чего выскочил? — без перехода спросил Вит. — Чего пиво не пьешь со служивыми? С нами собрался? Умереть за компанию?

— Скажи «нет», — посоветовала я парню. — Всех остальных он сразу причисляет к заговорщикам.

— Я не заговорщик, — пожал плечами Михей. — А с вами я узнаю обо всем первым. В омуте сгинем или побарахтаемся. — Стрелок взвесил в руке арбалет. — Да и сами сказали, с дасу можно справиться с помощью артефактов... Ну хотя бы защититься, как теми камнями, из которых строили Вирит. А «дающие жизнь вещам» тоже не боятся этих ваших вывертов.

— Они не мои. — Чернокнижник дернул головой. — А ты вообразил себя искусником? Артефактор, который не умеет создавать ничего, кроме накопителей силы, — попенял Вит, делая несколько шагов к дверям лавки. Михей покраснел и упрямо поднял арбалет, как доказательство своих умений. — Не советую выходить против дасу с этой стрелялкой, не та весовая категория.

— Кудесник, — окликнул вирийца от дверей пивной Рэйвен, — мы будем ждать вас здесь.

— Ждать — не самый лучший вариант.

— Я не спрашиваю. Я ставлю в известность, — ухмыльнулся капрал. От него за вар разлило пивом. — Воевать за вас мы не будем. Ни с дасу, ни с тарийской стражей, ни с магами.

— Услышано, — кивнул чернокнижник и добавил: — Если объявится притвора, передайте ей, что чернокнижник держит слово. Тот, кого она ищет, ушел за стену, — последовал мимолетный взгляд на ограду Веллистата, — и если она не поторопится, то дасу вполне может отомстить за нее.

Я едва слышно зашипела. Его слова были неправильными. Они пахли обманом и смертью. Они просто смердели.

— Передам, — после паузы ответил солдат. — А кого она ищет?

— Меня, — усмехнулся Вит и направился вверх по улице.

И, наверное, лишь я заметила, как в проходе между домами мелькнула тонкая фигура в домотканой одежде. В передаче слов не было никакого смысла. Тот... та, для кого они были предназначены, все слышала.

Прямая, как луч солнца, улица заканчивалась, упираясь в светлый каменный забор. Но если взять чуть правее, то в сад Источника силы можно было пройти сквозь кирпичную арку. Калитки не имелось, как и запоров. Зато стояли два охранника. Хорошо стояли, навытяжку. Прямой разворот плеч, подобающе торжественные лица, сразу видно, что им оказано высочайшее доверие. По-моему, даже излишне высокое.

У нас с такими глазами пастух Иська делал предложение пекаревой дочке и с такими же брел обратно, получив ромашками по морде. У пекаревой дочки Альки рука тяжелая, впрочем, как и все остальное.

— Не пропустят, — словно прочитал мои мысли Михей, разглядывая стражу сквозь кусты бузины.

— У них нет выбора. — В руке Вита на миг мелькнуло лезвие. Именно мелькнуло, за один удар сердца собралось из едва заметной серо-стальной дымки и в ней же растворилось. Я взмахнула призрачным хвостом. Эта

дымка очень вкусно пахла, а у меня снова стало сводить живот от голода.

— Не слишком ли прямо они стоят? — спросила я. — Как истуканы в часовне Эола.

— Слишком. — Вит подался вперед, что-то пробормотал, а потом, совершенно не скрываясь, вышел к арке.

Служивые остались равнодушны, они продолжали смотреть на каменную стену ближайшего дома. Михей вывалился из кустов следом, держа стражу на прицеле, хотя в этом не было ни малейшего смысла. Солдаты хоть и глядели на мир широко распахнутыми глазами, но не видели ничего и никого.

Я обошла кусты и встала чуть в стороне, продолжая осматривать часть улицы и просветы между домами. Сквозь беспокойство и общее чувство тревоги проскальзывало ощущение, что за забором кто-то прячется. Кто-то легконогий и верткий. Как нечисть.

— Зачарованы, — вынес вердикт чернокнижник. — Основательно подготовились.

Это, видимо, была похвала.

— Что нас ждет там? — спросил Михей. — Что мы должны сделать?

— То же, что и раньше. Остановить выверт.

— А как? — спросила я, посмотрела на чернокнижника и тут же пожалела, что открыла рот. У него был в запасе способ решения проблемы. Радикальный.

— Либо заставить заговорщиков остановиться, — вириец снова посмотрел на арку, — либо...

— Подобрать ключ к замку и закрыть проход в мир дасу? — уточнил Михей планы на ближайшее будущее.

— Это если будет ключ. А то в Волотках ключ и замок оказались одним целым, и ничего мы с этим жерновом поделывать не смогли. — Я осторожно подошла к арке и заглянула внутрь. Ничего зловещего, лишь прохладная утренняя тень. — А у них здесь...

— Источник силы, — закончил Михей.

— Источник силы, — подтвердил Вит. — Поэтому ключ будет. Никто не позволил бы магу, кем бы тот ни был, накладывать заклинания на Источник. Я бы на их месте заготовил ключ-псише.

— Как у нас в Хотьках, — прошептал стрелок и хотел что-то добавить. Что-то, позволяющее еще минуту-другую поболтать у забора, а не лезть в пекло. Недаром же никто из нас так и не решился войти в арку сразу...

Но нас снова ударило. Когда я говорю «нас», имею в виду себя и Вита. Михей остался стоять, как стоял, лишь арбалет качнулся в его руках.

Вторая волна была сильной, самой сильной из всех. Меня опрокинуло навзничь, я приложилась затылком к мостовой, так, что перед глазами замелькали цветные искры, рот наполнился привкусом крови. Невидимый молот ударил в грудь и не исчез, продолжал прижимать к земле так крепко, что не осталось сил сделать вдох, не осталось сил сопротивляться.

А Вит отреагировал совсем иначе. Было видно, что волна ударила его в бок. Ударила сильно, так, что вириец повалился на колени и уперся ладонями в мостовую, чтобы не разбить лицо. Я видела, как он сжал челюсти, видела, как вздулись вены у него на шее... Только чернокнижник, в отличие от меня, не сдался, не позволил прижать себя к земле. Он зарычал и вдруг рывком оторвал от мостовой руки, раскинул их в стороны и выпрямился навстречу воздушной волне.

Он стоял на коленях, вытянув руки в стороны, и кричал... Нет, не кричал, он пил, пил волну выверта, как может пить воду терзаемый жаждой человек. Его рот открывался и закрывался, его кадык под кожей ходил ходуном...

Помню, сын кузнеца спьяну бросил в колодец куриную тушку. Ее, конечно, выловили... Дня через два. Но колодец к тому времени стал непригоден. Староста Верей поворчал, велел рыть новый и первым взялся за лопату. Кузнецова отрока заперли в амбар на два дня. Без капли воды. Так вот, когда староста снял навесной замок, парень на подгибающихся ногах бросился к ближайшей луже, где копошились свиньи, и стал пить, пить и пить.

Чернокнижник сейчас выглядел так же. Разве что свиней поблизости не наблюдалось.

Михей вертел головой. У одного из стражей, что стерегли арку, громко хрустнуло колено, и тот, все так же улыбаясь, повалился вперед. У второго текла кровь из уха, но он стоял.

Казалось, этой волне нет конца. Казалось, она будет давить на меня, пока не впечатает в мостовую.

Но волна закончилась. Так же неожиданно, как и началась. Воздух исчез на целый удар сердца, а потом невидимые тиски ослабели. Я перевернулась на живот и закашлялась.

— Айка... господин кудесник. — Михей не знал, к кому из нас кинуться. — Вит... да что же это делается...

— Нормально все, — прохрипел чернокнижник, поднимаясь. — Жить буду. Вторая волна. Впереди еще и третья. — Он вытер лицо рукавом. — Три волны, три жертвы, три...

— Я уже поняла, что магов переключило на цифре три, —

пробормотала, поднимаясь и сглатывая кровь. Щеку саднило. — Надо идти. Кому-то очень не терпится вызвать дасу.

— Очень не терпится, — кивнул Вит, первым вступая под сень арки. — Так невтерпеж, что даже нас поторопили.

Глава 12

ПЕСНЬ ИСТОЧНИКА, ИЛИ ВКУСОВЫЕ ПРИСТРАСТΙΑ ЗЕРКАЛЬНЫХ МАГОВ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ ТАРИИ

Мы ступили под сень арки. Если в городе все еще царило бесконечное утро, то здесь, в тенистом саду, задержалась сама ночь. Каждое пришествие демона в наш мир сопровождалось чем-то неправильным. Туманом, что пожирал землю шаг за шагом. Грозой, когда очередной удар молота Эола едва не раскалывал мир пополам. А в этот раз... В этот раз день просто отказался наступать. Солнце не взошло на небосклон, не желая освещать своими лучами то, что здесь происходило. Оно решило оставить это во тьме.

Полумрак сада, расчерченный угловатыми ветками и резными треугольными листьями. Редкие шорохи, далекие крики птиц и тихое журчание воды. А еще мне послышалось... Я могла поклясться, что слышала далекую песню, словно там, в глубине сада, перебирал струны лютни менестрель, вполголоса напевая о первой любви. Или о последней.

Вит прижал палец к губам и двинулся по уводившей к постриженным кустам тропинке. Михей, не выпуская арбалета, пошел следом. Я замешкалась, неосознанно повернулась вправо и насторожила уши. Вот, снова музыка, перебор струнного инструмента и тонкий далекий голос...

— Айка, — шепотом позвал Михей, и я с сожалением догнала мужчин, хотя так и подмывало обогнуть толстый вяз и посмотреть, кто играет.

Я знала, что никто играть не мог. Но играл. Говорят, любопытство кошку сгубило.

— Вы не слышите? — так же шепотом спросила я.

Михей ничего не ответил, лишь нахмурился. Вит ожег злым взглядом и отвернулся.

Нет так нет.

Тропинки в саду Веллистата были вымощены белым речным камнем и тихо шуршали под подошвами сапог, но даже этот звук вдруг показался мне раздражающим. Мешающим внимать далекой, на грани слышимости, песне.

В прошлый раз меня вели совсем другой дорогой. Или, может быть, от

страха я мало что соображала. Сейчас же мысли метались, словно стая крыс, слишком многочисленная и слишком бестолковая. Но страха все еще не было. И это печально. Страх, как бы его ни презирали герои баллад, нужен. Страх не дает людям делать глупости, не дает им бросаться сломя голову в темные пещеры, не дает лезть в пасть серому ящеру, что поджидает там. Страх полезен. Раньше я хотела убежать в лес. Сейчас же...

Чернокнижник выдохнул, Михей зашептал слова молитвы, такие знакомые и такие чуждые в этот момент. Я обошла парня с арбалетом, выглянула из-за плеча... И зашипела. Зло. Отчаянно. Бессильно.

Тропинка, по которой шел Вит, пересекалась в другой, на этом пересечении стояла маленькая каменная чаша. Самая обычная вода тихонько журчала, поднимаясь и опадая в центре. Кажется, это называли то ли питьевым фонтаном, то ли купальней для птиц, я толком не помнила. Для меня и то и другое было одинаковой глупостью. Птицы вполне могли купаться и в луже. Да и люди пить — где угодно.

Эол, какие только глупости не приходят в голову. Не каменная чаша миниатюрного фонтана заставила меня зашипеть. Не текущая вода, странным образом перекликающаяся с далекой песней. Не она, а...

У каменной ножки фонтана сидел Рион. Сидел неподвижно, неловко привалившись к каменному основанию. Черные глаза парня были широко распахнуты. Они смотрели куда-то вдаль, куда-то, где нет мутного сумрака и бесконечного журчания. Лоб бывшего чаровника обвивали уже знакомые серые ленты заклинания с лиловыми шипами, но сейчас эти серые ленты оплетали не только голову Риона, они сползали со лба и цеплялись шипами за основание фонтана, кроша камень и не давая парню шевельнуться. Его приковали к камню. Приковали магией, которая пила его силы, пока...

Пока что? Пока не выпила все? Или пока Рион не умер?

Михей опустил арбалет, забыв слова молитвы.

Вит вполголоса выругался.

Возмущенный таким кощунством покойник вдруг закрыл глаза, потом открыл их, судорожно вдохнул и снова уставился на кусты. Сердце парня заколотилось, словно брошенный ребенком мячик, что до последнего бьется о каменную мостовую.

— Рион! — закричали мы одновременно.

Парень шевельнулся, застонал, попытался искоса взглянуть на чернокнижника. Вит опустился на колени.

— Что произошло?

— Не... не знаю.

— Как ты? — с другой стороны к купальне подошел Михей. — Жив?

— Ка-кажется.

— Где твой учитель? — снова спросил чернокнижник.

— Ушел, — с трудом сглотнув, ответил Рион. — Он... он...

— Мы знаем, — перебила я.

— Нет. — Парень попытался мотнуть головой и застонал от боли. — Он хотел... хотел... ему нужна была моя сила... на алтаре...

Я склонилась к бледному лицу Риона. На коже парня выступила испарина.

— Но потом... потом... — Он облизнул губы, вскинул руки к голове, шипы тут же налились ярким цветом, чаровник уронил ладони на землю, взгляд стал мутным.

— Твой учитель обнаружил, что у тебя больше нет накопленной силы. Обнаружил, что твой резерв прохудился, как дырявый кувшин. И ты сделался для него полностью бесполезным.

— Айка, — выдохнул парень, стараясь заглянуть мне в глаза. — Я не знал. Клянусь Эолом.

— Верю, — тихо ответила я и провела пальцами по лбу Риона. Зверски хотелось есть, а серые ленты на лбу парня аппетитно пахли, словно запеченный на вертеле гусь.

Я подцепила обвивающие голову магические путы. Лиловые шипы шевельнулись, потянулись к ладони, прокалывая кожу... Прокалывая на свою беду... Заклинание исчезло, мгновенно впиталось в мою кожу, как впитывается вода в мягкую ткань. Да, так лучше. Намного лучше. Водоворот внутри меня не замедлился, но чувство голода чуть притупилось.

— Но жертва ему все равно понадобилась, — мрачно возразил Вит. — Если не ты, значит, другой маг.

Вместо ответа бывший чаровник завалился на траву. Глаза закатились.

— Так, — проговорил Вит, переворачивая парня и подхватывая под руки. — Михей, бери его и тащи в этот ваш... Веллистат. Найди там...

— Кого?

— Кого угодно. — Вириец со стрелком подняли Риона, бывший чаровник навалился плечом на Михея и, кажется, даже попытался опереться на ноги. — Не все же тарийские маги сошли с ума. Не может такое твориться с разрешения совета. Не должно твориться. Если найдешь, веди к Фонтану, правдами и неправдами. Пусть сражаются за свой Источник.

— А Михея не принесут в жертву за следующим кустом? — Я придержала голову Риона, парень что-то пробормотал.

— Не принесут. Не повезло заговорщикам. Если для вызова дасу мы еще сгодились бы, как и любые другие люди и нелюди, то для вызова чего-то выше и сильнее демона нами они уже не откупятся. Силы смерти маловато, нужна магия. Ни у кого из нас нет резерва, выплеска силы не будет. Поэтому нас называют порченными. — Чернокнижник передал Риона Михею, тот огляделся и стал медленно отступать к арке. — Хотя убить вас просто так, из любви к искусству, это не помешает, так что в любом случае советую смотреть в оба. А еще лучше обзавестись глазами на затылке.

— Понял, — кивнул стрелок. — Тогда пойдем вдоль забора. Здесь от каждого куста жди беды. Лучше дальше, но хоть не заплутаем. Вы только... это... — Он обернулся. — Не вздумайте умереть без меня.

— Постараясь дождаться, — серьезно кивнул Вит.

Михей хекнул и потащил Риона к забору, арбалет болтался у него за спиной, так и норовя ударить по задку. Бывший чаровник вяло перебирал ногами и больше мешал, чем помогал.

— Ты хочешь их спасти? — спросила я, чувствуя, как в груди теплеет.

— Идем, — вместо ответа скомандовал Вит.

Интересно, а почему меня никто спасти не хочет?

Темный полумрак сменился серыми предрассветными сумерками. Через несколько минут мы вышли к каменному строению, больше всего похожему на склеп. Сердце забилось учащенно. Я помнила эти украшенные барельефами стены и все, что произошло за ними...

Снова кольнуло теплом, но на этот раз не грудь, а чуть ниже. Далекие переборы струн стали ближе и отчетливее, еще десяток шагов, и я смогу наконец разобрать мелодию.

Я рассеянно потеряла зудящий бок.

— «Последнее пристанище кающихся», — вспомнила, как называл этот склеп Рион.

В прошлый раз меня привели к нему с другой стороны, оттого рисунки на внешних стенах я не разглядела. Да и не до того было.

Часть светло-серой каменной стены заросла диким вьюном, который местами успел высохнуть. Я отвела в сторону хрупкую ветвь, с которой тут же посыпались увядшие листья. Здесь тоже были выбиты картины. Люди и маги. Человек в нательной рубахе стоял на коленях, запрокинув голову к небу. Другой держал над его головой меч.

Нет бы чего хорошего изобразили, свадьбу или посвящение Эолу. Куда там, тянет их на всякую пакость вроде смертоубийства.

— Айка, — поторопил чернокнижник.

Я дернула за стебли, оборвала сухие побеги. На следующей картине

тот человек, что стоял на коленях, перехватил руку с опускающимся мечом. И хотя в целом изображение вроде бы осталось прежним, но... Скульптор был талантлив, ему всего несколькими штрихами удалось показать, как изменились выражения лиц изображенных. Пленник больше не смотрелся пленником. Черты его лица стали жестче, упрямее, в них проскальзывало что-то похожее на уверенность. А тот, который заносил меч, наоборот, стал испуганным, почти на грани паники, еще секунда, и он с криком отшатнется.

Чем могло испугать мага простое касание?

— Этот ритуал изначально придумали для казни зеркальных магов, — глухо сказал Вит и весомо добавил: — Идиоты. Потом, конечно, спохватились, да поздно было. Идем.

— Что вам всем сделали зеркальные маги? — Я не могла толком вспомнить ни одной легенды, ни одной баллады. О зеркальных магах не рассказывали сказители, их не воспевали менестрели даже в качестве самых что ни на есть злодейских злодеев. — Они что, младенцев на завтрак кушали?

Словно в подтверждение этого предположения живот предательски заурчал от голода.

— Ты как? Держишься? — вместо ответа спросил Вит.

В глазах напряженное ожидание. А в руке снова серо-стальной дымкой собирался нож. Если отвечу «нет»...

Беда в том, что я понятия не имела, почему или за что мне надлежало держаться.

Вместо ответа я стала срывать оставшиеся стебли. За ними пряталась третья картина. Высохшие растения сменили зеленые, обрывавшиеся с тихим чмоканием, ладони стали липкими от сока.

— Айка, — чернокнижник поймал меня за руку и развернул к себе, — у нас нет времени на...

Я отвела взгляд от ножа в его руке, во всяком случае, постаралась, но взгляд, как назло, возвращался к тонкому стальному лезвию. Бежать! Немедленно! Хватит с меня этих мужских игр. Лиска уже поплатилась за то, что влезла. Пусть делят мир и магию без меня.

Но я никуда не побежала. Распушила невидимый хвост, подняла голову и спросила:

— Вит, скажи мне, за что убивали зеркальных магов? Скажи здесь и сейчас. Пока мы не дошли до...

Серые глаза чернокнижника потухли, на лице появилось отчаяние. Такое страдание, словно я попросила у него не ответа на вопрос, а сотню-

другую серебряных динов в долг.

Бок снова потеплел, и я бессознательным жестом потерла его сквозь куртку, все еще ожидая ответа.

— Айка, что у тебя... — Не договорив, Вит схватил меня за... грудь.

Я взвизгнула, как селянка, которой задрали юбку подвыпившие мужики в корчме. Одно хорошо, нож исчез из мужской ладони, зато сама ладонь прошла по телу отнюдь не ласково, а скорее, требовательно.

Я отшатнулась, зашипела и выпустила когти...

Но чернокнижнику не было никакого дела до моей груди. Да и до всего остального тоже. Все, что его интересовало, сейчас лежало в широкой ладони. Кулон с черным камешком. Мой артефакт, превращавший Айку Озерную из белесой твари в обычного человека. Кулон, который мужчина ловко вытащил из моего кармана.

— Тсс... горячий, — прошипел Вит, перебрасывая кулон из одной руки в другую.

Синеватая искорка мигнула внутри черного камня и погасла, потом вторая, и еще несколько огоньков словно осели на его блестящей поверхности. Все это здорово напоминало поиск артефакта. Вит сам запускал такой в Волотках.

— Они знают, что мы тут, — сказал чернокнижник.

И нас накрыло третьей волной.

В первый момент мне показалось, что наступил конец света и можно уже ни о чем не волноваться. Меня швырнуло на Вита. А его самого — на украшенную барельефами стену. Горячий камешек оказался зажат между нами. Нас сдавило со всех сторон, словно попавшую между молотом и наковальней болванку. Сдавило так, что не было возможности дышать.

Мир вокруг потемнел, сузился до куска ткани, что впечатывался сейчас в мою щеку. До быстрых ударов чужого сердца. И даже музыка, такая далекая и такая близкая, прервалась. Спина горела, словно по хребту вlepили кузнечным молотом. Если так, то на этом все и закончится. С перебитым хребтом не повоюешь. Помню, на Оську-гончара телега упала, бабушка еще тогда... Нет, не хочу думать об Оське.

Теперь я знала, как чувствуют себя травы в ступке, когда их сминают пестиком. Нас с Витом вжимало в каменную стену так, что та, того и гляди, могла треснуть. А еще могли треснуть мы. Все, что я сумела, это чуть приподнять голову, чтобы увидеть шею и подбородок Вита. Увидеть, как дергается кадык на шее мужчины. Он снова пил. Или задышался. Или и то, и другое одновременно.

Если я открою рот, смогу только кричать. А может, не смогу и этого.

Воздуха не хватало, легкие горели.

Если чернокнижник сейчас «призовет» нож, тот появится прямо во мне. Обретет стальную форму внутри и вспорет брюхо. Я зажмурилась от страха.

Волна выверта клубилась, била и била. Сила kloкотала внутри и снаружи. Снаружи и внутри. Много силы. Целое море сейчас бурлило вокруг нас, как вокруг корабля, грозя разбить его о скалу.

И я не выдержала, поддалась ей, позволила делать с собой все что угодно. Позволила прижимать себя к Виту, к его груди, к полоске открытой кожи над воротом. И в тот момент, когда соприкоснулись мой лоб и его ключица, когда нас не разделяла ткань... сила ворвалась в меня, как приливная волна, и затопила по макушку. Ее было так много, словно выверт происходил не только снаружи, но и внутри, грозя вывернуть вместе с миром и меня. Кошка взвилась, она царапалась и выгибалась, шипела и брызгала слюной. А мир продолжало выворачивать наизнанку.

Не знаю, сколько это длилось. Может, вечность, а может, две вечности. Я просто перестала ждать. Перестала чувствовать и понимать, что происходит вокруг.

Я поняла, что все кончилось, когда услышала...

— Держи! Держи ее крепче!

— Черт, тяжелая, тварь!

...услышала голоса.

...услышала мелодию.

Даже не знаю, что раньше.

Наверное, я потеряла сознание, а когда распахнула глаза, уставилась в серое, все еще темное небо с громадным диском луны, висящим прямо над головой. Вита рядом не было. Артефакта тоже. Двое мужчин тащили меня куда-то за руки и за ноги. В ушах грохотом барабанов колотилось сердце, и в ритм его ударов вплетался еще один, и еще. Словно все эти сердца бились вокруг меня, и из их ритма складывалась мелодия. В нее вплетались перебор струн, тонкие голоса дудочек и чего-то еще, чему я не ведала названия.

На меня нахлынули воспоминания, я знала эту песню и поняла, куда меня притащили, еще раньше, чем повернула голову и увидела каменную чашу.

Источник силы.

Не было никаких менестрелей. Не было странных ночных серенад. Пел Фонтан.

Пятки ударились о землю. Тащивший меня за ноги мужчина вытер

руки о черную рубаху. Он был в капюшоне, скрывавшем лицо почти полностью, я могла разглядеть лишь острый бледный подбородок.

Я, зашипев, извернулась и вырвала запястье у того, кто держал за руки. Живот свело от голода... Только этим я могу объяснить произошедшее потом, так как соображала мало. То есть еще меньше обычного.

Второй мужчина был в капюшоне. Но меня мало интересовало его лицо. Куда больше манил запах, который источал маг. Запах силы, что плескалась в нем, как топленое молоко в крынке.

Изогнувшись, я сама потянулась к нему. Потянулась рукой и хвостом, схватила за ладонь и заурчала от удовольствия. Его сила походила на вишневый кисель, густая, с кисловатой ноткой.

Я урчала, а мужчина кричал. Верещал, как торговка, у которой увели корзину яблок.

Кто-то нерешительно дернул меня за ноги, пытаюсь оттащить от мага. Но я ударила стопой, и этот кто-то отстал. Скорее это была попытка «для вида». Я стала сильнее, но не настолько, чтобы со мной не справиться, захотели бы, оттащили или хотя бы отвлекли.

Сила исчезла в моем внутреннем водовороте, замедлив его движение, смешавшись с той силой, что передалась мне от Вита во время третьей волны... Третьей, Эол! Чужая магия осела внутри, даря краткую передышку. Я выпустила руку мага и упала на землю. Прямо перед глазами нависало черное небо. Оно клубилось и перекатывалось, словно грязь в большой луже.

Сердца стучали. Маг захлебнулся криком.

— А этого куда? — раздался голос, а потом неизвестный выругался: — Здоровый выродок! Не дергайся, башку отрежу!

Я села, в голове гудело от выпитой силы, от мелодии, которая просто гремела в ушах.

Меня бросили в трех шагах от чаши, где плескалась чистая сила. Плескалась и пела. Чаровник в капюшоне медленно отступал от меня, словно от собаки, в пасти которой выступила пена. Хотела знать, чем может напугать обычное прикосновение? Теперь я знала. Потому что тот маг, которого я выпила, скулил, ползая в траве.

— Только шевельнись, — услышала многообещающий голос. — Шевельнись — сделай мне приятное, и я вгони сталь тебе в череп. Маг ты или нет, но с дырой в башке не живут.

Здоровый детина с ножом в руке навис над Витом и прижимал лезвие к шее вирийца. Чернокнижник стоял на коленях, сгорбившись, почти уткнувшись в землю лбом. Руки были стянуты грязной веревкой. Судя по

мутному взгляду вирийца, волна выбила его, как и меня, иначе детина с ножом вряд ли смог бы упереться коленом кудеснику в спину и остаться при своих ногах.

— Итак, все в сборе.

Я подняла голову, рядом с чашей стоял Дамир. Все-таки Дамир. Несмотря на слова Лиэссы и Риона, я продолжала надеяться... Не знаю на что. На то, что это ошибка? Возможно. Или на то, что и его ученик, и женщина одновременно сошли с ума? Почему же это для меня до сих пор было так важно?

Маг Вышграда стоял без тоги, без капюшона, в обычном костюме путешественника, в том самом, в котором ушел из трактира. Дамир улыбнулся мне, с легкой иронией, чуть неловко, словно его застали не за попыткой истребить целый народ, а за кражей круга колбасы из кладовой.

— Мэтр, — прохрипел бывший чаровник, приподнимаясь и держась одной рукой за другую. — Мэтр... она... она...

Капюшон свалился, и я узнала мага, одного из тех, что выносили мне приговор.

— Да, она очень талантлива, — с гордостью ответил действительный, отвернувшись от мужчины и, подняв руку, махнул кому-то за моей спиной. — Пора.

Я встала на одно колено, Вит вскинул голову, не обращая внимания на нож. А из тени кустов к Фонтану один за другим стали выходить люди. Или не совсем люди.

Сначала я увидела только троих. Незнакомый мужчина в годах в одежде зажиточного горожанина. Квадратный подбородок, оттопыренная нижняя губа, неторопливая походка. Такие обычно кривили нос при виде меня, а иногда и замахивались палкой. Но этому уже не было дела до подобных пустяков, его глаза горели. В буквальном смысле слова. Вместо зрачков в его глазах танцевало пламя.

Передо мной стоял не человек. Дасу. Один из тех, что был призван. Один из тех, за чье пришествие расплатились десятками жизней.

Я неловко поднялась, обернулась...

Вторым к Фонтану вышел солдат в грязной вирийской форме. Не просто испачканной, а настолько забрызганной грязью, словно его протащили по всем дорогам от Вирита до Велижа. У пояса солдата висел короткий меч в заляпанных ножнах, с эфеса свисал пучок травы. Правая нога мужчины подгибалась при ходьбе. Неправильно подгибалась, его колено теперь сгибалось совсем в другую сторону. Но солдат казался невозмутимым, пламя в его глазах немало тому способствовало. Когда у

тебя такие глаза, о ноге думать уже поздно.

Еще один дасу, один из тех, кто по каким-то причинам не устроил кровавое шествие по равнинам Тарии. Один из тех, у кого было дело поважнее.

— Мальон, — прохрипел Вит. Детина, державший нож, ударил чернокнижника рукоятью по затылку, и у меня перед глазами заплясали разноцветные искры. Боль разлилась до основания шеи.

«Ты чувствуешь его боль?» — спросил меня Кишинт.

Покачнувшись, я едва не упала, подняла руку к затылку... И посмотрела на Вита.

Да, я чувствовала.

«А ты? — безмолвно спросила чернокнижника, который сейчас корчился на траве. — Что чувствовал ты, перерезая мне горло? Ощущал, как расходятся сосуды? Рвутся жилы? Как пузырится в горле кровь? Или для тебя, как и для меня, это произошло быстро — легкий взмах и острая, как стилет, боль? Знал ли ты, что так будет?»

— Мальон, — повторил вириец, мотая головой. — Ты умер там... на границе, как только мы ступили на землю Тарии. Умер от выверта.

Мальон, или кто там теперь был вместо него, не ответил. Его не интересовал человек на траве.

За солдатом к Фонтану вышел третий демон. Дасу, за пришествие которого заплатили Волотками. Он почти подпрыгивал на месте. Совсем как ребенок, которым, в сущности, и был. К Фонтану вышел Кули. Вот только любопытно блестящие глаза светились яркими огнями.

Три деревни — три вошедших в людей дасу. Демон, вывернувший хутор на границе с княжеством, вселился в солдата Мальона. Тот, что убил Волотки, нашел приют в мальчишке Кули. А напыщенный горожанин наверняка пришел из Малых Охапок, что уничтожили совсем недавно, пока мы были в Полесце.

— Жертва, — требовательно прогудел горожанин. Глубокий трубный голос совсем не подходил к его внешности, наверное потому, что не принадлежал ему. — Жертва. Сейчас.

Мне очень не понравилось то, о чем он говорил. Слово «жертва» обычно означает чью-то скоропостижную кончину. Я обернулась, меня больше никто не удерживал. Тот чаровник, что еще недавно тащил за ноги, помогал подняться тому, который тащил за руки, вследствие чего остался без магии.

Выглядело это наверняка трогательно, но мне больше всего хотелось рыкнуть в их сторону. Детина с ножом все так же безуспешно продолжал

прижимать лезвие к шее чернокнижника, а тому словно не было до этого дела.

Дасу в человеческих телах встали около Фонтана, напряженно вглядываясь в его поющую глубину. Что-то трепыхалось там... Но, повторяюсь, меня никто не удерживал, кажется, даже не смотрел, так что, если я сейчас немного отойду в сторону, а потом и вовсе нырну за куст...

— Не надо, — покачал головой Дамир. — Ты не трусиха, Айка.

Я фыркнула.

— Хоть и думаешь иначе, — продолжил он, а я сделала шаг к Виту, сама не знаю почему. Это было глупо. Здесь и сейчас у меня не имелось друзей. Но я его сделала. Всего один незначительный шаг. — Ты не трусиха, иначе бы не пришла сюда. — Дамир взмахнул рукой.

— Все знают обо мне больше меня, — пробормотала я. — Тогда, может, хоть вы скажете, что я здесь дела...

Я не договорила. Повинуясь жесту действительного, к поляне вышли еще двое, тоже в капюшонах. Маги питали ненормальную тягу к этому головному убору. Хотя что им скрывать? А главное — от кого? Не дасу же они стесняются?

Помнится, Неман тоже страдал излишней щепетильностью в вопросах внешности.

Но дурацкие мысли быстро меня оставили, когда я увидела, что тащат маги. Вернее, кого.

«Вот и свиделись снова, вредитель», — мысленно произнесла я, глядя на Тамита, по лицу которого текла кровь. Голова моталась из стороны в сторону при каждом шаге тащивших его чаровников. Ноги оставляли на влажной от росы траве две борозды.

Вот, оказывается, кем заменили Риона. Другом Дамира.

Чаровника швырнули к основанию чаши, и он что-то невнятно промычал.

— Что я здесь делаю? — повторила вопрос. Внутри снова засосало от голода. Запас чаровника был полон.

— Это ты мне скажи, — рассмеялся Дамир. Он вел себя так, будто мы все еще находились в его доме, к примеру, пили за столом чай или сидели в комнате, и он снова объяснял мне, почему я должна отдать силу Риону. Он вел себя так, словно ничего особенного не происходило. Он был спокоен. И уверен настолько, что все вокруг поневоле начинали заражаться этой уверенностью.

— А-ка, — позвал Вит. — Посмотри на меня!

Действительный взмахнул рукой, и солдат, что стоял над вирийцем,

снова ударил Вита. На этот раз в висок. На миг меня ослепила белая вспышка боли, что разлилась от виска к уху, боли, от которой занемела скула.

— Зеркального мага нельзя заставить, — прохрипел чернокнижник, — помни об этом.

— Поэтому она стоит сама, без кандалов, ножей и прочих мотивирующих элементов. — Дамир оставался спокойным. Я заморгала, пытаюсь отогнать белые пятна, что пульсировали перед глазами после удара.

— Почему? — решила задать вопрос, который волновал меня с того момента, когда я узнала о своей природе. — Если вы понимали, что я зеркальный маг, почему послали меня в Велиж? Почему позволили изуродовать меня?

— Глупышка, я освободил тебя! — Глаза Дамира светились теплом и участием. Он на самом деле верил в то, что говорил. — Я снял с тебя кандалы и ограничения. Айка, все будет хорошо, верь мне.

Я отвернулась. Злодеи не должны выглядеть вот так. Не должны быть уверены в своей правоте и по-отечески журить сопротивляющуюся жертву. Все было неправильно. Или казалось таким. Словно я пришла в разгар сбора пожертвований и теперь не понимала, почему монах в капюшоне обирает крестьян. Словно не видела всей картины в целом.

Я опустила голову и встретилась взглядом с Тамитом. Чаровник смотрел ясно и твердо, правда, не пытался подняться.

— Жертва! — требовательно повторил дасу.

Не знаю, отдал Дамир очередной безмолвный приказ или один из магов в капюшоне действовал по своему усмотрению, но...

Чаровник склонился над Тамитом. В ладони сверкнула сталь. Все произошло быстро. Так же быстро, как тогда... Но на этот раз я была всего лишь наблюдателем.

Тамит вскинул ладонь в жалкой попытке защититься. Слишком слабой попытке. Чаровник в капюшоне легко отмахнулся и нанес удар. Клинок вошел в грудь мага чуть выше ключицы. Вошел и вышел. Плеснула кровь. Он сдавленно закричал, закашлялся, руки сжались, сгребая траву и землю.

Демоны одновременно качнулись, словно колосья на пшеничном поле.

Маг в капюшоне выпрямился, вытянул руку и неловко швырнул окровавленный клинок в Фонтан.

Музыка ударила в голову не хуже боли Вита. Она вскипела рваными ударами и перекатами, отозвалась пульсирующими нотами, что вспыхивали во тьме и тут же гасли. Они были громкими, яркими, вибрирующими, и у

меня начало ломить все зубы разом. Хвост распушился, шерсть на загривке встала дыбом...

Сила, до этого напоминавшая прозрачную воду, словно вскипела и окрасилась в багровый цвет. Сердца, что бились в Источнике, замерли, а потом забились с удвоенной силой, почти оглушая меня. Так бьется сердце человека, когда он очень напуган. Смертельно напуган.

Я схватилась за голову и упала на колени, в висках стучало.

— Жертва, — в третий раз повторил дасу, шагнул к Фонтану и с размаха опустил голову на каменный бортик. Нет. Не опустил. А разбил, добавив в мутную воду еще багрового цвета.

Седовласый горожанин упал. А его тень осталась стоять.

«Нет, не тень, — мысленно поправила я себя. — А чернота, что жила у человека внутри».

На ногах остался дасу. Он напоминал черную лужу, в которую накидали угля, а потом она невесть почему приняла форму человеческого тела. Само же тело теперь лежало у его ног. Человек смотрел мертвым немигающим взглядом в темное небо.

— Ты, — прошептал Тамит и закашлялся.

Я опустила руки, закрыла глаза, стараясь совладать с грохотом в голове, и быстро подползла к магу. Грудь мужчины была залита кровью. Бабушка, увидев такое, покачала бы головой и предложила настойку опия. У меня опия не было. Все, что я могла, это зажать рану ладонями. Абсолютно бесполезное занятие, но просто смотреть, как Тамит умирает, — было выше моих сил.

— Ты, — проговорил он, — была у меня мысль, что ты зеркальная... И, кажется, даже не у меня одного, но я прогнал ее. Мы все прогнали ее, такой невероятной она казалась. Зеркальный маг здесь, в Тарии... А я-то все гадал, почему... — Он снова закашлялся, я надавила на рану сильнее, но кровь все равно продолжала течь. Сюда бы целителя. Поверх моей ладони опустилась рука Тамита. — Мы отправили тебя на ритуал. Я отправил... Маги почти никогда не выживают после полного покаяния. Не важно, зеркальные они или нет. Почти... Но это «почти» хуже смерти. Слушай меня...

— Сделайте же что-нибудь, — потребовала я, вспоминая ощущение магии Дамира на своей шее. Кровь текла между пальцами и не собиралась останавливаться. — Разве вы не можете... не можете сделать хоть что-то?

— Не могу, — хрипло ответил чаровник. — Ни один целитель не умеет лечить себя сам, только других. А я вообще не целитель.

— Жертва, — выкрикнул бывший вирийский солдат и вытащил меч.

Я снова посмотрела на Тамита. Так лучше, чем видеть, как очередное тело надает на траву, а демон остается стоять.

— Зачем? Зачем они делают это? — растерянно спросила я, не понимая, что, возможно, задаю вопросы не тому магу. Возможно, стоит уточнить, кто «они» и «что делают». Но чаровник понял.

— Они хотят силы.

— Но... Источник.

— Источник... кха-кха, — Тамит сплюнул кровь, — откликается чаровнику раз в жизни, позволяет наполнить резерв в самый первый раз. А если этот резерв с наперсток? Разве можно влить в него кувшин?

— Но как это исправит выверт?

— Не исправит. Изменит. Он изменит их. Вывернет не только мир, но и магов, и они смогут брать не только силу жизни, но и силу смерти, а ее здесь скоро будет в избытке.

— Но силой смерти питается нечисть!

— Она самая. К тому же... аххх, — Тамит несколько секунд хватал ртом воздух, а я все так же безуспешно давила ему на грудь. — К тому же их ждет награда от дасу или на кого они там замахнулись. Он исполнит любое желание вызывающего... Сделает. — Рука мага на моей начала слабеть, он закрыл глаза, грудь вздымалась и опадала.

— Жертва, — звонким фальцетом выкрикнул Кули.

— Как можно остановить это? — спросила я.

— Никак. — Тамит посмотрел на меня и произнес: — Пей.

— Что? — Я попыталась убрать ладонь, но он вдруг в последнем усилии сжал ее своей.

— Знаю, ты голодна. Зеркальные обречены на голод. Пока у них есть резерв, есть ограничитель, они еще сдерживаются, еще могут насытиться и остановиться... Но если его разрушить... кха-кха-кхаррр... Если маг выживет, то превратится в... ссс, — воздух стал со свистом выходить из его легких, — ссссввв... Во что-то похуже дасу. Внутри них образуется пустота. Вечно голодная пустота, которая рано или поздно сожрет всех. Поэтому мы их убивали... убиваем... всех. По воле Эола или Рэга ты выжила. Пей, я сказал. Лучше ты, чем они... кха-кха-кха...

Он хотел сказать что-то еще, но я уже выдернула руку. Воронка внутри отозвалась недовольным ворчанием. Она на самом деле была голодна. Точнее, я была голодна.

— Жертва, — снова выкрикнул Кули, но на этот раз в его голосе послышалась неуверенность.

Тамит кашлял долго, так долго, что я не выдержала и опять склонилась

к его белому лицу.

— Айка. — Он снова закашлялся, но как-то по-другому, и я не сразу сообразила, что он смеется. Умирает и смеется. — Кто бы мне сказал, что я добровольно откажусь от силы и отдам ее какой-то девчонке... ссссха-кха. Ссссовсем как брат... от судьбы не уйдешь. — Несколько секунд Тамит собирался с силами, а потом заговорил ясным и чистым голосом, почти не запинаясь: — Я, Тамит Шиирский, действительный маг Вышграда и Кохани, отказываюсь от силы и передаю ее Айке Озерной добровольно и безвозмездно. Я понимаю все последствия своего решения и принимаю иххссес. — Грудь опала, и я уже подумала, что больше маг вздохнуть не сможет, когда он тихо добавил: — Ритуальные слова сказаны! — и снова дотронулся до моей руки своей.

Ладонь мага была ледяной. И согреть ее казалось таким естественным. Таким необходимым. Например, обвить хвостом...

— Не хочу! — вдруг выкрикнул Кули.

Я подняла голову. Парень медленно отступал от чаши Источника, его глаза снова стали черными, как у обычного пацана, никакого потустороннего огня.

— Пей, — прохрипел маг. — Считай это моим последним желанием.

Тамит еще продолжал говорить, а я уже вытягивала из него силу. Она не сопротивлялась, но и не льнула к рукам, как магия Вита. Она напоминала пареную репу, что разваливается на куски прямо в миске. Она была вялой и не особо вкусной, но могла утолить голод. На время.

— Кули, — позвал Вит.

— Что ж ты такой непонятливый-то, порченная кровь, — выругался детина с ножом, занося руку для удара.

Я сжалась в предчувствии боли.

Но чернокнижнику, видимо, надоело получать по голове. Он вскочил на ноги, ловко отклонился от лезвия, которое всего лишь чиркнуло за ухом, веревка, которой связали его руки, вдруг распалась на отдельные ниточки-волокна...

Все произошло быстро. Детина с оружием даже не успел понять, почему он уже не стоит, а лежит и почему собственный нож упирается ему в кадык.

— Беги, Кули! — выкрикнул Вит. — Без крови третьего демона у них ничего не выйдет!

Два дасу, что уже пролили кровь, развернулись к отступающему от чаши мальчишке. Выглядело это так, словно черные кляксы, что оставлял сборщик налогов на учетном листе, вдруг ожили и поползли в одну

сторону.

На миг в глазах Кули снова зажглись алые огоньки, но Вит добавил:

— Ты нужен сестре!

И огни погасли. Парнишка дико озирался.

— Третья кровь прольется, — выкрикнул Дамир, указывая на Кули.

Один из черных силуэтов дасу сорвался с места, перекувыркнулся на лету, превратился в лапу с когтями, совсем как тогда в Волотках. Она казалась ненастоящей, почти не опасной — разве может причинить вред вода из лесного озера, пусть она и черна, как сама ночь?

Может. Я уже это видела. Лапа схватила мальчишку, тот заверещал, черные глаза снова сменились алыми огнями, но, кажется, вырваться он стал еще сильнее.

— Можешь приказывать дасу? — прохрипел Вит, и нож в его руках вошел в горло лежащего на земле мужчины без всяких предупреждений и рассуждений. Время разговоров давно прошло. Это я все ждала слов и объяснений. Дитина охнул, вскинул руки и уронил их. — Да, кто же ты такой?

— Ты должна... должна... — прошептал Тамит, а я поняла, что все еще держу его ладонь, хотя сила давно иссякла. Передо мной лежал пустой сосуд.

— Я всем должна, — горько проговорила, убирая руку.

— Ты должна... помнить, — едва слышно прошептал бывший маг. — Чем больше берешь силы, тем голоднее пустота. — Он посмотрел на меня. — Пока ты не начала тянуть силу, наверняка... наверняка даже не чувствовала голода... не знала... Но аппетит приходит во время еды, в следующий раз, чтобы унять голод, тебе потребуется больш... — Тамит замер, продолжая смотреть мне в глаза, но уже ничего не видя.

«В следующий раз мне потребуется больше», — вот что хотел сказать маг. Удружил, вредитель. Это даже не аппетит. Это больше похоже на настойку дурман-травы. Чем больше пьешь, тем больше хочется добавки. Я видела человека, который употреблял ее постоянно. Бывшего человека. Приходил к нашему порогу такой, ободранный и грязный, потерявший человеческий облик и готовый на все ради новой порции.

Я отодвинулась от мертвого мага.

А дальше все произошло настолько быстро, что даже мои нечеловеческие глаза едва успевали следить за происходящим. Одно событие за другим, словно выпущенные из арбалета болты.

Рука дасу схватила Кули. Схватила целиком. За голову, за плечи, за все сразу. Вит сорвался с места, крича на бегу:

— Найди артефакт, Айка. Найди псише. Надо закрыть канал! — В его руке стала собираться теплая и уютная тьма. Магия, вкус которой я уже знала.

Демон подтащил упирающегося Кули к чаше Фонтана.

— Да, найди артефакт, Айка. Найди, и получишь награду. — Дамир рассмеялся. Добродушно, я бы сказала, по-отечески, совсем как наш староста на свадьбе Ксанки.

Рука дасу подтащила мальчишку к Источнику, окунула с головой. В ушах зазвенело от визгливого перебора струн. Кули замолотил руками по силе, что так напоминала мне воду.

Я затрясла головой, пытаюсь вытряхнуть из нее музыку, и тоже бросилась к парню. Не особо понимая, что могу сделать. Но зная, что должна попытаться. В кои-то веки я не испытывала в этом ни малейшего сомнения.

Лапа демона утратила форму, на миг чернота рассеялась и собралась снова, приняв вид человека. Кули смог, хрипя, вынырнуть, вдохнуть, но его схватили за загривок и макнули снова. Мальчишка захлебывался, молотил ногами и руками по чаше, разбивая костяшки пальцев в кровь. Красные капли, напоминающие яркие ягоды с волчьего куста, падали в чашу, добавляя плещущейся силе алого цвета. Источник кипел...

Я ухватилась за бортик Фонтана как раз в тот момент, когда демон отпустил мальчишку и тот упал на траву, шумно фыркая и отплевываясь.

Магия чернокнижника врезалась в дасу. Но было уже поздно, кровь третьего демона попала в Фонтан силы. Заклинание чернокнижника ударило в подвижную, какую-то жидкую фигуру и растворилось в ее темноте. Тьма к тьме. Демон снова изменился, сжался, перетекая и истончаясь, и... вырос на глазах...

— Ненавижу-ненавижу-ненавижу! — закричали вдруг за спиной, и кто-то со всей силы врезался мне в спину.

Быстро. Слишком быстро, словно в хороводе, под веселую плясовую — одно лицо сменяет другое, и ты никогда не знаешь, кто остановится напротив, едва смолкнет рожок.

Дыхание сбилось, музыка звучала все громче. Меня ударили снова. И прежде чем я повернулась к новому противнику, успела увидеть, как демон, ставший похожим на длинную палку, посох или даже копье, врезался в грудь Виту.

Все остановилось. Бесконечный хоровод из лиц и событий замер. Шум стих, будто кто-то набил мне уши войлоком. Осталась только мелодия Фонтана, на удивление тонкая и чистая. На удивление иная, нежели могла

родиться под пальцами менестреля.

Когда Вит замер, когда его лицо скривилось от боли, когда черное копье дасу все еще находилось внутри него, Фонтан пел о жизни. Он вбирал в себя все: людей, магов, зверей, растения и даже демонов. Он пел о мире, неделимом на государства. Он пел о земле, горах, морях. И, слушая его песню, я видела все это. Все сразу. Людей, их сердца, их жизни. И их смерти. Одним взглядом могла охватить мир. И каждого человека в отдельности. Каждого друга или врага.

Напротив меня стоял маг. Бывший маг, только что лишившийся силы. Кулаки сжаты для нового удара. В глазах злость. Рот открыт, нитка слюны повисла в воздухе.

Песня Фонтана замерла на самой высокой ноте.

Когда видишь весь мир разом, все кажется такими простым и понятным. Не знаю почему, но именно в этот момент я решила, что с меня хватит. Хватит тумачков и шишек, хватит непонятных долгов. Хватит думать о том, что будет, если... Хватит гадать о будущем, хватит надеяться и роптать на богов. У них своя жизнь. У меня своя. И пусть она закончится прямо сейчас, лучше поздно, чем никогда.

Я подняла руку к замершему магу и выпустила когти, не испытывая ни жалости, ни удовольствия, выпустила потому, что так надо. Так совсем недавно Вит перерезал горло Лиске. И мне.

Когти проткнули бывшему члену совета шею. На коже выступили капельки крови, пока едва заметные.

Песня Фнтана оборвалась, оставив за спиной оглушающую тишину. И мир снова пустился вскачь, как норовистая лошадь.

Маг моргнул, закрыл рот и упал к моим ногам. Из спины мужчины торчала стрела, а за его спиной, прислонившись окровавленным боком к дереву, стоял Эриш. Наш молчаливый лучник, что ушел вместе с Кули за целителем, да, видно, не дошел. Мы ударили бывшего чаровника с двух сторон. А лучник тем временем снова натягивал тетиву, по штанине текла кровь, но он стоял. Дерево помогало.

Дамир выкрикнул что-то непонятное на языке, которого я не знала и никогда не слышала. Что-то, похожее на скрежет ржавого железа.

Вит упал. Сердце защемило от боли. Резкой, невыносимой, которая, кажется, доставала до ребер. Я схватилась за грудь, склонила голову...

По земле тек туман. Пока еще тонкий, словно вуаль на голове невесты. Выдохнув, обернулась, невесомые полупрозрачные волны переливались через край чаши и оседали на траве. Источник кипел, а воздух над ним вспучился, поднялся, словно дрожжевой пирог в печи.

Хватит. Это не моя боль.

Я смогла выпрямиться как раз в тот момент, когда мир над Источником лопнул. Плеснул в разные стороны невидимыми брызгами, словно пирог с перебродившей начинкой. Только над Источником вместо лесных ягод показалась изнанка мира. словно подкладка старого ватника, из которого ключьями лезет белая набивка. Белый туман выплеснулся на землю и потек.

Воздух подернулся рябью. Музыка Фонтана превратилась в беспорядочную какофонию визгливых звуков, от которых кишки почти свернулись узлом и почти уползли куда-то...

Одного мага из тех, что тащили Тамита, вырвало, капюшон упал, лицо оказалось незнакомым. Второй, тот, что вогнал в грудь мага клинок, отступил за Дамира. Стрела лучника вошла ему в бедро, и мужчина с криком повалился на землю. Будь ты хоть трижды маг, но, если не видишь опасность, не ждешь каждую секунду ножа в спину, рано или поздно шальная стрела пробьет тебя насквозь, совсем как обычного человека.

Третий. Все еще смотрящий на меня из-под темной ткани капюшона, тот, что тащил меня за ноги, а потом пытался помочь другу, сидел на траве и как замороженный смотрел на лопнувший воздух.

Демоны снова приняли очертания людей. Людей, которых отлили из чернил и поставили по обе стороны от Фонтана. И только третий...

Я оглянулась и успела увидеть нырнувшего в кусты Кули. Третий сбежал.

В той сумятице звуков, в которую превратилась песнь Источника, все еще можно было различить ритм, различить биение сердец. Множества сердец. Или одного, такого знакомого. Вит поднялся на четвереньки, его тело тряслось, словно мужчина замерз. Наши глаза встретились.

«Найди артефакт, Айка!» — вспомнила я его слова.

Обернулась, торопливо осматривая Фонтан, белый камень, траву, выпирающие корни деревьев, кустарник, Дамира, стоящего так близко к чаше, словно он собирался в нее нырнуть.

Легко сказать, найди. Это может быть все что угодно. Камень под ногами, кольцо на пальце чаровника, пряжка на ботинке. А может, это небрежно брошенный в траву плащ? Или зеркало, что лежит в кармане. Или не лежит.

Проще столкнуть Дамира в чашу целиком, чем гадать, на что он наложил чары, чтобы открыть портал.

Воздух над источником замерцал.

Нужно сделать всего несколько шагов.

Я выпустила и втянула когти. Выпустила и втянула. Сердце билось в

унисон с исковерканной мелодией Фонтана. Один шаг, два... Поднять руку, выпустить когти, и пусть Эол решает, жить магу или умирать.

Возможно, он этого ждал, а возможно, и нет. Я не смогла проверить. Не дошла. Вспоротый над чашей воздух вдруг вывернулся, и в мутном белом проеме появилось что-то подвижное, словно капля металла, что скользит по желобу в кузнице. Что-то такое же живое. И такое же мертвое.

— Я склоняюсь перед пастырем, — громко выкрикнул Дамир. Голос мага дрогнул.

Три фигуры в самом деле склонились. Стоя за спиной действительного, я зачем-то подняла глаза выше. Не могла не поднять и не взглянуть на прореху мира. Так же как и Ксанка накануне свадьбы не могла не смотреть на купание мужиков без нательных рубах, знала, что это плохо, но все равно смотрела. И я вместе с ней.

Что-то возилось там, что-то, похожее на отлитое из металла насекомое. Нет, на целый рой насекомых. Несколько подвижных усиков, заканчивающихся крючками, зацепились за прореху в мире. В Фонтан закапало что-то черное, словно деготь, такое же тягучее, отчего сила теперь стала походить не на чистую родниковую воду, а на грязную лужу.

Я не могла пошевелиться, не могла даже поднять руки, забыла, что они у меня есть. Я могла только смотреть. Наверное, так же, открыв рот, я буду пялиться на радужные облака у престола Эола или, что еще вернее, на горящие костры у подножия трона Рэга.

Дыра рывком расширилась, и в наш мир потекла грязь. Другого слова у меня не было. Если дасу ходили на пролитые чернила, то пастырь, или кто там к нам пожаловал, больше напоминал ил со дна торфяного озера. Ил, в котором копошились насекомые — может, черви, а может, навозные мухи.

Можно бороться с врагом, можно сражаться со зверем, можно драться с тенью, но как, во имя богов, воевать с грязью?

Эол, я сжала непослушную руку. Надо ударить, надо сделать хоть что-то, пока вся эта мерзость не вытекла в наш мир. У нас своей пакости хватает. Я не знала, что делают остальные, не видела ни Вита, ни лучника. Надо бить самой.

— Требую платы, — выкрикнул Дамир, и грязь замерла. — Требую платы, — куда менее уверенно повторил он, но все же нашел в себе силы закончить: — Требую платы!

И вот тут я пожалела, что подошла близко. Потому что пастырь посмотрел на Дамира. Не спрашивайте как, если у него не было глаз. Я ощутила на себе пристальное внимание. Изучающее и даже немного

равнодушное. Так мы смотрим на жука-скардеца с радужными крыльями, вроде и диковинка, но по большому счету бесполезен.

— Желай! — проскрежетала «грязь».

И от ее голоса мне захотелось завывать. Именно такой голос мы слышим темной ночью, когда не можем вырваться из кошмарного сна и наша кожа покрыта испариной, а сердце сжимает невидимая холодная рука. Это длится всего лишь миг. Но в этот миг человек готов орать от ужаса.

— Хочу стать магом среди магов. Хочу, чтобы меня боялись, хочу... — Дамир говорил торопливо, запинаясь, словно никак не мог решить, чего именно он хочет, хотя, я думаю, желание обдумывалось не один день и даже не один месяц. Он знал, чего хочет, но ночной кошмар владел и им. — Я хочу стать магом над магами. Получить все и сразу. Хочу стать зеркальным.

Действительный мог попросить все что угодно, мог стать сильным, мог стать верховным, мог стать первым советником короля, мог... на большее у меня не хватило фантазии. Но он попросил о проклятии. О моем проклятии.

Как-то не так я смотрела на жизнь.

Грязь шевельнулась, лениво перекатилась, очередной сгусток шлепнулся вниз...

— Хочешь? Тогда пей.

— Что пить? — спросили мы одновременно с Дамиром, только он вслух, а я мысленно.

И так же вместе посмотрели на шматок грязи, что упал к подножию Фонтана. В грязи что-то шевелилось.

— Пей!

Если взгляд безглазого пастыря не давал мне сдвинуться с места, то голос проник под кожу, заставив содрогнуться. Он развеял мою нерешительность, снял странный ступор, в который я впала, едва увидев, как расходится прореха мира.

— Пей!

Времени не осталось. Затылок Дамира был так близко. Я замахнулась, выпуская когти. Сердце замерло. Миг до атаки...

Но вместо этого досталось мне.

Кто-то толкнул в бок, и моя рука лишь слегка задела плечо действительного. Развернувшись, краем глаза заметила блеск стали. Чаровник, что убил Тамита, замахнулся снова. Я упала, перекатилась ему под ноги, подняла руку... Он выругался и отскочил, продолжая отмахиваться ножом и не подпуская меня ближе. Не дурак, знает, что одним

касанием я могу закончить его путь чаровника.

Я зарычала.

Дамир опустился на одно колено, зачерпнул пригоршню шевелящейся грязи. Пастырь, или как там его, снова стал изливаться в наш мир.

— Ты всего лишь мелкая девка, — проговорил чаровник, рассекая воздух ножом.

Я оказалась быстрее, но он хорошо владел ножом. Сталь беспрестанно сверкала в воздухе. А меня никто не учил, я и правда была всего лишь мелкой девкой.

Выпустив когти, ударила по лезвию. Нож чиркнул по когтю, я схватилась за сталь, не давая магу начать это бесконечное мельтешение. Нож вспорол ладонь. Но я продолжала удерживать металл, подступая все ближе и ближе к чаровнику. А тот, вместо того чтобы отпустить рукоятку, дернул ее, стягивая магию во вторую руку.

Я ощутила ее движение в воздухе и еще почувствовала... удовлетворение. Магия — это хорошо. С некоторых пор меня мучил постоянный голод.

За спиной мага поднялся на ноги Вит. В воздухе свистнула очередная стрела, разминулась с головой атаковавшего меня чаровника на палец, задев лишь ткань капюшона.

Дамир поднес полную ладонь подвижной грязи ко рту и стал пить. Кого-то снова стошнило.

Маг дернул сильнее, я разжала ладонь, чтобы не остаться без пальцев. Действительный Вышграда встал и медленно повернулся, его правая рука была черной. И не только рука. Грязь испачкала ему подбородок, она стекала за ворот.

Учитель Риона улыбнулся, зубы стали черными. Не было больше действительного. Здесь и сейчас передо мной стоял зеркальный маг. Кажется, зеркальный и кажется, маг. Потому что было в нем нечто неправильное. Наш дар сам по себе — это уже неправильно.

Пастырь наградил того, кто его вызвал. Или проклял.

Мы проиграли.

Чаровник с ножом засмеялся, отходя к учителю Риона. В его смехе проскользнули истерические нотки. Дамир поднял руку и опустил ее на плечо мага. На плечо соратника, который сражался за него, коснулся шеи...

И маг закричал. В лицо плеснуло чужой силой. Она походила на жар костра, что разжигают в День сбора урожая. Чем выше пламя, тем теплее должна быть зима. Надо ли говорить, что в Солодках каждый раз складывали костер высотой вровень с крышами домов.

Чаровник хрипел, нагибаясь все ниже и ниже, пока не опустился на колени. Пока сила не кончилась. Дамир убрал ладонь, и мужчина упал. Бывший маг, который сейчас походил не на человека, а на пустой горшок.

Я попятилась, не сводя взгляда с бывшего действительного Вышграда.

Неужели сила — это все, чего стоят маги? Все, что в них есть? Все, что они есть? Без магии они никто и ничто? Это страшно. Сейчас я как никогда не желала быть магом. Я — это я, а не сила, что клубится внутри.

Дамир сделал шаг в сторону, даже не посмотрев на съежившегося в траве человека. Пустой кувшин. Учитель Риона выпил его одним глотком, не оставив после своего касания ничего. Я знала, как это бывает. Самое ужасное, что какой-то своей вечно голодной частью до жути ему завидовала.

Еще одно прикосновение, почти ласковое. Это так естественно — положить руку на затылок раненого чаровника, что перетягивал пробитое бедро кожаным ремнем. Отеческий жест участия. Смертельный жест. Маг замер, скрючившись, пальцы разжались, выпуская ремень. Кровь полилась на траву. Сломанная стрела лежала рядом.

— А ты думала, что незаменима? — Дамир все еще продолжал улыбаться черными губами.

Еще один бывший союзник, хрипя, упал на землю, он был жив, но даже я видела, что это ненадолго. Вот так, походя, зеркальный убил двух магов. Двух своих магов. Или он уже перестал делить чаровников на друзей и врагов?

Дамир отступил к Фонтану. Оставался еще один чаровник, тот, которого тошнило. И еще дасу. Грязь все текла и текла в чашу. А Источник... плакал. Именно так. Звуки казались слезами.

— Думала, что я буду зависеть от тебя? — Эта мысль казалась ему настолько смешной, что он не смог даже договорить.

— Но тогда... Тогда зачем вам я?

— Ты же не дурочка, скажи сама.

— Либо ты с ним, либо против него, — ответил за Дамира Вит. — Если ты с ним...

— Только представь, что сделают с этим миром два зеркальных! — рассмеялся Дамир, поднимая руку, и стрела, которую выпустил Эриш, замерла в воздухе, а потом упала на землю.

— А если... если я откажусь?

— Я знаю, что откажешься, — покачал головой бывший действительный. — Почти уверен в этом. — Он отвел руку в сторону и словно невзначай коснулся тени дасу, вскользь провел по чернильной

кляксе.

— И что тогда?

— И тогда он свалит все это на тебя, — процедил Вит и закашлялся, словно чахоточный. В груди снова поселилась боль, она рвала легкие на части, не давая вдохнуть.

— Думаешь, — Дамир оглядел поляну, — того, кто устроил все это, не будут искать? Не будут ненавидеть? В глазах остальных я был и остаюсь действительным Вышграда, членом совета магов, а ты... Ты — жалкая девчонка, которая не знает, что делать со своим даром. Зеркальный маг, которому удалось выжить после ритуала. Спутавшаяся с вирийским вырожденком девка, которая настолько свихнулась, что решила уничтожить полстраны. Даже мой бедный ученик, потерявший всю семью в Белой Подгорице, пошел по ложному пути. И только я, Дамир Вышградский, смог остановить отступников! Поверь, легко увидеть злодеев в тех, от кого не ждешь ничего хорошего. А я помогу им увидеть.

— Но это значит... — Я растерялась. — Это значит, что кто-то выживет. Что вы не собираетесь уничтожать...

Я не договорила.

— Уничтожить мир? — Дамир вздохнул, словно разговаривал с неразумным ребенком. — Зачем? Нет, конечно. У меня на него большие планы.

Он сжал ладонь, и тьма дасу, которой он касался, заколыхалась, словно вода в крынке, в которую опустили руку.

Тьма стала обволакивать его ладонь, покрывать кожу, словно перчатка. Она покрывала руку и исчезала, растворяясь во внутренней силе. Я неосознанно подалась вперед, чувствуя, как маг втягивает в себя черноту.

Демон заметался, потерял форму, собрался снова, но уйти от руки зеркального мага не смог, продолжал отдавать магию и молчаливо исчезать.

Именно поэтому зеркальных магов выставляли против дасу. А потом убивали.

Второй демон качнулся в сторону Дамира, изменив форму и превратившись во что-то, хищно скалящееся. Черные челюсти сомкнулись на плече бывшего действительного.

Я хотела услышать, как тот закричит. Даже ждала этого, пусть дасу мне не союзник.

Челюсти сомкнулись и... исчезли. Учитель Риона запрокинул голову и захохотал. То, к чему я шла долго и упорно, даже не зная, куда и зачем иду, пастырь подарил ему в один миг. Действительный мог впитывать все, к чему прикасался, мог убивать одним движением.

Второй дасу исчез.

— Так, значит, весь этот бедлам даже не для «высокой» цели? — хрипло спросил Вит, встав рядом со мной. — Великий действительный Вышграда — всего лишь обычный вор?

Дамир выпрямился, оборвав смех.

— Не тебе читать мне нотации, порченная кровь. Ты сам наглотался силы выверта. Думал, не увижу или не пойму?

— Страшные события требуют страшных решений, — ответил чернокнижник.

— Именно, — согласился Дамир и снова улыбнулся знакомой, немного неловкой улыбкой. — Тьма дасу внутри тебя. Чего нам делить?

— Почти нечего. — Вит шевельнулся, сделал шаг вперед. — Кроме нее, — последовал быстрый взгляд в мою сторону. — Ничего, кроме твоего ученика Риона.

Бывший действительный небрежно отмахнулся, надо полагать, ученика мы могли забирать себе.

— Ничего, кроме чужих жизней, которые ты приравнял к медным череням и расплатился с дасу.

В опущенной руке чернокнижника снова стала собираться сила.

— Малые Охапки, — начал перечислять вириец, делая очередной шаг к действительному, — Волотки...

Слова падали, как монеты из дырявого кошелья.

— Приоров хутор... Олотье...

Да, еще и это... Олотье. Я впервые услышала название села, что «умерло» в княжестве. Село, после смерти которого в Тарию был направлен отряд Вита.

— А ведь там ты даже не завершил вызова, — покачал головой вириец. — Не смог или не захотел?

— Не твое дело.

— Мое, чаровник. Выверт мы опознали бы сразу, а так... Ты же просто всех убил. Целое село. Зачем?

— Лес рубят, щепки летят, — с насмешкой ответил Дамир. — Они могли опознать меня, какой-нибудь востроносый мальчишка обязательно однажды ткнул бы в меня пальцем. Я должен был учесть все, перепроверить, отрепетиро...

— ... вать. — закончил Вит. — Как актер, выходящий на сцену. И надевающий маску.

Слова... Они не имели никакого значения. Ничто из того, что они говорили друг другу, не имело значения. Всего лишь отсрочка.

Песнь Источника закончилась, осыпалась сухими звуками к нашим ногам. Последний сгусток грязи вывалился из прорехи мира и упал в Фонтан. Дыра стала расширяться, расплзаться во все стороны. Мир пошел волнами, словно кто-то сминал его пальцами, как старую ткань.

Пастырь дасу пришел в наш мир.

Время разговоров закончилось.

Вит бросил заклинание. Оно было похоже на мерцающие нити паутины, что сверкают поутру от капелек росы. Только эти нити оказались прочнее пеньковой веревки.

Что, если они поубивают друг друга? Может, оно и к лучшему? Тем более что все, что требуется от меня, это — отойти в сторону и не мешать.

Если Эол читал мои мысли, то наверняка ужасался.

Паутинки опутали действительного, некоторые взрезали его одежду и кожу, словно лезвия, а некоторые...

...Некоторые вспыхнули стальным светом. Учитель Риона собрал их в кулак и дернул рукой. Вит повалился на землю, словно клюнувшая бортом телега, когда вожжи вырвались из рук возницы. Дамир оставался магом, он перехватил заклинание чернокнижника и сделал его своим. По крайней мере, так это выглядело со стороны, когда зеркальный маг наматывал «паутинки» на кулак, подтаскивая к себе упавшего Вита, словно запутавшегося в поводьях всадника.

Я бросилась к чернокнижнику, бросилась бездумно, не зная, что делать. Разве что схватить мужчину за ноги и поиграть с Дамиром в перетягивание каната?

Бывший действительный подтащил Вита и ткнул носом в свои сапоги, как нашкодившего пса. Вириец не имел ничего против, лишь оскалился и раскрыл вторую руку, до этого крепко сжатую в кулак.

Перед Источником расцвел огненный цветок. Распустился, словно дикая роза на колючем кусте.

Магия была в обеих руках чернокнижника, и, если первое заклинание, выпущенное напоказ, Дамир перехватил, то второе не смог. Не ожидал или не успел.

Волна жара швырнула меня к подножию Источника. Лицо обожгло, запахло палеными тканью, кожей и волосами.

Гигантские лепестки огня обвили ноги Дамира. Действительный оказался в центре распустившегося цветка. Вит лежал на траве рядом и закрывал голову руками. Рукава и волосы мужчины тлели.

Я упала на что-то мягкое, неприятное, сползла на черную траву и снова оказалась рядом с мертвым Тамитом.

Кожа на сапогах учителя Риона обуглилась, штаны и полы куртки съезжились. Пахло горелым. Но действительный продолжал стоять. Горел и стоял. Сжимал кулаки, но все еще жил.

Дамир запрокинул голову к темному небу и закричал, завыл что-то протяжное, что-то, складывающееся в слова. Сильные слова. Они наливались, напитывались магией, словно брошенная в речку ткань. Разбухали, как промокшая древесина, и обрушивались прямо на танцующие под магом лепестки огня.

Невидимые слова невидимого заклинания. Пламя зашипело и погасло как раз в тот миг, когда я угодила рукой в открытую рану мертвого Тамита.

На лице Дамира отчетливо проступила злость. Виту удалось причинить ему боль. Ноги чаровника почернели, местами ткань словно прикипела к коже.

Эол, я бы верещала, как еще совсем недавно Оле.

А бывший действительный вместо этого всего лишь нагнулся...

Всего лишь опустил ладонь на голову Вита. Одно прикосновение, и кудесник не будет магом. И, скорее всего, умрет. Что я тогда почувствую? Хочу ли ощутить, как перестанет биться его сердце, а в груди станет пусто-пусто? Хочу ли я оказаться на его месте и понять, что значит для меня смерть другого?

Пальцы бывшего действительного замерли над темной макушкой вирийца...

Наверное, Эол решил, что хватит с меня новых ощущений. Потому что не дал Дамиру завершить движение. Не дал провести пальцами по темным волосам. Гибкая фигурка, так похожая на кошачью, выпрыгнула из-за куста и врезалась в Дамира, оттолкнув мага от вирийца.

— Не смей! — зашипела притвора, выпуская когти. — Он мой! Мой!

Чтобы не упасть, Дамир схватился за чашу Фонтана. На его лице отразилась боль. Но не та боль, что наверняка терзала сейчас его тело. Лицо исказилось от болезненного сожаления.

Каменная чаша треснула, как трещит старая доска, прежде чем сломаться. Воздух вокруг Источника силы стал покрываться трещинами.

Притвора отскочила, прежде чем Дамир успел ударить ее. Прежде чем он успел подумать об этом.

— Он должен мне жизнь! — выкрикнула она.

Я поняла, что рычу. Стою на четвереньках рядом с мертвецом, загибаю когтями траву и рычу. Совсем не оттого, что наш мир трещит по швам, а темная фигура из грязи медленно поднимается за спиной бывшего действительного. Нет. Сейчас меня волновало не это.

Она назвала Вита своим! Слово ударила меня наотмашь. Обжигающее, как настойка жгучеядки, чувство поселилось внутри. От него шерсть вставала дыбом и вылезали когти.

Она назвал его своим! Я оторву ей голову. Оторву без особых изысков прямо сейчас. В назидание другим, чтобы не смели охотиться на моей территории.

Стрела вошла в еще не сформировавшийся силуэт из грязи, древно задрожало, но пастырь не обратил на новое украшение никакого внимания.

Мы с притворой встретились взглядами за миг до того, как я прыгнула. — Вот они! — раздался далекий крик.

Мир смазался, превратившись в размытый водой рисунок. Краски потекли, а потом рывком вернулись. Я хотела сбить притвору, вцепиться ей в глотку. Но... всегда случается какое-то «но». Обычно очень неприятное.

Михей все-таки смог привести магов. Не знаю, насколько точно он объяснил им, какое непотребство творится у Источника, видимо, донес самую суть. И наверняка забыл рассказать, кто хороший, а кто плохой. Или рассказал со свойственной ему прямоотой, в которой вполне могли заподозрить ложь.

Потому чаровники влетели на поляну перед Фонтаном, разя всех направо и налево. Во избежание, так сказать.

Я врезалась в невидимую преграду, разбила морду в кровь. Стена, а может быть, щит, а может быть, еще какая-то магическая пакость. Грохнулась на землю. Кровь потекла по подбородку.

Их было всего пятеро. Пять чаровников, бросившихся спасать Источник силы всей Тарии. Негусто. Плюс Михей с арбалетом. Плюс раненный в ногу Эриш с луком. Плюс мы с Витом — вот и вся армия спасения.

Миру не повезло.

Ударом одного из магов притвору сбросило с чернокнижника. Она покатила по траве. Того чаровника, которого так душевно рвало, продолжало рвать. Вряд ли он вообще заметил появление на поляне новых артистов. Несколько жалящих заклинаний полетело в сторону пастыря. И ни одного в Дамира.

От чаши Источника откололся кусок, тонкая струйка грязноватой силы потекла на землю. Она не впитывалась в нее, текла медленно и тягуче, как масло. Она касалась травы, и зеленые стебли моментально чернели.

Небо покрылось трещинами, словно разбитая тарелка. К действительному подбежал молоденький чаровник. Самый юный из тех, кто пошел за Михеем. Он что-то кричал, указывая рукой на мертвого

Тамита.

Бывший действительный ответил ему жестом. Он обхватил молодого человека за шею, словно намеревался оторвать голову. Ну или поцеловать. Чаровник не пришел в восторг ни от того, ни от другого. Он рванулся, желая сбросить чужие руки, а потом стал медленно опускаться на траву. Тишину над поляной разорвал тихий стон.

Фонтан давно уже не пел.

Арбалет сухо щелкнул. Осечка. Михей выругался и сместил прицел чуть ниже, с грязевой фигуры на вполне себе человеческого Дамира. На этот раз оружие не подвело, и болт оцарапал действительному локоть. Учитель Риона даже не шелохнулся, он продолжал впитывать чужую силу. На лице мага отражался голод. Вечная жажда, которую он силился утолить за счет других.

Я вскочила на ноги и обернулась. Теперь уже Вит, навалившись сверху, прижимал к земле притвору. В руке сверкал нож, губы шевелились. Он не собирался убивать, он что-то ей говорил.

— Артефакт! — закричала я, как раз в тот момент, когда молодой маг рядом с Дамиром рухнул на землю. Рухнул замертво, я больше не слышала стука его сердца.

Учитель Риона стоял гораздо уверенней, чем минуту назад, казалось, ожоги на ногах больше не беспокоили мага.

— Ключ к portalу! — снова закричала я Михею и повторила: — Артефакт! Где он? Ты же...

И не закончила. Поскольку не могла толком объяснить, что стрелок должен сделать и почему. Он искусник, маг, превративший арбалет в артефакт, обладающий собственной волей. Искусник, который нашел на капище обломок и смог очистить вывернутый Источник от нечисти. Он называл артефакты теплыми. И почти ничего не умел. Но это очень весомое «почти».

— Найди псише! — выкрикнула я, бросаясь к Виту, и врезалась в невидимую стену. Опять? Маг с обширной залысиной фыркнул. Эх, постучать бы твоей башкой о магические щиты, колдованец, в следующий раз подумал бы, прежде чем ставить их где попало. — Надо закрыть портал.

Тренькнула тетива, высокий маг вскинул руку, но Эриш успел отправить стрелу в полет за миг до того, как от заклинания хрустнул лук.

Хорошо, что не руки.

Лучник опустил на землю, зажимая рану на ноге — лицо блее простыни, какими застилают кровати в замках высокородных меис. Он

устал и был ранен, стрела прошла намного выше головы Дамира, не причинив тому никакого вреда.

— Надо закрыть портал, — повторил учитель Риона насмешливо и так не похоже на того Дамира, которого я знала.

А знала ли вообще? Всего несколько дней в его доме, и вообразила себя...

Михей опустил арбалет, а потом и вовсе убрал его за спину. Парень выпрямился и неторопливо пошел к учителю Риона, чем, похоже, удивил его больше, чем меня.

Пошел, громко сказано, стрелку нужно было сделать к чаше всего пять шагов. Пять шагов под треск разрушающегося портала и осыпающегося неба.

Всегда думала, что конец света наступает сразу — бах, и все, а тут нам словно дали время полюбоваться на его неотвратимость. Хотя что я понимаю в концах света, этот у меня первый.

— Михей, нет! — закричал Вит.

Я обернулась, вириец уже стоял на ногах. Притвора очумело трясла головой, то и дело задирая верхнюю губу и обнажая клыки. Я едва слышно рыкнула.

Нет. Не сейчас. С этой облезлой кошкой разберусь позднее, если будет с кем разбираться.

Михей обернулся, веснушки на его бледном лице обозначились еще ярче, на губах появилась лихая улыбка. Примерно так же ухмылялись наши парни перед тем, как на ярмарке мериться силушкой на потеху девкам.

Темнота неба осыпалась, выпуская в мир все больше и больше тумана, еще один камень рухнул на черную траву. Эта часть сада стала походить на проплешину после лесного пожара.

Одна мысль вытесняла другую. Михей — маг, если Дамир его коснется... А коснется ли, ведь он уверен, что стрелок — человек? А уверен ли? Эол, я уже ничего не понимала. Кроме одного: вызов демона и любое другое душегубство — это не мое, на такое у меня ума не хватит.

Михей подошел к Дамиру почти вплотную, я оскалилась, глядя на лысоватого мага. Тот качнул кистью руки, готовясь поставить новый щит, лишь бы не дать мне сдвинуться с места. Вит уже был в трех шагах от Дамира и Михея, но все равно безнадежно опаздывал.

— Не знаю, можно ли делать это с людьми. — Во взгляде бывшего действительного сквозило любопытство. — Но почему бы не попробовать.

И в этот момент маги атаковали снова. Двое, что стояли с самого края, швырнули заклинания. Для разнообразия не в нас, а в черную фигуру из

грязи.

Дамир положил руку на предплечье Михея, на загорелую кожу, что виднелась из-под закатанного рукава рубахи.

Магия врезалась в пастыря. Грязь разлетелась в разные стороны, усеяв и без того ставшую черной траву бесформенными сгустками.

Высокий маг поднял руки в победном жесте.

«И это все? — хотелось закричать мне. — Стоило нам влезать в битву ради этого?»

Чаровники и сами вполне неплохо справились. Все при деле. Дамир стал зеркальным и теперь пьет силу. Маги швырнули магию в демона, что явился на зов. Демон рассыпался на части.

Думаю, тут обошлись бы и без нас.

Правда, мир продолжал трещать по швам. Листья на верхушках деревьев съежились и почернели, ветки высыхали и ломались, тумана становилось все больше и больше.

Выражение лица действительного изменилось, торжество вытеснило смятение.

— Ты... ты...

— Колдованец я, господин маг, — охотно подтвердил стрелок.

— Ты артефактор! — прозвучало как обвинение.

Почти с теми же интонациями смирт, указывая на бабуку Симу, верещал: «Ведьма!»

— Маг без резерва! Маг, дающий жизнь вещам! Невозможно.

Впервые на моей памяти Дамир был растерян.

— У него нет силы, — выкрикнул Вит. — Нельзя забрать то, чего нет.

— Я нашел артефакт, — радостно сказал стрелок и, указав на учителя Риона, добавил: — Это не предмет. Это он! Он сам артефакт.

— Ты наложил заклинание пути на себя? — Чернокнижник настолько удивился, что обратился к действительному на «ты», словно они были друзьями, да и вообще эта беседа со стороны напоминала... Черт-те что она напоминала. Уж точно не генеральное сражение добра со злом.

И тут один из чаровников закричал, молоденький, тот, что еще недавно выставил щит против стрелы Эриша. Один из черных комков грязи пастыря упал на ногу мага и присосался к бедру, словно пиявка. Чаровник кричал, пытаясь отодрать его, но грязь проскальзывала между пальцами.

Дамир оскалился, глядя на Михея. В кои-то веки стрелок не стал тянуться к арбалету, а просто толкнул учителя Риона в грудь. Вроде легонько, но действительный врезался спиной в Источник и, проломив спиной часть чаши, рухнул в нее. На мертвую траву посыпались осколки

барельефа. Грохнуло так, словно Эол снова опустил на нашу землю молот. В ушах зазвенело, я даже присела от неожиданности. Михай схватился за голову.

Земля дрожала, камешки из рассыпавшегося Источника подпрыгивали. Порыв ветра растрепал волосы. Раздался еще один хлопок, на этот раз тихий, словно где-то лопнула деревянная кадушка. И трещина над Фонтаном исчезла, захлопнулась, словно дверь на ветру.

Проход...

— Проход закрылся! — закричал кто-то из чаровников.

Ему вторило несколько голосов. Возбужденные, радостные, тревожные... Но один маг все еще продолжал орать от боли. И портить картину победы добра над злом.

— Ключ вошел в замок, — пробормотал Вит. — Если выживу, я этого парня к княжеской награде представлю.

Туман осел на землю росой, увлажняя черную пожухшую траву и превращая ее в кашу.

Неужели все кончилось?

— Небо, — запрокинул голову Вит.

Я подняла глаза: черное ночное небо занялось серым рассветом. Выверт отменялся. Новый день все же наступал. Хотя увидим ли мы его, пока было не ясно.

Сколько нас осталось? Я, Вит, Михай. Эриш, что пытался остановить кровь, зажимая рану на ноге. Из тех, кто пришел с учителем Риона, остался в живых только один. Тот, что все еще ползал по траве. Его желудок был пуст, но маг никак не мог прийти в себя.

И четверо магов, что привел стрелок. Эол, их уже четверо, один мертв. Да еще сам действительный.

— Хотели закрыть проход? — раздался хриплый голос. — Могли бы просто попросить.

Из Фонтана медленно поднимался Дамир. Очень злой Дамир, с которого стекала сила. Мутная, подвижная и... едва слышная. Мелодия Фонтана, пока еще тихая, пока еще робкая, возрождалась. Чудилось в ней что-то знакомое.

Михай схватился за арбалет.

— Эол! — простонал седовласый маг. — Что это?

Магия магией, а когда припечет, Эола зовут все.

Я проследила за его взглядом. И тут же пожалела об этом.

Чаровникам уже было не до нас, не до щитов, не до чего... Темная масса, которую так и не смог сбросить с ноги молодой маг, разрослась

и поглотила его целиком. Она шевелилась, шуршала, двигалась, напоминая гигантский пчелиный рой, а чаровник продолжал стоять. Как и все мы. Мы забыли, кто хороший, а кто плохой. Мы просто смотрели.

Я снова ощутила на себе чужое пристальное внимание. Взгляд того, у кого нет глаз. Того, кого называли пастырем.

— Что это? Что это? — Маг с залысынами, что еще недавно бил меня по морде щитами, отступал к Фонтану. — Сделайте же что-нибудь...

— Сделаю, — кивнул Дамир, вытянул ладонь и коснулся его руки над закатанным рукавом.

— Ах, — сказал чаровник и опустился на траву. Из мелодии Фонтана исчезло биение одного сердца, тихая музыка изменилась и в то же время осталась прежней.

Очередной маг мертв.

Грязь, все больше и больше напоминавшая рой черных насекомых, вдруг поднялась в воздух. Взлетела с земли, с травы, с хрупких веток, со всего, с чем соприкоснулась. Поднялась и облепила фигуру молоденького мага. Осела на том, что когда-то было им. Теперь чаровник походил на кулек, по форме лишь отдаленно напоминавший человека.

— Что ты натворил? — хрипло спросил у Дамира седовласый маг.

Ну наконец-то и до него дошло.

Правда, то, что учителя Риона зачислили в злодеи, еще не делало хорошими нас. Как сказал бывший действительный, очень легко увидеть зло в тех, от кого не ждешь ничего хорошего.

— Много всего. — Дамир развел руками, продолжая смотреть на мертвого мага, на его лице был лишь голод.

Он попробовал силу и, словно отведавший крови зверь, хотел ощутить ее вкус снова.

— Уже поздно сожалеть, не находишь, Канстад?

Бывший действительный сделал шаг к седовласому чаровнику, поднял руку. Жадность исказила лицо.

— Что ты натворил? В кого превратился? — Велижский маг отступил, не давая дотронуться до себя.

Молоденький, облепленный грязью маг, каким-то чудом еще стоявший на ногах, вдруг издал крик, похожий на крик ночной птицы. Тонкий и жалобный.

Вхолостую щелкнул арбалет. Михей выругался, а Вит едва заметно качнул головой. Бесполезно. Притвора не сводила с чернокнижника глаз. Я ей их точно выколю.

И тут кокон ожил. Подвижная комковатая жижка пастыря зашевелилась,

поползла, забралась магу в рот, в нос, в глаза, за воротник, в считанные мгновения исчезла внутри. Крик чаровника оборвался.

Его сердце еще билось, музыка Фонтана не изменилась, но он был мертв так же, как и Тамит.

Грязь исчезла. Молоденький чаровник открыл глаза. Нет, не глаза, а два пятна тьмы.

— Приятно, — проквакал пастырь. — Этот мир приятен. Ты доволен моей благодарностью? — спросил он у Дамира.

— Да, — ответил учитель Риона.

— Значит, я расплатился. — Пастырь улыбнулся губами мага, зубы были черными. — Теперь расплатятся остальные.

Демон двинулся вперед. Совсем не так, как двигаются люди, он не переставлял ноги, он словно перетекал из одного положения в другое.

Седовласый не выдержал и швырнул заклинание. С другой стороны заклинание усилил черноволосый чаровник, последний из тех, что прибежали с Михеем. А с третьей стороны их атаку поддержал Вит.

Клубилась сила, дрожал и нагревался воздух. Вот только пастырь не обращал на это никакого внимания, он продолжал идти... течь вперед. Что ему муравьиные укусы!

Первым сдался черноволосый, руки его упали, резерв был исчерпан, заклинание исчезло. Вторым на одно колено опустился седой чаровник. Мужчина тяжело дышал, сила стекала с пальцев невесомыми каплями.

Не отступил один Вит. Сила в его руках изменилась, пульсировала, превратившись во что-то злое и смертельное. Что-то, от чего кожа на пальцах стала шелушиться.

Я ощутила его боль. Боль от магии, что жгла руки, боль от голодной пустоты внутри.

Сила чернокнижника давила и давила на пастыря в теле молодого мага.

Рано или поздно даже человек обратит внимание на настырно кусающего муравья. И рано или поздно он его прихлопнет.

Пастырь развернулся к чернокнижнику и рывком приблизился. Только что стоял тут, а сейчас уже смотрел в светлые глаза вирийца и скалил черные зубы.

Один взмах юношеской ладони, и руки Вита вывернулись, заломились назад. Магия исчезла, упала к нашим ногам невесомыми хлопьями.

Чернокнижник рванулся в сторону, но что-то невидимое продолжало держать его за руки. И не просто держать — оно продолжало отводить и заламывать их назад.

Я видела, как вздулись вены на шее у Вита, ощущала, как дрожат мышцы и суставы. Еще чуть-чуть, и демон выдернет ему руки, как мальчишка отрывает крылья мухе. Выдернет, не поднимая своих. Чернокнижник казался куклой, подвешенной на невидимых нитях.

И не только он. Боль выворачивала мне мышцы, проникала в кости, не давая двигаться. Мои руки повисли вдоль тела, но это ничего не меняло, они отказывались повиноваться, отказывались двигаться.

Пастырь склонился к лицу Вита, его ноздри раздулись.

— Знакомая кровь, — проговорил он. — Старая, почти забытая. Ты упряма, старая кровь. Мне нравится.

— А мне нет.

Пастырь рассмеялся.

— И смел. Иди со мной. — Черные глаза смотрели в прозрачные.

— Го-гос-госсподин? — Дамир замялся, произнося непривычное слово. — Он же...

— Молчи, — сказал демон, и учитель Риона схватился рукой за рот, словно пастырь не отдал приказ, а ударил. — Иди со мной, не пожалеешь.

— Куда? — прохрипел Вит. — Куда ты идешь?

— Далеко. — Демон рассмеялся. Очень странно было видеть, как кривятся губы молоденького мага, всего лет на пять старше Риона. — Я пастырь, я был призван, чтобы вести за собой. И я поведу.

— К Эолу или к Рэгу?

Юноша запрокинул голову и засмеялся, на этот раз совершенно искренне.

Михей зарядил арбалет, прицелился, но, сколько ни нажимал на спусковой крючок, выстрела не последовало.

— О них еще помнят? Об этих пройдохах? — отсмеявшись, ответил пастырь. — Нет. За ними мы не пойдем, их пастырь уже порезвился здесь. Теперь моя очередь. Людей ждут новые боги. Новые эпохи. Я пастырь, и я поведу новую паству к вере.

— К темной вере! К кровавому веку.

— А какая разница, какого она цвета? — Пастырь прищурился. — Люди режут друг друга веками просто так. А я дам им цель. Изменю этот мир. Предлагаю тебе место рядом со мной, старая кровь.

— Господин, — разбитыми губами повторил Дамир. — Он сделал все, чтобы остановить вызов.

— Упорный. — Пастырь поднял руку и провел пальцем по напряженной шее чернокнижника. — Твой ответ, старая кровь?

«Страшные времена требуют страшных мер», — так сказал

чернокнижник.

Боль Вита вытягивала из меня все силы. Хотелось упасть на землю и завить. На месте вирийца я бы сказала дасу все, что он хотел услышать.

— Ты можешь соврать, но, — словно прочитал мои мысли демон, — слово, данное пастырю, накладывает отпечаток на весь род, ты ведь уже знаешь это.

Седовласый маг поднял голову и жестом указал черноволосому на свою грудь. Тот кивнул. Знаки, ясные лишь тем, кто давно стоит плечом к плечу, тем, кто понимает друг друга без слов.

Но что они могли? У них не осталось ни капли магии. Они опустошили свои резервы, вложив в последний удар все, что было.

— Знаю, — прошептал Вит. — И ты знаешь, что я скажу.

Пастырь прочел ответ в глазах до того, как чернокнижник его озвучил.

После пятой осечки Михей понял, что выстрелить не удастся. Правда, стрелок был не из тех, кто отказывается от своих намерений при первой же неудаче. Да, выстрелить не получилось, тогда Михей просто замахнулся арбалетом, словно дубиной, и ударил пастыря в спину.

Вот только за миг до этого дасу поднял руку, намереваясь отмахнуться от стрелка так же, как отмахнулся от чернокнижника. И когда украденная у молодого мага плоть соприкоснулась с артефактом, кожа на руке пастыря треснула, как может треснуть глиняный кувшин, если чересчур сильно стукнуть им о стол. Кожа треснула и осыпалась, словно глазурь. Под ней была все та же грязь.

— Наделяющий жизнью? — совершенно искренне удивился пастырь. — Какой хороший подарок. — Он шевельнул пальцами, Вит захрипел, в плече чернокнижника что-то с хрустом сломалось. — Я доволен. — Пастырь кивнул бывшему действительному: — Дарю тебе старую кровь, развлекайся.

Их магия начала действовать одновременно.

Дамир выпустил те самые серые ленты, которые вцепились в Вита, опутали его, словно веревки-путанки, и налились лиловым цветом.

Грязь в руке пастыря пришла в движение, и ладонь превратилась в лапу с полупрозрачными когтями.

«Совсем как у меня, — пришла в голову непрошенная мысль. — Как у притворы. У той, чьи предки, как и Дамир, вызывали демонов и приносили жертвы».

Опутанный заклинанием чернокнижник осел на землю. Я осела вместе с ним. Мы упали. Вместе и по отдельности...

Боги не просто преподнесли нам дар, они прокляли нас. Борцы за

добро и справедливость, которых так просто победить. Тронь одного, упадут двое. Двое обреченных делить боль.

Седовласый чаровник достал из-под одежды медальон. Круглый плоский камень с нанесенным на его поверхность рисунком. Спираль. Знак накопителя. Черноволосый вытащил из расстегнутого ворота точно такой же. Их резерв был пуст, но они готовились нанести удар с помощью артефактов.

Взмах лапы, и приклад арбалета треснул, на землю полетели щепки.

— Нет, — закричал Михей. Лицо покраснело от злости, — это неправильно!

Дамир, оскалившись, подступил к обездвиженному Виту.

«Да, неправильно», — могла добавить я. И не могла. Не могла даже двинуться. Могла лишь обреченно смотреть.

Пастырь развел в сторону руки, словно намеревался обнять стрелка. И Михей бросился в его объятия. Занес кулак, чтобы по-простому, без всяких изысков, своротить демону нос, словно в обычной трактирной драке.

Пастыря это даже развеселило. Потому что он улыбался, когда Михей его ударил. Он продолжал улыбаться, делая шаг назад. Он был демоном, но демоном, заключенным в человеческое тело, и это тело отшатнулось, когда его ударили.

Но улыбка застыла, по украденному у молодого мага лицу побежали трещины.

За спиной демона стоял Дамир, не сводивший взгляда с Вита. Пастырь отступил на шаг. И на один миг, на один удар сердца их руки соприкоснулись.

Демон и зеркальный маг с голодом такой силы, что хотелось кричать, вцепиться магу в глотку и пить, пить, пить.

И все же Дамир поколебался. Мне даже показалось, что сейчас он отстранится и снова обратит внимание на вирийца. Это было лишь мимолетное прикосновение...

Но учитель Риона уже ощутил вкус чужой силы, ощутил благодаря случаю и не смог остановиться, как не может поставить на стол кружку с самогоном пропащий пьяница в трактире.

Голод вытеснил все: мысли, доводы, разум. Он заменил их собой, заменил алчностью. Дамир не мог отказаться от силы, что была заключена в чужое тело. Его лицо снова заострилось, утратило всякое сходство с человеческим.

Эол, а ведь я считала его красивым! Этого зверя?

Пастырь попытался обернуться.

— Ты! — на этот раз демон взревел. — Невозможно. Ты отмечен. Уже отмечен. И ничто этого не отменит.

Михей бросился к упавшему на землю арбалету.

Кожа пастыря продолжала трескаться, обнажая грязь, что была внутри мертвого тела, которое еще ходило и говорило. Юноша, в которого вселился демон, исчез, рассыпался, как яичная скорлупа. Его сердце остановилось. У Фонтана стоял демон. Он шипел, как котелок на огне.

Все повторялось. Оболочка разрушилась, но сам демон был еще жив. А Дамир продолжал пить силу.

Пастырь взмахнул рукой-лапой. Последний удар, что вполне мог снести голову магу и еще двум-трем мужчинам, если бы они стояли рядом. Но время было упущено, учитель Риона просто выпил его. Осушил за миг до того, как был нанесен удар. Лапа рассыпалась. Демон превратился в темные хлопья сажи, которые исчезли, не долетев до земли.

Пастырь исчез на наших глазах. Демон... Новый пророк... или кем там он себя называл, куда собирался вести мир...

Спасибо, пройдем сами.

— Так зеркальные и побеждали дасу, — услышала я шепот седовласого мага. — Зеркальный вытягивает силу у кого угодно, вытягивает и становится сильнее. Непобедимый маг.

— И вечно голодный. Вечно жаждущий больше, — тихо прошептала я. Фонтан запел в полную силу так же чисто, как и до вызова.

— Что ты натворил? — вдруг выкрикнул чаровник, что сидел на траве, один из помогавших Дамиру, а потом резво опустошавших желудок. — Ты убил его! Убил! У нас никого не осталось! Мы предали всех. Что ты натворил, Дамир? Ты же обещал нам... Он обещал... Мы должны были стать пророками нового мира! А теперь? Мы будем изгоями! Или мертвецами. Что ты натворил, Да...

Маг не договорил. Голод все еще терзал учителя Риона, превращал мага в зверя. Вряд ли он вообще слышал и понимал, что ему кричали. Вряд ли хотел понимать. Он хотел силы.

Зеркальные срываются. Всегда. И не могут остановиться.

Чаровник всхлипнул и попытался отползти от Дамира, торопливо и некрасиво. Но бывший действительный догнал его. Догнал, как догоняет нищий упавшее и покотившееся по земле яблоко.

Это уже был не голод, это была алчность, которая ослепляет и заставляет подбирать крошки даже после роскошного обеда.

Это мое будущее?

Я поняла, что сжимаю кулаки и рычу. Рычу от омерзения и

несправедливости. От безысходности. Ленты, что сковывали Вита, сковывали и меня. Я ощущала их так же, как холод черной грязи, в которой он лежал. Но сейчас мне это было безразлично. Ужас от того, что я видела, вытеснил все остальное. Стало все равно, что чувствует чернокнижник, стало плевать на заклинание, на неподвижность. И как только я это осознала... Пути исчезли. Не те, настоящие, что спеленали вирийца, а их невидимое повторение, появившееся благодаря нашей связи. Мы были связаны... Но я — не Вит.

Я отряхнулась, словно зверь.

Учитель Риона полз за магом, чтобы коснуться. Теперь я знала, что было изображено на третьей фреске. Там изображена смерть. То, что я видела, не имело права на существование.

Дамир догнал мага и коснулся. На краткий миг на лице зеркального появилось удовлетворение, тут же сменившееся алчностью. Для него ничего не имело значения, ни друзья, ни враги, ни убеждения. Ничего. Только чужая сила. Он походил на умирающего от жажды.

Смотреть на это было неприятно. И стыдно, будто увидела нечто запретное. Чужие слабости всегда стыдны. А свои еще стыднее. Я не хотела глядеть, как Дамир пьет силу. Не хотела чувствовать зависть. Я была голодна и больше всего на свете хотела присоединиться к бывшему действительному.

Руки дернула боль, я посмотрела на Вита. Он смертельно устал. Устал так, что лечь и закрыть глаза казалось благом.

Маги разошлись в стороны, держа в руках артефакты. У них был один удар. Последний удар. Они нанесут его, но все равно проиграют. С этой поляны уйдет только один. Тот, кто все это придумал и осуществил. Не ради Тарии, не ради блага или мира во всем мире. А ради себя. Он хотел безграничной силы. Он ее получил. И теперь все, кто знают об этом, умрут. И союзники, и противники. Все. Даже Лиэсса умерла бы. Лиска, о которой он даже не спросил. Женщина, которая говорила о нем как о боге.

У зеркального нет ни друзей, ни семьи, ни близких, только тарелки с едой.

— Вот за это мы их убиваем, — едва слышно прошептал седовласый, ни к кому конкретно не обращаясь, и позвал: — Дамир, ты ведь знаешь, что мы должны сделать?

Над горизонтом показались первые лучи восходящего солнца. Они легли на наши лица пятнами света и пятнами тьмы. Учитель Риона встал, отряхнул руки. Они были в крови по локоть.

Седовласый чаровник что-то торопливо чертил на черной земле,

второй — ногой расчищал место с другой стороны Фонтана. Удар с помощью артефактов...

— Нам нужно время. Минута, не больше, — сказал седовласый, торопливо рисуя в грязи знаки. Он не поворачивал головы, но говорил. Обращался ко мне. — Дайте нам эту минуту.

Вряд ли их волновали вирийский чернокнижник и оборванная девчонка. Их не волновал даже Михей и раненый лучник. Их не волновала затаившаяся в кустах притвора, готовая в любой момент ступить на дороги другого мира, но почему-то до сих пор не сделавшая этого. Что же Вит ей сказал? Что пообещал?

Им нужна минута. Всего минута.

Дамир сделал шаг к чернокнижнику, руки его дрожали от желания прикоснуться.

Михей ругался. Михей да я... Что мы можем?

— Дамир, — позвала я, едва соображая, что делаю и чего делать не должна. — Здесь есть блюдо повкуснее порченной крови.

В словах слышалась бравада. Отчаянная, жалкая, но все же. Я спрятала руки за спину, чтобы он не видел, как они дрожат. Насколько было бы проще, если бы Вит все же убил меня там, у трактира. Для всех проще. Особенно для меня. Иногда смерть — это благо.

Я снова вспомнила Оську-гончара. Нашла о ком думать на смертном одре. Но мысли, что я так тщательно прятала даже от самой себя, словно выпущенные из чулана мыши, разбежались в разные стороны.

Дамир посмотрел на меня, и тяжесть его взгляда едва не заставила пожалеть о сказанном. Тут и в самом деле было блюдо повкуснее чернокнижника. Например, зеркальный маг.

Я попятилась, уперлась спиной в полуразрушенную чашу Фонтана и замерла.

Источник пел. В знакомую мелодию вплетались новые ноты — боль, гнев, потрясение. Музыка то взлетала высокими аккордами, то гремела оглушительно низкими раскатами. Наши сердца еще бились.

Учитель Риона выпрямился. До чернокнижника всего два шага, до меня четыре. Кого он выпьет первым?

Вит выругался. Но я смотрела только на бывшего действительного, а тот смотрел на меня. Хорошо. Не дай ему отвернуться, Айка, не дай подумать о ком-то другом.

Когда Оське перебило спину телегой, он долго кричал. Не час и даже не два. Он кричал несколько дней от боли в ногах, которых больше не чувствовал. Никто не знал, что делать. Денег на целителя не было.

Конечно, если бы скинулись всем селом да послали гонца в Вышград... Но скидываться никто не хотел. Медные черени, так любовно выменянные на ярмарке, лежали в глиняных крынках под полом. Все смотрели друг на друга и молчали.

А Оська орал от боли. Его жена и брат отдали бы все. Если бы это «все» у них было.

Иногда у нас нет того, что мы хотим отдать.

Дамир обошел Вита. Значит, первой стану я, а не чернокнижник. Глаза вдруг защипало. Вот только плакать не смей, Айка. Не сейчас. Не перед ним.

Учитель Риона встал напротив, разглядывая меня с интересом и... голодом, словно диковинное блюдо типа пахлавы, что привозили ярмарочные купцы из-за Тесеша. Мы бегали в лавку смотреть, нас прогоняли, но мальчишки возвращались снова и снова.

— Тшш, — ласково проговорил Дамир, и я поняла, что все же плачу. — Я ничего не сделаю тебе, глупая.

Голос был тих, мягок, и ему так легко было поверить.

Дамир положил руки на раскрошившийся бортик Фонтана совсем рядом с моими. Сжал и разжал ладонь. Сжал и разжал. А потом поднял руку и осторожно отвел со щеки прядь моих волос. Очень осторожно, чтобы, не дай Эол, не коснуться кожи.

Иногда предвкушение намного слаще, чем само блюдо.

— Что будет, если встретятся два зеркальных? — спросила я у Дамира.

— Не знаю, — с улыбкой ответил он.

— Кто кого убьет? Кто перетянет силу?

Он продолжал улыбаться, но рука у лица дрогнула. Я видела, что он сдерживается из последних сил, что еще миг — и...

— Есть только один способ узнать, — торопливо прошептал бывший действительный, склоняясь все ниже и ниже к моему лицу. Мужская ладонь разжалась, локон упал на щеку.

И я поняла, что он хочет меня поцеловать. Снова. Последним смертельным поцелуем. Эта идея понравилась ему настолько, что мужчина не мог сдержаться, не мог остановиться. Какой-то своей частью я понимала его, понимала нетерпение и голод.

— Нет, — закричал Вит. — Нет, Айка, не надо!

Но я знала: надо, если я хочу спасти хоть кого-то...

Губы Дамира были черными, вымазанными в грязи. Мои — разбиты в кровь магическими щитами. От него смердело потом и грязью, от меня наверняка пахло не лучше. Сосуды в его глазах полопались, ноздри

раздулись...

И все-таки я не выдержала, не смогла пересилить себя и позволить ему прикоснуться. Не таким должен быть мой последний поцелуй.

Я сама подалась вперед, чуть отвернула голову, и его губы скользнули по щеке, пачкая кожу грязью. Щека к щеке. Плоть к плоти, магия к магии, голод к голоду.

Кто победит? Маг, только что осушивший нескольких демонов? Или девчонка, всего лишь отведавшая умирающего мага?

Исход предрешен. Это — как перетягивание каната, если с одной стороны поставить самого сильного парня деревни, а с другой стороны привязать козу.

Пальцы соскользнули с крошащегося камня прямо в плещущую и играющую тысячей сердец силу. Прикосновение Дамира было похоже на хруст ломкого листа, что осенью упал с ветки дерева, если движение вообще можно сравнивать со звуком. Во рту стало сухо, словно кто-то разом выпил из меня все силы. Руки ослабели, хвост задрожал, в груди поселилась ноющая боль...

Лишь пальцы продолжали касаться Фонтана.

Говорят, что Источник откликается магу лишь раз в жизни, до краев наполняя резерв. Всего один раз. И сколько бы потом ни взывал чаровник, природа остается глуха к его мольбам. Еще недавно Дамир упал в эту чашу и вышел из нее точно таким же голодным, как и раньше.

Вот только я никогда ничего не просила. Мне не дали этого сделать.

Я не знала, как чаровники взывают к Источнику, какие при этом произносят слова, какие поют песни и танцуют танцы. Но это не имело значения. Я просто попросила:

«Помоги мне. Дай силы!»

И все. Четыре простых слова, которые я даже не произнесла вслух. Четыре слова, изменившие все вокруг.

«После ритуала ты уже не будешь магом. Мир тебя не услышит, — сказал мне когда-то учитель Риона. — Не услышит и не откликнется».

Действительный соврал. Мир услышал. Он отдалился, словно я была уже не я, а арбалетный болт, выпущенный в небо. Я снова увидела весь мир целиком, всех людей, их жизни, услышала биение сердец, ощутила дыхание на своей коже. Взлетела надо всем этим, легкая и невесомая.

Источник откликнулся. Сухость сменилась живительной влагой. Жажда — удовольствием. Голод — удовлетворением.

Говорят, Источник всегда наполняет резерв до конца, а если возьмешь больше, сила разрывает сосуд. А что делать, если резерва нет? Если в тебе

живет лишь вечная голодная пустота?

У моего резерва не имелось дна, не имелось стен и ограничений. А источник был бездонным. Мы оба были бездонными. Сила все не кончалась и не кончалась, продолжала прибывать, заставляя мышцы дрожать, шерсть пушиться, а меня урчать от удовольствия.

Сила была двойкой. Одна — напоминала ягодный морс, поданный жарким летом, когда залпом осушаешь кружку и зубы сводит от его холодной сладости. Вторая — горьковатая, как ложка травяной настойки на рыбьем жире, что оседает на языке тошнотворным привкусом. Второй было мало, ничтожно мало по сравнению с той, что давал источник. Ее сосуд тоже был мал.

Горькая сила Дамира кончилась так быстро, что я едва успела это осознать. Всего один глоток. А потом она сменилась чем-то иным, трепыхающимся, как бабочка, пойманная в ладонь...

Где-то на краю сознания я услышала хрип.

Не магия. Жизнь. В меня вливалась сила его жизни. Сила, что заставляла биться сердце. Ведь это, если подумать, тоже магия.

Его было так легко выпить до конца. Просто не останавливаться. Он бы меня не пожалел. Таких врагов нельзя оставлять в живых. Человека, что походя разбрасывается чужими жизнями, надо остановить навсегда.

«Не думай, не сомневайся, не страшись. Просто сделай», — сказал мне учитель Риона, отправляя из Вышграда в Велиж. Отправляя на смерть.

И я больше не сомневалась. А думать перестала еще раньше.

Ненасытная пустота внутри меня замолчала, остановилась. Я закрыла глаза, выдохнула, а открыла их уже на земле, около Фонтана. Соленые слезы все еще текли по лицу.

Дамир... Нет, от того чаровника, которого я знала, не осталось ничего. В черную пыль осел старик со сморщенной кожей. Высохший, сгорбленный, в одежде, которая стала ему велика. Худосочная грудь вздымалась и опадала. Он все еще дышал, я не стала осушать этот сосуд до дна. Не захотела, как не хочет ребенок пить горькое лекарство.

Бывший чаровник захрипел, закашлял, выплевывая желтые зубы.

— Агррр, — брызгая слюной, прохрипел он, цепляясь за мою одежду.

Я отпрянула, прижалась к Фонтану, отталкивая его, словно больного проказой побирушку, который выпрашивает медный черень у храма Эола. Все, что осталось от чаровника, решившего стать великим.

Черноволосый маг смотрел на меня с другой стороны источника. От него веяло чем-то теплым и невыносимо приятным, как бабушкины объятия, захотелось окунуться в это «что-то», взмахнуть хвостом и заурчать

от удовольствия... Эол, нет!

На меня словно ушат холодной воды вылили. Я только что выпила зеркального, мало того, взяла у источника столько силы, сколько смогла, а теперь смотрела на чаровника, и на моем лице проступал тот же голод, что и на лице учителя Риона.

Зеркальный никогда не бывает сыт. Он не может остановиться, ибо желает все больше и больше...

— А-ка, — рычаще позвал Вит, и я повернула голову. Повернула даже не на голос, а на запах, такой знакомый и родной. Такой желанный. Запах магии. Внутри снова что-то шевельнулось, пока еще медленно, но я знала, что скоро воронка раскрутится вновь.

«Почему ты не убил меня сразу?» — спросила, не произнеся ни слова.

Но он понял. Увидел в моих глазах все: от ужаса до стыда и сожаления.

«Я убил, — так же без слов ответил он. В его серых глазах отразилась боль. — Это была пытка. Такая сильная, что я не смог повторить. Прости».

Жена Оськи-гончара смогла выдержать два дня, на третий пришла к нам. Пришла не за лекарством. За ядом. Она не сказала ни слова, лишь стояла и плакала навзрыд, зажимая рот красной натруженной рукой и давясь слезами.

Бабушка напоила ее чаем и сидела рядом, пока рыдания не стихли. Она не дала ей яда. Мы не торговали отравой. Она дала ей сонного порошка. Поставила на стол банку, отсыпала щепоть в холщовый мешочек и велела заварить перед сном.

— Опасная трава, — сказала тогда Сима. — Одна щепоть, и будешь спать, как младенец. Тебе сейчас необходимо. Две щепоти, и тебя даже из королевских пушек не разбудят. Три — и с утра придется справлять отходную в храме Эола.

Вручив кулечек, бабка ушла в соседнюю комнату, где я безуспешно притворялась спящей. Ушла, оставив банку с сонным порошком на столе. Она не продавала яд жене Оськи, но позволила ей взять его.

Гончара схоронили через два дня, на погосте за часовней. Эол призвал калеку во сне.

Мы никогда не говорили с бабушкой об этом. Я не спрашивала. А она не рассказывала. Лишь, уходя с погоста, глядя на свежий холмик могильной земли, ни к кому не обращаясь, произнесла:

— Иногда смерть — это лучшее, что ты можешь подарить другу.

Седовласый чаровник закончил рисовать знак на земле и отбросил ветку.

Минута истекла. Эол, всего лишь минута, а мне показалось, что прошел год.

— А-ка, — повторил Вит.

Не знаю, что он хотел сказать. Что тут еще можно сказать. Я смотрела на вирийца и больше всего на свете хотела прикоснуться к его руке, к его щеке, все равно к чему, лишь бы снова ощутить себя наполненной силой, ощутить себя центром мира, его солнцем.

Я вцепилась руками в каменный бортик источника, ощущая, как крошки царапают кожу. Вцепилась, чтобы не поддаться желанию и не броситься к Виту. Надо оставаться на месте, у магов только одна попытка. Один удар. Пока я еще я. Пока могу управлять своим телом, а не ползать по траве, как Дамир за тем испуганным чаровником.

Маги подняли руки к небу. Учитель Риона схватил меня за штанину.

— Айка, — в третий раз повторил чернокнижник, и на этот раз в его голосе не было рычания. В нем были понимание и печаль, что все должно закончиться так.

Сила стала собираться в руках тарийских чаровников. Подвижная, тягучая, словно грозовые облака, в которых то и дело мелькали молнии.

— Нет, — закричал вдруг Михей, отбрасывая сломанный арбалет на траву.

Низко зарычала притвора, прыгая на спину Вита. Чернокнижник не мог даже пошевелиться из-за связавшего его серыми лентами заклинания. В ее утробном рыке слышалось удовлетворение. Вириец продолжал смотреть только на меня.

А я вдруг поняла, что там, у трактира, перерезая мне горло, он приговорил нас обоих. Вот зачем ему нужна была идущая за нами нечисть. Ее он определил себе в палачи. Плети заклинаний оставались серыми. Вит не станет сопротивляться. Он просто станет смотреть на меня. Смотреть, пока проводница будет рвать его на части. Одного из тех, кто убил ее спутника. В этом чернокнижник не соврал, он просто не сказал ей всей правды. Не рассказал об остальных.

— Это неправильно. — Михей торопливо перешагнул через тело Тамита. — Так не должно быть!

Сила в руках магов загудела, рисунки на амулетах вспыхнули голубым.

— Михей, нет! — закричала я. — Уходи! Немедленно!

— Айка, — жалобно произнес стрелок и с детской простотой, присущей только ему, повторил: — Это неправильно!

Я оттолкнула Дамира, но он продолжал цепляться за ноги, и я едва не упала, делая шаг навстречу Михею. Спину дергало острой болью. Не моей

болью.

— Убирайся!

— Неправильно, — обиженно повторил стрелок и обхватил меня за талию, не давая упасть. — Я совсем ничего не умею, не могу помочь...

— Михей, — простонала я, бросая взгляд на Вита. По его лицу текла кровь, а по моему текли слезы. — Вит...

Маги ударили.

И мир стал ослепительно-белым.

Глава 13

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ, ИЛИ ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Потолок был белый, с выпуклыми завитушками, из которых на меня пялились безглазые лица толстощеких младенцев.

Ужас, конечно, но от загробного мира я ожидала большего.

Шевелиться не хотелось, тело, словно после бани, казалось легким и невесомым. Я зажмурилась и снова открыла глаза. Пухлые дети все еще смотрели на меня с потолка.

— Эол, — то ли простонала, то ли позвала хозяина чертогов и попыталась сесть, не забывая оглядываться по сторонам.

Все вокруг было белым. И кровать, на которой я сидела, и стены комнаты, и два стула, и стол, и колышущиеся шторы на окнах — все. Я едва подавила желание потереть глаза, чтобы избавиться от этой бесцветной белизны.

— Меня сейчас стошнит, — известила бесцветную комнату.

Но никто не ответил. Хозяину этой красоты было безразлично, испорчу я его ковры или нет.

Я повернулась. Кровать оказалась огромной. Походило на то, что целую комнату застелили перинами, а потом убрали стены. Даже та кровать, что я видела в замке баронета Кистена, была наполовину меньше.

Отбросив одеяло, спустила босые ноги на ковер. На мне были такая же белоснежная рубаша и штаны. Совершенно непрактично, летом вывозишь в грязи, зимой замерзнешь.

— Меня что, похоронили в этом? — спросила в пустоту.

Но пустота не спешила отвечать. Я уловила за спиной мимолетное движение и резко обернулась. Комната была пуста.

Встала. Босые ноги утонули в мягком ковре. До окна всего три шага, а за прозрачным стеклом — такой же молочно-белый, как и комната, туман.

— Все-таки я умерла, — тихо проговорила, не добавив «наконец-то», которое так и вертелось на языке.

Что ни говори, а все закончилось плохо.

Я повернулась к такой же белой, как и вся комната, двери.

Интересно, а остальные выжили? Обидно, если нет.

Михей, Рион... и Вит.

Слишком много всего произошло. Я не могла понять, что чувствую теперь, когда все осталось позади. К воспоминаниям примешивалась горечь.

Я сделала несколько шагов к двери и уже дотронулась до ручки, когда вдруг представила, как открываю дверь, а за ней — ничего. Совсем. Только туман. Это и есть мое наказание у Рэга.

Рука опустилась. Пожалуй, я пока не готова выйти отсюда.

— Смелее! — раздался насмешливый голос. Я развернулась, шипя...

И увидела валяющегося на кровати Вита, хотя миг назад в комнате никого не было. Вроде бы не было...

Чернокнижник словно нарочно был одет во все черное. Он, заложив руки за голову, вглядывался в лепнину на потолке и хмурился: толстые рожицы откормленных детей не нравились не только мне, но и мужчине.

Я многого ожидала от смерти, в основном ужасов, но чернокнижник как-то не вписывался в планы вечных мучений. Хотя, возможно, речь шла о его мучениях, а не о моих.

Вместе с тем я не сдержала вдоха облегчения. И сама поразилась этому. Я была рада видеть вирийца, и эта тихая радость не имела к дару богов никакого отношения.

— Вит, — позвала я, отступая от двери. — Где мы?

— У меня для тебя плохие новости. — Чернокнижник продолжал смотреть на потолок.

— Как обычно, — пожала я плечами, возвращаясь к окну и стараясь не думать, почему так неистово колотится сердце.

— Ты жива.

— Ага, — ответила, хватаясь за подоконник и вглядываясь в белую пелену за окном. — Помнится, мы уже видели такой плотный туман в мире мертвых. — Я обернулась к вирийцу, готовясь ко всему, даже к тому, что мужчина исчезнет так же внезапно, как появился. Эол знает, какие тут у них порядки. — Когда пойдем пугать людей?

— Зачем?

— Говорят, мертвецам положено. Негоже в первый же день нарушать правила.

— Ты мне не веришь? — Вит настолько удивился, что сел на кровати, я услышала, как зашуршали простыни.

— Нет.

— Айка, мы живы!

Я почувствовала движение за спиной и поняла, что чернокнижник уже стоит сзади.

— Спасибо, что пытаешься придумать красивую сказочку, но...

— Айка... — Он положил мне руки на плечи.

— Знаешь, — перебила его, — с тех пор как я уехала из дома, меня столько раз били по голове, душили, травили, швыряли магией, позволили постоять на эшафоте и даже перерезали горло... — Руки чернокнижника ощутимо напряглись, и я торопливо продолжила: — Каждый раз, открывая глаза, я была уверена, что все кончилось. Что на этот раз все, допрыгалась. И каждый раз Эол отводил последний удар. — Я развернулась. — Не подумай, что я жалуясь, но... — Прислонилась к подоконнику. — Но не на этот раз. По нам били маги. Лучшие маги Велижа. Они вложили в последнюю атаку все, что было, и даже то, чего у них не было. Били они не по мне. Они рассчитывали ударить Дамира, зеркального мага, а не девчонку, толком не знающую, что она умеет, а что — нет. Били наверняка. — Я развела руками. — Сам видишь, тут никакой Эол не помог бы.

— Хорошо, — легко согласился чернокнижник. — Тогда где мы, потвоему? В чертогах Эола? У изножья трона Рэга? Я как-то не так представлял себе их владения.

— Я тоже. — Неожиданно захотелось выгнуть и почесать спину о выступающий подоконник. — Но что мы понимаем в божественных замыслах! Они нас даже поженить пытались... — Я снова развела руками, предлагая Виту посмеяться над этой нелепостью.

— Хорошо, — кивнул, продолжая соглашаться со мной, чернокнижник. — Раз мы мертвы, то и стесняться, я полагаю, глупо.

Он схватил меня за руку и рывком притянул к себе. Вышло грубо, но действительно. Я была слишком ошеломлена, чтобы сопротивляться, по крайней мере, в первый момент, когда он наклонил голову и завладел моими губами.

Небрежно и жестко, не считаясь с чужими желаниями.

— Мм... — только и смогла произнести я.

И его торопливый порыв тут же сменился мягкостью. Губы мужчины на миг замерли, а потом шевельнулись, легонько касаясь моих, заставляя их раскрыться.

Поясницу кольнуло, но подоконника рядом не оказалось.

Мужчина коснулся моего языка своим...

В какой-то мере Вит оказался прав: стесняться поздно, да и для всего остального — поздно. И эта странная, нелепая и ужасающая мысль вдруг успокоила меня.

Что было, то было, а в эту минуту... Почему бы и не узнать — каково

это, самой целовать красивого мужчину. Опасного, как острый клинок. Ведь два раза убить невозможно.

Целовать потому, что я так хочу, а не потому, что так велели боги. Я забыла про спину, про белую комнату и наш спор. Забыла про то, что мы куда-то движемся, что Вит идет, а я следую за ним. Обхватила мужчину за шею и прижалась, не давая отстраниться, не давая разомкнуть наши губы. Всего миг не думать ни о чем. Один долгий, но такой краткий миг.

Один поцелуй. А потом я смогу думать, смогу вспоминать, как Вит вот этой же рукой перечеркнул мое горло. Это было горько.

Это было сладко. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Вдох за вдохом, прикосновение за прикосновением. Это было как танец, когда один предугадывает движение другого. Наши губы касались друг друга, наши языки сплетались. И в какой-то момент я поняла, что падаю...

Падаю на кровать. Перина подо мной мягко колыхнулась. Губы горели. Вит посмотрел на меня сверху вниз и медленно потянулся к своей рубашке, развязывая шнуровку ворота.

— Это, конечно, не свадьба, но тем не менее... — Вириец стащил рубашку и отбросил в сторону.

Я, как зачарованная, проследила за ее полетом. Наверное, мои глаза размером напоминали чайные блюдца из сервиза какой-нибудь тарийской меис. Вит усмехался, склоняясь надо мной. Все ниже и ниже.

Его кожа была смуглой и гладкой, так и хотелось поднять руку и прикоснуться, чтобы узнать, теплая она или прохладная. Провести подушечками пальцев по мышцам, чтобы почувствовать их твердость.

Я уже подняла ладонь, когда вдруг осознала, что урчу от удовольствия, обвивая хвостом руку мужчины.

Моя кошка? Почему-то я была уверена, что после смерти все эти демоновы штучки с внутренним зверем исчезнут. Но сейчас как никогда остро ощущалось ее присутствие и что-то еще...

— Вит. — Я уперлась ладонью мужчине в грудь, он едва заметно вздрогнул. — Мы живы?

Он не ответил, его рука легла на мое плечо, потом поднялась выше, пальцы замерли у ключицы, там, где заканчивалась ткань рубашки и начиналась кожа.

Мои руки скользнули чернокнижнику на плечи, коснулись спины, ощущая неровности, тонкие бугры шрамов. У меня снова зачесалась поясница. Я вспомнила, как Вит смотрел в мою сторону там, у источника. Смотрел, пока нечисть раздирала ему спину.

— Пожалуйста, остановись, — попросила я и удивилась, как тонко

звучит мой голос. Тонко и жалобно. — Твоя спина!

Я думала, мужчина не послушает, коснется шеи, а потом... Представить это «потом» во всех красках не получилось.

Но чернокнижник замер, затем скатился с меня на кровать. Кошка разочарованно фыркнула, а я очень постаралась, чтобы это разочарование не отразилось на моем лице.

— Твоя спина, — повторила я.

— При мне, слава Рэгу. — Голос мужчины был полон иронии. — Значит, теперь ты готова обсудить, почему мы живы?

— Мы живы? — жалобно спросила я. — Но как? Чаровники же били наверняка. Там не то что я, там никто не выжил бы. Ни Дамир, ни Михей... Михей?

— Тоже живехонек.

— Где он?

— В данный момент красуется перед горничными, те в нужных местах охают и ахают.

— Рион...

— В библиотеке. Представляешь, он умеет читать. — Вит криво ухмыльнулся, но тут же стал серьезным. — О нас не хочешь спросить? Или лучше поговорим о Дамире, прежде чем ты соберешься с мыслями? Кстати, учитель Риона умер. Тарийские чаровники утверждают, что сердце не выдержало, но, по обыкновению, врут. Сердца у этого мага никогда не было.

— Покажи спину, — попросила я и, подумав, добавила: — Пожалуйста.

Целую минуту мужчина разглядывал меня как диковинную зверушку, на которую за черень плятятся зеваки на ярмарке, а потом повернулся.

— Красивенько, — закусив губу, сказала тихо.

— Ну хоть не ревешь, — с облегчением выдохнул Вит.

Я протянула руку, поколебалась, а потом все же коснулась щедро испещренной рубцами спины. Шрамы казались давно зажившими, они напоминали борозды на старой пашне. Неровные, бугристые, уже блеклые линии, иногда насакивающие одна на другую. Полностью затянувшиеся раны. А ведь на вирийце наверняка живого места не было.

— Сколько? — хрипло спросила я.

— Что? — шевельнул плечами чернокнижник.

— Сколько прошло времени с того дня, как я... как ты... С того выверта?

— А если я скажу, что два года? — Он повернулся ко мне, я

почувствовала, как кровь отливает от моего лица. — Шучу. Две седмицы.

— И я в это время... — замолчала, так и не подобрав нужного слова, обозначающего исчезновение двух недель из моей жизни. — Спала?

— Почти, — серьезно ответил чернокнижник. — Чаровники Велижа уверены, что ты мертва.

— Черт! Стукнуть бы тебя как следует!

— Наоборот, надо обрадоваться и поцеловать. Ты бы видела Михея, когда он нес тебя на руках после магического удара! Здоровый детина, ревет, почти причитает, а ты у него на руках, словно подстреленная охотником косуля. Голова мотается на тонкой шейке.

— Я сейчас заплачу, — честно призналась, подтягивая колени к груди.

— Вот-вот, многие плакали, кое-кто даже помидором кинул, но промахнулся.

— А ты? Последнее, что я помню, это как притвора рвала тебе спину... — При этих словах из пальцев выскочили когти и едва не распороли белоснежную ткань штанов.

— Нет бы чего хорошего запомнить, — нарочито ворчливо попенял чернокнижник. — Я тоже не очень хорошо помню, в основном звездочки кровавые перед глазами. Та тварь знатно порезвилась. Но как только чаровники ударили, ее и след простыл. Живучая, знает, когда надо отступить. Но если бы не Михей и Эриш, если бы не воины Рэйвена, — Вит глубоко вздохнул, — мы бы с тобой сейчас не разговаривали. — Мужчина сел напротив и стал рассказывать дальше: — Как только мы остановили выверт, время снова побежало, отсчитывая минуты, солнце поднялось над горизонтом. Вот тогда-то они и вылезли. Люди, маги, солдаты. Наши тоже поняли, что засиделись в трактире.

— Как я выжила? — перебила его.

— Об этом тебе лучше у стрелка спросить.

— Я спрашиваю у тебя. Ответь, пожалуйста.

— Надо же, что смерть с людьми делает, вежливая какая стала, второй раз за день «пожалуйста» сказала, — передразнил чернокнижник и пояснил: — Учти, это — чистой воды домыслы, хотя наши магистры во главе с Кишинтом уже потирают руки.

Я кивнула, так как была согласна даже на домыслы, потому что при взгляде на белую спальню и Вита проскальзывала мысль, что все это бред. Или сон, от которого не проснуться. Что дверь, которую я вижу с кровати, не откроется, если потянуть за ручку, потому что за ней ничего нет. И нас тоже нет.

— Под удар попали трое: ты, Михей и Дамир.

— Выжили мы с Михеем?

— Выжили все трое.

Я подняла брови. Нет, точно бред. Что за чаровники в Тарии, если троих безоружных уколошить не могут?

— Маги били по магам. Как ты и сказала, били наверняка, силы было мало, только накопители, и маги сделали ставку на природу заклинания, а не на его мощь. Магический удар, что поражает только мага. Подобное уничтожали подобным. На самом деле — страшное оружие. Не кривись, страшное, я видел, как однажды целый десяток кудесников остался лежать бездыханным. — Вит коснулся пальцем моей щиколотки. — Но они не учли один фактор. Вернее, два. Первое — Дамир больше не был чаровником. Ты выпила его магию.

— А второй? — Почему-то слова вирийца внушали беспокойство, подойти к двери захотелось еще больше.

— Второй не учел никто. Даже я. Ваш стрелок, — палец мужчины поднялся чуть выше по икре, я хотела спросить, что Вит делает, но не стала. Если это бред, то, по крайней мере, приятный, — маг-артефактор, пусть и без резерва.

— Но все равно маг, а значит...

— Значит, он тоже попал бы под удар, — кивнул чернокнижник.

— Но он не попал?

— Попал, но ты приняла на себя всю магическую атаку.

— Мне везет.

— Ты даже не представляешь как. — Палец поднялся еще выше и очертил сквозь тонкую ткань колена. — Именно это тебя и погубило, и спасло.

— Вит, хватит ходить вокруг да около. Что со мной сделали? — Я дернула коленом, и мужская рука упала на простыню.

— Сделал. Маг-артефактор.

— Он ничего не умеет, — хмуро сказала я, все больше убеждаясь, что это сон. Нереальный разговор в нереальной комнате. Поясница зачесалась с новой силой.

— Ничего, кроме... — Чернокнижник замолчал и вдруг спросил: — Спина не чешется?

— Нет, — почему-то ответила я и тут же заерзала на перине.

— А должна. — Вит придвинулся чуть ближе. — Михей не умеет ничего создавать, кроме накопителей. Причем они получают у него настолько естественно, что он даже не замечает этого. Поэтому, когда он схватил тебя за талию там, у источника... — Чернокнижник настолько

выразительно посмотрел куда-то в район моего живота, что я даже забеспокоилась: что там у меня, кроме глистов, могло завестись?

— Что он сделал?

— Ты ведь уже догадалась. Он создал очередной накопитель. Только на этот раз его основой послужил не предмет, а живая материя.

— Это возможно?

— Вспомни Дамира, который сделал из себя ключ. Хотя маг всего лишь перенес на себя свойства с уже готового артефакта, любой так сможет. А Михей именно создал накопитель за миг до того, как на тебя обрушилась магия. Ты втянула ее в себя, как мох втягивает воду. Втянула полностью, чем спасла и стрелка, и себя. Вы спасли друг друга.

Сердце пропустило удар, я прислушалась к себе. Очень осторожно, как приноживающийся к воздуху зверь. Я слишком боялась, что почувствую голод. Всеобъемлющий, тянущий в свою глубину.

Заглянула «в себя» со страхом. И едва не задохнулась от ужаса. Бездонный колодец все еще находился там, он не исчез, не рассыпался пеплом. Он был цел и готов в любой момент начать свой безумный водоворот. Но сейчас он был плотно закрыт толстой каменной крышкой. А на ней, словно искусный каменотес на камне, кто-то выбил рисунок. Знакомый рисунок спирали, поверх которого, лениво помахивая хвостом, лежала моя кошка. Моя суть.

Михей не уничтожил бездну, он ее запечатал. Закрыл. Заставил замолчать.

Кошка вскочила на лапы.

Я вскочила на ноги прямо на кровати и дрогнувшим голосом спросила:

— Что? Что у меня там? На спине? — Зуд вдруг усилился, я едва не застонала. Или даже хуже, чуть не попросила Вита почесать мне спину, совсем как порядочная кошка.

— Сядь, Айка, — приказал мужчина, но я словно не слышала.

Мало мне белых волос, острых зубов и когтей, так еще что-то на спине образовалось.

— Сядь, я сказал. — Вириец дернул меня за руку так, что я упала на него сверху и оказалась прижатой к обнаженной мужской груди. — Тихо, — скомандовал он, обхватив меня руками за талию.

— Я... Я... Я больше не человек? Кто я?

— Боюсь тебя разочаровать, но ты и раньше не была человеком в полном смысле этого слова. Слишком много кровей намешано, и большинство — не человеческие.

— Вит, — произнесла я, толком не зная, о чем прошу.

— Да, ты больше не человек. — Его ладони вдруг шевельнулись, и он стал вытаскивать мою рубашку из штанов. — Ты не человек и не маг...

Его пальцы коснулись кожи. Словно угольком прижгли. Мужчина провел рукой по спине вверх и вниз.

— То, что у тебя там, всего лишь рисунок на теле, — кончиком пальца Вит стал водить по талии. Я заставила себя сосредоточиться на его прикосновениях, но не на ощущениях, а на том, что именно выводили пальцы. Один круг, переходящий в другой, один виток внутри другого...

— Знак накопителя, — выдохнула я.

— Ты — артефакт.

— Вещь?

— Может быть. Вспомни арбалет Михея, иногда у вещи куда больше свободы, чем у человека.

— Но...

— Вот, теперь ты решила расплакаться. — Кажется, чернокнижник был недоволен.

— Иди к дасу, Вит.

— Да я бы рад, но разве есть смысл расстраиваться из-за того, что ты не в силах изменить? По-моему, это глупо. Еще недавно ты не верила, что жива, а сейчас расстраиваешься из-за того, что жива недостаточно.

Чернокнижник продолжал говорить, а его ладонь поднялась выше и легла мне на плечи, потом на шею, пальцы коснулись спины, чуть оттянули ворот рубашки. Я заурчала, выпуская и убирая когти и едва не царапая мужчине бок.

— Что ты делаешь?

— Проверяю, разрешишь ли ты мне прикасаться к тебе после всего случившегося, — не смущаясь, ответил чернокнижник.

— И как успехи?

— Пока не понял. Иногда мне кажется, что ты не прочь послать весь мир к дасу в пасть, а иногда ты так смотришь, что я понимаю: твои думы далеки от меня. — Вит убрал упавший на щеку локон, заправил его мне за ухо и с неожиданной горечью добавил: — Вряд ли ты простишь перерезанное горло. Я знал, на что шел, и не питаю иллюзий.

Я сразу вспомнила боль, что показалась мне такой невозможно острой, и биение своего сердца, которое было чересчур громким. Но тут же эти воспоминания сменились другими. Я вспомнила, как Вит смотрел на меня у Источника, а притвора вспарывала ему спину. Почему-то второе воспоминание отзывалось куда больнее, чем первое. Бабушка всегда говорила, что чужая боль ранит в пять раз сильнее, чем собственная.

— Вит... — сказала тихо, — ни ты, ни я не выбирали этого. Это дар богов, не забыл? — спросила и, вскочив, зашипела.

Каменные стены были слишком толстыми, и я слышала чьи-то шаги только у самой двери.

— Тише, это наверняка...

Он не договорил, дверь распахнулась и в белую комнату влетели Рион с Михеем. Стрелок увидел нас на кровати, замер посреди комнаты и густо покраснел.

— Вы чем тут занимаетесь? — спросил бывший чаровник, державший в руках толстую книгу.

— Тебе подробно описать? — ухмыльнулся, выгибая бровь, Вит.

Не знаю, что собирался ответить Рион, но я уже выскользнула из рук вирийца, вскочила с кровати, ступая босыми ногами по покрытому белым ковром полу, подошла к стрелку, встала на цыпочки и поцеловала парня в щеку.

— Спасибо.

Михей из красного стал малиновым.

— Его благодарит, а меня упрекает, — покачал головой Вит. — Жизнь несправедлива.

— Мы, собственно, чего пришли, — кашлянул в кулак Рион. — Ты обещал, что расскажешь все, как только Айка очнется, а целитель высокого лорда как раз доложил...

— Целитель высокого лорда? — переспросила я, вытягивая шею и стараясь рассмотреть мир за приоткрытой дверью — мир, который еще минуту назад казался мне несуществующим. Всего лишь часть каменного коридора и уводящие куда-то вниз ступеньки. Но какая важная часть! — Где мы? Что это за саван? — Я снова осмотрела белую комнату.

— Мой дворец. — Вит поднял рубаху.

— Твой?

— Моего отца. — Чернокнижник стал одеваться, на мгновение его лицо скрылось под тканью.

— Дворец твоего отца в Тарии? — не поняла я. Мысли путались.

Ей-богу, мертвой быть легче, можно не думать о последствиях, о прошлом и о чувствах. Можно не бояться предательства. Я посмотрела на чернокнижника. Он знал, что я смотрю на него.

— В Вирите, слава Рэгу. Ноги моей в Тарии больше не будет, — покачал головой мужчина.

— Особенно после того, как нам дали день на то, чтобы убраться. — Рион сел на белоснежный стул и положил книгу на стол.

Я тут же забыла про цвет стен, туман за окнами и попросила:

— Расскажите мне все, а то я до сих пор не уверена, что вы мне не снитесь.

— Мы заметили, — хихикнул Рион. — Всем бы такие сны.

— С какого места начать? — уточнил Вит.

— С самого начала...

— Что было после удара магов...

Произнесли мы с Михеем одновременно, а чернокнижник поднял брови.

— Я бы и то, и другое с удовольствием послушал, — высказался Рион.

— С начала так с начала, — вздохнул Вит и заунывным голосом начал: — Эол и Рэг создали наш мир за семь дней...

— Не настолько с начала, — тут же пояснил стрелок и тем же тоном, что и чернокнижник, добавил: — Расскажите об убийце народном, сиречь, поучателе Рионовом, что Дамиром кличут. И поясните мне, неучу, почто он добрый люд извести пытался.

— А он смелеет, — с одобрением ответил чернокнижник. — Уже и без «господинов» обходится. Ерничать начал. Ну, слушай, отрок...

Михей улыбнулся, а Рион закатил глаза. Мне очень захотелось пнуть чернокнижника, чтобы перестал валять дурака. Странно, вот так, сидя напротив него, я совсем не боялась, но стоило мужчине меня коснуться, стоило встать ближе, и я невольно вспоминала о том, что произошло у трактира. Почти без злости, но все же... Я знала, что Вит поступил правильно, но почему-то это знание не особо утешало. Эта моя внутренняя борьба выводила из себя куда сильнее, чем воспоминания. Я никак не могла определиться, можно доверять чернокнижнику или нет.

— Жил-был в Тарии маг, — начал Вит, и я все-таки пнула его. — Ладно, — вздохнул вириец. — На самом деле мы почти ничего не знаем. Не знаем, как и когда Дамира занесло в Волотки. Знаем лишь, что он выбрался из проклятого скита, совратил дочь Орьки-прачки и та — само собой, дочка, а не прачка — с ним сбежала. У нее был магический дар целителя с очень маленьким резервом. Кто натолкнул действительно на мысль получить силу за чужой счет — проклятый скит или Лиэсса — мы никогда не узнаем...

— Я думаю, скит, — перебил Рион. — Учитель... — парень замялся, — учитель часто пропадал в старых развалинах, искал сведения о том, как увеличить силу...

— Как и любой другой маг, — пожал плечами Вит. — Это приветствуется. Но ровно до тех пор, пока кудесник не пытается стать

паразитом и увеличить свой резерв за счет других.

— Раньше проклятый скит назывался Великоверезским, — Рион взял со стола принесенную книгу и наугад открыл, — там река Верега рядом. В нем жили отшельники-артефакторы, — парень бросил взгляд на Михея. — Они основали скит после того, как впали в немилость, при короле Немионе Первом. — Рион перевернул несколько страниц. — Жили тихо, собирали старые книги, создавали артефакты. Пишут, что к ним со всех концов Тарии съезжался люд, чтобы купить амулеты здоровья или приносящие удачу камешки. Именно там придумали и создали первый накопитель.

В этот момент все они посмотрели на меня, будто я и была этим самым первым накопителем. Спина тут же зверски зачесалась.

— А потом искусники вызвали дасу... — нахмурился Вит.

— Не сразу, — поправил его Рион и снова перевернул несколько страниц. — Сначала они создали первое псише для вызова ведогони...

— Все начинается с малого. И великое добро, и велико зло. Но зло чаще. Сначала они наверняка вызывали всякую мелочь вроде степной нежити, а потом доросли и до дасу.

— Тут об этом ни слова. — Парень долистал книгу до переплета. — Жили-были монахи, никого не трогали. А потом умерли. Все.

— Еще бы, я на месте тарийских чаровников тоже молчал бы в тряпочку, особенно если вспомнить, что у тихих отшельников был свой Источник, — заметил Вит. — Они вызвали из другого мира дорогого гостя и не заперли за ним дверь, отчего Источник вывернуло. А потом и их самих.

— Но почему... — нахмурился Михей. — Почему они не закрыли портал?

— Не знаю, — пожал плечами чернокнижник. — Может, не знали, что последует за этим, все-таки они были из Тарии. А может, просто не смогли...

— Но ты сам так не думаешь, — уловила я сомнения вирийца.

— Не думаю. Искусники не закрыли его специально, чтобы в наш мир выплеснулось побольше темной силы, которой они хотели распоряжаться. Наверняка и тот вызов был сделан «ради всеобщего блага» — выделил голосом мужчина последнюю фразу. — Видимо, хотели сделать сотню-другую амулетов от поноса.

— То есть они вызвали демона, получили на лоб, или куда там ее ставят, отметку, сами частично перестали быть людьми... и благодаря этому стали распоряжаться темной силой, которую нам не переварить? — уточнил Рион.

— Говори за себя, — вставила я и посмотрела на Вита, вспомнив, как он пил энергию выверта. А ведь у тех искусников наверняка был приличный план, который вполне мог сработать. Но не сработал. Как и у Дамира.

— Да, я могу направлять энергию смерти, — ответил вириец. — И... да, я не совсем человек. Причем — с рождения.

— Я так и знал, — сделал большие глаза Рион. — Ты не просто чернокнижник. Ты — враг рода человеческого. Причем — с рождения, — и рассмеялся.

Вит скупно улыбнулся, наверняка вспомнил, как произошла их первая встреча.

— А кто вывернул самих искусников? — спросил стрелок.

— Думаю, дорогой гость и вывернул. Может, они не сошлись в мнениях о правилах хорошего тона. Например, должен ли гость вытирать окровавленные ноги, прежде чем переступить порог? Или в том, что нельзя с ходу откусывать голову хозяевам. Да мало ли спорных положений в этикете!

— Давай поближе к делу, — попросила я. — Поближе к Дамиру.

— Не знаю, что именно раскопал Вышградский маг, меня к его кабинету и к его бумагам на пушечный выстрел теперь не подпустят.

— В его кабинет никому нельзя было заходить без хозяина, даже слугам. Даже мне и Лиэссе. Чары охранные на двери такие, нипочем не откроешь, если учителя нет рядом, — вставил Рион.

— Да, он был предусмотрительным, ваш Дамир, — продолжал рассказывать чернокнижник. — И когда все-таки решился на вызов, сначала отрепетировал смертельный ритуал на одной из наших деревушек. Но что-то там не заладилось, как я и говорил, ритуал не завершили, иначе мы бы сразу поняли, в чем дело, но...

— Так, может, и не завершили, чтобы вы не поняли? — бесхитростно спросил Михей. — Может, он что-то другое репетировал?

На миг чернокнижник замер, обдумывая такую возможность, а потом, покачав головой, ответил:

— Может, и так. Правды уже не узнать. Мы уверены в одном. Он наслал смертельные чары на всех жителей деревни и скрылся.

— А через некоторое время объявился в Хотьках, — печально вздохнул Рион.

— Сначала там появилась Лиска, назвавшаяся племянницей травницы, — вставила я. — Думаю, первой всегда появлялась она и присматривала жертвы во всех приговоренных к смерти селениях. То

сестрой называлась, то племянницей, то невесткой первого мужа. И ей верили. Как сказала Рея-травница, отчего же не поверить, коль она с сестрой на одно лицо. А вот лицо-то у нее благодаря амулету могло быть любым. Везде своя и везде чужая.

— Ты ее еще пожалей, — рыкнул Вит.

— Она часто подолгу отсутствовала, — задумчиво добавил Рион. — Пропадет на месяц или на полгода, а когда уже не ждешь, объявится. Учитель говорил, она путешествует по святым местам.

— И чем ей наши Хотьки глянулись? — задумчиво спросил Михей. — Хорошо хоть ничего у них не вышло.

— Вы забыли об Приоровом хуторе. — При воспоминаниях об уничтоженном поселении черты лица вирийца стали жесткими. — Там пришел в наш мир первый дасу, и выверт убил всех жителей. А потом уже были Хотьки...

— Куда через два дня прибыл его нерадивый ученик, без силы, в компании девицы сомнительной наружности и происхождения, да еще решил сунуть нос во все происходящее, вместо того чтобы поскорее отбыть в Вышград... — внесла я в рассказ свою лепту.

— Им пришлось скрывать свои лица, Дамир боялся, что ученик его узнает. Если выживет, — продолжил чернокнижник.

— У Риона был шанс спастись? — удивилась я.

— Шанс есть всегда, подчас самый невероятный. — Вит как бы невзначай положил руку на постель рядом с моей ладошкой. — Вдруг ученик оказался бы гораздо любопытнее, чем думал учитель, порылся в библиотеке, полистал книги с голыми бабами... пардон, с заклинаниями, и научился закрываться. Я сам, помнится, втайне от наставников разобрался...

— В голых бабах? — бесхитростно спросил Михей.

— И в них тоже, — не смутился вириец. — Вы поняли мою мысль, никогда ни в чем нельзя быть уверенным до конца, а Дамир был осторожен. Иначе его давно казнили бы. — Чернокнижник шевельнул пальцами, и я почувствовала тепло его тела, тепло его силы, взмахнула хвостом... и зашипела, разворачиваясь к двери. За миг до того, как в нее постучали.

А потом еще раз. И еще.

— Открой, — попросил Вит Риона, что сидел ближе всех к выходу.

Парень отложил книгу на стол, встал и распахнул дверь.

Сначала все, что я смогла разглядеть, это темный силуэт в дверном проеме. А потом низкий голос спросил:

— Могу я войти?

Мы посмотрели на Вита, а тот словно раздумывал. Всего миг, но все же.

— Входи, — наконец ответил чернокнижник и чуть погодя добавил: — Отец.

Михей тут же выпрямился, как солдат на королевском параде. Рион даже не стал садиться, схватил в руки книгу, потом положил, потом снова схватил.

Я подавила желание сползти с кровати и спрятаться под оной, настолько парень был сосредоточен. Лишь Вит остался на месте, все такой же невозмутимый. Что ж, если он не потрудился встать...

Подняв голову, я посмотрела на отца Вита. Он и в самом деле был высоким, выше сына. Такая же смуглая кожа, что и у чернокнижника, а вот волосы — темнее, уже посеребренные сединой на висках, глаза... Они у отца чернокнижника оказались совсем другими — темными, как ночь, тогда как сын смотрел на мир серо-голубыми глазами.

Я разглядывала визитера, а высокий лорд разглядывал меня. От него пахло силой, знакомой и в то же время чужой — как от старого дуба, что вырос позади бабушкиного дома задолго до моего рождения. Он пах корой и листьями. А еще — высокомерием. Лорд знал, что мы все не ровня ему. Знал, что мы это знаем. Читаем по его лицу...

— Не нравлюсь? — спросила, не сдержавшись, как никогда не могла сдержаться, когда на меня смотрели свысока.

Рион тихо хрюкнул, Михей стал разглядывать потолок, а от Вита легонько повеяло одобрением и насмешкой.

— Пока не решил, — сдержанно ответил мужчина в темной одежде, на пальце сверкнуло драгоценным камнем кольцо. — А я вам, монна?

— Пока не решила, — в тон ему ответила я.

— Айка, — едва слышно простонал Рион.

— Могу уйти в любой момент, чтобы не портить вам простыни... — я поджала ноги, — и настроение.

— Это решаю не я, — вздохнул высокий лорд с сожалением, развернулся и направился к двери, добавив вполголоса: — Пойду подготовлю твою мать, Витторн, и да поможет нам Рэг.

— Многообещающе, — подытожила я, когда отец Вита вышел. — Где мы? Я не спрашиваю про страну и про замок. Я спрашиваю, что это за белая комната для отпеваний? И почему твой отец стучится в дверь в собственном доме?

— Это долгая история, — неопределенно ответил чернокнижник.

— А я не тороп...

— Это комната первой невесты, — перебил меня Михей, садясь на стул и доставая из-за спины арбалет.

И мы все, включая чернокнижника, посмотрели на парня с удивлением.

— Мне Катинка, горничная, рассказала, — пояснил стрелок и неожиданно покраснел.

— Да, она вообще болтливая, эта Катинка, — высказался чернокнижник. — Вон даже Рион оценил.

Мы посмотрели на бывшего чаровника, но тот старательно уткнулся в книгу, причем держал ее вверх ногами.

— Что за «первая невеста»? — спросила я.

— По... по легенде, — откашлявшись, стал рассказывать Михей, — пе... первый из рода Ордианских... Вит... господин маг...

— Нет, это уже не так интересно, про господ магов я все знаю, — перебил запинаящегося парня чернокнижник. — Давай лучше про предков рассказывай. Как будто я не догадываюсь, о чем слуги болтают.

— Ну, это... — Михей положил оружие на колени и любовно погладил приклад. — Говорят, твой предок возже... хм... возжелал девицу княжеских кровей.

— И куда только князь смотрел? — попенял чернокнижник.

— А она воспротивилась.

— Не понимала своего счастья, глупышка.

— Ну он и велел заложить эту башню...

— А пока башню строили, девица где жила? — уточнил Вит.

— Не знаю, у отца, наверное.

— Ага, ждала, пока темницу... прости, супружескую спальню достроят.

— Дай ему рассказать. — Я снова пнула чернокнижника.

— Ну вот, а потом твой предок украл девицу...

— И она перестала быть девицей, — на этот раз не удержался Рион.

— Наверное, — пожал плечами стрелок и бесхитростно пояснил: — Я не уточнял. Но, говорят, первый лорд поселил ее в этой башне. А на стены наложил заклятия такой силы, что девушка без его разрешения не могла выйти за пределы комнаты и никто другой без его дозволения не мог туда войти, а вот он сам... Лорд мог проходить чуть ли не сквозь стены, появляться в башне, когда захочет...

А ведь Вита не было в башне, когда я проснулась. Кажется, не было. Его отец постучал. И сказал, что решает здесь не он.

Михей рассказывал что-то еще, но я больше не слушала, встала и, ловя

на себе удивленные взгляды парней, подошла к двери. Не выдержала и обернулась. Вит сидел на кровати и смотрел прямо на меня. В его позе было столько напряжения, словно он готовился к бою. Очень важному сражению.

— Айка, ты куда? — растерянно спросил Рион.

Я отвернулась и, помедлив несколько ударов сердца, потянула на себя дверь. Та беззвучно открылась. Я даже выдохнула от облегчения, ведь видела, что на ней нет замка, но почему-то была уверена, что...

А в чем, собственно, уверена? В том, что история Михея... вернее, предка Вита — правдива? Даже если так, каким боком она касается меня? Я здесь совсем не невеста.

И все же... все же...

Я сделала шаг за порог. На один удар сердца воздух сгустился, словно отвар из еловых шишек. Показалось, что сейчас он мягко, но настойчиво толкнет меня обратно в комнату, но...

Я рыкнула, и чужая магия, что навеки въелась в эти стены, втянулась и осела где-то внутри, словно заваренная в кружке трава, что всегда опускается на дно.

Возможно, быть артефактом не так уж плохо. Особенно таким артефактом.

Я постояла на каменной площадке, у лестницы, ведущей вниз. Так и подмывало спуститься, выйти из этой башни, из замка и пойти куда глаза глядят. Но ноги босы, да и костюмчик на мне такой, что только на отпевание идти, да и то в качестве главного действующего лица.

Кошка зевнула. И я вернулась в комнату. По крайней мере, теперь я знала, что смогу уйти. Если захочу.

— Почему же здесь все белым-бело, словно в сугробе сидим? — спросила, снова опускаясь на кровать.

— Дык, — удивился стрелок, словно это было очевидно. — Девушка-то повесилась. Прямо здесь. Ага.

Мы все подняли глаза к потолку. Щекастые младенцы продолжали усмехаться.

— На чем, интересно? — спросил Рион. — Ни люстры, ни балок...

— На собственной косе, — весомо пояснил Михей.

— Вряд ли такое осуществимо, — протянул чернокнижник.

А я не удержалась, потрогала свои волосы и спросила:

— Комната почему побелела? От ужаса?

— Тот самый лорд так распорядился, — пожал плечами стрелок. — В память о его возлюбленной башня навсегда осталась белой. В честь его

невесты, что так и не стала женой. Катинка говорит, он так и не оправился...

— Любовь побеждает все, — хмыкнул Вит.

— Да уж. — Рион поежился. — Давайте лучше об учителе, а не о мертвых девках, что здесь обитали, а то мне не по себе.

— Давайте, — легко согласился чернокнижник. — На чем я остановился?

— На том, что иначе Дамира казнили бы, — подсказала я.

— А как было бы хорошо... — мечтательно протянул бывший чаровник.

— Итак, два селения уже мертвы. Два демона выпущены.

— Но почему эти демонюки никого не поубивали? Почему не замарались в крови? — уточнил Михей.

— Хочешь, вызовем и спросим? — вздохнул Вит. — Я не могу знать всего...

— Желание, — перебила я. — Вызывающий получает право на одно желание. Но Дамир просил о силе для себя только пастыря. Что могло удержать дасу от кровавой бойни? Только чужое желание, которое они обязаны выполнить.

— Желание и знание, что вскоре вызовут кого-то более значимого, — кивнул чернокнижник.

— Выходит, Дамир уже тогда знал, что будет выворачивать Велиж и вызывать пастыря, и все это не случайность? — удивился Рион, откладывая книгу на стол.

— Конечно нет. Продуманный, до мельчайшей детали разработанный план, надежные исполнители: Лиска, Неман, маги Велижа. Все было рассчитано. Случайность — это она, — указал вириец на меня. — Зеркальный маг, не ведающий своей силы, которого приволок ученик и подал на блюдечке с золотой каемочкой. Вторая ошибка Дамира в том, что он решил использовать Айку, свалить на нее вину за свои преступления. Зеркальные маги нынче редкость.

— Не бывает тьмы без света, льда без пламени, демона без... — повторила я слова чернокнижника, которые он произнес в Багряном лесу.

— Без зеркала, в которое он мог бы посмотреть, — закончил мужчина. — Если дасу приходит, значит, тот, кто его одолеет, уже здесь.

— Это, кажется, из книги откровений Эола? — нахмурился Рион.

— Да, там подобной чуши много.

— Но Дамир верил в эту чушь, раз пожелал стать зеркальным, — сказал стрелок. — Он все предусмотрел.

— Все? Он отправил меня на ритуал, чтобы разрушить резерв. — Я обхватила себя руками, кожа покрылась мурашками. — Я могла умереть.

— Да, но ему нужен был маг с разрушенным резервом. Маг, не способный контролировать свою жажду. — Вит легонько коснулся пальцем моего локтя, и я вздрогнула.

— А если бы она умерла? — тихо спросил Рион.

— Значит, умерла бы, вряд ли Дамир плакал бы, — пожал плечами Вит. — Ты была дополнением к плану, полезным дополнением, но никак не его основой.

— А почему в учителе неумная жажда проснулась мгновенно, а Айке понадобилось время? — спросил бывший чаровник.

— Дамир хотел всего и сразу. Он так и сказал пастырю. Вот и получил все и сразу. И великую силу, и великую жажду. Все закономерно. — Пожал плечами Вит и уточнил: — Дальше будете слушать? Или можно идти переодеваться к ужину?

— Переодеваться? — удивилась я, но меня перебил Михей, решительно заявивший:

— Будем. А после Велижа? Они шли за нами, да?

— Шли, — кивнул Вит, опуская правую руку в карман. — Такая замечательная компания злодеев подобралась, что грех не пойти и не позлодействовать вместо них. Чернокнижник, нерадивый ученик, зеркальный маг со сбитым резервом и деревенский увалень, который очень хочет стать магом. — Мужчина медленно вытащил руку, между пальцами темным отблеском сверкнула капелька амулета.

— Это же... — приподнялся Михей.

— Оно самое. Маскировочный амулет. Амулет с поводком, благодаря которому Дамир всегда знал, где Айка. Где мы... — Я протянула руку, и Вит уронил мне в ладонь кулон. Шнурок тихонько качнулся.

Сам камень был прохладным. Гладким и... абсолютно пустым. Моя кошка даже не подняла головы.

— Еще одно доказательство того, что Дамир что-то нашел на развалинах скита. Или узнал. Таких артефактов давно нет, как нет и их создателей. Я бы не отказался пошарить в его кабинете или посмотреть, как это делают тарийские чаровники.

— А вдруг это не он? — спросил Рион. — Вдруг это Теир? Казум же рассказывал: смирт что-то откопал в архиве, за это его и сослали.

— Может, поэтому они и столкнулись с твоим учителем, — вставил Михей.

— Теперь уже не спросишь, — развел руками чернокнижник. — Не у

кого.

— Потом были Волотки, откуда ты умудрился вытащить Лиэссу, — после недолгого молчания попенял Виту Рион.

— Виновен, но иначе как происками Рэга или Эола это не назвать.

— Следом «умерли» Малые Охапки, — продолжил бывший чаровник и спросил: — А почему не Полесец? Раз уж мы все равно были там.

— Полесец — город, — ответил парню Михей. Его рука словно невзначай прошлась по гладкому прикладу арбалета.

— Михей прав, — сказал Вит. — За городские стены так просто не пройдешь. А Малые Охапки всего лишь село. Было когда-то селом.

— И они не боялись, что вы распознаете выверт? — спросил стрелок.

— Нет. Время было упущено. Никто их наших просто не успел бы принять меры. Да что там, даже князю доложить не успели бы, а Велиж уже вывернуло бы.

— Что было после удара магов? — снова спросила я, после того как парни замолчали.

— Все заорали, — ответил Михей и признался: — Я тоже.

— Я этот момент плохо помню, — добавил Вит. — Все как в кровавом тумане. Моя боль, твоя боль. Эриш, что сам едва держался на ногах и пытался поднять меня, Михей тащил тебя на руках, где-то на земле хрипел Дамир...

— Хорошо, что солдаты подоспели. — Михей почесал макушку. — А то ведь я очумел от всего этого, просто шел вперед, как бык, которому дали промеж глаз.

— Да, Рэйвен все же решился на вылазку к ограде, там они нас и подобрала, сначала Михея с тобой на руках, потом меня и Эриша...

— А Риона? — спросила, глядя на бывшего чаровника и перекатывая в ладонях черный камешек.

— А Рион, — ответил тот, — сам пришел. К вечеру.

— Вместе с седовласым, — кивнул Вит. — Принесли благую весть, что Дамир скончался. Рион, признайся, сами же пристукнули твоего учителя?

— Я не знаю, — горько сказал парень. — После того как они поняли, что мой резерв... мм... — он не сразу подобрал слово, — изменился, стали смотреть так, словно я вторую голову отрастил, да притом не человеческую, а жабью. Поэтому меня сведениями не баловали.

— Погодите, — прервал его Михей. — Вот разъясните мне, неучу, почему вы с Рионом колдовать можете, а Айка — нет? У вас нет резерва и у нее нет. Не понимаю...

Я согласно кивнула. Ибо тоже не понимала.

— У нас есть резерв, — ответил ему черно книжник. Худой, дырявый кувшин, пропускающий силу. Но он есть. А у тебя внутри, — мужчина посмотрел на меня, — что угодно, только не резерв чаровника. Твой кувшин растерли в пыль, и теперь вместо него у тебя яма, колодец без стен и дна. На фоне зеркальных даже черно книжники кажутся безобидными фокусниками. — Вит вздохнул и продолжил рассказ: — Нам дали сутки, чтобы убраться из Тарии и навсегда забыть дорогу обратно. В память о том, что мы вместе сражались с мировым злом. Как я понял, это инициатива Канстада, остальные нас вместе с Дамиром упокоили бы, чтобы свидетелей не было. Совсем как с тем Великоверижским скитом, еще бы и книгу красивую написали.

— Да, Канстад дал нам уйти и меня вывел из Веллистата. — Рион поднялся и посмотрел в окно.

— Значит, не все так плохо в государстве тарийском, пока там есть такие, как этот седой маг, — резюмировал Вит и тоже поднялся с кровати.

— Подождите. — Я поняла, что рассказ закончен. — А как мы оказались здесь? В замке твоего отца? Что за туман за окном?

— Приехали, — усмехнулся Вит, — сначала на телегах, потом взяли возок и карету. Ничего романтического, устали, как собаки. Нашли целителя в Полесце, плохонького, но он подлатал мне спину, и я дотянул до Темного Кряжа. Мы сейчас в нем. Здесь нами занялись врачеватели отца.

— Нами?

— Тобой и мной.

— И как?

— Ну как видишь, я на ногах, а ты. — Он вздохнул и, глядя на капельку артефакта в моей руке, продолжил: — Ты впитывала любую магию, как только с ней соприкасалась.

— Но Михей же... — испуганно начала я, чувствуя, как внутри что-то шевельнулось, что-то вечно голодное, но пока спящее.

— Впитывала, а не вытягивала. Ты не отбирала ее. Брала лишь то, что пытались дать. Зеркальный маг вытягивает силу из чаровников. А ты — накопитель, причем активный. Ты поглощаешь заклинания, как сотворенные, так и наложенные на предметы.

— То есть я — зеркальный накопитель?

— Видимо, да, — улыбнулся вириец. — Гроза всех амулетов и чар. Врачеватель очень удивлялся тому, что все его заклинания растворялись в тебе, а артефакты переставали быть таковыми. Мы думали, что ты уже и не проснешься, хотя целитель говорил, что ты не мертва.

— Вы так и везли меня спящую через туман? — выдохнула я.

— Да, так и везли. А туман... Болота близко. Хотя разве это туман, так, небольшая дымка. Вот будем на Вороньем мысе... там кончиков пальцев вытянутой руки не видно и воздух пахнет белым перцем, словно приправил кто-то...

Чернокнижника прервал тягучий дребезжащий звук, эхом отразившийся от стен и заставивший меня вскочить на лапы. Остальные отреагировали спокойно, лишь Михей нервно дернул щекой. Им этот звук был знаком.

— К ужину звонят, — тоскливо подтвердил мою догадку Рион. — А мы еще не переоделись.

— Теперича опоздаем, — убито вставил Михей. — И леди снова будет смотреть на нас как на засахаренных кузнечиков.

— Может, еще обойдется? — спросил Рион, хотя и сам в это не верил.

Михей подхватил арбалет и первым бросился к двери. Будущий чернокнижник, забывший на столе книгу, за ним. Лишь Вит остался стоять посреди комнаты.

— Кузнечиков? Переодеться? — Я подняла брови. — Нам тоже надо бежать?

— Нам — нет. Я распорядился, чтобы ужин принесли сюда. Иногда матушка чрезмерно подвержена условностям.

— Вряд ли кто-то из нас сможет ее порадовать. Происхождением не вышли, — пробормотала я, вставая с кровати и вспоминая, как в первый вечер в Хотьках Рион принес мне ужин в комнату. Воистину, нет ничего нового под солнцем.

— Не имеет значения. Они мои гости, а гостей в нашем доме усаживают на почетные места. Кишинт тоже поначалу путал вилку для десерта и ложку для рыбы, а теперь ничего, уже Оле учит...

— Оле здесь?

— Да. Они, кстати, решили пожениться.

— Кто? — не поняла я.

— Кишинт и Оле. Она от отчаяния, а он — из-за вины. Что из этого получится, непонятно, но оба уперлись лбами, мол, решение принято.

— Кишинт, Оле... Кули! — закричала я и подскочила к чернокнижнику. — Вы нашли Кули?

— Нет. Ищем, но пока... — Вит повернулся и развел руками. — Ох и огребем еще из-за того, что упустили демона!

— Но мальчишка же победил дасу! Смог убежать!

— Победил демона? — Чернокнижник усмехнулся и шагнул ближе. —

Вряд ли. Скорее, их желания совпали. Оба хотели сбежать. Вот и все. — Мужчина коснулся пальцем моего плеча.

— А когда найдете... убьете?

— Рад бы сказать, что нет, но... скорее всего, да. Если он будет сопротивляться. А дасу будет. Никто не станет приносить в жертву магов, чтобы взять эту тварь живьем.

Я посмотрела поверх плеча Вита на молочный туман за окном.

— Это так странно, — вздохнула тихо.

Мужская рука замерла, едва ощутимо коснувшись моей кожи сквозь тонкую ткань.

— Что странно?

— Все это. — Я оглядела комнату. — Все, что случилось потом, все, о чем вы рассказали. Словно кто-то писал песню о нас, а потом взял — и вычеркнул из нее строки. И теперь я не узнаю ни стихов, ни мелодии.

— Мне нравится, что ты сказала «нас». — Вит поднес свою руку к моему лицу и приподнял мой подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза. — Но должен разочаровать. Эта песня будет не о тебе и не обо мне. Песня, что скоро сложат менестрели, будет сказанием о...

— Михее, — догадалась я.

— Да, а мы будем всего лишь сподвижниками благородного героя.

— Вот и слава Эолу, — совершенно искренне ответила, обхватила пальцы Вита и отвела от своего лица. Этот простой жест причинил чернокнижнику боль. И я ее почувствовала. — Но что теперь, когда песня закончена? Когда последние куплеты допели без меня? Кишинт и Оле поженятся, Михей и Рион уедут учиться, а я? Учеба мне не грозит, я не маг. Замужество...

— Продолжай, мне уже интересно.

— Замужество не для таких, как я. Даже твой отец, увидев меня, ушел «готовить» твою матушку. Она ждет родовитую невестку.

— Она знает об особенностях нашей крови и смирится. Дед, например, женился на учительнице из пансиона.

— Ты переплюнул их всех, притащил домой помойную кошку.

— Мою помойную кошку.

— Вит...

— Айка...

Я отступила, отпустив его руку.

— Не надо, — попросил Вит.

— Ничего не получится, — все-таки не выдержала я. — Даже если ты попробуешь запретить меня в этой башне.

— Не запрю. Если дашь мне шанс. Шанс — это все, чего я прошу.

— Но боги...

— Плевать мне на богов. — Мужчина шагнул ко мне. — Они могут делать все, что пожелают. Я хочу поговорить о нас. Хочу знать, прежде чем выйду из этой комнаты, есть ли у нас шанс: у тебя и у меня?

Я хотела отвернуться, но он не дал, опять повернул лицо за подбородок.

— Когда ты смотришь на мои руки, твое лицо искажается. Ты вспоминаешь ту предрассветную улицу и блеск стали. — Я дернулась, но он держал крепко. — Знаю, потому что и сам все время вспоминаю об этом и гадаю, можно ли было поступить иначе.

— Нельзя, — прошептала я.

— Нельзя, — шепотом ответил Вит, склоняясь к моему лицу. — Ты не можешь забыть. Не можешь простить. А можешь ли понять?

— Я понимаю.

Мужчина закрыл глаза, и меня коснулось испытанное им облегчение, словно это чувство было чем-то осязаемым, чем-то, похожим на ветер, что теряется в листве.

— Уже легче. — Его губы замерли прямо напротив моих. — Выходит, ты можешь доверить мне свою смерть, но не можешь доверить жизнь?

— Я не хочу думать об этом, — ответила чистую правду.

— А придется. — Вит легонько коснулся моих губ, и кошка заурчала. — Я не отстану от тебя, пока ты не дашь мне ответ.

— Видимо, придется, — прошептала, заметив, что сама тянусь к его губам, чтобы еще раз ощутить их сладость. — А ты не боишься, что ответ будет отрицательный?

— Не боюсь. Я в ужасе. — Мужские руки легли мне на талию.

— Врешь, — прошептала я.

— Вру, — согласился чернокнижник. — Мы слишком хорошо чувствуем друг друга, чтобы врать. Итак...

— Я дам тебе шанс. — Вит зарычал и с жадностью приник к моим губам, прижимаясь всем телом, которое говорило куда больше любых слов. — Но... — Я едва нашла в себе силы, чтобы отстраниться. — Но я отправлю весточку бабушке.

— Уже, — прорычал он, наклоняясь.

— Скорее всего, она захочет приехать.

— В Темном Кряже всегда будут рады умелой травнице.

— А еще ты дашь мне свободу. Я не буду жить в этой комнате, ожидая твоего прихода по ночам... — Вит снова зарычал, на этот раз от

разочарования. — И... если ты снова захочешь убить меня, ты сделаешь это не из-за спины...

— А-ка, — прошептал мужчина севшим голосом, но я не дала ему договорить, положила пальцы на губы — какими же мягкими они мне показались!

— Не из-за спины, а так, как сейчас. Лицом к лицу. Я хочу видеть твои глаза, если... если...

«Если крышка, положенная Михеем на бездонный колодец алчности, слетит», — мысленно закончила я, но вслух продолжить не смогла. Подавилась жалостью к себе. И на миг сама себе показалась такой маленькой, такой несчастной, как в тот раз, когда хлебнула медовухи из кувшина.

— Даю слово, — прошептал Вит. — И еще даю это. — Его рука накрыла мою, ладонь кольнула магия, кожу обожгло металлическим холодом. Я опустила голову и увидела в руке нож Вита. От неожиданности пальцы разжались, и оружие тут же исчезло. Растворилось в воздухе.

— Но... но... Что это? Артефакт?

— Нет. Это родовой клинок. Теперь он твой. Я знал, что ты его перетянешь, едва коснувшись. Теперь, если я буду вот так же стоять напротив тебя, а ты увидишь в моих глазах приговор, будь добра, не медли. Я не хочу снова искать притвору.

— Притвору! — зарычала я, отстраняясь. — Она будет искать тебя! Будет мстить! Придет сюда и...

— Да ради Рэга, пусть приходит. За нее, между прочим, деньги заплачены.

— Пусть только попробует. — Я вдруг поймала себя на том, что рычу. Рычу прямо в смеющееся лицо Вита. Похоже, я уже дала ему ответ, даже не заметив этого.

А боги?

Боги пусть смотрят. Говорят, это приятно — смотреть на дело рук своих.

Ярославль

Июль 2018

notes

Примечания

1

Водянка — представительница народа вордов. — *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Демон.

3

Дин — серебряная монета.

4

Примерно тысяча шагов.

Бог жизни в Тарии.

Самый распространенный духовный сан в Тарии, обычно смирт — это служитель храма.

Нежить, по поверьям — переродившаяся душа умершего ребенка, как гласит молва, «нехорошо умершего».

8

Общее название нежити или нечисти, способной притворяться человеком, но при этом ни в коем случае не являться им.

Нечистые души.

Нечисть, один из видов нечистых животных. «Нечистость» животного определяется по наличию у того магической способности, например, чують магов, приносить несчастья, видеть невидимое, ходить по тронам между мирами и т. д.

Ворды — водяной народ.

Рэг — бог смерти в Вирийском княжестве, противопоставляется Эолу, не почитается в Тарии.

Нечисть с телами больших ящериц и головами, похожими на человеческие.

Отмеченный печатью Эола — награжденный магическим даром.

Вежливое обращение к девушке в Вирийском княжестве.

Медный черень — самая мелкая монета. 100 череней равны одному серебряному дину.

Мелкая домовая нежить. Прячет разные вещи и утварь так, что ее невозможно найти.

Смерть.

Къят — мера магической энергии.

Тесеи — горная гряда на юго-западе Тарии.

Белая Подгорица — главный город-храм в Тарии. В нем есть несколько монастырей, храмовый архив и семинария. Является официальной резиденцией Верховного Просвещенного.

«Дающий жизнь вещам», он же искусник — маг-артефактор.

Нечисть, животные, похожие на больших кротов, роют подкопы и проникают в человеческие жилища через подпол. Хищники, питаются мясом, предпочитают человеческое.

Единица измерения. 1 совар — 10 девар — 100 вар.

Уважительное обращение к женщине в Тарии.

Резиденция магов.